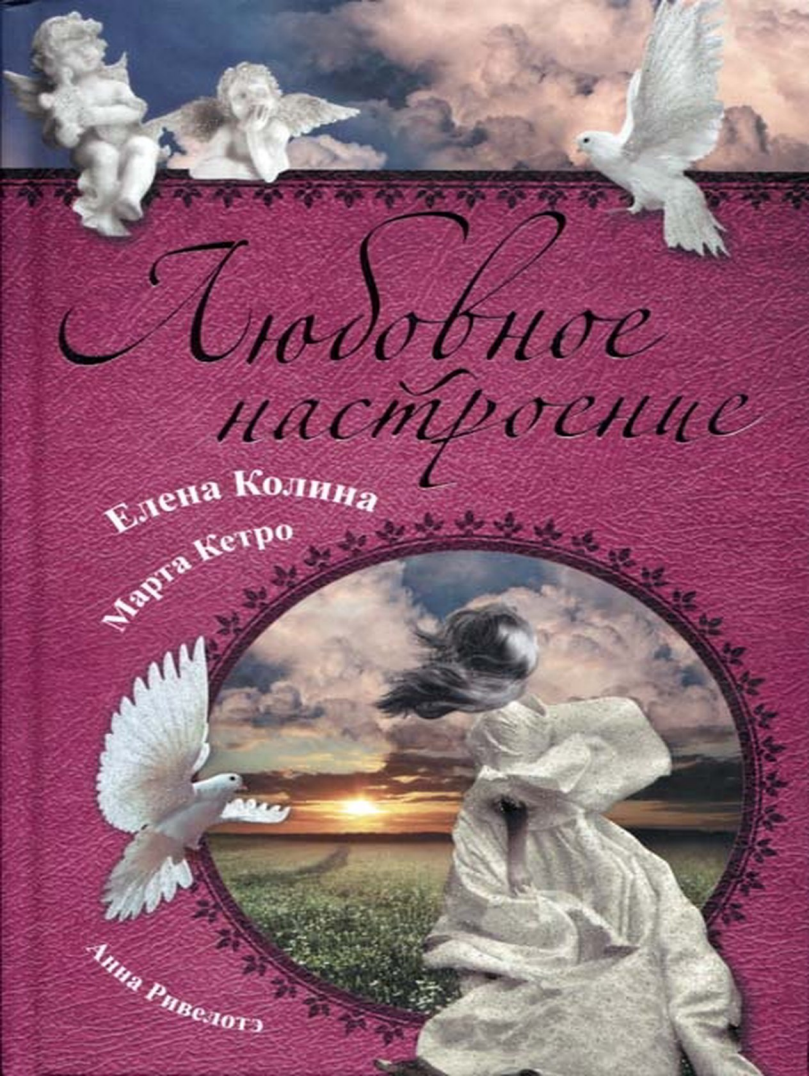
Любовное настроение

Елена Колина

Марта Кетро



Анна Ривелотэ

Любовное настроение (сборник)

Елена Колина, Марта Кетро, Анна Ривелотэ

Аннотация
Любовное настроение
Елена Колина. Любоф и друшба. Сочинение Лизы
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Марта Кетро. Когнитивный диссонанс
- 1. Печальная канарейка
- 2. Кросавчеги
- 3. Лена говорит
- 4. Виртуальные беседы
- 5. …и стаканчик мартини!
- 6. Лена и ее прошлое
- 7. Лена и ее прошлое (продолжение)

8. Лена и ее прошлое (окончание)
9. Случай развиртуализации
Глоссарий
Анна Ривелотэ. Книга Блаженств

Аннотация

Вы никогда не задумывались о том, насколько ваши представления о мире соответствуют действительности? Женщины-фиалки, хрупкие, дурманящие, нежные, существующие в плену собственных фантазий, - способны ли они вынести правду жизни, какой бы она ни была? Истории любви, истории жизни дробятся, срастаются и расслаиваются на тысячи зеркал, в них отражаются судьбы, и лица, и кубинское солнце, и венецианские каналы... Увлекательные, со всеми подробностями чувств и отношений, романы "ЛюбоФ и друШба" Елены Колиной, "Когнитивный диссонанс" Марты Кетро, "Книга Блаженств" Анны Ривелотэ!

Содержание:

Елена Колина. Любоф и Друшба

Марта Кетро. Когнитивный диссонанс

Анна Ривелотэ. Книга Блаженств

Любовное настроение

Елена Колина. Любоф и друшба
Сочинение Лизы

Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену…

Джейн Остен. Гордость и предубеждение

Все знают, что девушка, располагающая красотой, должна подыскивать себе мужа…

Я, Лиза

В тридцать лет кто замужем, тот замужем, а кто не замужем, тот не замужем.

Моя мама

Глава 1

Дома считается, что у меня легкий характер, и если есть недостатки, то обаятельные: я эгоистка, слишком чувствительная, очень обидчивая, и у меня излишне развито воображение. Мама говорит, что я отчего-то возомнила, что все должно происходить по-моему, и даже в ее жизни все должно происходить по-моему. Иногда я чувствую себя самым незначительным человеком на свете, а иногда мне действительно кажется, что я обладаю особой силой, могу влиять на события, двигать людьми, как шахматными фигурами, как будто все вокруг — персонажи романа, а я одна настоящая. Мама говорит, что в юности люди часто думают, что они управляют миром, но скоро я пойму — не я управляю миром, а мир управляет мной. Не знаю, что она имеет в виду, я не позволю никому мною управлять!..

Вне дома считается, что у меня тяжелый характер: упрямая, с большим самомнением, с перепадами настроения, то чересчур общительная, то замкнутая.

Меня очень волнует, как все эти черты могут сочетаться в одном человеке и какая же я на самом

деле? Мама говорит, что я слишком интересуюсь собой. Иногда я очень себя люблю, иногда ненавижу, а иногда люблю и одновременно ненавижу. Мама говорит, что в этом нет ничего страшного, что каждый человек в юности любит себя страстно, но неразделенной любовью. Не знаю, что она имеет в виду, но я — не каждый человек!..

Деление на тяжелый и легкий характер неправильно, упрощенно. Каждый человек представляет собой не одну застывшую монолитную личность, а несколько личностей, и чем ярче выражен каждый тип личности, тем человек ярче и интересней. И если посмотреть результаты моего теста — это не глупый тест из глянцевого журнала, а научно выверенный при помощи математической статистики, — во мне много разных типов личности!

Я люблю быть одна, я очень люблю быть одна — в одиночестве можно думать без помех и делать все, что хочется. Но… что, собственно говоря, может помешать мне думать и чего я могу захотеть, что я непременно должна делать наедине с собой — есть варенье из банки руками или танцевать в маминой длинной юбке перед зеркалом?.. Я ненавижу быть одна.

Но люблю я одиночество или ненавижу — это

факт моей личной жизни, а не биографии, потому что на самом деле мне совершенно невозможно побыть одной. В семье главное — любовь и внимание друг к другу, и у меня… у нас все это есть, и даже в избытке.

Говорят, что большие семьи ушли в прошлое. В прошлом остались милые семейные традиции: вечернее чаепитие на веранде под абажуром, чтение вслух, домашние спектакли, непритязательное музицирование — одна сестра играет, другая поет, третья переворачивает ноты, четвертая мечтательно смотрит вдаль… Прелестная картинка!

Но мы в нашей семье стараемся сохранить эту трогательную патриархальность — а что же нам еще остается, если наша семья еще не ушла в прошлое, если нас четверо, четыре сестры?..

Теплым майским вечером мы сидели на веранде и наслаждались кто чем: Женя любовалась цветущими в саду яблонями, Мария, как обычно, что-то читала, я… чуть не сказала «вышивала»… я читала книгу «Математический анализ и линейная алгебра».

А вот и домашний спектакль!

На веранду влетела Лидочка, прижимая к груди голубую кофту, и тут же вскочила Мария с

возмущенным, но уже готовым к отступлению криком:

— Отдай, отдай, это моя кофта! Это мама мне купила!

— Нет, моя! — Лидочка спряталась за кресло и показала язык: — Бе-е, ме-е, рева-корова!

— Я не рева-корова. Дело не в кофте, а в принципе. Тебе, Лидочка, всегда достается все лучшее… Это несправедливо и прежде всего идет во вред тебе самой, — поучительно произнесла Мария.

Лидочка, не выходя из-за кресла, натянула на себя измятую в боях кофту, удовлетворенно улыбаясь, повертелась перед нами:

— Красиво? По-моему, супер!

Женя послушно кивнула, любуясь Лидочкой, притянула Марию к себе, прошептала:

— Я подарю тебе свои серьги, те, что тебе нравились, хочешь?

Мария заплаканно вздохнула — хочет. Уселась в кресло и принялась читать, но тут же подняла голову от книги, значительно сказала:

— Сенека говорил, что доказательства свойств характера можно извлекать из мелочей. Так вот, Лидочка всегда выбирает из вазы самое большое яблоко, всегда отнимает у меня новые вещи… Вывод: Лидочка — нахальная эгоистка.

Вот уж открытие. Если бы Сенека был знаком с Лидочкой, ему не нужно было бы извлекать доказательства свойств ее характера из мелочей, он мог бы просто сразу же признать: Лидочка — нахальная эгоистка.

Лидочка — нахальная эгоистка, обаятельная даже в своем эгоизме, а бедная Мария — необаятельная неэгоистка. Мария с детства отличница по всем предметам — ей были одинаково интересны математика, история, физкультура, пение, и она всегда как будто с поднятой рукой и снисходительно смотрит на всех со стороны, как отличница на прогульщиков. Неужели стремление к знаниям делает людей необаятельными?

— Зато я добьюсь в жизни всего… — убежденно сказала Мария.

— Чего? — смешливо спросила Лидочка. — Чего ты добьешься, ботаничка?

Ботаник — это подвид Homo Sapiens, любит учиться, встречается в библиотеках, музеях, часто носит очки.

— Что ты там изучаешь? Кому нужна эта твоя онто… чего?

Мария учится на философском факультете, и ее будущая специальность — «онтология и теория познания». Для постороннего уха это звучит

немного странно и неконкретно, как будто Мария — средневековый ученый-схоласт. Отец говорит, что для ученых-схоластов было характерно досконально изучение вопроса со скрупулезным рассмотрением всех возможных случаев и высокая культура цитирования, — это характерно и для нашей Марии. Она постоянно цитирует и досконально изучает мир вокруг себя — у нее есть все энциклопедии, которые можно найти в книжных магазинах, включая энциклопедию вин и энциклопедию секса. Зачем ей энциклопедия секса — загадка, но уж такая она, наша Мария, — хочет все узнать и систематизировать.

— Онтология нужна всем! — возразила Мария. — Онтология — это эксплицитная спецификация концептуализации, где в качестве концептуализации выступает описание множества объектов и связей между ними. Формально онтология состоит из понятий, терминов, организованных в таксономию, их описаний и правил вывода… Аристотель считает, что…

— А-а! — зажав уши, завизжала в ответ Лидочка. — Замолчи, замолчи!.. — Лидочка вертелась, улыбалась и корчила смешные рожицы. — Я и без учебы добьюсь побольше твоего…

— Добьешься того, что станешь проститут-

кой, — пробурчала Мария, и Лидочка юлой бросилась к ней, выхватила учебник философии и, запрыгнув на кресло, весело заверещала:

— Я — проституткой?! А ты даже еще не целовалась! Тебе больше ничего не остается, только учиться! Тебе уже восемнадцать, тебе уже надо иметь целую кучу любовников, а ты еще даже не целовалась, ха-ха-ха!

— Не нужна мне твоя куча!.. И целоваться мне не надо…

— Врешь, целоваться всем надо!..

— Сама ты врешь, идиотка!

— Зануда, очкарик, а ну-ка попробуй отними свою дурацкую философию… Ой, мамочки! — вскричала Лидочка. — Женя! Эта дура Мария меня ущипнула!..

— Девочки, не ссорьтесь… — тревожно сказала Женя.

Мы стараемся поддерживать милые семейные традиции, потому что нас четверо, четыре сестры. Отчего же четверо, так несовременно много?.. Нас четверо не по родительской беспечности, не по религиозным соображениям, но потому, что родителям очень хотелось мальчика (как будто мы аристократическая семья и нам требуется наследник родовых земель), они все ждали и

ждали мальчика, а у них рождались мы.

Зато они могут утешаться тем, что мы, девочки, настолько разные, что некоторых из нас можно было бы считать мальчиками, например меня, — по выбранной мною профессии, а не по сексуальной ориентации. Если бы мама слышала, как я шучу, она была бы недовольна, — она считает, что я слишком много смеюсь, говорит «смешно дураку, что нос на боку», говорит, что я глупо шучу. Но у меня бывают в среднем три смешные мысли в минуту, а одна-две глупости на три смешные мысли не так уж много.

В нашей семье, как положено во всякой большой семье, имеется одна настоящая красавица — старшая, Женя. Она красавица не только по семейным меркам — быть красавицей по семейным меркам немногого стоит, — наша Женя действительно красавица.

Как описать красоту? Глаза, нос, рот — это ни о чем не говорит… Женя — золотая и розовая. Золотоволосая, с нежным розовым лицом, голубыми глазами, прозрачной кожей и такая аккуратная, что к ней можно приклеить надпись «стерильно». Но при всем этом кукольном антураже Женя не похожа на Барби, а похожа на ангела. У нее на лице проступает душа, и впечатление сте-

рильности создается не от ее нечеловеческой аккуратности, а от чистоты ее души.

Тогда вопрос: почему Женины фотографии не украшают страницы модных журналов, почему она не модель, не актриса, не светская львица, не жена какого-нибудь олигарха и вообще ничья не жена? Да просто потому, что у каждого своя судьба. Женя не модель, не актриса, не светская львица и вообще не львица, Женя — застенчивый ангел.

Считается, что если девушка красива, то счастье или хотя бы личная жизнь у нее в кармане. Как бы не так! Женя — красавица, ее красоту и духовное совершенство оценит любой, но где он все это оценит?

Советы глянцевых журналов Жене не подходят: Женя слишком взрослая и сонная, чтобы ходить в ночные клубы (даже если считать, что именно в ночной клуб молодой человек отправится в поисках серьезных отношений), она не посещает дорогой фитнес-клуб, где могла бы встретить свою любовь на беговой дорожке, у нее нет машины, чтобы сделать вид, что она сломалась, и чтобы какой-нибудь прекрасный принц ее починил… Остается только знакомиться на улице, но есть девушки, с которыми знакомятся на улице,

а есть Женя. Ею можно любоваться издали, к ней никто не подойдет.

К тому же она работает в максимально неинтересном в смысле женихов месте — медсестрой в детской поликлинике. И даже там, в поликлинике, она не на людях, а в закрытой от взглядов лаборатории, делает клинический анализ крови и другие анализы. Так что даже если какой-нибудь олигарх или светский лев случайно принесет на анализ свою баночку в детскую районную поликлинику на Петроградской, он все равно не увидит розово-золотую красавицу, которая занимается его баночкой.

Почему у Жени такая ненарядная профессия? «Но ведь без анализов врачи не могут правильно поставить диагноз», — говорит Женя.

Не то чтобы Женя была тупицей, которой ничего не оставалось в жизни, кроме баночек. Она примерно училась в школе, но как ни заставляла ее мама поступать на престижный факультет менеджмента, обещая ей, что в этом случае она выйдет замуж за всех директоров иностранных компаний сразу, наша нежно-улыбчивая тихоня вдруг обернулась непослушницей и тайком отправилась учиться на медсестру. Это было странно — чтобы Женя перечила маме?! Она

была так тиха и упряма, как будто знала что-то важное, но что? Что без анализов врачи не могут правильно поставить диагноз?..

Женя слишком романтичная. Я люблю Женю больше всех на свете, но когда она взволнованно лепечет что-то о духовной близости, о любви-единственной-на-всю-жизнь и тому подобной сентиментальной чепухе, я готова ее укусить! Наивность, робость, восторженность — весь этот прелестный набор барышни девятнадцатого века сейчас не пригоден и даже опасен… Хотя, если что, у этого глупого романтического зайца всегда есть я.

Ох, чуть не забыла — Жене двадцать четыре года, Женя у нас на выданье.

Следом за Женей я — мне двадцать один. Женя — красавица, а я, я кто?.. Не знаю, как определить мое амплуа. Не красавица, тогда, может быть, умница?.. Я учусь в университете на прикладной математике, на кафедре «Теория вероятности и математическая статистика», мой диплом называется «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика»…Нет, все-таки умница у нас Мария.

Лидочка уверяет, что Марии только и остается быть умной, потому что она «очкастая занудли-

вая уродка». До трех лет Мария была Машей, но в три года она надела очки и потребовала называть ее Марией. Мария действительно классическая дурнушка: маленькие глазки, толстенькие щечки, носик картошечкой. Но она обязательно похорошеет с годами, ведь с годами на лице отражаются личностные качества человека — на ее лице отразится ум, а также Сенека, Шопенгауэр и другие философы.

У нас никогда не было репетиторов, домашних учителей и даже возможности заниматься в кружках — мы ведь живем за городом, но на чердаке нашего дома огромная библиотека из семьи отца, так что те из нас, у кого было желание развиваться, имели эту возможность. «Те из нас» — это Мария. Мария читает как дышит, она читает всегда, не книгу, так учебник.

Ну, а те из нас, кто хотел бездельничать, имели полную возможность вырасти совершенно невежественными девчонками, — Лидочка, к примеру, считает, что Сингапур находится в Индии, а сказку про Буратино написал Лев Толстой.

— Вы еще не знаете, а я иду в ночной клуб, — торжественно заявила Лидочка. — Меня пригласил один человек.

— Один человек — некрасивый, лопоухий, ни-

же Лидочки ростом… — мстительно отозвалась Мария и с надеждой добавила: — Мама тебя не пустит в клуб…

Лидочке пятнадцать лет, она учится в престижной гимназии на Петроградской, маме стоило больших трудов отдать ее туда, но она считает, что самое важное — с самого начала иметь «приличные знакомства», а не прозябать в обычной школе среди обычных детей, как когда-то мы с Женей и Марией.

— Ничего не лопоухий!.. — надулась Лидочка.

Лидочка… Отец говорит, что в Лидочке виден пылкий темперамент и умение во всем найти собственную выгоду. Лидочка… нет, лучше я пока не стану окончательно определять ее амплуа, она ведь еще ребенок, а ребенку можно извинить легкомыслие, эгоизм, стремление к развлечениям и страстную любовь к платьям, кофточкам, белью, туфелькам, сумочкам… Трудно сказать, к чему Лидочка не испытывает страстной любви… возможно, к мужским фетровым шляпам. Да, пожалуй, к мужским шляпам она равнодушна. Так что у Лидочки есть шанс перемениться к лучшему.

Лидочка учится в девятом классе, но мы уже обсуждаем ее выпускное платье, а также выпуск-

ные туфли, выпускное белье — все выпускное, кроме выпускных экзаменов. Ну, а где Лидочка будет учиться дальше — об этом мы, как говорила Скарлетт, подумаем завтра. Пока что семейные амбиции по поводу Лидочкиного образования сводятся к тому, чтобы ребенок получил аттестат зрелости.

— Лидочка, хочешь, я расскажу тебе, что мужчины ценят во внешности женщин? — вкрадчиво сказала Мария. — А ты мне за это…

— Что ценят мужчины, что? — жадно спросила Лидочка. — Ну скажи, ну пожалуйста… Хочешь, я за это дам тебе надеть твою голубую кофту?.. Хотя тебе все равно не идет голубое, ты брюнетка, а я блондинка!

— За это ты сегодня ночью не будешь орать, чтобы я выключила свет, и дашь мне спокойно почитать хотя бы до утра…

— Хорошо, но тогда ты поможешь мне накрутить бигуди перед сном, а утром накрасишь мне губы, а то у меня не получается ровно, — торговалась Лидочка.

Я не знаю, как эта странная парочка — Мария с книжкой и Лидочка с помадой и бигуди — существует в одной комнате, разве что Мария по ночам привязывает Лидочку к кровати и читает

ей из древнегреческих авторов, а Лидочка накручивает Марии тайком волосы на бигуди и мажет губы помадой.

— Так вот. В Америке был проведен опрос с целью определить, что мужчины ценят во внешности женщин, — важно сказала Мария. — Было опрошено десять тысяч человек, и вопреки распространенному заблуждению выяснилось, что мужчины предпочитают брюнеток.

— Брюнеток? Не может быть! — разволновалась Лидочка.

— Также были развенчаны и некоторые другие мифы. — Мария демонстративно оглядела Лидочку. — Например, значительная часть мужчин не одобряет косметику. Ногти ярко-красного цвета, как у тебя, Лидочка, также несут отрицательный заряд. Опрошенные считают, что накрашенные девушки поверхностные или тупые и не способны составить счастье приличного молодого человека.

— Мне и самой такие мужчины не нужны. Так могут считать только ботаники, — уверенно ответила Лидочка.

— А мне не нужны другие. Я хочу, чтобы мужчина мог поговорить со мной о… например, о Шопенгауэре, — упрямо сказала Мария. — Ну, и

чтобы он был красивей, чем у тебя.

Чаще всего наши разговоры клонились к мужчинам, и мы уже давно выяснили: для Жени главное в мужчине — доброта, для Лидочки — чтобы было весело, для Марии — ум и чтобы было как у Лидочки. У Марии сложное отношение к Лидочке — она постоянно учит Лидочку и делает ей замечания, но одновременно соперничает и пытается подражать.

— У меня будет красивый муж, а у тебя некрасивый, потому я красивая, как мама, а ты очкарик, — по-родственному откровенно заявила Лидочка.

Наши родители оба красивые. На молодых фотографиях видно, что мама была хорошенькая, как кукла, но про взрослую женщину не говорят «хорошенькая», с возрастом у кукол миловидность облетает и остается лицо. Мама с возрастом стала хуже, на ее лице выступила простоватость, а отец — высокий лоб, умные печальные глаза — становится лучше и лучше.

Странная игра природы в нашей семье: Женя взяла от родителей самое лучшее, золотистой красотой удалась в мать, а тонкостью черт — в отца. Женя — красавица, мне выпал утешительный приз — «видна порода», Мария — откровенная

дурнушка, а к Лидочке перешли мамины цветущая миловидность и простоватость.

И еще — в Лидочкиных чертах лица проступает что-то… Если бы Лидочка не была моя младшая сестра, я бы сказала, что у нее порочный рот. У мамы бывает такой рот, когда она чего-то очень хочет и знает, как это получить. Но у мамы это проявляется лишь иногда, а у Лидочки всегда.

— Мне все говорят, что я красивая, — настаивала Лидочка.

Лидочка очень озабочена своей внешностью, но ее нельзя за это ругать — она еще ребенок. Когда я была младше, я тоже тщательно перебирала все отзывы о себе.

Ангел Женя говорит, что я о-очень красивая, но я не дура, чтобы поверить ей. Лидочка повсюду болтает, что все ее сестры, кроме Жени, чучела, значит, я все-таки чучело…

Учителя в школе говорили — «в этой девочке видна порода», но что это — порода? Длинноватый нос с горбинкой, высокий лоб, круто вырезанные губы, зеленые глаза и темно-рыжие волосы, не того цвета, за который дразнят «рыжий-рыжий-конопатый», а лисьего, — это порода? Я так долго рассматривала себя в зеркало, что мне начинало казаться, что девочка в зерка-

ле — не я. И я мысленно описывала эту чужую девочку как будто другого человека: треугольное личико, глаза на пол-лица, немного слишком большой яркий рот, в общем, очаровательное лицо с неправильными чертами… Но все это было, когда я была подростком, и я уже давно не создаю пленительный образ себя, а просто смотрю в зеркало и вижу — мило, но ничего особенного.

— Девочки, вы не представляете, что у нас случилось! — Мамин голос звучал откуда-то сверху, словно ее дух парил в воздухе, и это был очень взволнованный дух. — Девочки, вы не представляете, что у нас случилось! Лидочка, солнышко, как тебе идет кофта Марии! — Честное слово, мама произнесла эти слова, еще не появившись на веранде, — как она могла увидеть?

Впрочем, даже если мамы нет с нами в комнате, то она все равно есть, потому что мама у нас везде. Каждое слово, сказанное нами, становится ей известно, и каждый шепот, и каждая мысль… Это можно объяснить специальными свойствами пространства и времени, акустическими эффектами, а также маминым прекрасным слухом. Возможно, все еще проще: каждая из нас, кроме меня, секретничает с ней о своем и вольно или невольно выдает остальных. Или совсем просто:

у мамы имеются шпионы, внедренные ею в наши головы.

На веранду вошла запыхавшаяся мама.

— Ох, мои дорогие, и еще раз ох. Лидочка, деточка, иди, я тебя поцелую.

Лидочка — мамина любимица, но мы почти не ревнуем, за пятнадцать лет привыкли.

— Сейчас вы все узнаете. Мы должны прямо сейчас все обсудить на семейном совете и выработать план. Где ваш отец?

Мама — бывшая хорошенькая куколка с печатью простоватости на лице. Мама — крупная женщина с властным лицом и тяжелой гривой волос. Мама — пышная легкомысленная красавица, из тех женщин, что никогда не перестают ощущать себя красавицами. Мама — располневшая растрепа домохозяйского типа в застиранном халате. Мама — женщина-подросток с волосами, завязанными в хвост, в джинсах и черном свитере.

Да-да, мама — хамелеон. У нее удивительная способность менять имидж в зависимости от обстановки. Затянутая в строгий костюм мама выглядит как руководитель завода или депутат, глядя на нее в кофточке с кружевными оборками, все говорят «а-ах!» — так жарко она пышет зрелой

красотой, а в джинсах мама каким-то чудом кажется худенькой и меньше ростом и приобретает богемно-интеллигентный вид.

Сегодня мама выглядела властной и хлопотливой — это ее домашний имидж, в этом имидже она обычно выходит из дома по мелким надобностям — навестить соседей или в магазин.

— Где ваш отец?! — требовательно повторила мама.

Мама всегда так искренне возмущенно спрашивает «где ваш отец?!», словно не знает, что мы всегда внизу, а отец наверху. Наша жизнь протекает внизу — на первом этаже у нас кухня, гостиная, веранда и маленькие комнатки неизвестного назначения, в одной из них кладовка для овощей, в другой кладовка для лыж, в третьей кладовка для секретов — там стоит диванчик и можно протиснуться боком, упасть на диванчик прямо от двери и посекретничать. На втором этаже спальни — звучит, как будто речь идет об английском загородном доме, а на самом деле это три крошечные комнатки, — моя с Женей, Марии с Лидочкой и мамина. Мы — на первом этаже и на втором, а отец на третьем, в голубятне. Отец проводит весь день и весь вечер, а иногда и всю ночь у себя наверху, в кабинетике — крошечной

каморке, до потолка заполненной книгами и бумагами.

Наш отец — знаменитый ученый, один из лучших византинистов в мире. Правда, знаменит он только среди ученых-византинистов, а это очень узкий мир, — отец говорит, что византинисты малочисленны, как дальневосточные лесные коты. Отец — единственный ученый в мире, который специализируется на периоде от начала крестовых походов до падения Константинополя.

Интерес к истории и культуре Византии очень большой — я могу судить об этом по тому, что каждый год за отца борются несколько европейских и американских университетов — предлагают прочесть курс лекций. Также я могу судить об этом по огромной переписке — отцу приходят письма со всех концов мира. Отец отвечает на все письма, не только коллег и студентов, но даже маленьких любопытных мальчиков. Ну, и наконец, я могу судить об интересе к Византии по грантам, которые получает отец. Гранты идут на Лидочкины кофточки и остальные нужды; к примеру, недавний грант на изучение истории Никеи и Трапезунда был использован на ремонт крыши, мамину нутриевую шубу и новый диван… Гранты — это как бы зарплата отца за то, что

он всегда сидит наверху, в своем кабинетике.

Я поднялась к отцу и попросила его спуститься вниз.

— Мама хочет сообщить всем нам что-то очень важное. Она сказала, твое присутствие обязательно.

— Передай своей матери привет, — вежливо ответил отец, глядя на меня.

Этот его подчеркнуто внимательный взгляд на собеседника означает, что отец находится между 395 и 1453 годами — временем существования Романии. Романией называли Византию сами византийцы, и так называют ее многие историки.

— Ты подумай, Лиза, в этой статье одной из главных причин поразительных военных успехов арабов в борьбе с Романией и Персией в седьмом веке называют религиозный энтузиазм, и это после всех споров и достоверных доказательств обратного!

— Мама… — настойчиво растолковывала я, — мама, мама, мама…

Отец кивнул:

— Да-да. Совершенно не учитывают того, что Аравия находилась в безвыходном экономическом положении, и арабам необходимы были новые территории! Пусть это не единственная

причина военных успехов арабов, нужно принять во внимание условия жизни византийских восточных и южных провинций — прежде всего то, что они были монофизитскими, но…

Я понимала, как это важно для отца, ведь после арабских завоеваний Византийская империя занимала всего лишь территорию Греции и Малой Азии, тогда как до этого — все провинции Римской империи, Египет в Африке, а в Европе Фракию, Дакию, Эпир… Но мама хотела сообщить свою новость максимально торжественно, поэтому я еще несколько раз ходила парламентарием наверх и обратно.

— Передай своему отцу, что я требую его присутствия на семейном совете!.. Скажи, что это касается девочек, их жизни… и смерти!..

— Передай своей матери, что я не собираюсь спускаться вниз по пустякам.

— Передай своему отцу, что он у меня узнает, как не являться на семейные советы… Скажи, что я сейчас поднимусь и выкурю его оттуда, как старую хитрую лису!.. Кстати, у лис очень развит материнский инстинкт. И отцовский, думаю, тоже. Даже лисы, казалось бы, совершенно дикие звери, и то не так равнодушны к своим девочкам, как он! Так и скажи — ему не удастся увильнуть

от моей новости, я сейчас сама за ним приду!

Это была пустая угроза — отец чувствовал себя в полной безопасности. Единственная власть, которую он имеет в семье, это решительный запрет для всех заходить в кабинетик, для всех, кроме меня, — отец выбрал меня как связь с внешним миром. По понедельникам заходить в кабинетик разрешено маме, а девочкам, моим сестрам, — никогда. Отец держится со всеми нами ровно, никого не выделяя, и посторонний человек ни за что не догадается, что к Марии и Лидочке он относится иронически, к Жене ласково, но снисходительно. Только со мной отец разговаривает на равных, как со своим другом, я всегда была папиной дочкой, с детства обожала слушать его рассказы — гонки на колесницах, императоры, Цистерна Базилика… Цистерна Базилика звучит волшебно, это одно из самых крупных сохранившихся с древности водохранилищ, в нем нашли сорок цистерн.

— Мама очень просит, на одну минутку, и обещает больше никогда не беспокоить…

— Лиза, мне только что показалось, что твоя мать оставила меня в покое. И тут я обнаружил, что это опять ты с ее поручением. Однако я не имею права полностью отвергнуть и преды-

дущую версию, что тебя здесь нет и твоя мать позволила мне заниматься своими делами, — закрывшись от меня рукой, произнес отец.

Отец похож на классического ученого из старого кино, рассеянного чудака, чрезвычайно далекого от происходящего. Изредка я замечаю у него короткий острый взгляд, и тогда мне кажется, что отец все видит и понимает, но за этим тут же следует беззащитный нервный жест — отец выставляет ладонь у лица как защиту, как будто закрывается от всех.

— Скажи ей, что я заснул, умер, придумай сама, что хочешь, — бессильно сказал отец и внезапно изменившимся нежным соблазняющим тоном продолжил: — Хочешь, поговорим об аваро-славянском нападении на Балканские владения? В шестьсот шестнадцатом году при Ираклии?

Я спустилась вниз и доложила:

— Папа передал, что он обязательно спустится попозже, и просил начинать семейный совет без него.

— Ваш отец!.. Я больше не в состоянии жить в таком страшном одиночестве! — вскричала мама. — Я все сама, все одна…

— Но, мамочка, он же работает, — нежно возразила Женя. — Не сердись на него.

— Не сердись, — поддержала Мария. — Шопенгауэр утверждает, что умственный труд делает человека непригодным к заботам действительной жизни, особенно в обстоятельствах, требующих энергичной практической деятельности.

— Ну… если уж даже Шопенгауэр… — нерешительно протянула мама. — Ну, хорошо. Раз вашему отцу нет до вас дела и Шопенгауэр его поддерживает, я опять возьму все на себя.

Ангел Женя удивляется, как я могу подмечать смешные черточки в отце и маме. Говорит, что любовь к родителям немыслима без уважения, почтения и так далее. Глупый ангел! Любовь без почтения ничуть не меньше!.. Хорошо, что нас четверо, и маме с отцом достается от всех нас разная любовь — и с почтением, и без!

— Вот что я вам скажу, мои дорогие: мы на пороге новой жизни, — возбужденно сказала мама, она любит говорить красиво. — Вы ни за что не угадаете, что мне сказала Ирка!.. Ну, приготовьтесь — раз, два, три — ку-пи-ли Дом.

Ирка — это тетя Ира, наша соседка и мамина подруга, она первая узнает обо всем, что происходит вокруг, а Дом…

Здесь нужно кое-что объяснить. Мы живем

не в Петербурге, а в Лисьем Носу, ближайшем пригороде Петербурга, поселке на берегу Финского залива. Лисий Нос старше Петербурга, ему пятьсот лет.

Лисий Нос — это почти город, от Лисьего Носа до метро «Петроградская», то есть до центра Петербурга, всего двадцать минут на машине или маршрутке, если без пробок. И вся наша жизнь протекает в Петербурге. Лидочка учится в гимназии на Петроградской, Женя работает в поликлинике на Петроградской, Мария и я учимся на Васильевском острове. Правда, первые два курса я училась в Петергофе — математический факультет частично находится в Петергофе, по другую сторону города, и страшно вспомнить — на дорогу в университет у меня уходило три часа, но чего не сделаешь из любви к теории относительности.

Теперь самое важное. Дело в том, что Лисий Нос — особенное место. Этот ближайший к Петербургу поселок у Финского залива — очень престижное место, как московская Рублевка. Земля здесь очень дорогая, и цену на землю знает каждый местный мальчишка, бегающий по лужам в резиновых сапогах, — не так давно жители поселка изумлялись тому, что сотка стоит пять

тысяч долларов, потом сотка стала стоить десять, а теперь пятьдесят тысяч долларов.

Самую большую ценность представляют участки у залива. От залива пахнет плесенью, купаться в заливе нельзя, осенью и зимой такие страшные ветры, что кажется, наш дом вот-вот унесет в Волшебную страну, но земля у залива самая дорогая, а мы живем у самого залива.

Это означает, что наш огороженный покосившимся забором участок в двенадцать соток — две сосны, пять яблонь, куст красной смородины и клумба с нарциссами — стоит полмиллиона долларов. Маму это очень занимает, она, как все старые жители поселка, пристально следит за ценами на рынке недвижимости и удовлетворенно оглядывает свои сотки земли, словно пересчитывает деньги в кармане.

Мама любит обсудить, как мы распорядимся нашим виртуальным полумиллионом долларов, прикинуть, какую недвижимость в мире она может приобрести за наши двенадцать соток — две сосны, пять яблонь, куст смородины и клумба. Любит прийти с газетой и, деловито прищурившись, усталым голосом сказать: «Не знаю, что нам лучше купить — виллу в Чехии или апартаменты в Испании?..» В общем, мама, как и все жители

Лисьего Носа, чувствует себя властелином мира.

Несмотря на заоблачные цены на землю, Лисий Нос вовсе не выглядит как роскошное курортное поселение, Лисий Нос выглядит странно и негармонично — как человек во фраке и купальных трусах. У нас есть все: роскошные особняки, замки с башнями, дворцы с колоннами соседствуют с несчастными скрюченными избушками и со скромными, из последних сил держащимися деревянными домами с облупившейся краской, как наш дом.

Такое разнообразие объясняется очень просто — земля потихоньку раскупается и застраивается, но именно потихоньку. Кто-то, как мы, просто живет в своих домах и не собирается никуда переезжать, кто-то не хочет продавать свой старый домик без водопровода и туалета — цены на землю так быстро растут, что люди боятся продешевить, продать дешевле, чем завтра продаст сосед. А некоторые участки просто невозможно продать — заброшенные дома, запутанные семейные истории, потерянные документы… просто раздолье для детективных историй в духе Агаты Кристи. Поэтому основная часть Лисьего Носа все-таки «старая», и особняки своей каменной роскошью как будто насильственно вкраплены в

покосившуюся деревянную жизнь.

В поселке две жизни. Первая, патриархальная, которую ведут старые жители, — посплетничать у магазина, все про всех знать. В этом обществе есть своя иерархия, в которой мама занимает одно из первых мест. Вторая жизнь, за огромными кирпичными заборами, протекает отдельно от поселка, но жители поселка прекрасно осведомлены и о ней — потому что, как говорит мама, «от людей же никуда не скрыться».

Так вот, Дом. Этот дом всегда называли с особой почтительностью — Дом, и всегда было понятно, когда говорили о чьем-то просто доме или же о Доме. Огромный, в половину гектара участок в соснах, бесконечная кирпичная ограда, причал и сам Дом — красивый, нисколько не похожий на краснокирпичные крепости, построенный как старый господский дом, и только одно напоминает о современности — бассейн со стеклянным куполом и стенами: плаваешь и видишь залив. Но там никто не плавал.

Мы имели к Дому самое непосредственное отношение — у нас был общий забор. Дом был обнесен высоким кирпичным забором, украшенным коваными решетками, но между нами забор был деревянный — высокий, плотный,

без просветов, но деревянный, — тут проявился такт бывшего владельца, который был дружен с мамой и не захотел, чтобы на нашем скромном участке с одной стороны выросла кирпичная стена до небес, как Великая Китайская стена. Так что три стороны нашего забора были старые деревянные, а четвертая новая, и за ней — Дом.

Но это еще не все. Дом был построен на огромном, как парк, участке, но расположен так близко к нашему забору, что из окон второго этажа было видно как на ладони все, что происходит за чужим забором, вокруг Дома, и при желании можно было даже разглядеть, что происходит в самом Доме.

Разглядывать, впрочем, было нечего — хозяин давно жил за границей, Дом был необитаем и так долго стоял пустым, что мы привычно обходили его взглядом, считая принадлежностью пейзажа вроде горки или рощицы, и вдруг… Неужели этот особняк купили? И кто же наши новые соседи?

— Женя, в первую очередь это касается тебя… Потом Лизу… — взволнованно перечисляла мама.

— Но при чем здесь мы? Почему нужен семейный совет? — удивленно спросила Женя. — Почему мы на пороге новой жизни?

— Все я, всегда все я… — вздохнула мама. — Девочки, вы хотя бы понимаете, что все всегда я? Я обо всем за вас думаю, обо всем волнуюсь… Вы что, не понимаете? Дом купил мужчина! Неженатый! А сейчас в Доме поселились двое мужчин! И второй, я точно не знаю, но может быть, он тоже не женат. Мы должны немедленно завязать отношения.

Ох… Сейчас мама деловито скажет, что мы должны как можно чаще попадаться им на глаза, главное, конечно, Женя, но я тоже, хотя с моим характером лучше никому не попадаться на глаза…

— Женя, ты должна как можно чаще попадаться им на глаза, — деловито сказала мама, — и ты, Лиза, хотя с твоим характером лучше никому не попадаться на глаза…

Лидочка молчала, но было видно, что и она не прочь попытать счастья на соседнем участке.

— А я? Я тоже хочу! — наконец не выдержала она. — Ну и что, что мне пятнадцать лет, зато у меня грудь в два раза больше, чем у Марии, — я измеряла, и я самая веселая! — заявила Лидочка.

— Ну что же, девочки. У нас чрезвычайно выгодная позиция, у нас с ними общая граница, один выход к заливу. — Мама выражалась как

опытный полководец. — Мы должны составить план действий по проникновению на соседний участок.

— Можно сделать подкоп, можно повиснуть на ограде с приветственными флагами, — предложила я. — Если хочешь, я могу проникнуть к ним в дом в качестве молочницы — молоко куплю в магазине. А можно выдать нас замуж при помощи нашего кота… Кто-нибудь возьмет кота на руки, встанет на лестницу, приставленную к забору, и незаметно скинет кота на соседний участок.

— А что здесь плохого? — задумчиво сказала мама. — И через минуту к ним постучусь я и скажу — «у вас наш кот», а потом прибежит Лидочка и скажет — «у вас наша мама», а потом…

— Зачем же подвергать риску Лидочку и кота? Постучись к ним и скажи — «у вас наш муравей», — предложила я.

— Я скажу «у вас наш кот», — отмахнулась мама и, поняв, что я шучу, обиженно замолчала.

Я хотела сказать, что еще можно привлечь собак — у нас такса и пудель, можно научить таксу прорыть подземный ход, а пуделя… Но не успела — мама посмотрела на меня взглядом «если ты думаешь, что теория относительности принесет

тебе положение в обществе и обеспеченность, то ты просто дура...». Я ответила ей взглядом «не думаю, но мне и не нужно» — близким родственникам не обязательно произносить слова, можно просто посмотреть.

Я как-то нашла на чердаке потрепанную книгу в синем переплете и... Это была какая-то мистика! Я читала, и мне хотелось зажмурить глаза и потрясти головой: оказалось, что наша семья как две капли воды похожа на семью из романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» — вот же мама, вот отец, вот мои сестры! Мать семейства помешана на том, чтобы дочери вышли замуж. И все было так мило, так прелестно, если бы не высветились скелетики. Один жених зависим и неумен, им вертят как марионеткой: сказали «можно любить» — любит, сказали «нельзя» — не любит, для его дамы это просто унизительно. Второй жених тщеславен и горд не в меру, отец семейства — плохой муж и отец, а вот глупая мать семейства вызывает жалость и сочувствие — она всего лишь хочет своим дочкам счастья, и ее неловкие интриги приводят к желаемому всеми счастливому финалу. Впрочем, девушки неплохо заботятся о себе сами.

Моя мама, как во времена Джейн Остен, счита-

ет, что замужество — это положение в обществе, уверенность в будущем и чувство защищенности, это черта, за которой «жизнь состоялась». Мамина цель в жизни — «быть не хуже людей», но мама хочет не только быть не хуже людей, но и стать лучше людей. Мама хочет выдать нас замуж, но не просто замуж и не просто удачно, а феерически удачно, за олигархов, медиамагнатов, иностранных аристократов и президента Российской Федерации.

— Некоторые вообще на рынке картошку продавали, а сейчас аристократки… — недоброжелательно сказала мама. Ей кажется, что кто-то отобрал нашу долю удачи. Но все же удачливые продавщицы картошки — мамин главный аргумент. Золотоволосой красавице положено суперзамужество, положено сказочное счастье, несмотря ни на что, ни на картошку, ни на баночки с анализами.

Особенную ставку мама делает на Женю — на меня никакой («у Лизы плохой характер, она слишком много смеется, слишком независимая, мужчины не любят независимых женщин») — и на Лидочку («вот кто сама выйдет в люди и всех сестер выведет»), ну а Марию «хорошо бы хоть кому-нибудь подсунуть».

— А я хочу выйти замуж, — вдруг сказала Лидочка.

— Почему? — с интересом спросила Мария.

— Просто хочу, и все. Может, муж купит мне бутик, и я там буду одеваться…

— Мама! Скажи ей! Я не желаю слушать глупости! — закричала я.

— Мама, скажи ей, что у современной девушки есть альтернативный путь для того, чтобы занять достойное место в обществе… — начала Мария.

— Мама говорит, что если ты не выйдешь замуж в институте, то точно останешься старой девой! — хихикнула Лидочка. — Старая дева, старая дева!..

— Мама из прошлого века, из двадцатого, — надулась Мария. — Это в прошлом веке обязательно нужно было выйти замуж в институте, а теперь все изменилось! Мама! Зачем мыслящему человеку выходить замуж? У тебя есть логичный обоснованный ответ на этот вопрос?

На этот вопрос у мамы был логичный обоснованный ответ — она покрутила пальцем у виска.

— Мама, мама, мама! — толкаясь, кричали Лидочка и Мария.

— Мама, — тихо сказала Женя, намекая на то, что пора прекратить эту возню.

Мама рассеянно посмотрела на нас и погладила Лидочку по голове.

— Хорошо бы у них кто-нибудь тяжело заболел, тогда мы могли бы предложить им услуги медсестры, — мечтательно сказала мама. — А пока что хватит болтать! Вы все, шагом марш прогуливаться по заливу! Или нет, все остаются дома, лучше пусть Женя идет одна с задумчивым лицом!..

Женя ласково улыбнулась и прошептала:

— Бедная мама, мне так ее жалко, она так старается. — Какими бы глупыми ни были мамины наставления, ангел Женя еще ни разу не признала их глупыми, улыбалась, соглашалась и нежничала.

Мария подняла глаза от книги:

— Согласно научным данным, самый важный фактор привлекательности… угадайте, что именно?

— Одежда! — выпалила Лидочка. — Что, нет? Ну тогда обувь? Тоже нет? А что же тогда? Внешность?.. Губы должны быть блестящие, ноги длинные, грудь большая…

— Дура ты, Лидочка, — протянула Мария. — Самый главный фактор привлекательности — это частота взаимных контактов.

— Чего? — удивилась Лидочка. — Чем чаще контакт, тем лучше? Ни фига себе, девочки, вы только послушайте нашу тихоню — контакты! Чем чаще контакт, тем лучше!

— Под частотой контактов подразумевается совсем не то, что ты подумала, а частота встреч, — фыркнула Мария. — Сейчас я вам объясню. Это нетрудно понять, даже ты, Лидочка, сможешь. Возьмите для примера дружбу. С кем мы дружим? С одноклассницами. Мы же не выбираем себе для дружбы девочек из другого класса, потому что уже находимся рядом с этими… А в кого люди обычно влюбляются? Никто не будет влюбляться в человека, которого никогда не видел, правда? Или в того, кого он изредка случайно встречает. Все влюбляются в студенток своего института, в тех, с кем вместе работают… Вот вам и «божественное предопределение». Ничего такого нет! Просто работает главный фактор — повторяемость встреч. Поняла, Лидочка-дурочка?

— На залив! — скомандовала мама. — Ладно уж, Лиза, иди и ты на всякий случай. Гуляйте и помните: вам уже скоро тридцать. В тридцать лет кто замужем, тот замужем, а кто не замужем, тот не замужем.

Ну почему нам скоро тридцать, если мне два-

дцать один год, а Жене двадцать четыре? Но мы стараемся не спорить с мамой по пустякам.

Мама отправилась к тете Ире обсудить старые новости и разузнать, не появилось ли новых. А мы с Женей действительно взяли собак и отправились гулять на залив. Не для того, конечно, чтобы начал работать фактор повторяемости встреч. Просто если не сделать то, что велела мама, она уляжется в темной комнате с невыносимой мигренью и мокрым полотенцем на голове. Я не раз замечала, как она хитро выглядывает из полотенца, но вдруг у нее и правда невыносимая мигрень? Лучше не рисковать, тем более сейчас четыре часа, наше время для прогулок по заливу — мы гуляем по четным.

Не подумайте, что нам с Женей разрешено показываться на заливе только по определенным дням или часам суток, конечно, нет. Просто в другое время нас могут съесть. У нашей соседки по имени Ада огромная злая собака, которая часто срывается с поводка и бегает по заливу с видом собаки Баскервилей… Собаку прозвали Исчадие Ады.

После нескольких неприятных инцидентов мы договорились: Исчадие Ады гуляет по нечетным часам суток, а остальная мелочь вроде нас с Же-

ней с таксой и пуделем — по четным.

Выходя за калитку, я оглянулась и, увидев отца в окне кабинетика, сделала ему наш с ним тайный знак, который означает «путь свободен». Сейчас он, воспользовавшись тем, что мамы нет дома, спустится вниз за чаем и бутербродом и опять исчезнет у себя до позднего вечера.

— Ваша мать рассказала мне о своих планах, — сказал отец, когда мы вернулись домой, он был внизу и в чрезвычайно хорошем настроении, наверное, как-то по-новому объяснил военные успехи арабов в борьбе с Романией и Персией в седьмом веке. — Я со своей стороны принял посильное участие в устройстве вашей жизни — предложил вашей матери передать соседям наших девочек через забор.

Мама еще несколько раз заводила разговор на эту тему, но по тоскливому выражению лица, с которым она поглядывала на Дом, было понятно, что она все еще не придумала, как ей быстро перекинуть нас через забор…

Может показаться, что все это говорит о маме дурно. Может даже показаться, что она — идиотка, обсуждает всерьез всякую ерунду, например выдать нас замуж при помощи кота. Но это не

так. Наоборот. Мама прекрасно знает, что я шучу, но не обращает на это внимания, а мгновенно отделяет дурачество от смысла, и в ее мозгу с дикой скоростью проносится — «а вдруг», «а что, если», «а почему бы и нет»… Действительно, а почему бы и не кот?

Маме бы полком командовать, а она всего лишь командует нашей жизнью. Но мы не самый благодатный материал: я слишком много смеюсь, Мария некрасивая, Женя совершенно не использует свою красоту, и одна Лидочка ее утешает — они вместе улучшают Лидочкину внешность, и не удивлюсь, если они вместе мечтают о женихах. Лидочка позволяет маме быть директором ее жизни, а все остальные — только администратором, не более того. Ничем другим я не могу объяснить мамино к ней особенное отношение.

Глава 2

— Идут! Они идут! Скорей! Они заходят! В калитку! Они уже тут! Все сюда! — кричала мама из своей комнаты. Только ее окна выходят на дорогу, и мы бросились скорей в ее комнату посмотреть в окно, что ее так испугало. Наверное, кто-нибудь не закрыл калитку и к нам на участок забрели соседские козы — мама боится животных.

Но это оказались не козы, а всего лишь трое незнакомых людей — двое мужчин и девушка; они, очевидно, перепутали адрес и теперь стояли, оглядываясь, но не смущенно, а словно не решив, проходить ли им или уйти.

— Мама, почему ты так кричала? Это же не козы… — недоуменно сказала я.

— Не козы?! Не козы?! Это как раз козы! То есть… Какие козы, это же они, из Дома!.. — отрывисто вскрикивала мама, нервно расстегивая и снова застегивая халат. Как назло, она была совсем без имиджа — просто в старом халате.

— Лиза, беги скорей переодевайся, и Женя, главное, Женя, — пусть быстро наденет то, в чем она была на Новый год… — приказала мама.

От волнения она совсем потеряла голову — почему Женя должна спешно нарядиться в то, в чем была на Новый год, — красный халат и колпак Деда Мороза? Зачем мне переодеваться, если какие-то незнакомые люди забрели к нам на участок, как козы? Никто из нас, кроме мамы, не болтается по дому в затрапезной одежде, а отличить домашние джинсы от тех, в которых я сегодня была в университете, можно только по вытертым коленкам, ну, и еще по большому черному пятну — пятно осталось после того, как я свалилась с велосипеда прямо в лужу мазута.

Я вышла во двор вместе с таксой и пуделем, приветливо улыбаясь и мечтая, чтобы незнакомцы ошиблись и им были нужны не мы, а кто-то другой.

— А ваша мама нас приглашала… Скучно, в город ехать неохота, вот мы и зашли… — небрежно сказала девушка, высокая худая брюнетка с мелкими чертами лица, достаточно красивая для своей красивой одежды. Она без улыбки осмотрела меня, задержавшись взглядом на мазутном пятне, перевела взгляд вниз и чуть заметно усмехнулась — я выскочила в огромных пушистых розовых тапочках-зайцах. На одном заячьем ухе висел пудель, на другом — такса.

Девушка мне не понравилась — невежливо говорить людям, что заглянул к ним потому, что не нашлось ничего более интересного. И усмехаться невежливо — надо признаться, я выглядела совершенно по-домашнему, но если люди приходят в гости внезапно, они должны быть готовы, что их встретит чучело в мазутных пятнах и розовых зайцах, на каждом по собаке.

Девушка представилась Алиной, а ее брат Вадиком, но она тут же его поправила, сказав, что Вадиком его называют свои, а для обычных людей он Вадим. Она так и сказала — «для обычных людей», а он улыбнулся и еще раз представился — «Вадик».

Вадим был приблизительно моих лет — чуть больше двадцати и был похож на Есенина, вернее, на дружеский шарж на Есенина — невысокий, крепкий, светловолосый, с милым петушиным чубчиком, лицо приятное и улыбка хорошая. Бывают люди, которые сразу же располагают к себе, добродушные, искренние, и если в них не обнаруживается больших пороков, они такими и оказываются.

Второй, Сергей, был постарше, около тридцати. С мужской красотой всегда сложно, сказав «красивый мужчина», ничего, в сущности, не ска-

жешь, — он может быть и томным красавчиком, какие нравятся Лидочке, и мачо, и положительным киногероем. Сергей был не томный красавчик, не мачо и не киногерой, он был самый обыкновенный «красивый мужчина», высокий, широкоплечий, темноволосый, с лицом… На его лице были глаза, нос, рот, все, как у всех, кроме подбородка — подбородок уж слишком выдавался вперед, намекая на сильный характер своего обладателя.

Манеры его были не такие располагающие, как у Вадика: если Вадик пришел с желанием подружиться, то Сергей держался покровительственно, словно подсмеиваясь над всеми и самим собой, очутившимся в нелепой ситуации. В общем, было очевидно, что он бесцеремонный, жесткий человек — один подбородок чего стоит.

— Приятно было познакомиться, а теперь мне пора домой… — сказала я, как будто это я была у них в гостях.

На крыльцо вышла Женя, за ней маячила мама с нарядным лицом, она так демонстративно вывела Женю и так радушно улыбалась, что я тут же разозлилась на ее неуместную взволнованность. И вдруг я увидела чудо!.. Настоящее чудо — любовь с первого взгляда. Нет-нет, это не мама

влюбилась с первого взгляда в Сергея или Вадима… Кстати, мама так и выскочила без имиджа — не успела переодеться, потому что ринулась за Женей и вытолкнула ее на крыльцо.

Женя стояла на крыльце, на фоне потемневшего дерева, и была золотая и розовая, как никогда. Золотые кудри до плеч, нежный румянец, удивленные глаза — мама явно вытащила ее, как сержант новобранца, не дав ей опомниться, и вид у нее был такой, будто золотое облако подняли с постели. Вадик — он был, конечно же, Вадик, а не Вадим, — смотрел на Женю, как наш кот перед прыжком, расслабившись и одновременно собравшись, а Женя смотрела на него и улыбалась застенчиво.

Гости отказались от настойчивого маминого предложения пройти в дом, и мы расположились на крыльце, на лавках друг напротив друга, как на деревенских танцах, — на одной лавке девочки, на другой мальчики, такса пригрелась на коленях у Вадика, пудель заполз под лавку, а мама стояла посередине и умиленно смотрела на нас.

Вадик взял с крыльца забытую книжку «Математический анализ и линейная алгебра» и, держа ее двумя пальцами, брезгливо, как что-то

гадкое, — с опаской спросил:

— М-матем-матика? Это к-кто же из вас т-такая умная?

— Это моя дочка Лиза, — заторопилась мама, указывая на меня. — Да, правда, это же уму непостижимо, как у меня получилась такая умная дочка…

Сергей насмешливо блеснул глазами, и тут я уже полностью убедилась — какой неприятный человек! Я имею право замечать глупые ляпы своей собственной мамы, а он нет! По отношению к чужим мамам нужно быть тактичней!

Вадик с облегчением взглянул на Женю — обрадовался, что не Женя изучает линейную алгебру, и признался нам, что по математике у него была самая низкая оценка в колледже, впрочем, как и по другим дисциплинам, по всем, кроме истории.

— Колледж? Это что-то вроде техникума? Ну и правильно, многие и без высшего образования прекрасно живут, — горячо поддержала мама, и Алина, фыркнув, сообщила, что «техникум» Вадика находится в Лондоне.

— Среди людей нашего круга принято получать образование в Англии… Отец хотел, чтобы он учился с людьми своего уровня, — сказала

Алина.

— А какой ваш уровень? Если сравнить с олигархами? — оглянувшись на Дом, с любопытством спросила мама.

— А вы, Женя, где учитесь? — вместо ответа поинтересовалась Алина.

Женя рассказала о своей работе в поликлинике. По-моему, они онемели от ужаса, вообразив Женю с баночками, Вадик вежливо улыбался, Алина кривилась и насмешливо переглядывалась с Сергеем.

В полной тишине мама довольно прошептала мне на ухо: «Это все я! Я к ним забежала по-соседски, посоветовала, кого из поселка нанять в прислуги… ну и пригласила заходить». Но мама не умеет шептать тихо, и в ответ на мой упрекающий взгляд она еще громче прошептала: «Вот видишь! Женя ему очень понравилась. У них все сложится, я чувствую, я знаю…» Это было так ужасно стыдно, что я уже не испытывала неловкости от маминых оплошностей, а просто кивнула, как будто у нас так принято — громким шепотом строить планы на гостей.

— Мама рада, что вам понравилась наша Женя, — громко сказала я. — У мамы страсть всех знакомить, а лучше сразу женить…

Вадик широко улыбнулся, снимая общее напряжение и всем своим видом говоря — мне очень нравится Женя и все мне здесь нравится, и тут же взглянул на Сергея, как послушный ребенок на воспитательницу, желая убедиться, хорошо ли он себя ведет.

— Лиза шутит, — принужденно улыбнулась мама. — Она у нас все время шутит невпопад. Ну, вообще-то я считаю, молодежь должна вместе проводить время… Вот и тетя Ира хотела свою Люду с вами познакомить, хотя Люда — некрасивая девочка, не то что моя Женя… В Женю все влюбляются и предложение делают, но она очень скромная девочка, такие, как моя Женя, сейчас редкость…

— Мама, пожалуйста, — порозовев, прошелестела Женя.

Алина засмеялась и, пытаясь приглушить смех, закашлялась, и мама, внимательно поглядев на Алину, мягким уютным голосом спросила:

— А что это вы кашляете? И бледненькая?.. Да что это я на «вы» да на «вы»! Ты давно так кашляешь, деточка? А температуру мерила?

— Вы мне? — растерялась Алина. — У меня недавно было воспаление легких, а что?

— Расскажи мне, как тебя лечили.

Мама уселась между Женей и Алиной, и они с Алиной выпали из общего разговора. До нас доносились Алинины слова — антибиотики, банки, йодная сеточка, гланды — и мамино ласковое жужжание.

Мама обладает особым талантом — у нее талант эмоционального соучастия, иначе говоря, люди мгновенно вступают с ней в интимно-дружеские отношения. Директриса гимназии вызывает ее, чтобы сказать — двоечнице Лидочке не место в гимназии, но не проходит и нескольких минут, как директриса уже рассказывает ей о своей ужасной невестке. Лидочка учится в гимназии только благодаря ужасной невестке директрисы, продавщица в нашем магазине в Лисьем Носу оставляет маме все самое свежее, а иногда мама включает свое обаяние, чтобы получить какую-то труднодостижимую справку, иногда ей хочется побольше узнать о ком-то из наших знакомых…

Я много раз видела этот мамин фокус и пыталась проанализировать ее поведение. Мама принимает позу собеседника, дышит с ним в унисон, смотрит особенным теплым взглядом, вытягивающим из человека признания, словно говорит — «смелее, я вас пойму»… но во всем этом есть еще что-то неуловимое — талант. Откуда

мама знает, что директриса хочет поговорить о невестке, а эта незнакомая ей Алина — о болезнях? Никогда я этого не пойму.

— Я… у меня… — Алина, наклонившись к маме, что-то шептала ей на ухо.

— Деточка, я тебя очень понимаю, — прочувствованно сказала мама.

Она не притворяется, она и правда понимает. Иногда мама пользуется своим даром совершенно бескорыстно, просто потому, что вдружиться в кого-то, обаять, стать близкой — это ее стиль. Иногда она вступает в интимные отношения в корыстных целях, к примеру, сейчас — она хочет любыми силами подружиться с этими людьми. Но при такой своей корыстной цели она искренне, всей душой сочувствует чужой Алине, страстно интересуется ее гландами, — может быть, в этом и есть секрет?

— Женечка, дорогая, Вадику наверняка хочется прогуляться по нашему участку… Покажи ему… яблони, смородину, клумбу… — предложила мама.

Ну, а иногда в нее как будто вселяется дурак, и она делает промах за промахом — как сегодня.

У калитки появилась Лидочка.

— Что это она так рано? — удивилась мама,

взглянув на часы.

Обычно Лидочка болтается по магазинам до закрытия, поэтому ее приезд из города можно рассчитать поминутно.

— Сапоги! Такие сапоги! Видела! Мечта! Купи! — не обращая внимания на гостей, от калитки верещала Лидочка.

На крик на крыльцо вышла Мария с книжкой в руках.

— Теперь все мои девочки в сборе… — сказала мама, и Алина заговорщицки прошептала Сергею с показным ужасом: — О боже, сколько же их тут?

— Ох, у вас сумка Gucci, она тысячу евро стоит, у нас у одной девочки такая есть, она на распродаже купила за пятьсот, а вы свою за сколько купили? — с этими словами Лидочка присоединилась к обществу. Лидочка хищно поглядывала на Алинину сумку и наконец попросила посмотреть. Алина снисходительно поглядывала на Лидочку, сумку не дала, но вытащила из сумки брелок и подарила ей. Лидочка взвизгнула от восторга: — Ой-ой! У меня будет настоящий брелок Gucci! — Она вела себя как туземец, а Алина — как будто она миссионер и принесла туземцам подарки — леденцы.

Попрыгав с брелоком, Лидочка уселась между Вадиком и Сергеем, кокетливо вытянула сначала одну ногу, потом другую, сообщила, что умирает от усталости и виноваты в этом новые туфли — вот какие каблуки, стерла ноги до крови…

Лидочка — человек-проблема. Высокие каблуки — вывихнула ногу, делала маникюр — сломала ноготь, поела в гостях — болит живот… Все детство она провела замотанная в платок — уши, и с палочками в носу — насморк, так и ходила с оттопыренными из-за компрессов ушами и палочками в носу, как инопланетянин. Чем больше проблема, тем больше любви… Но Лидочка и сама с детства вела себя так, как будто она единственная: при малейшем подозрении, что она не предмет восхищения, она плакала, требовала, возмущалась. Вот только в гимназии Лидочке не удалось стать главной — у одной девочки платье Valentino, у другой сапоги Prada… Все эти подробные сведения Лидочка приносит домой ежедневно.

Бедная мама, это же нормальное человеческое желание — «быть не хуже людей». Но ведь это смотря каких людей мама хочет быть «не хуже»!.. Мы не бедные, как, например, тетя Ира. Отец читает лекции в западных университетах, и этого

достаточно, чтобы мы все могли учиться. Мы иногда ездим за границу — когда отец едет на конференции, он по очереди берет с собой маму, Женю и меня. Но нам никак невозможно, чтобы Лидочка могла быть в гимназии «не хуже людей». Поэтому они с мамой обсуждают, где купить Лидочке такое платье и такие сапоги, чтобы была подделка под Valentino и Prada и никто в классе не узнал, что это подделка.

Мама делит Лидочкиных подружек на подруг первой категории и второй категории.

Перед подругами первой категории, дочкой директора банка и дочкой директора телеканала, мама как будто немного стыдится нашего дома и старается представить все в лучшем свете — накрывает стол со свечами, специально ездит в город за пирожными, хотя обе девочки на диете. А с подругами второй категории она просто мила и душевна, как со всеми. Я бы на Лидочкином месте возненавидела ее за это или перестала приводить домой и тех и других, но Лидочке хоть бы что. Это у меня тяжелый характер, а у нее легкий.

— Мама, мне нужны деньги! У меня нет ни копейки! — сказала Лидочка.

Лидочка могла бы потерпеть и не выпрашивать при посторонних, но она не может потерпеть:

деньги — ее больная тема.

У Лидочки сложные отношения с деньгами — никто из нас не бывает так беден, как бедная Лидочка, — у нее всегда «нет ни копейки». Но ни у кого из нас нет и стольких не терпящих отлагательств нужд, как у нее. Посудите сами, вот, к примеру, расклад расходов на субботу: суши-бар с подружками, кино, такси доехать до дома — что же тут лишнего?!

Мне не стыдно сказать, что у меня нет денег на суши-бар или на такси. А Лидочке стыдно, и из-за того, что она такая тонкая натура, деньги Лидочке дают все: мама из хозяйственных нужд, Женя из своей зарплаты — ангелам деньги не нужны, я — из денег за репетиторство, которым зарабатываю себе на личные расходы, Мария — из ее собственных карманных денег. Мария могла бы жить в бочке, как Диоген, и оттуда вещать, она рассеянно донашивает вещи за Лидочкой и поэтому иногда выглядит странно, как будто Диоген вылез из бочки и собрался на дискотеку. А Лидочка… если бы Лидочка могла, она обобрала бы нашего кота, таксу и пуделя.

— Мы ходили… это стоит… а ты дала мне… а завтра мы пойдем… это стоит… а еще я хочу купить…

В общем, дай мне деньги!.. Почему не сейчас?! Какая разница, когда? Нет, дай сейчас!.. — постанывала Лидочка.

— Эпикур разделил человеческие потребности на естественные и неестественные, victus et amictus, — поучительно сказала Мария, решив, что ей пора принять участие в беседе. — Естественные потребности — это пища и одежда, их легко удовлетворить. Неестественные потребности — это потребности в роскоши, они не имеют границ. С другой стороны, Шопенгауэр определяет естественные потребности лишь как относительные блага, agatha pros ti, и только деньги как абсолютное благо, так как они отвечают не одной потребности in concreto, а потребности вообще in abstracto…

— Шопенгауэр излишне значительно говорил об очевидных вещах. — В дверях показался отец с таким рассеянным видом, словно сомневался, выходить из дома или нет. — «Афоризмы житейской мудрости», которые ты так любишь цитировать, Мария, безнадежно устарели. Прочитай хотя бы «Мир как воля и представление», иначе ты выглядишь напыщенной глупышкой и профаном.

Мария, покраснев, вскочила и ушла в дом, через минуту вернулась и, стоя на пороге, пробубнила:

«Ничего не устарели», — и ушла окончательно.

— Мария у нас как Галилей, ей непременно нужно оставить за собой последнее слово: «А все-таки она вертится», — улыбнулся отец.

Сегодня все словно специально продемонстрировали, какое мы неординарное семейство: суетливая мама, невоспитанная Лидочка, зануда Мария, нетактичный отец.

— Это они, из Дома, уж будь добр, прими их полюбезней, — страшным шепотом прошипела мама, и отец ласково улыбнулся гостям:

— Вы, кажется, прибыли к нам издалека?

— Нет-нет, мы п-приехали из Москвы, — вежливо отозвался Вадик.

— О-о, ну да, да. Современная техника так сокращает расстояния, что вы, очевидно, смогли добраться за двое-трое суток? Вы прибыли морем?

— Мы… э-э… мы из Москвы. П-приехали, — пробормотал Вадик, растерянно оглядываясь на Сергея. Сергей, пожав плечами, показал глазами — «разбирайся сам с этим чудаком».

— Мы п-приехали из Москвы, — громко повторил Вадик.

— Да-да, я понял, — приветливо подхватил отец. — Ну-с, молодые люди, и как там у вас охо-

та? С одной стороны, безграничные возможности — слоны, носороги, львы, буффало, леопарды. С другой стороны, представление о том, что у вас бродят непуганые стада, сильно преувеличено… Охота на львов, знаете ли, имеет свои тонкости…

Отец пробыл с нами на крыльце несколько минут, и все это время, как и просила мама, был необыкновенно любезен. И старательно, без единой оплошности изображал полную уверенность, что наши гости прибыли из Африки.

Ну что же, каждый имеет право на свою форму протеста. На молодых фотографиях отец — тонкий одухотворенный мальчик, а сейчас он тонкий одухотворенный пожилой человек, целиком погруженный в себя и Византийскую империю, и единственное его желание — не иметь никакого дела с социумом. Но изредка ему все-таки приходится спускаться вниз, и тут — такая неожиданность — мама, четыре дочери и «они, из Дома»! Бедный отец.

Отец пожелал гостям по прибытии на родину особенно остерегаться носорогов. Мама небрежно улыбалась и важничала, готовясь войти в имидж снисходительной жены гениального ученого, которому за его гениальность все позволено, но гости торопливо встали и начали прощаться, так

и не узнав, что отец ученый, а не сумасшедший.

— Что вам еще посоветовать?.. Когда вернетесь домой, уделите внимание изготовлению чучел из добытых вами трофеев, — напутствовал отец. — Не забудьте, что ценность трофеев определяется прежде всего размером рогов, шкуры, черепа… Да, чуть не забыл, имейте в виду, что большой африканский куду предпочитает горы.

— Но мы в Москве… — беспомощно оглянулся вокруг Вадик.

— Помните, что африканские куду только на первый взгляд кажутся безобидными, — озабоченно предупредил отец и, немного помедлив, задумчиво добавил с видом человека, максимально исполнившего долг гостеприимства: — Будете в наших краях — заходите. Но помните — столь любимый Марией Шопенгауэр считал, что любое общество таково, что меняющий его на одиночество совершает выгодную сделку.

С этими словами отец исчез в доме.

Мама как-то странно смотрела на меня и что-то показывала лицом.

— Мама, что ты все время подмигиваешь? Я должна что-то сделать? — спросила я.

— Они сейчас уйдут! Приглашай их скорей на ужин… — прошипела мама. — Оставайтесь на

ужин… У нас сегодня на ужин… Что у нас сегодня на ужин? — суетилась мама.

— Кефир и шесть булочек, — назло сказала я.

От кефира и булочек гости смешливо отказались и, попрощавшись, двинулись к калитке. Вадик оглядывался, виновато улыбаясь и разводя руками, как будто желая сказать, что с удовольствием разделил бы с нами кефир и булочки. Он очень милый человек, из тех, которые всегда чувствуют ответственность за ситуацию — в отличие от своего друга.

— В любое время! Мы всегда рады! Хоть днем, хоть ночью!.. — нервно вскрикивала вслед гостям мама.

Мама в халате представляла собой фигуру почти шекспировскую — она старалась оставаться приветливой, но на ее лице отражались отчаяние и обманутые надежды.

На этом история с гостями не закончилась.

Не прошло и десяти минут после ухода гостей, как в нашу с Женей комнату вбежала возбужденная Лидочка.

— Мне удалось подслушать такое, такое!.. — кричала Лидочка.

За ней следовала Мария с безразличным лицом — у нас дома никто не может остаться в стороне

от интересного, и даже Мария, как бы она ни притворялась безразличным к суете философом, всегда хочет во всем участвовать.

— Женя, ты должна дать мне надеть свою кожаную куртку, тогда я скажу, что они про тебя сказали! — торговалась Лидочка. — Лиза, ты должна дать мне поносить свою сумку, тогда я не скажу, что они про тебя сказали!

Глупые девчонки прятались в кустах у забора — Лидочка удаляется в кусты покурить и обязательно берет с собой Марию. Лидочка картинно пускает дым, а Мария любуется Лидочкой и смотрит, не идет ли мама. Лидочкино курение — это такая кокетливая игра, с Марией она играет, что она взрослая, а с мамой — что она еще маленькая и боится, что та увидит ее с сигаретой. На самом деле мама прекрасно знает, что Лидочка курит.

Так вот, выйдя за калитку, гости тоже остановились покурить, и разговаривали они достаточно громко, чтобы Лидочка с Марией услышали все до единого слова. Этот подслушанный разговор девочки и передали нам в лицах. Вернее, Лидочка передала — у Марии нет актерских способностей, а у Лидочки есть.

— Беднота многодетная, — презрительно сказала Лидочка за Сергея.

— Да уж, нормальные люди не заводят четверых детей… Эта женщина уверяла, что у нее красивые дочки. Интересно, кого она имела в виду?.. Ну, допустим, медсестра довольно миленькая, хотя лично я не люблю такую внешность — невзрачная блондиночка… — сказала Лидочка за Алину специально противным голосом.

— Я еще никогда не видел такой красивой девушки, как Женя, — сладким голосом героя-любовника сказала Лидочка за Вадика, закатив глаза.

— Медсестра — милая девушка и, безусловно, красива. Ну, а рыжая овца не стоит даже того времени, которое мы провели в этом странном доме, — холодным тоном сказала Лидочка за Сергея и добавила уже от себя: — Лиза, это он про тебя сказал «рыжая овца»!

— Не ври! Не ври!.. Он сказал: «Рыжая овца и все остальные не стоят того времени, которое мы провели в этом странном доме», — поправила Мария. — Он не только про Лизу так сказал, а про всех нас!

— Про всех вас. Он сказал «рыжая овца и все остальные», но подумал — «все, кроме хорошенькой, очаровательной Лидочки», — холодно поправила Лидочка. — Женя, он в тебя влюбился.

Тебе стоит только руку протянуть, и он твой!

— Кто? — Женя, мгновенно покраснев, рефлекторно прижала руки к щекам. — Кто мой?

— Не кто, а что. Дом, — хихикнула Лидочка.

— Как тебе не стыдно, — хором сказали мы с Женей.

— Чего это мне должно быть стыдно? — сказала Лидочка и унеслась со словами: «Пойду все расскажу маме».

Должно быть, на моем лице ясно выражалось все, что может чувствовать человек, которого назвали овцой, потому что Мария, обычно не слишком чуткая, решила меня утешить.

— В молодежном сленге «овца» — это очень оскорбительное слово, — сказала она. — Но ты, Лиза, относись к этому как Сократ. Сократ относился к оскорблениям с полным спокойствием. Однажды он получил от какого-то человека пинок в зад. Но он не обратил на это никакого внимания. А когда его спросили, почему он не стал подавать в суд, Сократ ответил: «Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?» Поняла?

Мы с Женей лежали в нашей крошечной комнатке, каждая на своей кровати, друг напротив друга, как сардинки в банке.

— Не огорчайся, девочки просто не расслышали или неправильно поняли… — сказала Женя. — Ты самая лучшая, самая красивая, умная…

— Спасибо на добром слове, — тоненько сказала я. — Но я и не думаю огорчаться. Как ты думаешь, я похожа на овцу?

Я вскочила с кровати и подошла к зеркалу.

Женя бормотала что-то нежное и сладкое про мою необыкновенную красоту и выдающийся ум, а я пристально смотрела на свое отражение — не похожа, нисколько не похожа! И вдруг у меня в зеркале выросла шерсть, появились рожки, лицо превратилось в овечью глупую мордочку, и я проблеяла «бе-е-е»… Да, похожа. Конечно, ему не следовало тратить на меня время…

Я горестно рассматривала себя в зеркале и расстраивалась, но самоуважение — это такая вещь, которая восстанавливается быстрей всего. Уж лучше вообще не иметь мозгов, чем находить им такое дурное применение — представлять себя овцой!.. Так что после нескольких минут депрессии я пришла к утешительной мысли: никакая я не овца!

Я не заслуживаю его внимания, а этот чужой высокомерный человек не заслуживает моего внимания! Пришел, увидел, оценил… По тому,

как Сергей говорил, двигался, как автоматически пропустил вперед женщин, было понятно, что он с детства хорошо воспитан, но отчего-то не удостаивает нас проявить свое хорошее воспитание. Он с любопытством рассматривал наш дом, участок и нас как часть неживой природы и как будто тут же решил, что все это не стоит интереса. Фу, какая у него неприличная манера разглядывать человека, как будто тщательно изучать его перед тем, как съесть или отбросить в сторону! Правда, мне показалось, что и Алина им тоже оценена.

— …Знаешь, Сергей действительно смотрел на всех нас немного свысока, но зато Вадик очень добрый, и у него… у него нежная душа, — вдруг совершенно несонным голосом сказала Женя. — Вадик похож на маленького мальчика, которому все время нужна защита, поддержка. Не смейся, так бывает, что человек тебе понравился с первого взгляда…

Не такая уж я разнузданная, сексуально озабоченная девица, и я, конечно, знаю, что настоящая любовь основана на уважении, на восхищении человеческими качествами, а не на сексе, но разве с первого взгляда могут понравиться душа, ум, характер?.. С первого взгляда человек понимает

только одно — возможно иметь сексуальные отношения с этим партнером или нет.

Честно говоря, я совершенно разочарована в сексе. Мне кажется, что роль секса в жизни сильно преувеличена. По-моему, это всегда одинаково, сначала как будто тебя любят и как будто ты любишь, а потом выходит, что все это как будто, а на самом деле ничего нет.

Я бы хотела поговорить с кем-нибудь обо всем этом, но мне не с кем. Если ты с кем-то очень близок, то совершенно точно знаешь одно — о чем говорить нельзя. С Женей абсолютно невозможны любые разговоры на тему секса.

Женя у нас викторианская барышня, девственница в свои двадцать четыре года, для нее секса нет, потому что она не встретила любовь всей своей жизни. Женя создана для первой брачной ночи, перед которой нянюшка расскажет ей, что теперь ей придется подчиняться странным мужским желаниям, для ночной рубашки в кружевах, застенчивого румянца и чудом появившегося через девять месяцев младенца.

Лидочка, напротив, только и болтает о сексе, — интересно, что думает по этому поводу мама. Лидочка познает мир сама, а Мария чужими руками, Лидочкиными. Мария интересуется сексом

как исследователь, а сама еще даже не целовалась, ее посланец в реальном мире — Лидочка. Страшно представить, какие разговоры ведет эта парочка, — однажды я слышала, как Лидочка рассказывала Марии о преимуществах орального секса, а она слушала как лекцию.

— Я бы хотела встретить такого человека, как Вадик, только чтобы он не был богатым, — сказала Женя. — Но мне негде… у нас в поликлинике совсем нет мужчин.

Любая бы на ее месте подумала, что симпатичный сын нефтяного магната с нежной душой — это не совсем то же самое, что ее коллега по районной поликлинике. Разве это плохо — богатство или хотя бы обеспеченность? Каждая девушка хотела бы, чтобы ее дети чувствовали себя в безопасности, жили в хорошем доме, получили хорошее образование, хотела бы красивой одежды, путешествий. Но не Женя. Ангелам не залетают в голову неангельские мысли.

Женя приподнялась на локте — розовое личико в золотом облаке.

— Я сейчас тебе кое-что скажу. Это, наверное, стыдно, но я… Я очень хочу выйти замуж.

Если мы тут же не вскочили, не бросились друг к другу, не проговорили всю ночь напролет, а

просто замолчали, то лишь потому, что я хорошо знаю свою сестру. Что нового может сказать человек, с которым всю жизнь ночами лежишь рядом, как сардинки в банке?

— Что же стыдного в том, что ты хочешь выйти замуж? Это естественное желание — иметь семью, детей… — скучным голосом сказала я.

Моя сестра с шестнадцати лет заглядывает во все коляски, и не удивлюсь, если она тайком играет в куклы. Женя не требует от мира процентов за свою красоту, она у нас девушка с романтическими понятиями, но ей не нужна любовь сама по себе, например несчастная любовь, или сложные отношения, когда не можешь быть ни вместе, ни врозь, или непреодолимая страсть. Женя хочет не большой романтической любви, а маленькой и счастливой любви, которая быстро закончится свадьбой. Она хочет всего хорошего, мягкого и пушистого — чтобы у нее был свой дом, свой мужчина, свой ребенок.

— Я очень хочу ребенка, — мечтательно проговорила Женя. — Но дело совсем не в этом…

— Ну тогда что, что? Тебе неприятно, что ты не принесла маме на блюдечке суперудачный брак? Нет, не это? А что тогда? Не скажешь? Секрет? — нетерпеливо спросила я.

— Неужели ты не понимаешь? — смущенно проговорила Женя. — Ну, хорошо, я скажу. Статус. Статус замужней женщины.

Ох… ну… никогда не знаешь до конца даже самого близкого, даже свою сардинку в банке! Ангел Женя хочет иметь статус замужней женщины… Она имеет в виду, что хочет иметь статус в обществе?

— Ты хочешь быть женой преуспевающего человека? — осторожно спросила я.

— Нет, совсем не то. Ты не поняла. Если ты замужем… Если ты замужем, значит, тебя уже выбрали, — прошелестела Женя, уткнувшись в одеяло, так тихо, что я едва расслышала. — И пожалуйста, не говори больше об этом.

Что? Если ты замужем, значит, тебя уже выбрали?.. Глупости какие-то!..

Я не понимала. Не понимала, не понимала и вдруг поняла.

…Считается, что старший ребенок в семье вырастает сильным и уверенным в себе, но Женя опровергала все теории о старших детях. Когда Женя была маленькая, она старалась держаться недалеко от мамы, мы так всегда и ходили — я впереди или в стороне, а Женя с мамой за ручку. Мне было не уговорить ее отправиться в большое

путешествие за калитку — к ближайшей помойке или в лес: на помойке очень страшные кошки, а в лесу очень страшные деревья, и в любом месте, дальше, чем на шаг от мамы, подстерегают смертельные опасности.

Мы с Женей долго спали при свете — она боялась заходить в темную комнату. Боялась собак, грозы, бабы-яги и страшных сказок, а при грустных поворотах сюжета в сказках или мультфильмах плакала, — я иногда закрывалась с головой одеялом и кричала «у-у!», а она пугалась… На вопрос: «Ты же знаешь, что это я, чего ты боишься?» — Женя розовела и пожимала плечами. Но ведь она знала, что это я!

В школе Женя тоже боялась — контрольных, экзаменов, учителей. Когда ее спрашивали, она всегда отвечала гораздо меньше, чем знала, и знаете, почему? Ни за что не догадаетесь — чтобы ни в коем случае не быть лучше других. Кому еще может прийти в голову такая странная мысль?

Женя была «домашним» ребенком и «домашним» подростком. Ни компаний, ни поздних возвращений, ни конфликтов с родителями, ни выпавшей из кармана пачки сигарет или припрятанной бутылки мартини, и даже никаких перепадов настроения, — она была «хорошая»,

как будто специально вела себя так, чтобы ее не за что было ругать… И при этом Женя была уверена, что она «неправильная дочь». Ей казалось, что она не оправдывает родительских ожиданий: у отца должна была быть умная дочь, а у мамы — успешная.

Сейчас ангел Женя точно такая, как в детстве, ее так легко растрогать, она плачет в кино или над книгой, и даже от радости может заплакать — улыбается, а слезы текут.

Внешне Женя очень спокойная, у нее как будто приглушенный звук. Лидочка может беспричинно заразиться весельем, дурачиться, у нее или бурный восторг, или рыдания, а у Жени — тихая улыбка или тихие слезы. Кажется, что она и внутри такая же безмятежная, но я-то знаю, Женя все время беспокоится, нервничает — из-за такой ерунды! Боится обидеть, боится, что кому-то плохо… Когда мы были маленькими, мама давала нам рыбий жир. Лидочка орала «не бу-уду!» и выбивала у мамы ложку из рук, Мария выдвигала научные доводы против рыбьего жира, я просто отворачивалась, а Женя безропотно глотала — иначе мама обидится.

Женя расстраивается, когда ей кажется, что к ней плохо относятся, — она очень зависит от

одобрения окружающих. Если бы Женю назвали «овцой», она бы всю ночь думала: «Я не заслуживаю внимания… я и правда овца».

Вот такая наша Женя — как цветок: польют — расцветает, забудут полить — вянет. На ее золотую прелесть оглядываются на улице, а из-за этой ее болезненной неуверенности в себе все ее романы — неудачные. Женя как будто ждала, что ее бросят, вот ее и бросали.

…Мне стало так жалко Женю, так жалко… Она всего-то и хочет, чтобы ее выбрали.

Это как в детской игре, когда выбирают кого-то из круга — одного часто, а другого совсем не выбирают, и если тебя не выбирают, ты чувствуешь себя плохим, неправильным, негодным…

Я вдруг увидела Женину судьбу — как в кино. Никакого принца не будет и полупринца не будет. Выйдет замуж, как в сказке, за первого, кто посватается. Все-таки в мире нет порядка — ведь если кто-то и заслуживает счастья, то это Женя!

— Я бы хотела так выйти замуж, чтобы было как у наших родителей, — мечтательно сказала Женя. — Но ведь так не всем везет, правда?

Откуда у Жени могли возникнуть такие романтические иллюзии, если она изо дня в день наблюдает семейную жизнь наших родителей —

отец с его исчезновениями у себя наверху, мама с ее неумением просто увидеть его. Женя уверена, что родители абсолютно счастливы. Иногда мне кажется, что быть таким подслеповатым ангелом, как Женя, — большая удача.

* * *

Прошло несколько дней, и мы уже знали о людях, поселившихся в Доме, все — они и не догадывались, как много нам о них известно. Если бы они были знакомы с тетей Ирой, они могли бы, в свою очередь, все узнать о нас. Но во-первых, им было это неинтересно, а во-вторых, они не были знакомы с тетей Ирой.

Тетя Ира — мамина лучшая подруга. Можно было бы сказать, что их объединяет любовь к пересудам, но это не так, мама и тетя Ира не запойные сплетницы, они запойные психологи. Мама с тетей Ирой подробно рассматривают ситуации и поведение своих родственников и знакомых, проникают в их внутренние мотивы, анализируют и аргументируют, и эта доморощенная психология необходима обеим как воздух.

Сведения о наших новых соседях поступили нам от мамы, маме — от тети Иры, тете Ире — от ее племянника, агента по недвижимости, оформ-

лявшего покупку Дома. В Лисьем Носу всегда найдется чья-то подружка или родственник, и мама всегда будет все обо всех знать, включая внутренние мотивы, а вместе с ней и мы.

Итак, Вадик. Вадик — хозяин Дома. Вернее, Дом купил его отец, купил, не торгуясь, за три миллиона долларов. Жители нашего поселка называют таких покупателей «люди в шапках». Эти люди из небольших провинциальных городков, например Сургута или Нефтеюганска, действительно носят меховые шапки — сказывается привычка к холоду или же у них такая мода. Отец Вадика, торгующий не то нефтью, не то металлами, показался агенту очень жестким и совершенно необаятельным человеком. Он не собирался жить в Лисьем Носу, эта покупка была для него просто хорошим вложением денег — не потому, что земля и дом еще подорожают, а потому, что денег у него слишком много, а земли на заливе слишком мало. Отец велел Вадику обжить приобретение, вот он и приехал, а сколько поживет, пока и сам не знает.

Другие сведения, более интимные, поступили от тети-Ириной племянницы, которая приходила убирать Дом: отец посылал Вадика учиться бизнесу в Лондон, но сынок особых способностей

к учению не выказал. Мальчик он послушный, милый, добрый, не балованный, хотя звезд с неба не хватает — да и зачем ему, при таких-то деньгах? О сестре Вадика у тети-Ириной племянницы особых сведений не было: девица как девица, как все сейчас, но держится важно и капризничает насчет еды, и пальцем проверяет, хорошо ли пыль вытерли.

Насчет друга хозяина ни агенту, тети-Ириному племяннику, ни тети-Ириной племяннице ничего неизвестно, кроме того, что он состоит при Алине и Вадике — ей он жених, а ее брату — друг или вроде того.

Фактические сведения были таковы, а в психологических выводах мама с тетей Ирой разошлись. Тетя Ира считала, что Вадик и Алина — типичные дети новых русских, он милый бездельник, а она заносчивая бездельница. Мама, многозначительно покачивая головой, говорила, что все не так примитивно, намекая на некие психологические проблемы в связи с их необаятельным отцом-нефтемагнатом.

Глава 3

Мама ходила с торжествующим, хитрым и значительным лицом, какое бывает у человека, когда жизнь подтверждает его правоту или когда его самые смелые мечты неожиданно начинают сбываться. У нас образовалась тесная связь с Домом — пылкая, совершенно неожиданная дружба Алины и Жени.

Совершенно неожиданная дружба Алины и Жени была делом маминых рук. Нехорошо интриговать и подстраивать, но не она первая совершает несколько маленьких неблаговидных поступков ради большого светлого будущего. Я имею в виду, что мама интриговала ради Женино счастья.

Как-то дождливым вечером мама встретила Алину… собственно говоря, она встретила Алину, стоя за занавеской в нашей с Женей комнате. Мама стояла за занавеской, рассматривала соседний участок и вдруг пробормотала себе под нос:

— Алина! Вышла на крыльцо. Лицо печальное. Раскрывает зонтик.

Алина с печальным видом пыталась открыть зонтик, и мама… я уже говорила, что наши дома

расположены так близко, что если открыть окно в нашей комнате, то можно перекрикиваться с соседями, даже не слишком повышая голос… И мама открыла окно и крикнула:

— Добрый вечер! Как себя чувствуешь?!

Обернувшись к нам, мама заговорщицки сказала:

— Сейчас Алина пожалуется на скуку, я посоветую ей позвать в гости Женю, Женя и Алина непременно подружатся!.. Ну, подойди к забору, подойди, подойди! Скажи: «мне скучно»!.. Скажи, скажи, скажи!

— Мама, я и не знала, что ты умеешь двигать предметы на расстоянии, — пошутила я. — Но зачем тебе Алина?

— Не мешай, — отмахнулась мама и опять забормотала: — Скажи: «мне скучно», скажи…

— Ску-учно, мне ску-учно, — пожаловалась Алина, подойдя к забору. — Знакомых в Питере у меня нет, мои мужчины уехали по делам, смотреть фильмы одной грустно… Вызвала такси, еду в город к косметологу, ужасно лень…

— Женя окончила курсы по косметологии, она отлично умеет делать косметический массаж и все остальное. Попроси ее, она не откажет, — сказала мама и подозвала Женю к окну: — Женя, иди

сюда. Ты ведь не откажешь, правда?

— Сколько стоит? — деловито спросила Алина.

— Она не берет денег с друзей… — с достоинством ответила мама, придерживая Женю за руку.

— Да? А мы друзья, — обрадовалась Алина. — Тогда я отпущу такси…

На следующий день Алина сказала мне через забор:

— Твоя сестра ничего, приятная, и массаж делает неплохо. Может, надо было ей заплатить?.. Но мы же соседи.

Алина и Женя скоротали вдвоем несколько вечеров: Алине хотелось валяться на диване с маской на лице, болтать, смотреть фильмы и обсуждать отношения с Сергеем. Женя умеет слушать, а Алине был нужен слушатель — она была влюблена.

На мой вопрос Жене, зачем ей после работы приходить к чужому человеку и делать ему массажи и маски, Женя удивленно улыбнулась:

— Как зачем, как к чужому? Мы же дружим.

Дружить с Женей очень приятно — она мягкая и безопасная, она будет вникать во все мелочи чужой жизни, восхищаться, изумляться, сопереживать. Дружить с Алиной, по-моему, не так

приятно, но если Жене нравится…

Мама уже начала планировать следующий ход — теперь она собиралась поближе познакомить Вадика и Женю, но судьба сделала следующий ход за маму.

…Вчера вечером Лидочка пригласила себя в ресторан.

— Я уезжаю в ресторан! Знаете, какая машина?! Audi Q7, круто! Что мне надеть? — возбужденно кричала Лидочка, вертясь как волчок по дому. — Так, девочки, быстро! Женя, где твоя лакированная сумочка, и дай мне твою заколку, быстрей!.. Ах да, чуть не забыла, они тебя тоже пригласили…

Оказалось, что, подходя к нашей калитке, Лидочка увидела отъезжающую от ворот Дома машину и не постеснялась подбежать и спросить, куда они едут.

— И слово за слово Сергей сказал: смешная девчонка, она нас развлечет, пускай едет с нами! Так и сказал, пускай едет с нами, — захлебывалась Лидочка. — И мы с ним заодно решили взять в ресторан Женю, а про Лизу и Марию он ничего не сказал, ха-ха-ха…

— Я бы и сама не поехала, a priori понятно, что неприлично навязываться, — обиженно пробор-

мотала Мария. — А тебе, Лидочка, это должно быть понятно хотя бы a posteriori — из чужих наставлений. Мама, скажи ей, что это неприлично!

— Да-да, Мария, безусловно, права, это неприлично, — подтвердила мама. — Женя, скорей беги одеваться!..

— Мама! Об этом не может быть и речи!.. — возмутилась Женя и тут же, устыдившись своей резкости, покраснела. — Лидочка, как тебе не стыдно принимать приглашения малознакомых людей да еще нас в это впутывать… Немедленно пойди извинись и скажи, чтобы тебя не ждали!.. Мама, ну что же это? Неужели ты действительно думаешь, что я выйду к ним наряженная, как будто меня можно вызвать свистком?!

— Конечно, да! Конечно, нет! Не путай меня! — воскликнула мама. — Главное, не заказывай слишком простые блюда, чтобы они не подумали, что ты не разбираешься в этикете… На горячее лучше бери рыбу, рыба как-то изящней, чем мясо… Женя, ну что же ты стоишь, быстро одевайся!

Мама встала перед Женей в домашней позе «руки в боки» — я знаю эту ее позу, она означает «или ты сделаешь, как я сказала, или я тебе покажу!». Женя заплакала и закусила губу, — я знаю

это ее выражение лица, оно означает «ни за что, лучше умру». Бедная Женя!

Я закрыла глаза и ясно, как будто смотрю фильм, кадр за кадром, представила, что произойдет в следующую минуту: Вадик открывает дверь машины, выходит из машины, открывает калитку, идет к дому… Я открыла глаза — все те же, никакого Вадика. Я снова зажмурилась, сосредоточилась, представила: Вадик открывает дверь машины, выходит из машины, открывает калитку, идет к дому, говорит: «Женя, может быть, вы…»

Через минуту раздался стук.

— Женя, может б-быть, вы… то есть, может б-быть, мы… Женя, Лиза, в общем, как насчет… Мы едем в город… хороший ресторан… — бормотал Вадик. — Это на В-Васильевском, так что вот… мосты… Я хочу сказать, мосты разводят, так что не п-поздно вернемся… Женя, Лиза, п-пожалуйста, п-поедем с нами!

Мама ласково улыбнулась, незаметно ущипнула Женю и мгновенно переменила имидж с «я тебе покажу» на имидж заботливой снисходительной матери — как она могла одновременно менять имидж, щипать и улыбаться?

Пока мы переодевались, мама провела с Ва-

диком свою фирменную беседу по душам. За те несколько минут, что нас не было, она наверняка успела выспросить его про его первую учительницу, первый поцелуй, первый миллион…

Мы все трое оказались в черном. Я — в романтическом платье с низкой талией с воротничком из белых вязаных кружев, Лидочка в маленьком черном платье, не том, что «должно быть в гардеробе каждой женщины», а таком маленьком, что его почти не видно на теле, зато видна кружевная резинка чулок, и Женя — в пышном бальном платье со шлейфом… Нет, конечно, нет, а жаль, ей бы подошло жить в девятнадцатом веке… Женя была в черных брюках и черной кофточке из «Манго», в золотых волосах черная бархатная лента.

— Сексуально? — покрутилась перед нами Лидочка и сама себе ответила: — Очень сексуально.

— Сексуально, — подтвердила мама и заговорщицки кивнула Вадику на Женю: — Красавица, правда?

Вадик растерянно улыбнулся. Вид у него был как у всех, кто ненадолго остается с мамой наедине, — смущенный и немного ошарашенный.

— Не поздно, не рано, не ведите машину быстро, не простудитесь на сквозняке, — подталкивая нас к калитке, бормотала мама, как будто мы,

трое в черном, ангел Женя, сексуальная Лидочка и я в воротничке из белых вязаных кружев, уезжали не на Васильевский до сведения мостов, а в кругосветное путешествие.

— А в машине пять мест. А нас шестеро, — заметила Лидочка, когда мы подошли к машине.

Мы с Женей хором сказали: «Я не поеду»… Но в этой машине было семь мест.

Лидочка рассчитывала на роскошный ресторан, и пока мы поднимались по обычной лестнице обычного дома, недовольно морщилась и ворчала себе под нос: «Как будто нормальных мест мало, спросили бы меня, если не знают», — но, услышав, что это закрытый ресторан, повеселела.

На двери квартиры, единственной на площадке, было множество звонков, как раньше в коммуналках, и висел шнур, как хвост у Иа-Иа, за этот хвост и нужно было дергать, но у Сергея был ключ, которым он и открыл дверь. Хорошая идея — дать посетителям ключ, как будто они приходят к себе домой.

— Сюда только своих пускают? А мне дадут ключ? — верещала Лидочка. — Ой, а тут музыки нет, только два каких-то тухлых скрипача… а как же я буду танцевать?.. Лучше бы вы меня спросили, я знаю одно прикольное место, там

поют караоке…

В единственном зале, похожем на просто комнату, стояли столы, покрытые белыми скатертями, по стенам были развешены черно-белые фотографии.

— Никакого гламура, — разочарованно вздохнула Лидочка и, заглянув в меню, засмеялась: — Фу, здесь дают сырники, яичницу… Может, пойдем отсюда?

— А вам, Женя, вам т-тоже не нравится? — волновался Вадик. — Где вы обычно б-бываете?

Женя мягко улыбнулась:

— Мне здесь очень нравится. Я никогда не была в закрытом ресторане. Снаружи обычная квартира, а внутри так красиво.

Алина довольно улыбнулась и громко прошептала Сергею:

— Милая девочка, простая, бесхитростная, ничего из себя не изображает, она мне ужасно нравится.

Алинины слова звучали немного пренебрежительно, как будто она звезда, которой приходится смотреть самодеятельность в деревенском клубе, и она старается быть снисходительной и приветливой. Но, в конце концов, она же не хотела, чтобы ее услышали. Тем более с самой Женей она

обращалась совсем не так, как говорила о ней. Я часто замечала, что мы можем насмешливо отзываться о ком-то, но когда мы говорим с этим человеком, мы уже относимся к нему иначе, лучше. Всегда есть влияние человека, а от Жени исходят такое искреннее непонимание плохого и такая доброта, что даже Алина не может не относиться к ней с восхищением. Женя — достойный человек, естественный, как лен или хлопок, человек, который боится всего — проехать без билета, узнать у прохожего адрес, громко высказать свое мнение, но нисколько не боится того, чего обычно боятся все, — что он не там работает, не так одет, не так развлекается и вообще не в курсе.

Я не такой достойный человек, как Женя, я часто стесняюсь показаться наивной, неопытной, несветской, но тоже не стала притворяться, что я бывалый посетитель закрытых ресторанов, — это дурной тон. Я имею в виду не врать дурной тон, а краснеть, когда твое вранье раскроют. Я почти никогда не вру — из гордости.

Меню в этом ресторане было замечательное: котлеты с пюре, гуляш с гречневой кашей, и даже паста называлась «макароны», как будто это домашняя еда у мамы на кухне. В меню не были проставлены цены, как бывает в по-настоящему

дорогих местах, где посетителям безразлично, сколько стоят их пюре или гуляш с гречневой кашей. Поэтому Лидочке не удалось последовать маминому совету и заказать что-нибудь подороже, и она просто заказала все, что любит — винегрет, холодец, селедку под шубой, салат оливье, куриные котлеты, мороженое, торт, фрукты и два мохито…

— У меня волчий аппетит, — пояснила она.

Пока Лидочка перечисляла все, что она хочет, Сергей едва сдерживал улыбку, Алина смотрела на нее с легким неудовольствием, как на невоспитанного щенка, Женя краснела, Вадик любовался Женей, а я всерьез задумалась — уж не подменили ли нам Лидочку в роддоме? Воспитывали нас одинаково, никто не нашептывал Лидочке на ночь: «Расти большой и нахальной…» Откуда у нее волчий аппетит к мохито? Неужели наша Лидочка — подкидыш?..

— Нет, лучше сразу три мохито, — попросила Лидочка.

А может быть, Лидочка — внебрачная дочь, дитя греха. В этом случае главное — не признаваться родителям, что мы разгадали их тайну, а дитя греха жалеть, кормить и не подавать виду, что оно чужое в семье…

Этими глупыми мыслями я развлекала себя весь вечер, потому что больше мне делать было совершенно нечего — не считая, конечно, шницеля с жареной картошкой, который я заказала назло маме, хотя больше люблю рыбу.

Несколько раз за вечер к нам подходил официант поинтересоваться, все ли хорошо с нашим заказом. Мне он сказал: «Ну, вас я не спрашиваю, я и так вижу, что вы довольны».

Я быстро подняла глаза — наискосок от нашего стола стоял старинный буфет с зеркалом, — в зеркале я действительно выглядела чрезвычайно довольной.

Но я была счастлива вовсе не шницелем с картошкой.

Женя с Вадиком сидели в нише на диване и как будто выпали из общего пространства и общего разговора. Наверное, модный ресторан — это не то место, где мгновенно вспыхивает настоящая любовь, и теперь, после этого ресторана, только смерть разлучит Вадика и Женю… Наверное, в прошлом Вадика было все, что ему полагалось иметь в прошлом, — красивая жизнь, курение травки в колледже, брошенные цветочницы. Но выглядел он совершенно как влюбленный мальчик в детском саду!.. Женя улыбалась, и Вадик

улыбался, Женя серьезно взглядывала на него, и он тут же становился серьезным. А во время десерта Женя покраснела и как будто привстала, собираясь уйти, — прохладно-вежливую Женю нельзя якобы случайно обнять, — и Вадик тут же виновато улыбнулся, покраснел и украдкой дотронулся до ее руки.

По другую сторону стола в такой же нише на диване сидела вторая парочка, Сергей с Алиной, а мы с Лидочкой оказались лишними. Я молчала, за весь вечер я произнесла одну фразу: «Я не буду десерт», — и обдумывала вторую: «Спасибо за приятный вечер», а Лидочка пыталась вмешиваться в разговор Вадика с Женей, но они ее не замечали. Обиженная Лидочка сделала вид, что переглядывается с кем-то за соседним столом, — улыбалась, подмигивала и кокетливо поднимала бокал. Я оглянулась — за соседним столом сидели две пожилые женщины, и ни одна из них и не думала переглядываться с Лидочкой.

Алина вела себя с Сергеем, как будто он ее законная собственность: он предпочитает рыбу мясу, никогда не ест гарнир, сегодня очень крепко спал, она еле его разбудила, надел зеленую рубашку вместо голубой, той, что она ему приготовила. Сергей небрежно кивал и, не извинившись, выхо-

дил разговаривать по телефону. Мне было жаль Алину: она была так очевидно влюблена, а он так очевидно не влюблен…

— У него достаточно бабла, чтобы купить все акции, — возвращаясь к столу, сказал Сергей в телефон и, нажав отбой, улыбнулся мне: — Вы так сморщились, Лиза, как будто видите перед собой какую-то гадость…

— Мурло добыло бабло — повезло… — пробормотала я. — Простите… я не о вас, а о русском языке. Не люблю это слово.

— А по-моему, нормальное слово, — раздраженно возразила Алина. — По-моему, кое-кто умничает и старается показаться особенной.

— Ты думаешь, умные и особенные не любят слово «бабло»? — с сомнением повторила я. — Возможно, ты права, умные и особенные не любят слово «бабло».

Сергей хмыкнул и перевел взгляд с меня на Алину, с Алины на меня, как будто мы две кобылки и гарцуем на манеже, показываем ему себя, а он сейчас поставит нам оценку.

— Чем вы занимаетесь, Лиза? — спросил Сергей.

— Я пишу… — расплывчато сказала я.

Когда я сообщаю, что именно я пишу, люди

сразу же говорят «о-о!» и больше уже ничего не говорят.

— Роман? — настаивал Сергей.

— Диплом. На кафедре «Теория вероятности и математическая статистика», мой диплом называется «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика», — тонким голосом сказала я.

— Бр-р, — поежилась Алина. — Ты не обижайся, но это как-то не женственно… Я, например, изучаю дизайн. Если что, дизайн всегда пригодится — дом обставить, бутик открыть… Почему ты не хотела стать… ну, кем все, бухгалтером, менеджером или еще что-нибудь конкретное? Есть же какие-то профессии, которые подходят девушкам из бедных… я хочу сказать, девушкам. Не можешь же ты всерьез интересоваться этим, как его… Ты что, такая умная, Лиза?

— Я? Нет, не особенно, — рассеянно ответила я. — При чем здесь ум?

Я хотела учиться на факультете прикладной математики, потому что любила решать задачки и потому что математика тренирует мозг.

Иногда мне кажется, что я хочу заниматься только математикой, а иногда я думаю: зачем мне всю жизнь тренировать мой мозг, как будто

я собираюсь выставлять его на Олимпийские игры? Иногда я хочу стать врачом, иногда актрисой, а иногда изучать индийскую филологию, или философию тюркской культуры, или искусство стран Древнего Востока. Но и релятивистская астрофизика — это очень интересно!

— Бедная ты, Лиза, так и просидишь где-нибудь за компьютером всю жизнь, — посочувствовала Алина. — Твоя мама просто обязана была сказать тебе, что девочке это не подходит. Или она специально отправила тебя на факультет, где одни мальчики, чтобы ты поскорей замуж вышла?

Я кивнула:

— Молодец, догадалась. Так все и было. Мама сказала: «Там одни мальчики, замуж выйдешь…» Но маме это так просто не пройдет, она у меня узнает, как посылать ни в чем не повинного человека на прикладную математику! Я обдумываю страшную месть — навсегда остаться старой девой…

Сергей посмотрел на меня насмешливо, словно хотел сказать — ты не старая дева и вообще не дева…

Конечно, в моей жизни было все, что полагается. В детском саду мне нравился мальчик, с которым я спала во время тихого часа — наши

раскладушки стояли рядом. От него я узнала, чем мальчики отличаются от девочек.

В первом классе мне нравился мой сосед по парте. От него я узнала, как это больно, когда тебя отвергают. Я считала, раз уж мы сидим за одной партой, то это дает мне на него особые права, но он был человек очень жесткий и держался отстраненно, не считая тех редких минут близости, когда он у меня списывал.

В университете у меня, как у всех, был первый курс, первая любовь, первый поцелуй, первый секс, три романа с однокурсниками и два с преподавателями… всего пять романов, по одному на каждый курс.

— А вы, Сергей, чем занимаетесь? — поспешно спросила я, чтобы скрыть смущение.

Сергей не ответил мне всерьез, небрежно пробормотал:

— Да так, то одним, то другим.

О Вадике мы знали все, а о Сергее у тети Иры сведений не было. Что их связывает, почему Сергей опекает Вадика, почему один управляет, а другой позволяет собой управлять?

Предположим, отец Вадика инвестирует какой-то проект Сергея и за это попросил взять под присмотр двоечника Вадика. Сергей не может

отказать своему инвестору, вот и присматривает за Вадиком, тем более что это ему не трудно — Вадик смотрит ему в рот, восхищается.

Еще один вариант: у Сергея пока нет никаких проектов, но он хочет сделать что-то за счет отца Вадика и поэтому присосался к сыну миллионера. Заодно спит с дочерью миллионера, которая влюблена в него. Подчинил себе и недалекого добродушного брата, и влюбленную сестру — как в романе! Я мысленно примерила к Сергею черную бороду злодея из страшненького готического романа — ему подходит.

— Мама говорит, что вся будущая жизнь определяется замужеством, а не теорией относительности, — авторитетно заявила Лидочка.

— Ваша мама права, — отозвался Сергей. — Лиза, вам нужно правильно выйти замуж. Прежде общество было не настолько разделено, и у женщины была возможность среднеприличного устройства жизни — высшее образование, работа, зарплата. Но сейчас общество так четко разделилось, что удачное замужество — это единственный шанс, который сможет переставить вас с одной социальной ступени на другую.

Мама права? Вся будущая жизнь определяется замужеством?..

Мама права: вся будущая жизнь определяется замужеством.

— Лиза говорила, что выйдет замуж только по расчету, — сказала Лидочка и в ответ на мой красноречивый взгляд воинственно добавила: — Что ты так на меня смотришь?! Ты говорила, говорила! Что ни за что не выйдешь замуж за своего однокурсника, потому что не хочешь всю жизнь обсуждать теорию относительности, что ты не хочешь всю жизнь сидеть в Лисьем Носу, хочешь увидеть мир, а не только Турцию! Что, нет?!

Я сердито смотрела на Лидочку — так бы и дала салфеткой по ее любопытному носу! Оказывается, эта маленькая дрянь подслушивает мои разговоры с Женей! Но когда человек подслушивает под дверью, он упускает из виду нюансы, а с ними и весь смысл!

Во-первых, мне никто не делал предложения, а во-вторых, я говорила совсем о другом!.. Теперь Сергей и Алина подумают, что я корыстная, что я хочу выйти замуж за человека, у которого много денег…

На самом деле я не корыстная, я прагматичная, я точно знаю, что мне нужно. Женя хочет выйти замуж, и я хочу выйти замуж, только совсем по другим соображениям, не таким мягким и пуши-

стым, как у моей сестры.

Я хочу выйти замуж за человека, у которого будет не много денег, а много жизни. Мой муж должен быть не обычный человек, который вечерами сидит дома, не имеет порочных наклонностей и живет, чтобы получать зарплату. Выйти замуж за своего однокурсника, будущего программиста, и всю жизнь обсуждать с ним теорию относительности, или за предпринимателя, и увлечься производством керамической плитки, быстрорастворимыми кашами, строительством — нет, так я не играю!..

Мой муж должен быть особенный человек. К примеру, ученый, как отец, и я обязательно буду в курсе его научных интересов. Или художник, а может быть, писатель, и я буду обсуждать с ним его планы, идеи, персонажей. Возможно, режиссер, и я буду принимать участие в кастинге и вмешиваться в творческий процесс. Я хочу интересную жизнь! Звучит все это, как будто я дура, которая считает, что именно ей положено что-то необыкновенное, но я не дура, все-таки мой диплом называется «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика».

— Молодец, вы современная девушка, охотница за богатством, — улыбнулся Сергей.

Ну, погоди, Лидочка, я тебе покажу, как подслушивать, переиначивать все по-своему и позорить меня!.. С другой стороны, Лидочка не так уж и виновата — она еще ребенок.

— Да, я такая. Я выйду замуж только за принца, — подтвердила я.

Мне, в сущности, совершенно безразлично, что думает обо мне Сергей, — пусть уж заодно думает, что я полная идиотка.

— Ха-ха, — насмешливо откликнулась Алина, — ха-ха. Принц. А если нет?

— Ну… у меня еще есть время примириться с реальностью, подожду принца до восьмидесяти лет и тогда уже выйду замуж за однокурсника-программиста и наконец увижу Турцию…

— Замуж по расчету — это твой единственный шанс в жизни, — снисходительно согласилась Алина. — Тем более ты из неблагополучной семьи.

— Из неблагополучной семьи? — с недоумением повторила я. — Я из неблагополучной семьи?

— Ну, прости, я не хотела тебя обидеть, просто вырвалось… многодетная семья и все такое…

Пока я краснела, бледнела и раздумывала, что будет приличней — вцепиться ей в волосы или расцарапать физиономию, вмешалась Лидочка.

— Слушайте все меня. Я тут читала одну книжку про любовь, — весомо сказала она.

Лидочка читала книжку!.. Про любовь! Что же это, «Ромео и Джульетта», «Джейн Эйр», «Гордость и предубеждение»?

— «Как выйти замуж за миллионера», — гордо произнесла Лидочка. — Очень правильная книжка. Как поймать миллионера, каждая дура знает, это вообще элементарно. А там написано самое главное — где его взять. Куда ходить, чтобы познакомиться. Правда, это больше в Москве… Но в Питере тоже есть места, где водятся богатые женихи.

— Где водятся богатые женихи?.. Да вот же он, перед тобой… — Сергей кивнул на Вадика и попросил счет. — Хотя… похоже, этот жених уже занят. Эй, о чем вы весь вечер шепчетесь, — об анализах?

Официант подал кожаную папочку со счетом Сергею как старшему из мужчин, но он, не открыв, протянул ее через стол Вадику.

— Плати, жених, — ухмыльнулся Сергей.

Вадик послушно достал бумажник, заплатил по счету. Когда принесли сдачу, Сергей открыл папочку, отсчитал чаевые, а оставшиеся деньги сунул себе в карман. Что же это, как он мог, у всех

на глазах!..

После этой сцены все стало совершенно очевидно — кто такой Сергей и зачем ему брат с сестрой. Нет у Сергея никакого проекта и инвестора, нет у него никакой зловещей черной бороды. Сергей не предприниматель, не злодей, не искатель богатых невест, он — приживал.

Раньше было такое понятие — «приживалка». Приживалка — это женщина, не имеющая собственных средств, живущая на иждивении богатых родственников, в обмен на приют отдающая им тепло, ласку, уступающая всем их прихотям. Слово «приживалка» ушло в прошлое — я, например, не встречала в жизни ни одной приживалки, но появились мужчины-приживалы. Мужчин-приживалов я встречала, не часто, но встречала, и один приживал даже за мной ухаживал — дарил мне цветы на деньги своего патрона, представьте!

Приживал — это человек, у которого нет денег на тот образ жизни, который ему хочется вести, — рестораны, клубы, поездки, но он получает все это от богатого приятеля. В обмен на это приживал служит ему компаньоном: учится за него, развлекает, выполняет за него все неприятные или хлопотные дела.

Сергей — приживал, юзер, искатель выгоды, компаньон богатого простодушного Вадика. Вадик предоставляет ему приятный образ жизни, а в обмен получает дружбу и руководство. Кстати, именно потому, что Сергей приживал, он с одобрением сказал мне: «Молодец, современная девушка, охотница за богатством». Он подумал, что я такая же, как он!.. Ужас?.. Ужас. Гадость?.. Гадость.

* * *

Самое приятное в любом событии — это то, что его можно потом обсудить. Так считает мама.

— А он? А она? — спрашивала мама. — Ну а потом что?

Лидочка пересказывала маме подробности сегодняшнего вечера — что мы ели, что пили, кто что сказал, а мы с Женей сделали вид, что очень устали и хотим спать.

— Он очень хороший, он как плюшевый мишка, такой уютный и безопасный, — нежно сказала Женя, когда мы с ней улеглись и погасили свет.

Женя уже взрослая и не боится засыпать без света, но всегда чего-то боится. Что это за характеристика мужчины — «плюшевый мишка»?! И что

означает «безопасный»?! Как будто все остальные люди представляют какую-то опасность!

Я хотела сказать, что Вадик в нее влюбился, и повысить ее самооценку, но я никогда не знаю, как правильно поступить — а если он больше никогда не появится, ее самооценка опять упадет…

— Вадик хочет завтра утром отвезти меня на работу, — сказала Женя, — а вечером встретить с работы и куда-нибудь сходить вдвоем. В театр. Или в ресторан. Как ты думаешь, можно мне быть в джинсах или нужно надеть что-нибудь нарядное и взять с собой туфли?

— Он в тебя влюбился. — Я решила все-таки повысить ее самооценку.

— Ты что? Не может быть… — пугливо отозвалась Женя. — Он такой…

— Я уже слышала — как плюшевый мишка, — прервала я. — Джинсы. Ничего нарядного. И никаких туфель. В Ковент-Гарден даже не сдают пальто в гардероб, а ты — туфли… Не понесешь же ты туфли в пакете, как провинциалка!

— Хорошо, — послушно сказала Женя. — А как тебе Сергей? Приятный человек, правда? Он так тепло относится к Вадику, как старший брат…

— Приятный?! — возмутилась я. — Ужас. Гадость. Не хочу даже говорить о нем и думать не

хочу.

Но я о нем думала.

Я математик, у меня развито левое полушарие мозга, которое отвечает за логическое мышление, я всегда сначала думаю, а потом чувствую. Думала я о Сергее очень плохо, но как же еще можно думать о мужчине, который позволяет за себя платить, сгребает чужую сдачу в ресторане, одобряет брак по расчету?!

А чувствовала я злость. Злилась на него: он меня обманул, обманул своим мужественным видом, красивым голосом, обаянием, а сам оказался недостойным человеком. Злилась на себя: стыдно, когда тебя бросает то в жар, то в холод при взгляде на человека, которого не уважаешь. Стыдно испытывать физическое влечение к человеку, которого не уважаешь. Я, конечно, не влюблена в него, но мне просто интересно — разве можно влюбиться в человека, которого не уважаешь?

— Женя, как ты думаешь, можно любить кого-то, сознавая, что он непорядочный человек? Плохой человек?

— Конечно да, — не задумываясь, ответила моя сестра. — Как в «Крестном отце», помнишь? Она узнала, что ее муж — глава мафиозного клана, и ушла от него, а потом решила, что она его любит,

он отец ее детей… а за все остальное она будет молиться.

— Ну да, он глава мафиозного клана, но добрый… Или трус, но умный, или жадина, но красивый, или приживал и альфонс, но нравится мне как мужчина? Нет, я бы не могла полюбить плохого человека.

— Ты о ком говоришь? — удивилась Женя. — Вадик очень порядочный!

Да, конечно. Плюшевый мишка никак не может быть главой мафиозного клана.

Наутро машина Вадика стояла у нашей калитки, и мама с умиленным лицом наблюдала из окна, как Лидочка бежала, чтобы первой забраться на переднее сиденье, за ней с отсутствующим видом брела Мария. Вадик открыл Жене переднюю дверь, Женя смущенно села вперед, а девочки, толкаясь, залезли на заднее сиденье.

* * *

Всю следующую неделю мама явно чувствовала себя человеком, который потихоньку договорился с судьбой об очень хорошем правильном деле, а теперь удовлетворенно наблюдает за развитием событий.

Женя цвела розовым цветом, была нежная и

задумчивая, сдержанная, холодновато-спокойная — в общем, выглядела совершенно такой же, как обычно, но я-то видела, что она светится от счастья. Каждое утро Вадик отвозил Женю на работу и привозил вечером домой, и следующим утром перед нашей калиткой опять стояла его машина. Маму удивляло только одно — что это все еще Audi Q7 Вадика, а не машина со свадебными кольцами. Теперь Женя с Вадиком уезжали вдвоем, Лидочка и Мария демонстративно проходили мимо его машины со словами: «Мама не разрешает вам мешать».

Мама каждый день исчезала с таинственным лицом и возвращалась в странном легкомысленно-светском имидже, то в новой шляпке с вуалью, то в длинных кружевных перчатках к вечернему платью. Оказалось, мама примеряет к себе имидж матери невесты.

Мама привозила из города свадебные журналы, рассматривала свадебные платья и обдумывала, как должны быть одеты мать невесты и ее лучшая подруга.

Тетя Ира — мамина лучшая подруга, а ее дочь Люда — моя подруга, хоть она и старше меня — Люде двадцать семь лет. Она врач-гинеколог в роддоме и больше всего на свете любит

принимать роды. Говорит, что это совершенно особое чувство, как будто она бог и дает человеку жизнь. Люда только о своей работе говорит так возвышенно, а в остальном она рассудительная и ироничная, не слишком эмоциональная, даже суховатая. Мама ее недолюбливает, считает, что Люда «слишком уверена в себе для некрасивой девушки, которая никогда не выйдет замуж».

Мама говорит: «Мамочек забирают счастливые мужья, а наша Люда… Кто до тридцати лет замуж не вышел, тот не вышел». Она уверена, что Люда просто делает хорошую мину при плохой игре, но мама из тех людей, которые обо всех судят по себе, и не может поверить, что Люде нисколько не нужно замуж. Люда говорит о себе: «Моя судьба — состоять при чужом счастье». Тетя Ира часто вздыхает: «Обе наши девочки, и моя Люда, и твоя Женя, при чужом счастье, при чужих детях, так и останутся непристроенные», а мама отвечает: «Ну, ты не сравнивай несравнимые вещи!» Несравнимые вещи — это Люда и Женя.

У тети Иры с мамой многолетние дружеские военные отношения. Кто-то из них всегда наступает, отступает, выигрывает, проигрывает, объявляет временное перемирие.

Удивительно, что при этом они очень преданы

друг другу. Люда считает, что такая дружба-война заменяет им эмоциональные отношения с мужчинами — у тети Иры нет мужа, а у мамы есть, но наверху.

Тетя Ира и Люда забегают к нам почти каждый день без приглашения, но в этот раз мама специально пригласила их «кое-что отметить» и даже купила пирожные в «Севере», эклеры и корзиночки.

Мама рассматривала журналы, кроша пирожными на фотографии свадебных платьев, и изо всех сил хвасталась тете Ире и Люде, что будет делать Женя в качестве жены богатого мужа.

— Вот это мне особенно нравится. — Мама показала на платье с мелкими прозрачными воланами по всей юбке, от талии до пола, невеста в них была похожа на страуса. — Или нет, пожалуй, это слишком простенькое, можно найти что-нибудь более подходящее для Жениного статуса…

— А фата? — спросила тетя Ира. — Фата чтобы была обязательно. Уж кому и фата, как не Жене… Счастливая ты, Бог твою Женю заметил… — вздохнула тетя Ира и тут же торгующимся голосом добавила: — Хотя твоя Женя без образования, а моя Люда — бог, дает человеку жизнь… И где счастье? Счастья нет. — Тетя Ира взяла эклер и

мечтательно проговорила: — А я вот возьму и выйду замуж по Интернету — за иностранца. Я по-английски не говорю, поэтому никогда не пойму его до конца, будет хотя бы загадка…

— С чего ты взяла, что иностранец на тебе женится? — строго спросила мама таким напряженным голосом, словно уже видела тетю Иру хозяйкой виллы на берегу моря или дома в горах.

— Ну, я же все-таки историческая личность… — скромно улыбнулась тетя Ира. — Они это ценят.

Тетя Ира — историческая личность, потому что тети-Ирина бабушка видела Ленина. Когда создатель советского государства прятался в шалаше в Разливе (Разлив находится так близко от Лисьего Носа, как будто это соседняя деревня), он как-то раз дал тети-Ириной бабушке конфету. Конфета не сохранилась, но все это не шутка, а настоящее семейное предание, бережно хранимое в тети-Ириной семье. Из-за той конфеты вся тети-Ирина семья до сих пор голосует за коммунистов, и только Люда не чувствует благодарности за конфету — она равнодушна к политике и голосовать ей некогда.

— Вадик хочет справлять свадьбу на острове или на яхте… Но я думаю, нужно поскромней,

без этой безвкусной роскоши… Ездила в город посмотреть залы для свадьбы, была в «Астории» и в «Европейской». В «Астории» — ни за что! Банкетный зал без окон, похож на крематорий… А в «Европейской» совсем неплохо, — сказала мама и доверительно прошептала: — Ты же понимаешь, Ира, деньги для нас не проблема…

— Дорогая, Женя тебе сказала про свадьбу на острове или на яхте, — уточнила тетя Ира, — или это твое воображение? У тебя такое богатое воображение!..

— Дорогая, у меня вообще нет никакого воображения, — возразила мама и снисходительно объяснила: — Остров и яхта — это не мое воображение, а мой жизненный опыт. Я что, слепая, не вижу, что происходит? Не-ет, тут очень серьезные намерения. Кто сейчас так красиво ухаживает, как Вадик? Сейчас сразу же тащат в постель. Я не ханжа и не возражала бы, если бы Женя позволила ему до свадьбы… но она не позволила! И не говорите мне, что девственность в наше время ничего не стоит — жизнь всегда одинакова! И каждый мужчина хочет, чтобы невеста была невестой!

— Сейчас даже рекомендуют это… ну, ты понимаешь, это… до свадьбы, чтобы понять, подходят

ли люди друг другу… — осторожно сказала тетя Ира.

Мама прервала ее на полуслове:

— Люда! Скажи как врач: сейчас ведь нет проблем с предохранением?

— Да, конечно, — кивнула Люда, — мы рекомендуем…

— Тогда почему у вас в роддоме каждая третья мамочка незамужняя? — торжествующе спросила мама и как бы в скобках добавила: — Я бы умерла, если бы моя Женя родила без мужа…

Это было нехорошо с ее стороны, потому что младшая тети-Ирина дочь как раз родила без мужа… Мама не злая, просто в полемическом задоре теряет голову.

Тетя Ира обидчиво вскинулась:

— Случайно родить без мужа — такое может произойти с каждым, то есть с каждой…

— Ну прости, прости меня, дорогая, я не имела в виду твою бедную девочку, ну хочешь, убей меня на месте… Ну съешь еще эклерчик, ну давайте же поговорим о чем-нибудь другом, о приятном для всех нас, например, о Жениной свадьбе, — виновато предложила мама. — Я так рада, что Вадик — обеспеченный человек и Жене уже больше никогда не придется работать… Но Женя не из

тех людей, которые зазнаются от больших денег, и ты и Люда навсегда останетесь ей своими, близкими людьми… Конечно, положение моей Жени и твоей Люды теперь совсем разное, но подруга детства есть подруга детства…

Мы с Людой переглянулись, я сказала глазами «прости», а Люда ответила «ну что ты».

— Дорогая, зато твоя Люда останется при тебе, будет всегда жить с тобой рядом… — утешала тетю Иру мама. — А Женечка моя будет жить от меня далеко, в Англии или в Москве… В Лисьем Носу они будут бывать совсем немного. Но прислуга в Доме ей все равно понадобится, так что ты не беспокойся, твои родственники без работы не останутся…

Бедная тетя Ира совсем сникла.

— Вот только одно меня в этом браке смущает… — Мама оглянулась по сторонам, словно из-за соседского забора могли высунуться чьи-то уши, и прошептала: — Этот брак все же в некотором смысле мезальянс…

Мезальянс? По-моему, это слова из романов — «мезальянс», «морганатический брак»… Может быть, мы королевская семья, а я не знала?

— Женя — девушка из хорошей семьи, — объяснила мама, — а Вадик — человек другого круга,

попроще… Вот ты, Ира, ты же не хочешь, чтобы Люда вышла замуж за сантехника?

На тети-Ирином лице отразилось сомнение, казалось, она колебалась, оценивая ситуацию — выходить Люде замуж за сантехника или нет, и решила — а что, можно и выйти.

— Если бы отец Вадика был сантехник, он не сумел бы купить Дом за три миллиона долларов, — резонно возразила она.

— Я образно говорю, — сказала мама, кокетливо изображая колебание. — Ну, кто его отец? Дикий человек с Севера. А мы знаменитые ученые. То есть Женин отец — знаменитый ученый. Эти люди с Севера должны быть счастливы с нами породниться…Как ты думаешь, Жене понадобится секретарша? У женщины, занимающей такое положение в обществе, как моя Женя, всегда много дел, благотворительность и… всякое такое. А твоя племянница сможет порекомендовать какую-нибудь простую милую девушку для стирки и глажки?

Отец во всем этом никакого участия не принимал — ни в рассматривании свадебных журналов, ни в виртуальном подборе прислуги в Дом. Мама несколько раз многозначительно сказала ему: «У нас скоро произойдет большое радостное

событие», но он только кивнул, не поинтересовавшись, какое именно событие — свадьба, защита диплома, выпускной бал… Но мама не рассердилась на него, как обычно, за безучастность и равнодушие, а наоборот, вела себя как ангел.

Мама была счастлива — мечтала, как будет с подчеркнуто демократичным видом нанимать прислугу в Дом, покровительствовать соседям, как выдаст нас замуж за друзей Вадика, таких же богатых, как сам Вадик. Мама мысленно наряжала Женю в платье, в котором она будет похожа на страуса, рассаживала гостей за свадебным столом то в «Астории», то в «Европейской»… И вдруг Вадик исчез.

Глава 4

Как сказала мама — наши дорогие соседи, с которыми нас давно связывает такая тесная, такая близкая дружба, исчезли, как будто их корова слизнула языком. Вадик не появлялся уже четвертый день. И Алина не приглашала Женю к себе…

Вопрос, который занимал маму: почему троица уже который день безвылазно торчала дома, словно помещики в имении? Вернее, не вся троица, а Вадик с Алиной. Сергей уезжал утром и возвращался к вечеру, а брат с сестрой оставались дома. Почему они не показывали носу на улицу? Что за страшная тайна держала их за забором?..

Вопрос, который занимал Женю: что она сделала плохого, за что ее опять бросили? Я так хорошо знала, что думает Женя, как будто сидела у нее в голове: Женя думала, что ее рассмотрели поближе и отвергли, отбросили. Что она неправильная, что она опять получила двойку…

Вопрос, который занимал меня: что мне сделать, чтобы Женя не плакала по ночам в нашей комнате, думая, что я сплю?..

Мама лежала у себя в комнате с полотенцем на голове. Мы с Женей приносили ей свежее,

намоченное холодной водой полотенце, чай, бутерброды, бульон и куриные котлеты с рисом. Несправедливо, что нужно было ее утешать, но Женя выглядела такой же прозрачно-спокойной, как обычно, а мама всегда умудряется устроить все так, чтобы быть главным действующим лицом.

— Здесь какая-то тайна. Ужасная тайна… Это сводит меня с ума и совершенно лишает аппетита к жизни, — сказала мама, беспомощным жестом придвигая к себе тарелку с курицей и рисом.

— Мама, пожалуйста… мало ли причин, по которым люди решают, что они больше не хотят общаться… — покраснела Женя.

— Тебе все как с гуся вода, а я страдаю, — всхлипнула мама, воткнув вилку в куриную котлету, и мы на цыпочках вышли из комнаты.

И хотя я гипнотизировала Женин телефон, как анаконда кролика, кролик молчал, то есть телефон молчал.

Вечером к нам пришла Люда, поднялась к нам в комнату, спросила: «Девочки, можно мне с вами тихо посидеть, я не буду ни о чем спрашивать».

Мы тихо сидели и ни о чем не спрашивали Женю и вдруг услышали голос за дверью: «Если жизнь дает что-нибудь, то лишь для того, чтобы

отнять. Шопенгауэр». Затем за дверью послышалась возня, но это не Шопенгауэр пришел к нам в гости — в комнату ворвалась Лидочка, а за ней просочилась Мария.

Мария уселась в уголке с книжкой с выражением тихого упрямства на лице — ни за что не уйду, как ни просите, — как будто нельзя почитать в другом месте, не там, где Женя лежит, отвернувшись к стене. Лидочка покрутилась по комнате, порылась в шкафу, примерила мою куртку, полюбовалась на себя в зеркало и наконец бухнулась на кровать между мной и Людой.

— Ну что, девчонки, облом? — весело спросила Лидочка. — А все потому, что вы меня не спросили…

— Всякое счастье имеет отрицательный характер, а страдание по своей природе положительно… — меланхолически подхватила Мария.

— Что ты сказала? — угрожающе спросила я.

Мария закрылась книжкой.

— Это не я, это Шопенгауэр… Мухи рождаются для того, чтобы их съедали пауки, а люди — для того, чтобы их глодали скорби. А это сказал Вольтер.

Лидочка сбросила туфли, встала на мою кровать и громко, как учительница в классе, сказала:

— Жене нужно было ему дать.

Откуда такие выражения у пятнадцатилетней девочки? То есть это глупый вопрос — откуда, но откуда это у нашей девочки, у девочки из хорошей семьи?!

— Вы думаете, что самые умные, а на самом деле ничего не понимаете в жизни! А в жизни все очень просто, — вещала Лидочка, стоя на кровати.

— Принцип простоты сформулировал философ Оккам в четырнадцатом веке. Он сказал: не нужно множить сущность без необходимости, — подхватила Мария. — Это означает: не нужно прибегать к сложным объяснениям там, где годятся простые.

— Я и говорю, нужно было ему дать, — перебила Лидочка.

Лидочка спрыгнула с кровати и покровительственно погладила Женю по плечу:

— Ты ему не дала, вот он тебя и бросил. Эх ты, дурочка наивная… Ты хотела, чтобы у тебя это было по какой-то там любви, чтобы это были какие-то там особенные отношения… Кому нужны эти твои особенные отношения?! Кому захочется нарываться на отказ, если полно других?

— А вот и не так. Женя правильно поступи-

ла, — авторитетно заявила Мария. — Последние американские исследования показывают, что те пары, которые быстро начинают интимную жизнь, как правило, не вступают в брак.

— Нет, не правильно, нет, как дура! Так она никогда не выйдет замуж! — завизжала Лидочка. — Может быть только один вопрос: сразу дать и сказать — «мне ни с кем еще не было так хорошо», или немного подразнить, а потом дать. А ты, Мария, не лезь туда, в чем не понимаешь.

Лидочка и Мария мгновенно забыли, что пришли утешать Женю, и между ними завязался оживленный спор о том, что нужно, чтобы не только привлечь, но и удержать мужчину. Лидочка обозначила проблему проще — давать или не давать?

Женщина, отдавшаяся мужчине, моментально становится ему не интересной, и он ищет других, такова мужская природа, — это было мнение Марии и Шопенгауэра.

Женщина, не отдавшаяся мужчине, моментально становится ему не интересной, и он ищет других, такова мужская природа, — это было мнение Лидочки, она высказала его другими словами, но суть была такая.

Люда смотрела на Лидочку с изумлением, как

будто младенец вдруг вылез из коляски и басом попросил закурить. Люда обычно приходит к нам в свой выходной день на неделе, когда Лидочка в школе, поэтому она все еще видит в ней плаксивую девочку в платке с больными ушами.

— Лидочка, если ты быстро начнешь интимную жизнь, то твой мальчик будет думать, что ты легкодоступна, — из педагогических соображений возразила Люда. — Тебе же самой будет больно, если ты увидишь, что его не интересовало в тебе ничего, кроме твоего тела…

— Ха, — ответила Лидочка, — мы еще посмотрим, кому будет больно…

Люда попробовала зайти с другой стороны.

— Ну а беременность? — страшным голосом сказала она. — Клинические осложнения, включая выкидыш, токсикоз, кровотечения…

— Можно аборт сделать, — пропищала Лидочка.

— Аборт, или вакуум-аспирация, наносит организму подростка огромный вред.

— Но есть же безвредные таблетки…

— Это ты говоришь мне, врачу? — возмутилась Люда. — Гормональные таблетки совсем не безобидны, они бьют по печени и по всей гормональной системе…

Женя вдруг села на постели, такая трогательная в своих разметавшихся золотых кудряшках, что у меня от жалости защемило сердце, и пробормотала как будто сама себе:

— Во мне есть какой-то изъян… Я глупая, плохая?.. Почему меня нельзя полюбить?

Все наперебой бросились перечислять, какая Женя — не глупая, не плохая, а наоборот, красивая, добрая… Женя не боится выглядеть слабой, униженной, не боится, что ее будут жалеть. У Жени совсем нет самолюбия, а у меня слишком много — больше всего на свете я боюсь, что меня будут жалеть.

Разговор от секса перешел к более тонким материям: что правильно — показать свою любовь или, наоборот, равнодушие?

— Лучше было показать, что он тебе дорог, — предположила Люда. — Мужчины очень примитивны, неуверенны в себе и падки на лесть, поэтому самое сильное средство — показать, что он тебе дорог.

Я была согласна с Людой: мужчины примитивны, неуверенны в себе и падки на лесть…

— Лучше было притворяться равнодушной. Мужчина подобен охотнику, и препятствия разжигают в нем страсть, — сказала Мария и

застенчиво добавила: — Это не я сказала, это Ницше сказал…

Я была согласна с Марией и с Ницше: мужчины упрямы и будут добиваться любви.

— Лучше всего было бы вызвать ревность, — предложила Лидочка, — показать, что у нее много поклонников — пусть бы все они пришли и стояли у крыльца…

Я согласна с Лидочкой, но где нам взять много поклонников, у нас в наличии только один сосед, и можно было бы попросить парочку моих однокурсников.

— Ей нужно было забеременеть, — дала профессиональный совет Люда, наверное, таким строгим голосом она говорит с недисциплинированными роженицами. — Не хочет беременеть, тогда нужно его приколдовать. Пусть сходит к бабке на приворот.

— Женя, ты слышала? Sapienti sat — умному достаточно, — многозначительно подытожила Мария.

Все ушли, довольные своими советами, а Женя этой ночью опять плакала. Тихо-тихо всхлипывала, старалась не разбудить меня, но я слышала — плакала.

* * *

Мама оказалась права. Странно, но мама со своими дикими, нелепыми предположениями всегда оказывается права. В Доме действительно была тайна. Правда, тайна оказалась не ужасная, не страшная, а смешная, вернее, медицинская.

За ужином мама объявила отцу:

— У меня для тебя замечательная новость! Нам необыкновенно повезло — он заболел ветрянкой. Не сможет выйти из Дома, потому что весь обмазан зеленкой. Инкубационный период — двадцать один день. Ты только представь, какая удача! Поздравляю тебя, а ты поздравь меня.

— Поздравляю, — охотно отозвался отец. — Судя по твоему тону, вам бы повезло еще больше, если бы это была не ветрянка, а бубонная чума. Но при чем здесь вы?

— Не вы, а мы, это касается всех нас. Вадик заболел. Высокая температура, слабость, болит голова, сыпь на лице и на теле…

— Теперь я понял: температура, сыпь… Поздравляю тебя, — кивнул отец. — Но кто такой Вадик?

— Ну как же, Вадик из Дома, Женин жених… ну, почти что жених. Он пропал куда-то, а теперь оказалось, что не хотел показываться Жене в

зеленке, — значит, это любовь, а не просто увлечение, — сбивчиво объяснила мама.

— Подумаешь, зеленка! Дело не в зеленке. Просто он Женю бросил, потому что она… она сама знает, почему он ее бросил, хи-хи-хи, — давясь смехом, сказала Лидочка, и у Жени мгновенно брызнули слезы.

Отец помрачнел, сердито взглянул на маму, но тут же опустил глаза.

— Я же просил его пить только кипяченую воду и не купаться в пресных водоемах, — печально сказал отец. — В Африке нельзя быть таким неосторожным! Что, вы говорите, у вашего Вадика — сыпь, температура? Это дранкулез, африканская болезнь собак, обезьян, людей и шакалов. Болезнь переносят рачки-циклопы, ваш Вадик проглотил их с пресной водой и даже не заметил…

Изредка случается, что отец на мгновение выходит из своего безразличия, как улитка высовывается из раковины, и тут же опять прячется и делает вид, что он ничего не видит, ничего не знает и ни во что не вмешивается. И уж совсем редко отец завуалированно высказывается — как сейчас. То, что он вернулся к своей шутке про Африку, означало, что он зол, раздражен и даже

находится в бешенстве. Очевидно, он кое-что понял из маминых и Лидочкиных объяснений: что Женю обидели и что вся эта история — маминых рук дело.

— Возможно, это не дранкулез, а желтая лихорадка. Его мог укусить тропический комар, вирус проник под кожу и осел в лимфатических узлах, — сказал отец и, наклонившись к Жене через стол, погладил ее по руке: — Не огорчайся, Женечка, человек, не умеющий оберегать себя от опасностей, не стоит твоих слез… К тому же заболевшего желтой лихорадкой в половине случаев спасти уже невозможно. Не думай о нем больше. Все симптомы налицо — слабость, головокружение, зудящие волдыри…

Когда отец сердится, он говорит тихим академическим голосом, и сейчас он еле шептал, но мама была так возбуждена и довольна, что ничего не заметила.

Мама считала, что Женя должна немедленно отправиться в Дом и предложить свои услуги в качестве медсестры или сиделки.

— Какая удача, что у тебя медицинское образование! Это даже хорошо, что вы уже четыре дня в разлуке… влюбленным положено немного помучиться, чтобы потом стать безоглядно счаст-

ливыми! Ему наверняка необходимы уколы, и в любом случае его нужно мазать зеленкой! Вы так сблизитесь во время его болезни, что он уже не сможет без тебя обходиться! И тогда вы… ты и он… он и ты… Ты ведь уже болела ветрянкой?

— Я болела ветрянкой, но я ни за что не буду за ним ухаживать, — упрямо сказала Женя.

— Моя девочка, я сегодня всю ночь не буду спать, буду представлять, как он сделает тебе предложение, — не слушая, говорила мама. — Это будет что-нибудь очень оригинальное, не как у всех… Например, он скажет: «Будь моей женой», или «Выходи за меня замуж», или «Где ты хочешь устроить свадьбу?»… Скажи, что в «Астории». Кстати, Женя, почему у тебя такое лицо? Какое? Упрямое как баран, вот какое! Ты что, не хочешь в «Европейской»? Я тебя уверяю, что в «Европейской» лучше, чем в «Астории»…

— Мама, если бы я была ему нужна, он бы позвонил или попросил Алину. Значит, он не хочет меня видеть.

Мама привстала и стукнула вилкой по столу:

— Женя! Бедный мальчик страдает совершенно один! Где твое человеколюбие? Ты давала клятву Гиппократа?

— Дранкулез и желтая лихорадка — инфекци-

онные заболевания. Если Женя заболеет и умрет, ты будешь радоваться, что она проявила человеколюбие? — серьезно сказал отец.

— Это ветрянка, — с нажимом сказала мама.

— Это дранкулез и желтая лихорадка, — с нажимом сказал отец, и на этом обсуждение закончилось.

Мама говорит «ветрянка», отец говорит «дранкулез и желтая лихорадка», и при этом оба имеют в виду совсем другое. Мама — что Женю нужно выдать замуж, а отец — что Женю, да и всех остальных, нужно оставить в покое. Бедный отец, бедная мама. Не знаю, кто из них больше бедный. Интересно, а я смогла бы жить с человеком, которому я всегда говорю одно, он отвечает мне другое, а имеет в виду совсем не это, а еще что-то третье?

— Лиза, загляни ко мне как-нибудь на днях, если у тебя найдется свободная минута. Я хочу поговорить с тобой о провинциях Византии в конце четвертого — начале пятого века. Ты помнишь, что в этот период империя была разделена на пятьдесят восемь провинций, которые объединялись в семь диоцезов? — тихо сказал мне отец после ужина.

— Конечно, помню. Два диоцеза — Дакия и

Македония находились в префектуре Иллирик; другие пять — Фракия, Понт, Азия, Восток, Египет — в префектуре Восток…

Отец никогда не говорит с нами на некоторые темы: об одежде, о наших сердечных неприятностях, о замужестве, о недомоганиях. Поэтому можно сказать, что он вообще с нами ни о чем не разговаривает — ни с кем, кроме меня. Но с другой стороны, если бы он не придерживался такого правила, он бы только и обсуждал наших мальчиков, слезы, бигуди и помады.

Поздно вечером я пришла к отцу в кабинетик. Мне хотелось поговорить с ним о Жене — почему Женя так неуверена в себе и можно ли ей как-нибудь помочь. Мне хотелось поговорить с ним о Жене, ему хотелось поговорить со мной о провинциях Византии, поэтому мы пошли на компромисс и разговаривали об императоре Юстиниане. Юстиниан был бедным иллирийским крестьянином, солдатом, человеком чрезвычайно честолюбивым, умным и образованным, он достиг власти благодаря редкому сочетанию честолюбия и аскетизма, великодушия и коварства. А его жена, императрица Феодора, была бывшей куртизанкой. Она была умная, мстительная и прекрасная, верная опора

своему мужу в его честолюбивых начинаниях. Мы с отцом часто разговариваем о Юстиниане и Феодоре с любовью и восхищением… Может быть, у нас все совсем не так мрачно, может быть, в других семьях люди еще меньше понимают друг друга — откуда мне знать.

* * *

Может создаться впечатление, что меня в то время занимала только жизнь нашей семьи. Нет-нет, не думайте, что у меня не было своей собственной жизни, — ничего подобного. Я дописывала диплом, ездила в университет к своему научному руководителю и встречалась с тем, кого упоминать нельзя, — упоминать его нет смысла, это проходящий персонаж. Это было то, что мама называет «бесперспективные отношения», — мама называет так любой роман, который не заканчивается браком. Я с ней согласна, это были именно бесперспективные отношения — без перспективы любви. Мы оба не были влюблены, просто приятно проводили время вместе, потому что у каждого человека должен быть другой человек для того, чтобы не чувствовать себя окончательно одиноким и не у дел.

И все это время я просыпалась со странным

ощущением обиды и раздражения, как будто у меня в пальце была заноза, и я сразу же прислушивалась к себе и убеждалась — вот она, заноза, все еще на месте и болит. Я не чувствовала ничего, что сопутствует влюбленности — ни радостного возбуждения, ни даже желания увидеть Сергея, только злость — почему в моих мыслях, как заноза, торчит человек, которому я не симпатизирую и которого не уважаю?!

Да, конечно, все это было — и диплом, и бесперспективные отношения, но гораздо больше меня волновало то, что происходило у нас дома.

* * *

Иногда месяцами не случается ничего интересного, а иногда события начинают валиться градом.

— Собственно, я вышел сообщить, что у нас сегодня вечером будет гость, — сказал отец вечером, выходя к нам с телеграммой в руке.

Телеграмма была следующего содержания: «Приезжаю субботу Москвы поездом № 167 20.30 буду вас уверен Игорь».

— Но 20.30 будет через час, неужели можно дать телеграмму прямо из поезда? — удивилась мама. — И кто такой Игорь, аспирант, коллега?..

Ах, это И-игорь… вот оно что… Ах, значит, он уверен…

Телеграмма была дана не из поезда, а пролежала у отца на столе неделю, а Игорь…

В мексиканских сериалах несколько серий строили бы догадки — кто приезжает, зачем приезжает, в чем он уверен, затем недоумение сменилось бы суетой по поводу приезда неожиданного гостя, — при этом хозяева все еще не догадывались бы, кто же это приезжает. И оказалось бы, что приехал потерянный младенец или пролежавший сто лет в коме настоящий владелец имения, и это непременно внесло бы переполох в наследственные дела… Но в обычной семье, как наша, довольно скоро понимают, кто может приехать без приглашения и в чем он уверен.

— Столько лет ни слуху ни духу, и вдруг — здрасьте, поезд номер… какой там номер? Зачем мы ему понадобились? — В мамином голосе была старая, не проветренная временем обида.

— Вероятно, он едет к нам на поезде номер сто шестьдесят семь с оливковой ветвью, — пожал плечами отец.

— Мы должны сразу же сделать так, чтобы он понял, что мы его семья, — взволнованно сказала Женя.

Женя оказалась с нами случайно — она уже вторую неделю жила в Доме. Тихая ссора между мамой и отцом, спор о том, ветрянка ли это или африканская болезнь, были напрасны, — все решилось в тот же вечер само собой. Прибежала испуганная Алина с криком: «Где тут скорая помощь?» У Вадика была температура тридцать девять, озноб, зуд по всему телу… «Гиппократ обязательно пошел бы в Дом и помазал пузырьки зеленкой», — намекнула мама. Но когда требуется кого-нибудь помазать, Жене не нужны намеки и примеры. Женя ринулась спасать Вадика и осталась — мама была уверена, что навсегда.

Вадику вскоре стало лучше, но следом за ним заболела Алина, и тоже тяжело, с высокой температурой. Женя взяла на работе отпуск за свой счет и строго по часам давала обоим лекарства, поила маминым клюквенным морсом и мазала зеленкой.

— У него кроме нас никого нет, — со слезами в голосе проговорила Женя. Женя — плакса-вакса, может заплакать от любого пустяка.

— После стольких лет молчания… может быть, не стоит… — пробурчал отец, сделав свой обычный беспомощный жест рукой, словно отталкивая от себя Игоря с его оливковой ветвью.

Было заметно, что он нервничает.

Это была давняя история, древняя, как история разлада самых первых братьев — Каина и Авеля.

Мой дед был женат дважды, и от обоих браков имел сыновей — моего отца и отца Игоря. Неизвестно, были ли братья (не библейские, а мой отец и отец Игоря) равнодушны друг к другу, ревновали ли они, испытывали ли обиду за своих матерей, — то есть я этого не знаю. Но между ними была какая-то концептуальная ссора, как в романе — из-за собственности, и после смерти моего деда отношения между ними полностью прекратились. Я знаю только одно: мой отец — идеальный, благородный человек и не мог быть ни в чем виноват! Если уж кто-то и был виноват, то мама. Да, наверняка была виновата мама — она ревнива, обидчива и отнюдь не чужда материальных интересов. Я уверена, что это она поссорила братьев.

На моей памяти никакой связи с той семьей не было. Сводный брат отца жил где-то в провинции, и не отцу же было писать письма, поздравлять с праздниками — отношения в семье поддерживают женщины. Не так давно брат отца и его жена умерли, и тогда отец захотел найти племянника, но что-то ему помешало.

И вот теперь к нам приезжает Игорь. Из телеграммы понятно: он уверен, что ссора будет забыта и мы его примем.

— Как это хорошо для всех нас, что он нашелся и хочет помириться, — сказала Женя, — ведь он наш единственный родственник, я его уже люблю…

Женя всех любит, даже человека, которого никогда не видела. Ах, нет… Мы видели Игоря в детстве!.. Но я ничего о нем не помню, кроме того, что это был мальчик. И уши — у него как-то смешно торчали уши.

В 20.29 все, кроме отца, выстроились за калиткой, а в 20.30 на такси подъехал Игорь, симпатичный, аккуратный, словно свежевымытый, улыбчивый человек двадцати семи—двадцати восьми лет без особых примет и внешних недостатков. Игорь выглядел необыкновенно приветливым, и даже сильно оттопыренные уши были приветливыми. В одной руке у него был портфель, в другой — букет гвоздик.

— Всем привет, здравствуйте, добрый вечер, рад познакомиться, — сказал Игорь. — Я собираюсь сразу же установить с вами хороший контакт. Мои навыки межличностного общения и активного диалога помогут нам решить вопросы

в непринужденной атмосфере на позитивном фоне.

Никто из нас не понял, что он имеет в виду, но все облегченно вздохнули — очевидно, что наш новый родственник обладает не только располагающей внешностью, но и легким характером.

Все бестолково суетились, каждый старался по-своему выказать родственную радость, пудель с красным бантом на груди и такса с голубым скакали как бешеные, Женя решительно обняла Игоря, остальные вели себя более сдержанно — Мария стеснялась и молчала, мама сказала: «Добро пожаловать в этот, теперь родной для тебя, дом». Мама была в имидже жены ученого: скромный, но достойный костюм, скромные, но достойные манеры.

— Впечатление, которое мы производим на партнера, на девяносто процентов зависит от нашего невербального поведения — мимика, пантомимика… — произнес Игорь. — Нет, даже не на девяносто процентов, а на девяносто пять — девяносто шесть.

Мы опять не поняли, что он имеет в виду, — кроме Лидочки. Лидочка тайком повертела пальцем у виска, шепнула: «Ну его, он зануда». Женя посмотрела на нее укоряющим взглядом «это наш

родственник, мы должны стать ему семьей», но Лидочка скорчила гримаску и была такова — унеслась к подружке. Гость был ей неинтересен.

Наша Лидочка — очень способная девочка, она умеет мгновенно делить все на свете на нужное для себя и ненужное.

— Папа тоже живет в загородном доме, — сказал Игорь. — Я мог бы вам соврать, что я у папы свой человек, но скажу вам честно: я видел его всего один раз.

— Но отец Игоря умер, мы точно знаем, — прошептала мама.

— Почему Игорь всего один раз был у своего папы? — прошептала Женя. — Если его папа развелся с его мамой и перестал общаться с сыном, то это просто ужасно, ведь ребенок страдал…

— Может быть, Игорь — сын другого папы, может быть, он самозванец, а не наш родственник? — прошептала я.

— Я был у папы на приеме. Это был большой прием, на который мать пригласила всех дочек, поэтому я тоже был.

— Твоя мама состоит в другом браке? У тебя есть сводные сестры? Сколько им лет и как их зовут? — оживилась мама. — Но разве это справедливо, что тебя приглашают на прием, только

если приглашены твои сестры?

Мама очень любит анализировать сложные семейные отношения, но никаких сложных отношений в семье Игоря не было. Оказалось, что Игорь говорит на бизнес-сленге. Все разъяснилось: папа — это владелец компании, мать — холдинговая компания, дочки — дочерние компании, в одной из них работает Игорь.

В 20.39 мы уже показывали нашему гостю дом, мама, Женя, Мария и я не знали, как нам сразу же установить личностные контакты в непринужденной атмосфере, а за этим занятием можно было скрыть смущение и отсутствие у нас навыков активного диалога.

Мы водили Игоря по дому, а он все внимательно рассматривал и хвалил.

— Вы даже представить себе не можете, какие сейчас бывают интерьеры! У моего шефа зала шестьдесят четыре метра, гардеробная тридцать метров… Но вы не расстраивайтесь, в таких маленьких комнатках, как у вас, хоть и не гламурно, зато уютно…

У нас уютно. Немного слишком жеманно из-за множества кружевных салфеток, безделушек и маминых игрушечных зверей, но уютно — кружевные салфетки бабушкины, безделушки с

детства знакомые, звери плюшевые. На кухне лампа под абажуром.

Игорь держался приветливо, задавал вопросы — как работает отопление, не отказывает ли зимой котел, бывают ли перебои с электричеством, сколько метров комнаты, и в конце концов стало казаться, что мы показываем дом агенту по недвижимости.

Игорю понравилась гостиная со старинным резным буфетом, покрытым кружевными салфетками и заставленным безделушками, и новым огромным диваном, которым мама заменила старенький диван «Юность» — это была еще юность моих родителей. Новый диван зеленого бархата в цветочек был не просто диван, а символ перехода нашей семьи к новой, гламурной жизни — мама собиралась вместо старомодной гостиной устроить диванную, где не будет ничего, кроме диванов, и ждала следующего гранта, чтобы поменять старый резной буфет на еще одно бархатное великолепие в цветах.

Игорь осмотрел все: и мамину плюшево-звериную комнату, и комнату девочек, и нашу с Женей.

Комната Лидочки и Марии была смешная: на полу учебниками проложена граница между

Лидочкиной половиной и половиной Марии. Лидочкина половина была выкрашена в розовый цвет, а половина Марии — в темно-зеленый. По стенам выстроились открытые полки, на стороне Марии до верху заполненные книгами и учебниками, на Лидочкиной стороне в беспорядке громоздилась косметика, пустые баночки, пузырьки — Лидочка ничего не выбрасывает.

Наша с Женей комната — ничего особенного, но вдвоем в двенадцатиметровой комнатке тесно, кофточек, джинсов и колготок больше, чем помещается в шкаф.

И наконец, самая лучшая веранда в мире, со старой мебелью, рассохшимся шкафом, полным всякой детской ерунды — рисунками, тетрадками, засушенными цветами.

Когда осмотр закончился, вниз спустился отец. Отец церемонно поклонился Игорю, Игорь качнулся ему навстречу, и тогда отец неловко обнял его и похлопал по плечу.

Отец — сдержанный замкнутый человек и не показывает своих чувств. Мама обвиняет его в том, что у него их нет, но это совершенно не так — например, сейчас отец был взволнован и растроган.

В гостиной был накрыт праздничный ужин вто-

рой степени. Праздничный ужин первой степени мама устраивает для важных гостей, обычно это какая-нибудь модная еда, которую мама готовит по кулинарной книге. Для коллег отца, испанских ученых, она приготовила паэлью с морепродуктами, считая, что гости обрадуются привычной еде. По-моему, испанские ученые гораздо больше обрадовались бы борщу и котлетам.

Ужин второй степени — это обычная вкусная еда, немного принаряженная в честь гостей: пирог с капустой, холодец, котлеты на горячее и торт «Наполеон». Каждый мамин «Наполеон» — это событие. Мама каждый раз что-то меняет в рецепте и придирчиво выспрашивает, как «Наполеон» удался на этот раз, чем он отличается от всех прошлых «Наполеонов», и обижается, если мы не помним «Наполеон», который она испекла три года назад на майские праздники. «Как это не помнишь?!» — говорит мама.

Игорь свалился к нам из поезда № 167 как снег на голову, поэтому мама смогла лишь второпях украсить наш ужин — сосиски с пюре и салат оливье. Сосиски, наряженные в юбочки из розовой гофрированной бумаги, лежали на блюде в центре стола, а на самом верху горки салата оливье, символизируя семейное примирение, сидел

довольно крупный фарфоровый голубь. Стол был уставлен оставшимися с Нового года свечами, на стуле Игоря мама завязала большой красный бант, словом, все выглядело празднично и к тому же приятно напоминало Новый год, — свечи были в виде Деда Мороза и Снегурочки.

— Я практически не употребляю, — сказал Игорь, кивнув на бутылки в центре стола. — Конечно, для создания непринужденной обстановки необходимо некоторое количество спиртного, без этого не обходится ни одно мероприятие. Но я лично считаю, на корпоративных мероприятиях алкогольных излишеств не должно быть в принципе, поскольку это свидетельствует о низкой корпоративной культуре в компании… Но сейчас я могу себе позволить… в семейном кругу…

Игорь положил себе сосиску в юбочке.

— Первый тост на мероприятии говорит Генерал… Генерал — это генеральный директор компании, в данном случае Генерал, фигурально выражаясь, это хозяин дома, — пояснил Игорь, галантно поклонившись в сторону отца, и поднял бокал с вином. — Но сегодня особый случай. Позвольте сначала мне провозгласить… Я, руководитель отдела продаж, хочу в своем лице и от себя лично поблагодарить вас за теплый

оказанный прием. Не смущайтесь, что у вас сосиски с пюре, не думайте, что я привык совсем к другому.

Игорь подробно описал, какой был шведский стол на последней корпоративной вечеринке.

— Закуски холодные, закуски горячие, жюльен и креветки сколько хочешь! Хоть лопни. Но тут следует быть осторожным. На корпоративном мероприятии следует помнить о том, что вы оказываетесь под прицелом взглядов сотрудников, руководителей и гостей фирмы.

У него была странная речь, как будто ему было естественно говорить короткими рублеными фразами, но он приучил себя пользоваться витиеватыми выражениями.

— Я пять раз подходил за креветками. Но вы не беспокойтесь, я знал, что на этой вечеринке количество подходов не ограничено.

Отец кивнул:

— Вы… ты обычно заранее изучаешь правила, чтобы не попасть впросак?

— Предпочитаю знать заранее. Поскольку бывает, что количество подходов не ограничено, а бывает, что всего один подход. Вы же понимаете, в выстраивании карьеры нет мелочей. При этом особенно важны навыки межличностного обще-

ния, активного диалога — вы сами видите, как я умею общаться.

— Эти навыки свойственны тебе от природы или ты их совершенствовал? — поинтересовался отец.

— Совершенствовал на корпоративных тренингах, — охотно признался Игорь и, спохватившись, добавил: — Но что это я все о себе да о себе… Давайте вы мне тоже что-нибудь расскажите. Вы, может быть, удивляетесь, что я в моем возрасте уже занимаю такую позицию? Я — национальный менеджер по работе с ключевыми клиентами. — Игорь значительно поднял палец и уточнил: — На-ци-о-наль-ный. С клю-че-вы-ми.

Ужин был очень приятным, мы не испытывали никакой неловкости в общении с нашим новым родственником, не нужно было искать тему для разговора — Игорь говорил сам.

Игорь работал в компании по продаже водки «Золотой стандарт» в своем родном городе. Его карьера складывалась удачно — он был… если не ошибаюсь, Игорь сказал «менеджер по развитию региона», и через положенное время должен был пройти аттестацию и получить повышение. К ним в город приехал начальник из Москвы, который отвечает за всю Россию. И тут

случилась удивительная история, как история Золушки, — этот начальник вдруг выдвинул Игоря на повышение, и Игорь поехал на бал, то есть работать в Москву.

— Мое мировоззрение по вопросу продаж совпало с его, — сказал Игорь. — И вот я в Москве. Москва сама по себе уже повышение, а меня еще и в должности повысили… Я — национальный менеджер по работе с ключевыми клиентами. Зарплата. Социальный пакет: медицинская страховка, машина. Да, и оплата мобильного телефона. Мой босс мне помогает, он меня бизнес-ориентирует просто как родного сына… Так что еще раз в лице себя и моего босса, генерального директора компании «Золотой стандарт», спасибо за теплый прием.

Отец внимательно слушал Игоря, опустив глаза — читал газету «Санкт-Петербургские ведомости», держа ее на коленях. Прочел, сложил под столом, украдкой взял с полки первую попавшуюся книгу и прикрыл глаза с видом глубокой сосредоточенности.

Женя взглянула на часы, испуганно ойкнула — пора давать лекарство — и убежала.

— Ты куда-то уходишь? Приятно было видеть тебя, дорогая, — рассеянно сказал ей вслед отец.

Не то чтобы мы скрывали от него то, что Женя живет в Доме, но… немного скрывали. Но он и сам не заметил ее отсутствия за семейным столом в течение двух недель.

Мама наклонилась к Игорю через стол.

— Скажу тебе откровенно, как своему человеку: наша Женя — невеста, ее будущий муж болеет ветрянкой. И ее брак приведет к очень значительным жизненным переменам не только лично для нее, но и для всех присутствующих, — сказала мама, многозначительно переводя глаза с Игоря на сосиски в юбочках и салат оливье с покосившимся голубем.

Игорь одобрительно кивнул:

— Правильный брак — это необходимая часть карьеры…

— Молодец, здраво рассуждаешь, — похвалила мама. — Я уверена, что в бизнесе Жениного мужа всегда найдется место для такого разумного молодого человека, тем более родственника.

— Карьера — это дело такое, в ней нет мелочей, — рассуждал Игорь. — Вот возьмите одежду. Ну, на работе ясно, это бизнес-лук — костюм, галстук. А на корпоративной вечеринке? Требования к внешнему облику на корпоративной вечеринке, как говорится, дресс-код, в первую очередь

зависят от философии фирмы. Плюс одежда должна соответствовать тематике и месту проведения. Умение сочетать элегантность с простотой ценится больше всего. Дело упрощается, если форма одежды указывается в приглашении. Выполнение этого требования является обязательным.

В этот момент раздался звук — очевидно, отец на мгновение заснул, и книга упала из разжавшихся пальцев на пол. Отец виновато встрепенулся:

— Ну… э-э… Ты, кажется, рассказывал о корпоративных вечеринках?.. Очень… э-э… познавательно… ну… э-э… может быть, еще что-нибудь расскажешь?

Игорь с готовностью кивнул:

— Корпоративные вечеринки сплачивают коллектив, добавляют сотрудникам гордости за компанию и уверенности в ее стабильности. Корпоративные праздники служат поднятию коллективного духа компании, снятию стресса у сотрудников… Дальше рассказывать?..

Отец печально глядел в одну точку, его лицо выражало жалость, разочарование, обиду, все что угодно, кроме родственных чувств.

— Корпоративные мероприятия способствуют разрядке напряжения в межличностных отноше-

ниях, накопившегося в ходе работы, улучшению настроения сотрудников, развитию их творческого потенциала… — бубнил Игорь, а отец вдруг начал панически озираться, как будто его держат взаперти и он не может найти выход. Этот испуганный взгляд появляется у него, когда он хочет к себе наверх — немедленно, сию же минуту.

— Тебе нужно ответить на письма, — сказала я тихо, как будто напоминая. — Тебе нужно срочно ответить на письма…

— Да-да, именно… э-э… ответить на письма. — Отец поднялся из-за стола. — Спасибо, что напомнила. Ну… э-э… я вынужден вас покинуть, срочные дела призывают меня наверх.

Отец очень строго делит людей на достойных его внимания и всех остальных — по интеллекту. Наш новый родственник оказался глуповатым, и отец мгновенно потерял к нему интерес. У отца и Лидочки есть одна общая черта: непреодолимое желание убежать, мгновенная потеря интереса, если им — не нужно.

Мы с мамой и Марией еще долго слушали нашего нового родственника, стараясь проявить внимание к Игорю за себя и за отца.

Отец, конечно, вправе выбирать, на кого тратить время, оторванное у Византийской империи,

а на кого нет, но нам, обычным людям, стоит ли так строго оценивать людей по интеллекту? Наш новый родственник хоть и недалекий, но безобидный, порядочный, рассудительный, без всякой поддержки делает эту свою карьеру, — разве это не повод, чтобы простить ему некоторую глупость?.. Игорь, одинокий, мягкосердечный, приехал к нам, чтобы восстановить родственные связи, — разве это не заслуживает похвалы?

* * *

На следующий день во время завтрака выяснилось, что хотя у нас обычная семья, но все-таки немного мексиканский сериал.

Лидочка была в школе, Мария в институте, а я осталась дома писать диплом и вместе с мамой развлекать нашего родственника.

— Мне бы хотелось расставить точки. Обсудить в активном диалоге при помощи техник межличностного общения. Вы, я думаю, понимаете цель моего приезда, — покраснев, сказал Игорь.

— Восстановить семейные связи, — удивленно ответила мама. — Но мне кажется, мы уже вчера все восстановили…

…Утром уши у Игоря торчали еще больше, но в целом он был такой же свежевымытый и при-

ветливый, как вчера, и никто не ожидал от него такого подвоха… Скажу сразу же, не стану растягивать на несколько серий: оказалось, что наш дом принадлежит не нам, а потерянному младенцу. И участок, двенадцать соток, за счет которых мама рассчитывала приобрести недвижимость в разных странах мира, тоже принадлежит не нам, а Игорю. У симпатичного, аккуратного, приветливого Игоря оказались при себе бумаги, из которых следовало, что земля и дом принадлежали его отцу, а Игорю нужно было лишь юридически вступить в права наследства.

Из разговора Игоря с мамой я понемногу стала понимать, что же произошло — не сейчас, а давным-давно.

Давным-давно мы жили на Петроградской, в коммунальной квартире. У нас были две комнаты, огромные, как залы, одна с камином, другая с красивым эркером. Но все-таки это была коммуналка, а у нас были Женя, я, Мария, и только что родилась Лидочка. Поэтому родители с радостью переехали в Лисий Нос, в дом, принадлежавший нашему деду, — эту часть истории мы знали.

После смерти деда мы продолжали жить в Лисьем Носу, но дом и участок были завещаны сыну деда от второго брака, — а вот этого мы как раз

и не знали…

Братья поссорились: отец Игоря пожелал продать свое наследство, а наш отец не хотел вернуться со всеми нами в две комнаты с камином и эркером. Отец Игоря уступил нашему отцу, и мы остались в нашем доме, то есть уже не в нашем, а чужом доме.

— Мой отец поступил благородно, — заметил Игорь.

— Ничего подобного, твой отец поступил не благородно, а по совести, — благодушно возразила мама. — Он получил квартиру и новую машину «Жигули»! Да в то время этот старый дом стоил меньше, чем «Жигули». Разве это было справедливо?

Сначала мама охотно обсуждала все это с Игорем, считая, что они ностальгически вспоминают прошлое, затем смотрела на него жалеющим взглядом, как на сумасшедшего, которого почему-то волнуют дела давно минувшие, затем снисходительно-скучающим взглядом, как будто Игорь пришел рекламировать ненужный ей пылесос. Ну, а когда Игорь сбегал за портфелем и показал ей документы, у мамы случилась истерика.

Мама то плакала, то затихала, недоуменно

поглядывая на меня, и вдруг бросилась к Игорю с таким угрожающим видом, что он выскочил за дверь, прижимая к себе портфель с документами.

— Девочки, уймите вашу мать, — сказал он из-за двери, как будто я была здесь не одна, а с сестрами, — наверное, от ужаса.

— Я провела жизнь в розовых очках. Я думала, что если мы здесь живем, то это наше… — всхлипывала мама. — И вот до чего я дожила — нас выгоняют из родного гнезда…

Мама намочила полотенце холодной водой, демонстративно приложила полотенце ко лбу и вышла из кухни.

…Мама лежала в темной комнате с полотенцем на голове, а мы с тетей Ирой сидели рядом. Тетя Ира как будто чувствует, когда мама ложится с полотенцем в темной комнате, и сразу же забегает в гости на минутку.

Тетя Ира сказала, что все совсем не так примитивно и здесь была психологическая причина. Сыновья были от разных браков, мой отец всегда чувствовал себя ущемленным, и его брат решил не продавать дом, чтобы компенсировать ему недостаток отцовской любви.

— Да-а… — вздохнула тетя Ира, — вот она,

жизнь. Чувствуешь себя сильной, и вдруг оказывается, что ты ничтожный червячок и вся твоя жизнь зависит от какого-то стечения обстоятельств, от давней истории любви и ревности…

— Кто это ничтожный червячок, я? — рассердилась мама. — Ты меня имеешь в виду?!

— Я просто хотела тебя отвлечь…

— Отвлечь? Мы остались без крова, без крыши над головой, как погорельцы, а ты хочешь меня отвлечь какими-то ничтожными червяками, — горестно сказала мама. — Моя дорогая Лидочка и Мария тоже, мои бедные дети еще не знают, что остались на улице! Слава богу, что Женя выходит замуж, — хотя бы у одной из нас найдется где приклонить голову… Лиза, где твой отец?! Как он мог так с нами поступить?.. Этот человек, твой отец, сведет меня в могилу, впрочем, теперь мне больше некуда идти…

Вернулись из города девочки и приняли участие в обсуждении, слезах и догадках.

— Мы переезжаем в город? Ура! Как здорово, что мы будем жить в городе! — обрадовалась Лидочка.

— Чему ты радуешься, бедное наивное дитя? У нас всего две комнаты на шестерых, — напомнила мама.

— Ну и что? В одной комнате я с Марией, так уж и быть, а в другой все остальные, мама с отцом и Лиза с Женей, — легко сказала Лидочка и подмигнула. В этом подмигивании был как будто смешок, что она так хорошо пошутила, и одновременно уверенность, что именно так и будет. Лидочка — еще совсем ребенок.

— Ницше сказал: каждый человек стремится к уединению и к своему домашнему углу, где он избавлен от толпы, от многолюдия и может уделить всего себя познанию… Так что же, теперь я буду жить с Лидочкой, Женей и Лизой? — тревожно отозвалась Мария. Мария — уже не ребенок…

Кажется, будто я оставалась совершенно спокойной и хладнокровно наблюдала за всеми со стороны. Но я и правда ничего не чувствовала — у меня был настоящий шок.

Я представила, что живу в одной комнате с Лидочкой и Марией — ох!.. Четыре кровати (еще Женя) по сторонам комнаты, кучи Лидочкиной одежды и косметики на полу…

Я увидела себя жалкой, несчастной, избегающей своего дома, увидела, как я использую любые предлоги, чтобы не быть дома, допоздна гуляю по улицам, сижу в кино на ночном сеансе, остаюсь ночевать у подруг, предпочитаю остаться у

своего друга, даже если он не так уж сильно этого хочет. Все что угодно, чтобы не слушать глупую болтовню Лидочки и рассуждения Марии!

Я уже почти ненавидела противную эгоистку Лидочку и зануду Марию… Неужели родственная любовь так сильно зависит от количества комнат?..

А отец, что будет с ним? И с нашей семьей? Мама с отцом могут жить только так, как они живут сейчас — наверху и внизу! На Петроградской мы, Женя, я, Мария и Лидочка, очень быстро станем детьми из неполной семьи… Наше будущее совершенно очевидно: нашей семье предстоят тяжелые испытания, и сразу можно сказать — вряд ли мы в них выстоим.

* * *

К вечеру ситуация уже не выглядела такой трагичной.

Игорь был вызван в мамину комнату. Мы ждали, что из комнаты раздастся крик, но за дверью не было слышно ни шороха, как будто мама что-то нашептывала Игорю на ухо.

И вскоре они вдвоем вышли к нам, Игорь держал маму под руку и преданно на нее поглядывал, а у мамы был такой вид, как будто она вывела из

своей комнаты дрессированного медведя, — гордый и утомленный.

— Игорь хочет кое-что нам сообщить, — торжественно объявила мама.

— Я просто хотел… — начал Игорь.

— Ты просто хотел… — настойчивым эхом повторила мама.

— Я просто хотел, чтобы вы знали. Живите. Сколько хотите. Но вы должны иметь в виду, что владелец я.

— Ты еще кое-что хотел: чтобы девочки знали, — пока отец… — суфлировала мама.

— Пока отец?.. — переспросил Игорь. — А-а, да. Пока ваш отец… когда ваш отец… до того, как ваш отец… после того, как ваш отец…

— Игорь хочет сказать, что пока ваш отец жив, он не будет продавать дом, — помогла мама.

— Не совсем так… Лучше сказать, пока все девочки не выйдут замуж, — уточнил Игорь. — Тогда вы вдвоем с дядей сможете вернуться в свои две комнаты, в одной комнате мой дядя будет работать, а в другой вы будете обедать и смотреть телевизор.

— Ну, там видно будет… — небрежно отозвалась мама.

Удивительно. Необъяснимо. Невероятно.

Перед сном я зашла к маме. Она сидела перед зеркалом в ночной рубашке, и лицо у нее было совсем голое — без косметики, без улыбки, без обиды, без всякого выражения.

— Мама, что ты ему сказала? — спросила я.

— Сказала? Ничего особенного. Сначала он меня учил, как убеждать клиентов. Существует четырнадцать правил, помогающих убеждать, и шесть точек воздействия на клиента… Представь, целых шесть! Еще он меня учил, как преодолевать возражения клиентов. Для различных типов личности разные приемы. Было очень интересно. Потом он применял ко мне разные приемы убеждения, преодоления и возражения.

— Мама! Что ты ему сказала?

— Ох, ну что, что… Сказала. Просто поговорила по душам, о том о сем, обо всякой ерунде, о предках, о чести, о совести, о том, что земля дорожает… Но он и сам обрадовался, что ему не нужно продавать дом, — не у каждого хватит духу выгнать из дома семью с четырьмя маленькими детьми.

Мама забралась под одеяло и тонким обиженным голосом сказала:

— Лиза, ты взрослый человек, я могу говорить с тобой как женщина с женщиной. Я живу в розовых очках, ни разу не взглянула на документы,

тем более у нас никаких документов нет… Но я же не знала, что я должна об этом думать! У меня же есть муж, отец моих детей! Но ваш отец — он-то знал, что мы живем в чужом доме! Как твой отец мог поступить со всеми нами так легкомысленно?! За эти годы можно было прописать вас в Лисьем Носу, и тогда вы имели бы какие-то права на этот дом, в котором прошла вся моя жизнь… Что это — небрежность? Нет, это безразличие, безразличие к вам! Скажи мне, Лиза, что я должна об этом думать?

Но я не знала, что она должна об этом думать, что это — небрежность или безразличие к нам.

— А ты, ты куда смотрела? — строго сказала мама. — Тебе никогда не приходило в голову, почему в твоем паспорте стоит штамп о прописке на Петроградской и какие у тебя права на этот дом?! Это все твой эгоизм, ты во всем повторяешь своего отца — тебе осталось только засесть наверху, как он!

После мамы я поднялась к отцу — ведь он весь день совершенно один нервничает там, наверху. Представляет, как единственно возможный для него порядок жизни разрушится навсегда… Отцу было бы хуже всех — он не мог бы ночевать у подружек, ходить в ночные клубы, у него не было

бы даже крайнего варианта — возможности выйти замуж по расчету.

— Все устроилось, все хорошо, — сообщила я, — так что не волнуйся.

— Как я могу не волноваться, если это противоречит, угрожает всему, всей моей жизни. Мои книги… — взволнованно сказал отец.

— Не волнуйся, мы сможем жить в нашем доме, сколько захотим, у тебя останется твой кабинет, твои книги, твой письменный стол…

— О чем ты, собственно, говоришь? Я и не думал волноваться из-за стола, — пробормотал отец. — Прости, Лиза, но сейчас я не в силах с тобой разговаривать, я слишком взволнован. В этой статье, которую я получил сегодня утром, высказывается взгляд, противоречащий всему, что я делал в течение жизни… Я уже написал ответ и заявку на следующую конференцию. А сейчас ты уходи, мне нужно кое-что посмотреть.

Я хотела спросить, как отцу удается не думать о плохом, но тут вдруг что-то со мной случилось.

В общем, в меня вдруг вселился бес, и я сказала противным голосом:

— Мы чуть не остались без крова, а ты просидел весь этот страшный день у себя наверху, не думая, что я могла оказаться в одной комнате

с Лидочкой и Марией, — а ведь с человеком не может произойти ничего ужасней! Твоя жизненная стратегия нечестная — сидеть наверху, пока неприятности проходят сами собой.

Отец с упреком взглянул на меня:

— Лиза, я всегда ценил тебя за то, что ты не придавала значения пустякам. Если бы мы были на земле навсегда, то возможно, и стоило бы обратить внимание на то, что кому принадлежит и где документы. Но мы на земле лишь на время, поэтому ты должна приучить себя думать о более важных вещах. Сегодня я не буду ужинать. Нет, спасибо, и чая не нужно.

Мы с бесом тихо закрыли за собой дверь.

Когда бес выселился из меня, мне стало стыдно, я принесла чай и незаметно поставила отцу на стол.

…Наш новый родственник объявил, что пробудет у нас десять дней. Это был его отпуск, и он хотел посмотреть Эрмитаж, Петергоф, Павловск и другие достопримечательности.

Глава 5

Женя несколько раз передавала мне вежливое приглашение Алины: «Пусть твоя сестра заглянет к нам, если она болела ветрянкой», — и как-то вечером я зашла к ним в гости.

Наверное, их вечера были всегда одинаковы и похожи на тот вечер: зеленка, измерение температуры, беседа ни о чем.

Между Женей и Вадиком не чувствовалось никакого напряжения, как бывает между влюбленными, между ними не пробегали искры, они не старались дотронуться друг до друга. Не было никакого сомнения в том, что Вадик очень влюблен — весь измазанный зеленкой, он выглядел совершенно счастливым, — не было никакого сомнения, что Женя счастлива, но оба, нежная сиделка и послушный влюбленный больной, были не возбужденными от любви, а спокойными и расслабленными, как будто давно уже были одно целое.

Больная Алина потеряла всю свою самоуверенность и стала растерянной и милой. У нее поочередно болели голова, нога, живот, и каждую минуту с ней что-то происходило — «крутило»,

«подташнивало», «чесалось»…

— Я не могу больше болеть, эта ветрянка совершенно выбила меня из колеи, меня любая болезнь выбивает из колеи, особенно эти противные пузыри, — жалобно бормотала Алина. — Женечка, дорогая, хорошая, обещай, что ты никуда не уйдешь, не оставишь меня ни на секунду… и спать ляжешь в моей комнате! Я ни за что не буду спать одна с этими пузырями!..

Женя вела себя как ангел с медицинским образованием — обещала, что не оставит Алину ни на секунду, измеряла брату и сестре температуру, поила клюквенным морсом, мазала пузырьки зеленкой и дула, чтобы не было больно.

Все было так тепло и уютно, как будто все давно знакомы, — пока не пришел Сергей, уставший и злой, как муж из анекдота или плохого кино о семейной жизни, в котором сердитый муж приходит с работы и срывает плохое настроение на жене и детях.

Женя, как жена, убежала на кухню подавать ужин, Сергей принялся что-то сердито выговаривать Вадику, Вадик замолчал и мгновенно стал похож на виноватого ребенка, а Алина принялась оживленно болтать о своем — о своей температуре, о своих пузырьках, о своем больном горле. Она

кокетливо попыталась дотронуться до Сергея, делая вид, что хочет заразить его ветрянкой, но Сергей небрежно отмахнулся от Алины, достал из бумажника банковскую карточку и отдал ей.

Сергей пользуется Алининой банковской карточкой! Неужели он живет на деньги не только брата, но и сестры?.. Какое падение, какой ужас, ни минуты не останусь с ним в одном доме!..

Сергей вышел со мной, чтобы закрыть калитку. Можно было закрыть калитку пультом с крыльца, но он зачем-то пошел со мной по дорожке.

— Возвращайтесь в дом, — холодно сказала я.

— Не стесняйтесь, вы вполне заслуживаете, чтобы я вас проводил. У вас… э-э… красивые глаза, — рассеянно отозвался Сергей.

— Вы понимаете, что говорите? — возмутилась я. — Я заслуживаю того, чтобы вы меня проводили до калитки, потому что у меня красивые глаза?! Знаете что? Вы можете проводить меня до самого дома — у меня еще хорошая шерсть и подшерсток!

Сама не знаю, как у меня это вырвалось.

— Какой подшерсток? — Сергей смотрел на меня с таким недоумением, что я уже не могла остановиться.

— У меня толстый подшерсток. Я же овца… —

печальным голосом сказала я.

— Овца? Какая овца? — непонимающе спросил Сергей.

Я засмеялась:

— Вы назвали меня овцой, а девочки, мои сестры, услышали.

— Да, правда? Я не помню. Вы обиделись. Но я же не ожидал, что ваши сестры сидят в кустах. За глаза мы все говорим друг о друге что-то нелицеприятное. Мне нужно оправдываться, говорить, что вы красивая девушка? — насмешливо спросил Сергей.

— Не нужно. Я не имела в виду упрекнуть вас. Просто это было смешно. Я часто не могу удержать внутри смешную мысль и говорю вслух что-то, не совсем подходящее к случаю… Мама меня за это ругает. Она говорит, что это моя вторая натура — все видеть в смешном свете, — небрежно сказала я и вдруг неожиданно для себя добавила: — Я овца, а вы очень неприятный человек! Вы смотрите на людей, как будто оцениваете, сколько они стоят. Вы используете людей, и Вадика используете, и Алину!

— Что вы имеете в виду? — удивился Сергей.

— Вы живете в их доме, пользуетесь их деньгами, чтобы вести образ жизни, который вам не

по средствам. Вадика вы опекаете, а с Алиной спите… Лучше бы Вадик содержал кого-то, кто бы веселил его и развлекал, а вы не даете им взамен даже хорошего настроения, а только опекаете, сердитесь и учите! — Я вдруг спохватилась, что практически назвала Сергея приживалом и альфонсом, и растерянно сказала: — Простите…Но вы же сами спросили, а моя третья натура всегда говорит правду.

Сергей улыбнулся:

— Все люди используют друг друга. Кого-то используют для любви, кого-то для бизнеса… Спокойной ночи, моя дорогая… овечка!

— Не смейте так со мной обращаться, не смейте говорить мне «ты», сами вы овечка! — зашипела я и выскочила на дорогу, с размаха захлопнув калитку. И вдруг у меня опять как будто вытянулось лицо и выросла шерсть и я сказала «бе-е-е»…

Я не врунишка сама себе, как девочки на школьном вечере, которых никто не пригласил танцевать, а они так увлеченно беседуют друг с другом, словно пришли на танцы, чтобы наконец-то наговориться всласть. Я не врунишка сама себе, чтобы кокетливо спрашивать себя: «Почему я каждый день просыпаюсь с мыслью о нем? Ой, неужели я влюблена, а я и не заметила!»

Я была влюблена, Сергей всегда присутствовал в моих мыслях как тихая музыка, как декорация на сцене, на фоне которой происходит действие, но все мои натуры — и первая, и вторая, и третья — все они стыдили и корили меня за то, что я влюблена в приживала и альфонса!

Зачем я, как в песочнице, сказала ему «сам дурак», зачем наговорила столько обидных слов, зачем, зачем хлопнула в лицо калиткой?.. Не могу сказать, что после этого визита я чувствовала себя достойным, умным, взрослым человеком, скорее я чувствовала себя овцой, не взрослой овцой, а влюбленным и обидчивым овечьим подростком.

* * *

Нас ждала еще одна неожиданность. Только мы успели полностью забыть, что находимся у себя дома немного на птичьих правах, как Игорь объявил еще одну цель своего приезда — такое впечатление, будто наш новый родственник, такой, казалось бы, скучный и предсказуемый, привез, как Дед Мороз, целый мешок сюрпризов и достает их из мешка по очереди.

…Воскресным утром, когда я, лежа у себя в комнате, читала книгу «Матричный метод решения систем линейных уравнений», в дверь посту-

чалась мама. Из-за ее спины выглядывал Игорь с красным лицом и больше, чем обыкновенно, торчащими ушами.

Мама усадила Игоря на Женину кровать и расположилась рядом с Игорем, — она специально выбрала место напротив меня, чтобы Игорь не видел ее лица и она могла бы без помех посылать мне какие-то таинственные знаки. Мама делала большие глаза, заговорщицки морщилась, поднимала брови, словно у нее нервный тик, а один раз даже оскалила зубы и показала мне кулак.

— Мама, что случилось, ты плохо себя чувствуешь? — наконец не выдержала я.

— Да-да, я плохо себя чувствую, очень плохо… — согласилась мама. — Пойду приму лекарство. — Мама вышла из комнаты, напоследок скорчив мне страшную гримасу, мгновенно перешедшую в улыбку при взгляде Игоря.

Игорь, помолчав немного, встал с кровати, подошел к окну и, отвернувшись от меня, как будто он смотрит в сад, сказал:

— Ты, я думаю, понимаешь цель моего приезда?

— Эрмитаж, — предположила я, — Петергоф, Павловск?

Но нет, не Эрмитаж и не фонтаны Петергофа, и

не Павловск, а… Игорь сделал мне предложение. Игорь сказал: «Выходи за меня замуж».

Я и не догадывалась, какие это волшебные слова… выходи за меня замуж, выходи за меня замуж, выходи за меня замуж… При звуке этих слов по телу разливается приятное тепло, а губы сами складываются, чтобы сказать в ответ «мяу».

— Спасибо, — нежно ответила я, — мне еще никогда не делали предложения. Спасибо тебе…

— «Спасибо, да» или «спасибо, нет»? — робко спросил Игорь, и я почувствовала неловкость, ведь если тебе задают вопрос, полагается ответить.

— Но ты же наш родственник, как я могу выйти за тебя замуж?..

— Дальний родственник, — уточнил Игорь. — Наши отцы были сводные братья, мы с тобой даже не двоюродные, а… вообще никто. Я когда к вам ехал, не то чтобы планировал, но мысль у меня была: мне для статуса лучше, чтобы я был женат, а вы — девушки неизбалованные, живете в пригороде… Я уже говорил с твоей мамой — она у вас очень душевная женщина. Мама не против.

Мама действительно была не против, даже очень не против, но об этом потом.

Я была совершенно ошеломлена, ведь Игорь ничем не показал, что я ему нравлюсь, между нами не было ни одного влюбленного взгляда, ни тайного свидания, ничего, кроме восстановления родственных связей. Скорее, я могла бы заподозрить, что ему нравится Мария — Мария единственная из нас увлеченно обсуждала с ним правила межличностного общения и техники продаж.

— Ты очень хороший, но мы едва знакомы… это серьезный шаг… твое будущее… нужно познакомиться поближе, проверить свои чувства… — Я бормотала какие-то глупости, думая, не лучше ли было бы просто сказать «нет».

Но я не могла сказать «нет». А если бы я сделала кому-нибудь предложение и мне бы сказали «нет»?.. Это было бы обидно, оскорбительно, понизило бы мою самооценку надолго, возможно, навсегда. Если бы я была мужчиной, отказ мог бы привести меня к импотенции, и как бы я тогда жила дальше?..

— Да что там проверять! Мне сначала больше понравилась Женя. Женя очень красивая, но твоя мама сказала, что она невеста, и тогда мне больше понравилась ты. Мария тоже хорошая умная девушка, но еще не взрослая, а ты…

как раз в самый раз, — простодушно объяснил Игорь. — Значит, так, в начале переговоров — формирование целостного представления обо мне. У меня — зарплата, медицинская страховка, оплата автомобиля, оплата мобильного, квартиру двухкомнатную мне снимают, не в центре, но зато у метро. Перспективы по карьере — аттестация у нас через месяц, стопроцентно рассчитываю на позицию…

— Игорь, ты что, идиот? — по-родственному спросила я.

— Нет, а что, похож? — серьезно поинтересовался Игорь.

— Очень. Твое предложение — совершено дикий, идиотский поступок.

Но чужой поступок кажется совершенно диким, невообразимо идиотским до тех пор, пока не узнаешь все мотивы. Думаешь, что человек — многозначительный идиот, а у него в голове все логично и четко, как в логарифмической таблице…

Игорь сказал, что у него мужская проблема… Я хотела сказать ему, что сейчас все лечат, но оказалось, это была другая мужская проблема. У Игоря, такого симпатичного, без вредных привычек, не было девушки.

— Но ты же работаешь, проще всего было бы завести роман на работе.

— Офисные романы не одобряются. Корпоративная этика не позволяет начальнику встречаться с подчиненной.

Я вытаращила глаза:

— Неужели не позволяет? А если любовь?

— Это не приветствуется.

— Что, совсем нельзя?

— Ну, в принципе можно, но как-то не получается. Девушки в офисе делятся на две группы.

Игорь сказал, что девушки первой группы совсем молоденькие. Они могут удовлетворить определенные потребности мужского организма, но мужской организм имеет потребность в ласке и понимании, чтобы кто-то вечером спрашивал — как дела. А девочкам безразлично, как у него дела, с ними нужно ходить по клубам. Но у Игоря возраст! Да и привычки не те, от громкой музыки болит голова, утром на работу, и вообще, молодежная субкультура ему не близка. Вторая группа — незамужние девушки к тридцати, но они занимают приличные позиции и считают Игоря провинциалом, у которого нет в Москве ничего, даже квартиры.

— Московские девушки вообще все очень

избалованные. Хотелось бы кого-нибудь без претензий.

Бедный Игорь! В офисе нельзя и на улице нельзя — Игорь не станет знакомиться на улице. В компании? Но он вырос не в Москве, у него нет одноклассников, однокашников, когда одно знакомство тянет за собой другое. Остается Интернет, но он человек старомодный и не верит в виртуальные знакомства, — в Интернете все для секса, а он хочет для серьезных отношений.

— Поэтому я выбрал тебя. Зарплата. Аттестация. Позиция…

Я поняла, почему Игорь сделал такую блестящую карьеру — он четко сформулировал причины и следствия и сделал выводы.

Игорь сказал, что применит ко мне правила убеждения, которые он изучил на корпоративных тренингах.

— Я уже применил к твоей маме четырнадцать правил, помогающих убеждать, и шесть точек воздействия на клиента. Презентация. Продажи различным типам личности. Приемы преодоления возражений. Приемы обоснования цены. Заключение сделки.

— Пожалуйста, не нужно. Презентация. Заключение сделки. Не нужно.

— Раз ты согласна, то, как говорится, договорились. ДППР, — подытожил Игорь. — У нас в компании так говорят тем, кто не в теме. Расшифровать? ДППР — давай попробуем, потом разберемся.

…Чужой поступок кажется совершенно диким, невообразимо идиотским до тех пор, пока не узнаешь все мотивы… но потом опять кажется диким.

В комнату вошла мама с независимым лицом, на котором было написано «как ты могла подумать, что я подслушиваю за дверью?».

— Поздравляю вас, дети мои. — Мама растроганно улыбнулась Игорю и метнула на меня короткий злой взгляд. — Как романтично, когда сестры — невесты… Игорь, ты, наверное, хочешь сходить в магазин за шампанским… А мы тут с Лизой пока кое-что обсудим… насчет свадьбы.

— Хорошо, обсуждайте, — согласился Игорь. — Но имейте в виду: ЛДПР здесь я. Расшифровать? ЛДПР — лицо, действительно принимающее решение… Ну, я пошел за шампанским.

— ЖППВ, — пробормотала я себе под нос, но он услышал, и мне пришлось пояснить: — Желаю приятно провести время.

Как только за Игорем закрылась дверь, мама тут же сменила имидж счастливой матери, у которой две дочери — невесты, на имидж нашего кота, которого уличили в краже сметаны, и теперь ему немного неловко.

— А что здесь такого? — независимо начала мама. — Ничего я не подслушивала, просто стояла недалеко, под дверью… Ну, хорошо, я подслушивала. И что? Я всю жизнь мечтала подслушать, как тебе делают предложение!

— Мама, не можешь же ты всерьез считать, что я выйду за него замуж? — Я улыбалась и не понимала, почему мама не смеется вместе со мной.

— Почему? — так сухо и требовательно спросила мама, что я растерянно пожала плечами и забормотала:

— Ну как почему, это каждому понятно, почему… почему-почему… Потому что. Потому что он глупый. Он же глупый!..

— Ну не так чтобы совсем глупый… Я не вижу ничего уж такого страшного… — задумчиво отозвалась мама и энергично добавила: — А кто умный?! Твой отец умный, и что я с этого получила? Под старость лет жить под дамокловым мечом? Я имею в виду остаться без крова! А теперь еще ты — не хочешь выйти замуж и

выгоняешь меня на улицу?

Мама засунула в шкаф мои кофточки, поправила косо лежавшее покрывало и между делом быстро приняла облик то ли бездомной старушки, то ли короля Лира.

— Но ведь теперь все хорошо. — Я примирительно погладила маму по плечу. — Какая разница, кому принадлежит наш дом, лишь бы мы оставались здесь жить…

— Бедное наивное дитя, ты не знаешь человеческой природы, а я знаю, — вздохнула мама. — Планы Игоря могут измениться в любую минуту…

Мне стало так обидно, так больно, как будто я маленькая девочка и вдруг поняла, что мама меня не любит. Я привыкла к тому, что мама любит меня меньше, чем Лидочку и Женю, а сейчас я поняла: она любит меня меньше, чем Лидочку, Женю и Марию, меньше всех! Вообще не любит, не любит меня, ей безразлично — пусть я буду несчастной в обмен на этот старый полуразвалившийся дом!..

— Лиза, что с тобой, почему ты плачешь? Ты не плакала даже в детстве… Ну, хочешь, я спеку «Наполеон»? С таким кремом, как на прошлый Новый год, помнишь?.. — испугалась мама и обиженно

сказала: — Лиза, посмотри мне в глаза. Неужели ты могла подумать, что я уговариваю тебя выйти замуж из-за того, что твоя семья может остаться без крыши над головой? Если ты так думаешь обо мне, своей матери, то… то я даже не знаю, что я тебе сейчас сделаю! Как ты могла, Лиза?

Я плакала, просила прощения, мама гладила меня по голове, как Лидочку, приговаривая: «Девочка моя выходит замуж, девочка моя — невеста», и я уже подумывала, не выйти ли мне замуж, чтобы она называла меня «моя девочка» и гладила по голове.

— Девочка моя, я взываю к твоему благоразумию, твоему знанию жизни, — самым своим задушевным голосом сказала мама. — Я не буду говорить тебе, что тебе уже не восемнадцать лет, что ты должна думать о своем будущем, что Игорь положительный человек, что у него прекрасные перспективы… Я только скажу: тебе уже не восемнадцать лет, ты должна думать о своем будущем, Игорь положительный человек, у него прекрасные перспективы. Я поговорила с ним по душам…

— Но, мама, ты говоришь так, будто я старая дева!

— А ты и есть старая дева! Что, разве тебе восем-

надцать? Тебе двадцать один год — я же и говорю, старая дева! Кто в институте замуж не вышел — тот старая дева! Тебе сделали предложение, от которого нельзя отказаться, — решительно закончила мама.

— Мама, но мы же не в романе девятнадцатого века! Кто сейчас выходит замуж только потому, что сделали предложение?!

— Все! Все выходят замуж! — вскричала мама.

— Но, мама… Я его не люблю, он мне даже не нравится! Неужели ты скажешь мне «стерпится — слюбится» и выдашь меня замуж против моей воли?.. Усыпишь меня и выдашь замуж под наркозом!.. — сквозь слезы улыбнулась я, приглашая маму посмеяться вместе.

Я сидела перед мамой, как зареванная первоклассница, а мама, мама работала со мной, как она умеет: льстила, шутила, уговаривала, отступала, соглашалась и опять наступала, делала вид, что я уже приняла ее аргументы. А я никак не могла поверить, что все это говорится всерьез, и нервно хихикала от абсурда ситуации.

— Выходи замуж, Лиза… — заключила мама. — Конечно, это совсем не то, что Женин брак, но ведь и ты не такая красавица, как Женя. Женин случай — один на миллион, а все остальные

должны радоваться тому, что реально… Лиза! Ты же всегда сможешь развестись! Главное, что ты уже была замужем, это будет совсем другое дело! Тогда ты сможешь спокойно выбирать… Лиза! Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Мама тебя любит, так любит…

Если бы моя мама решила стать менеджером по продажам, ей не нужно было бы изучать способы активного диалога, потому что ее продажи были бы не диалогом, а монологом. И она в один миг стала бы национальным менеджером по работе с ключевыми клиентами.

Мама прикрыла глаза, по щеке у нее катились две слезы, и я опять чуть было не заплакала, но вдруг заметила: мама приоткрыла левый глаз и кинула на меня острый внимательный взгляд, словно проверяя, уже достаточно или нужно продолжать.

— Лиза, иногда кажется, что это глупость, а это лучшее, что посылает судьба… — устало сказала мама уже безо всякого имиджа. И мне вдруг стало страшно: а вдруг мама права и наш новый родственник — это лучшее, что мне посылает судьба?

Мама прижала меня к себе и нежно сказала:

— Моя маленькая малышка-глупышка слуша-

ется мамочку… Ну, а теперь мы пойдем к отцу и скажем ему, что ты выходишь замуж, а свадьбу устроим вместе с Жениной свадьбой.

— Не-ет! — заорала я. — Отстань от меня, я тебя ненавижу!

Неловко получилось, что я так сорвалась, как подросток. Мне двадцать один год, я уже старая дева, а до сих пор нахожусь в переходном возрасте.

Не успела мама выйти из комнаты — это был царственный выход, с трагически закушенными губами и выражением лица человека, достойно несущего свое горе, — с криком ворвались девочки.

— Лизка, ты выходишь замуж за зануду? — кричала Лидочка. — Ты тоже будешь зануда, и дети у вас будут зануды!

— Игорь не зануда, он глупыш, — возразила Мария. — Лиза, ты тоже будешь глупышка, и дети у вас будут глупыши…

Я думала, что мама уже ушла, но она все еще стояла под дверью — из коридора вдруг послышались печальные слова:

— Видишь, как девочки его полюбили…

* * *

Я спустилась вниз и договорилась с девочками, что они ни на минуту не оставят нас с Игорем наедине. Казалось, Игорь боялся того же, он так тщательно старался не смотреть на меня, как будто между нами произошла глупая неловкая история — но ведь так, в сущности, и было. Игорь поставил шампанское в угол и, вместо того чтобы, как полагается счастливому жениху, после переговоров заключившему сделку, обсуждать свадьбу, предложил провести какой-нибудь корпоративный тренинг, например тренинг продаж.

— Ты уже проводил с нами тренинг продаж, — напомнила Мария.

— Я сформировал у вас качества эффективного продавца и целостное представление об основных этапах продаж. Осталось практическое освоение эффективных приемов на разных этапах продаж. А можно провести тренинг межличностного общения.

Мы согласились: я — чтобы снять напряженность и занять возбужденных девочек, Мария — из любопытства, а Лидочка — от скуки — все лучше, чем делать уроки.

Игорь рассадил нас вокруг себя и спросил:

— Вот скажите, с чего начинается акт общения?

— Хи-хи, акт, — хихикнула Лидочка.

— Нужно сформулировать цель, — предположила Мария.

— Неплохо мыслишь, — одобрительно кивнул Игорь. — Но самое первое — контакт.

— Хи-хи, контакт, — хихикнула Лидочка, а Мария приготовилась записывать.

Игорь усадил Лидочку и Марию друг напротив друга и велел им смотреть друг другу в глаза и сказать ему, когда станет невмоготу.

— Ну, долго нам играть в гляделки? — спросила Лидочка, не отводя взгляда.

— Так неправильно, — разочарованно протянул Игорь. — Вы должны были сразу же сказать, что чувствуете себя неловко, а я вам на это — что нужно смотреть не в глаза партнера, а на переносицу… Ну хорошо, это я вам преподал. Теперь я вас научу, какие должны быть правильные позы.

— Хи-хи, позы, — обрадовалась Лидочка.

— Самое главное — это ноги. Все знают, куда девать руки — руками можно держать блокнот или ручку, а вот ногами… Представьте себе, что вы сидите на переговорах в низком кресле. И

вдруг вам предлагают плохие условия продажи, вы злитесь, и ваши ноги на глазах у партнера начинают дергаться!

Игорь уселся в кресло и задергал ногами. Он увлеченно принимал правильные позы, Лидочка повторяла за ним, гримасничая, как веселая обезьянка, Мария старательно конспектировала, а я смотрела на них и думала: «Лучше я буду всю жизнь жить в одной комнате с девочками, чем с Игорем. Лучше я буду всю жизнь слушать про Шопенгауэра и Ницше, про помаду и бигуди, чем про акт, контакт и позы».

Я потихоньку вышла из комнаты и прокралась к себе, но вдруг услышала сверху, из отцовского кабинетика, мамин голос: «Лиза! Ли-за!»

* * *

— Если она не выйдет за твоего родственника, она мне больше не дочь! — патетически воскликнула мама.

— Если она не выйдет за твоего родственника, она мне больше не дочь, — мирно откликнулся отец.

— Хороший жених, правда? — гордо спросила мама, как будто хвасталась удачной покупкой.

— Неплохой, — подтвердил отец. — Лизин

жених отлично справляется с жизнью в рамках домашнего обихода и материального благополучия, успешно работает и даже… э-э… занимает определенную должность. Он неплохо приспособлен к жизни, всегда следует правилам, благонравен…

Мама довольно улыбалась и кивала головой, как китайский болванчик, — да, да, да.

— Он с высокопарным видом произносит витиеватые фразы, но нам не придется к этому привыкать, поскольку они не будут жить с нами. Лизин жених относится к типу конституционально глупых…

— Это еще что такое? — подозрительно выпрямилась мама.

— «Конституциональноглупый» означает неумный от природы, — пояснил отец.

— Но ты же сказал, что если она за него не выйдет, она тебе больше не дочь, сказал?!

— Прости, я оговорился. Если она за него выйдет, она мне больше не дочь, — поправился отец.

Мама молча смотрела на отца.

— Мы не хотим выходить замуж, — улыбнулся отец и смешно развел руками, как будто извиняясь.

— Ты не хочешь выходить замуж, вот и не вы-

ходи! А она еще сама не понимает своего счастья! Глупая самонадеянная девчонка! Я ее научу понимать!

— Оставь ее в покое, — предложил отец.

Почему-то они говорили обо мне в третьем лице, как будто меня здесь не было. Но ведь я стояла здесь, перед ними, переминаясь с ноги на ногу, как провинившаяся малышка.

— О-о!.. Пусть она уйдет. — Мама метнула бешеный взгляд на меня и на дверь. — Мне нужно поговорить с тобой без посторонних ушей!

— Пусть она уйдет, — согласился отец. — И ты тоже… пусть ты тоже уйдешь.

Я вышла из кабинетика, и тут же раздался крик.

— Ты испортил мне жизнь! — кричала мама.

— Но ведь сегодня воскресенье. Воскресенье — это не понедельник, — вразумляюще сказал отец.

Раз в неделю, по понедельникам, мама врывается в кабинетик, бурно изливает на отца раздражение, негодование, обиду. Повод для этого всегда самый пустячный — пропавший кот или неудавшийся «Наполеон», но мама плачет, кричит, что отец испортил ей жизнь, и наконец уходит умиротворенная, оставляя отца само-

стоятельно справляться со своим недоумением. Зато потом она до следующего понедельника не входит к нему — это негласное правило, которое мама не нарушает.

…В самом начале этой истории я договорилась с собой, что напишу обо всем, не обеляя себя, не приукрашивая, как это обычно бывает, когда человек пишет сочинение или мемуары. И в том числе честно напишу о том, как я подслушивала под дверью.

Не то чтобы в мои привычки входит всегда подслушивать под дверью, как ссорятся родители, но иногда, когда дело касается меня… К тому же это была не настоящая ссора, а смешной игрушечный конфликт, разговор, который мама вела, как всегда, всерьез, а отец, как всегда, в шутку.

Я привожу этот разговор полностью, так, как я его подслушала.

— Ты должен на нее повлиять. Это ее судьба, я чувствую, я знаю… Не случайно он появился здесь через столько лет именно в тот момент, когда Женя уже невеста, а Мария для него недостаточно взрослая. — Мамин голос звучал задушевно.

— Мария?

— Может быть, ты не можешь припомнить, кто такая Мария?.. Это твоя дочь. Ей восемнадцать

лет. — Мамин голос звучал раздраженно.

— Уже восемнадцать? — Голос отца звучал удивленно.

— Да… Ох, ты имеешь в виду?.. Да, пожалуй, ты прав — ей уже восемнадцать. Пусть она выходит замуж за твоего родственника. Я чувствую, что это ее судьба, а ты?

— А может быть, Лидочка? Ты готова пожертвовать моему родственнику Лидочку? — Голос отца звучал задумчиво.

— Но Лидочка еще учится в школе, ей только пятнадцать лет, их не распишут!…Разве только она забеременеет… — Мамин голос звучал озадаченно и почти сразу же возмущенно: — Я поняла, ты надо мной издеваешься!

Молчание.

— Молчание — знак согласия, — печально констатировала мама. — Я так и знала, ты в очередной раз испортил мне жизнь.

* * *

Я очень удивилась, увидев внизу Люду, — в этот день так много всего произошло, что, казалось, должна была быть уже глубокая ночь.

— Не спишь так поздно, что-то случилось? — спросила я.

— Не сплю. Сейчас три часа дня, — ответила Люда.

Три часа дня, воскресенье, а у нас в доме уже сделано предложение, устроена подростковая истерика, проведен тренинг межличностного общения и что-то еще… ах, да, отец опять испортил маме жизнь.

Я быстро обняла Люду и зашептала:

— Ты мне друг? Нет, скажи, ты мне друг?.. Я тебя умоляю, если ты мне друг, уведи из дома нашего родственника!.. Лучше до ужина, идеально до вечера… Что ты с ним будешь делать? Ну, сначала пройдись с ним до калитки, а потом незаметно поведешь его все дальше, дальше… в Петергоф или в Павловск… Мама чуть не выдала за него замуж сначала меня, потом Марию… Ничего не вышло, ему остались только достопримечательности…

Люда понимающе засмеялась и спросила, как в детстве: а что ты мне за это дашь?

И я ответила, как в детстве: конфету-леденец, конфету-мармелад, конфету-шоколад.

Поздно ночью у отца еще горел свет. Сегодня был тот редкий день, когда нам хотелось разговаривать об одном и том же — о конституциональноглупых, но мы никогда не говорим

наверху о том, что происходит внизу, поэтому мы очень хорошо, тепло и откровенно поговорили об императоре Ираклии. Отец читал мне Феофана:

«В 622 г., отпраздновав Пасху, в понедельник вечером Ираклий выступил в поход против персов. Находясь в крайней нужде, он позаимствовал денежные средства из церквей и монастырей, из Великой церкви приказал отобрать паникадила и другие церковные сосуды и начеканил из них золотой и мелкой разменной монеты. Для управления делами за своим отсутствием назначил регентство, в которое вошли, кроме его сына, патриарх Сергий и патрикий Вон, муж тонкого ума и умудренный разумом и опытностью…»

* * *

Всю оставшуюся до отъезда неделю Игорь почти не бывал дома, уходил утром и исчезал до позднего вечера Я радовалась и не задавалась вопросом — ну, допустим, днем он осматривал достопримечательности, но Эрмитаж закрывается в шесть часов, что же он делает вечерами?..

Мама была холодна ко мне из-за того, что я все еще не замужем, к Марии из-за того, что она недостаточно взрослая для Игоря. Мама разговаривала сквозь зубы со всеми, кроме Лидочки.

Обычно мы вечерами сидим каждая у себя в комнате, но в этот раз все мы, не сговариваясь, оказались на веранде, делая вид, будто собрались к вечернему семейному чаю. Но мама демонстративно не обращала на нас внимания, а с Лидочкой они вели себя как заговорщики, шептались, переглядывались. Мария и я завистливо терлись неподалеку, пытаясь обратить на себя мамино внимание… Странно — кажется, что мама тебе ужасно надоела, и вдруг — ой, где же мама?

— Ничего не помогает, — тихо сказала маме Лидочка.

— Но, детка, мы уже и медом мазали, чесноком натирали… — перечислила мама.

— Мама, Лидочка больна? Кашляет? — подхалимским голосом спросила я. — Хочешь, я поставлю ей горчичники? Или сделаю йодную сеточку?..

— Не нужно нам от вас ничего, йодные сеточки мы делали. Говорят, еще хорошо помогает капуста… — задумчиво отозвалась мама и принесла из кухни кочан капусты.

— Я и так из-за тебя хожу в полосках, как жираф, и пахну чесноком, а теперь еще капуста… ненавижу капусту… — капризно скривилась Лидочка, глядя на маму, как младенец, требующий

соску. — Хочу, чтобы у меня была большая грудь.

Оказалось, что Лидочка не больна, а просто хочет, чтобы у нее была большая грудь. Лидочка с мамой постоянно предпринимают какие-то действия по улучшению Лидочки — перекрашивают волосы, пробуют разную косметику. На этот раз они увеличивали Лидочке грудь.

Большая грудь должна была появиться к пятнице. Что-то такое в пятницу произойдет, что необходима большая грудь, — дискотека или вечеринка. И они с мамой уже перепробовали все народные средства — йодные сеточки, медовые и чесночные маски, а воз и ныне там, то есть грудь не увеличилась ни на сантиметр.

Лидочка уныло жевала капустные листы, как коза, и плевалась — «ненавижу капусту», — а мама ласково уговаривала ее — «ну, еще один листик, за мое здоровье»...

— А я знаю про это с научной точки зрения, — подобострастно заглянула маме в глаза Мария. — Американские исследования доказали, что маленькая грудь лучше, потому что объем груди создается подкожным жиром, а жир притупляет чувствительность нервных рецепторов.

— Зачем мне эти рецепторы? — удивилась Лидочка.

— Не порти мне ребенка, — воинственно огрызнулась мама и погладила Лидочку по голове.

— А-а, они имеют в виду для секса! — из-под маминой руки вскричала Лидочка. — Ну и дураки! Передай американцам, что большая грудь гораздо сексуальней — это раз. Грудь увеличивается, когда ее трогает мужчина, — это два. А когда начинаешь жить половой жизнью, грудь сразу же увеличивается вдвое — это три. Я это точно знаю — мне одна девочка сказала!

Я представила себе, как я с размаху шлепаю Лидочку по попе… Нет, с размаху ей будет больно — я легонько шлепаю ее по попе… нет, я лучше вообще не буду ее шлепать, ведь она еще ребенок. Я лучше объясню ей, что нельзя слушать «одну девочку», в голове у которой все предрассудки мира.

— Лидочка, мед, чеснок, йодная сеточка и половая жизнь — это глупости, предрассудки… — начала я.

— Я хочу большую грудь, потому что мужчины любят большую грудь!.. — вскричала Лидочка.

Лидочка — единственная из нас, кто может при маме обсуждать такие темы — мне бы и в голову не пришло как-то показать маме, что я знаю, откуда берутся дети.

— Тогда съешь кочан капусты, — мрачно сказала я и ушла к себе. С меня достаточно унижений!

…А мама так меня и не простила.

* * *

Визит нашего родственника подходил к концу — завтра вечером Игорь должен возвращаться в Москву…

Мама все еще меня не простила, а теперь, когда тетя Ира принесла нам неожиданное ужасное известие, мама вообще никогда меня не простит…

Достоинство, с которым мама приняла неожиданное ужасное известие, вызывает уважение, у мамы потрясающая сила воли… Единственное, что она себе позволила в этой драматической ситуации, — это неудавшийся «Наполеон».

Но по порядку.

Мама с тетей Ирой сидели на кухне, мама сбивала крем для «Наполеона», тетя Ира пила чай.

— Он такой надежный человек. Человек, который принимает на себя всю ответственность, она за ним будет на диване лежать… — сказала тетя Ира.

— Кто «она» и кто «он»? — лениво спросила мама, не отрывая взгляда от крема. Она пробовала новый рецепт — два дня выдерживала тесто

на холоде, а вместо обычного заварного крема делала масляный.

— Кто он?.. Да он. Такой надежный человек. Человек, который принимает на себя всю ответственность… — смущенно протянула тетя Ира.

Не буду выдерживать читателей, как тесто: Люда выходит замуж за Игоря и уезжает в Москву.

Тетя Ира произнесла страшные слова «Игорь и Люда» с видом врача, делающего сложную операцию и решившегося на первый надрез. Мама перенесла ее слова как пациент, которому сделали первый надрез, но забыли дать наркоз, — вскрикнула и жалобно посмотрела на врача.

Увидев, что пациент жив и не упал в обморок, тетя Ира уютно расположилась с чашкой чая между коржами для «Наполеона» и подробно рассказала о предпринятых действиях: Люда уволилась с работы, Люда купила платье, Игорь ведет по Интернету поиски работы для Люды, завтра Люда вместе с Игорем уезжает в Москву.

— Москва — столица нашей родины… — вот и все, что произнесла мама.

И еще кое-что.

— В лучших чувствах, оскорбил нас в лучших чувствах… Я ему на прощанье пеку «Наполеон» по новому рецепту, а он мне такое… Ведь это

Лиза должна была выйти за него замуж или в крайнем случае Мария, — горестно сказала мама и еле слышно прошептала в сторону: — И вот он женится бог знает на ком мне назло!

Гордость тети Иры и отчаяние мамы остались скрытыми за внешними приличиями, и общие чувства бесхитростно выразила Лидочка — она еще ребенок и не чувствует нюансов.

— Ух ты, твою мать! — восторженно взвизгнула Лидочка и испуганно покосилась на меня. У нас с ней договоренность: за каждое грубое слово я вычитаю сто рублей из тех денег, которые я когда-нибудь ей дам.

— Вырази свою мысль на правильном русском языке, иначе ты сама знаешь, что будет… — потребовала я.

— Ух ты, какие тихарилы, — послушно сказала Лидочка.

— Нет. Не так.

— О-о… ну… ух ты, какие они… — Лидочка задумалась, наморщила лоб. — Не знаю, как сказать…

— Какие они скрытные, замкнутые, сдержанные, осторожные, себе на уме… — учительским голосом подсказала я.

Мама попрощалась с тетей Ирой мирно и даже

любовно:

— Напомни, сколько твоей Люде лет? Двадцать девять?

— Люде только что исполнилось двадцать семь, — подсказала тетя Ира.

— Ну, я же и говорю — тридцать, — подхватила мама. — Твоя Люда совершенно правильно поступила. Некрасивая девушка под тридцать должна ловить свое счастье. Ну что ты, дорогая, не хмурься, кто же говорит о твоей дочери, я так, в общем. Твоя Люда молодец, схватила Игоря, как лев ягненка, как вепрь, как коршун!.. Я очень тебя поздравляю!..

Как только за тетей Ирой закрылась дверь, мама бросилась в свою комнату и улеглась с полотенцем на голове.

— Какая все-таки у них в семье неприятная ловкость! Эта женщина и свою дочь так воспитала — ни совести, ни скромности, одно желание урвать, захапать себе что-нибудь получше… И если эта женщина еще раз придет к нам, если у нее хватит совести прийти в мой дом, скажите ей — у меня для нее болит голова. Не буду с ней больше дружить.

Эта женщина — тетя Ира. Дружба мамы и тети Иры как качели. На качелях взвешиваются бла-

гополучие и удачливость, и тот, кто на данный момент более благополучен и удачлив, взмывает вверх, а другой болтается внизу, и только иногда наступает зыбкое равновесие. Сейчас маме казалось, что тетя Ира вознеслась до небес и оттуда показывает ей язык, а она сама со всего маху бухнулась вниз.

Мама приподнялась в постели и горько произнесла:

— Господи боже мой, как ты допустил, что Люда выйдет замуж раньше Жени, раньше Лизы, Марии и Лидочки?! Ты видишь, что Люда — без пяти минут владелица нашего дома, участка, всего! Ты понимаешь, что мы живем у нее из милости?.. Как пережить, господи боже мой, как пережить это?.. — Мама помолчала, будто прислушиваясь к ответу, и сказала: — Ну, ничего, еще не все потеряно! Когда Женя станет хозяйкой Дома, мы еще посмотрим, кто кого.

Последнюю ночь перед отъездом Игорь собирался провести у Люды, и уезжать они должны были от них, поэтому мы попрощались с ним заранее.

Мама с полотенцем на голове произнесла прощальные слова, не выходя из комнаты, отец тоже простился с ним в доме, девочки махали руками

у калитки, а я попросилась сходить вместе с Игорем к Люде. Нет-нет, я не собиралась спрашивать свою подругу, как следователь, почему она выходит замуж так скоропалительно, без любви. Я просто хотела поздравить ее.

Мы взяли шампанское, купленное Игорем по случаю сделанного мне предложения, и отправились к тете Ире и Люде.

Игорь вел себя как счастливый жених — пил шампанское, обнимал Люду, а Люда вела себя как невеста — слушала Игоря внимательно, смотрела ласково. Я посидела у них полчаса в знак мира и дружбы и попрощалась, и Люда, оставив Игоря с тетей Ирой обсуждать, какие вещи нужно взять с собой сразу же, а какие могут подождать, вышла проводить меня до калитки.

— Лиза, ты хочешь спросить меня кое о чем, — начала Люда.

— Да, я хочу спросить: ты будешь работать в роддоме или в поликлинике? — заторопилась я. Не могла же я спросить — как умная Люда мирится с тем, что Игорь откровенно глуп.

Но Люда… мы же с ней с детства дружим. Люда засмеялась и сказала — не ври. Передо мной опять была моя Люда, а не какая-то безликая невеста, и я с облегчением выпалила:

— Люда! Но он же идиот!

— Лиза! Не забывайся, это уже почти мой муж, — одернула меня Люда. — Ну ладно уж, пока мы не поженились… Допустим, идиот… но разве это такая большая редкость, когда жена умнее мужа?.. Мы в институте проходили: средняя женщина умнее, чем средний мужчина, так почему мне должно повезти больше, чем другим? Я не красавица, как Женя, и не такая умная и ироничная, как ты. У меня вполне разумные претензии, мне нужно простое — муж, семья, ребенок. Игорь хорошо поддается влиянию, — я стану главной и буду его направлять. И он будет меня любить.

— Но Люда, Люда! А как же разговаривать о чем-то важном, умном, вместе смеяться, понимать друг друга? Мне так грустно то, что ты говоришь!

— Ни капельки не грустно. Представь, что ты сначала едешь с мужем в магазин покупать холодильник и разговариваешь с ним о холодильниках. Потом обедаешь в кафе и говоришь о еде, потом дома смотришь кино и смеешься над фильмом, ложишься спать… А когда будет ребенок, мы уже родственники, ты вообще не вспомнишь, глупый твой муж или умный.

Я представила, как глупость растворяется в повседневности… Действительно, какая разница,

с кем ты покупаешь холодильник, обедаешь в кафе, приезжаешь домой, ложишься спать… а когда рождается ребенок, обсуждаешь пеленки, успехи в школе, женитьбу, внуков… и умираешь, считая, что это была любовь.

Люда улыбнулась и, оглянувшись на дом, прошептала:

— Насчет секса… ты знаешь, я к этому отношусь как врач: если ты в принципе способна испытать удовольствие, то ты его испытываешь. Любовь здесь ни при чем, главное, чтобы человек был тебе не противен.

— Я так хочу, чтобы ты была счастлива! — горячо сказала я.

— Я и буду, не сомневайся.

Глава 6

Мама все еще по привычке кидала на меня то печальные, то угрожающие взгляды, но я знала — маминого сердца я не разбила. Если бы я вышла замуж за нашего нового родственника, мой брак стал бы для мамы всего лишь приятным событием в ряду других приятных событий, но никак не прекрасным, волшебным, феерическим торжеством — все свои честолюбивые надежды мама связывала не со мной, а с Женей.

И теперь мама повела себя как прирожденный полководец, не обращающий внимания на мелкие поражения: убедившись, что ее битва за менеджера продаж проиграна, она не стала предаваться отчаянию, быстро пришла в себя и снова обратилась к главной цели сезона. Женино замужество, отодвинутое на задний план из-за «страшного предательства этих людей, о которых я больше никогда не хочу слышать ни слова», снова занимало все мамины мысли. Уже спустя три дня после отъезда «страшных предателей» в Москву она искренне считала, что Игорь делал предложение по очереди мне и Марии, получил отказ, и мама из любви к Игорю и тете Ире ин-

триговала, устраивала, хитрила, не жалея себя, старалась женить его на Люде. И тетя Ира должна быть ей благодарна. Мама — это удивительная загадка природы.

Но теперь мама полностью сосредоточилась на Жене и Вадике.

Я терялась в догадках, почему мама оставила Женю в покое и ни разу не попыталась навестить ее в Доме, поговорить по душам с Вадиком, перетянуть себе в союзницы Алину, в общем, внедриться и поруководить. Оказывается, мама очень боялась заразиться ветрянкой — кто-то сказал маме, что в ее возрасте возможно заболеть повторно, и при этом следы от пузырьков останутся навсегда.

Теперь у мамы появилась возможность беседовать с Вадиком по душам через забор. Вадик начал выходить гулять, и всякий раз, когда он прогуливался по своему огромному участку как по парку, мама окликала его сверху — «Ва-дик!» — и делала ему знак подойти к забору. Вадик послушно подходил, мама спускалась вниз со своего поста, отодвигала расшатанную доску… Откуда в заборе взялась расшатанная доска? Не удивлюсь, если мама сама же ее и расшатала.

Они подолгу простаивали, беседуя через дырку

в заборе, — мама с ее умением втянуть человека в разговор по душам и Вадик с его неумением сказать «спасибо, не нужно».

Но может быть, Вадику было нужно? Иначе зачем бы он рассказывал маме, в какой крошечной квартире на окраине Нефтеюганска прошло их с Алиной детство, как они оставались подолгу одни под присмотром соседки, какие у них были любимые игрушки — у Алины одна бедная куколка, а у него одна разбитая машинка. О своем отце Вадик говорил неохотно, но с уважительным придыханием, о матери Вадик совсем не говорил — она умерла, когда дети были маленькими. Мама за глаза называла Вадика «бедный сиротка, ему так нужна моя материнская забота».

В маминой передаче это была смесь рождественской истории о бедных малютках, ставших миллионерами, и психоанализа… Мама подробно обсуждала с тетей Ирой, какие комплексы развились в бедном сиротке, — тетю Иру долго не принимали в нашем доме, но к концу третьего дня опалы простили. Тетя Ира считала, что в сиротке развились боязнь одиночества, желание найти любовь в первом встречном, поэтому его чувства и привязанности мимолетны и ненадежны… Мама, напротив, считала, что в сиротке

развились боязнь одиночества, желание найти любовь, поэтому его чувства и привязанности крепки и надежны. Мамин вердикт о Вадике был таков — хороший мальчик.

— Ты каждый день говоришь с ним через забор, — сказала тетя Ира маме. — Скажи честно, не увиливая, он сделал тебе предложение?

— Он? Сделал, — небрежно ответила мама.

Это была оговорка по Фрейду. Тетя Ира и мама, конечно, имели в виду предложение Жене, но Женей руководит мама, и Вадиком теперь руководит мама, и предложением тоже руководит мама.

— Конечно, он сделал мне предложение, а что?

Тетя Ира тонко улыбнулась.

— Сделал, сделал! — надулась мама. — Имей это, пожалуйста, в виду, а то ведь ты и твоя дочь любите польститься на чужое.

Мамины слова звучали довольно ехидно, при этом она так подозрительно вглядывалась в свою давнюю подругу, будто опасалась, не уведет ли тетя Ира у нее из-под носа Вадика, как ее дочь увела нашего родственника.

Но тетя Ира не обиделась — победители не обижаются, они могут позволить себе быть милыми и доброжелательными, — и еще раз, тонко улыбнувшись, посоветовала:

— Я ведь от всей души… Я бы на твоем месте не пускала дело на самотек…

Но мама и сама больше не хотела пускать дело на самотек.

Мама послала меня в Дом, как Красную Шапочку, с пирожками и горшочком масла.

Было утро воскресенья, машина Сергея стояла на участке, и сам Сергей был дома, я видела его с моего наблюдательного пункта — из-за занавески.

Спрашивается, почему самолюбивый, независимый человек, без пяти минут защитивший диплом «Специальная теория относительности и релятивистская астрофизика», надел нарядную юбочку и новую шапочку и понес пирожки и горшочек масла, как Красная Шапочка? О-о… ну, потому, что мама его послала, а этот человек — он всегда слушается маму.

Неубедительно? Тогда потому, что у него был исследовательский интерес. Он прочитал одну старую, дореволюционную книгу «Искусство обольщения» и одну современную, «Как завоевать мужчину», и ему захотелось проверить, правильно ли в литературе освещается искусство обольщения. Да, именно так, исследовательский интерес — это звучит лучше.

Дореволюционные способы обольщения сводились к тому, что мужчины — это интеллектуально недостаточные существа, которых необходимо ненавязчиво направлять в нужную женщинам сторону. Современные способы обольщения, в сущности, сводились к тому же: мужчины — это идиоты, которых нужно загнать в ловушку на правильную приманку. Дальше имелись разночтения.

Дореволюционное искусство обольщения было нежным и тонким: вовремя поданная ручка, мелькнувшая из-под длинного платья ножка, выбившийся локон, кокетливый стреляющий взгляд «нос, угол, на предмет». Но это не главное… Дореволюционное искусство обольщения было направлено на создание иллюзий. Девушка должна была создать у мужчины иллюзию, что он СПБГУ — я, по примеру нашего родственника, использую аббревиатуру. СПБГУ не означает Санкт-Петербургский государственный университет, диплом которого я вот-вот получу, и не означает САМЫЙ ПЛОХОЙ БЕСТОЛОЧЬ ГАДКИЙ УЗКОЛОБЫЙ. СПБГУ означает САМЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ БЕССТРАШНЫЙ ГЛАВНЫЙ УНИКАЛЬНЫЙ.

Чтобы создать у мужчины иллюзию, что он СПБГУ, девушка должна была уметь слушать. Нет,

не слушать, а слушать — податься вперед, глядя широко раскрытыми восторженными глазами, показывая всем своим существом, что перед ней самый прекрасный, бесстрашный, главный, уникальный…

Ну, а если уж девушка принималась разговаривать, то она должна была говорить с мужчиной о нем самом, а не трещать без умолку о себе. Девушке следовало наводящими вопросами изящно заставить мужчину рассказать о том, как он вел себя на поле брани, что он думает о погоде, о работе Сеченова «Рефлексы головного мозга», о новом кабинете министров, — и тут важно понимать, что все это было не о погоде, рефлексах головного мозга или министрах. Все это — о том, «какой вы умный…».

Итак, самое главное — ОН, О НЕМ, ЕМУ, ну и остальные мелочи — беспомощность, демонстративное незнание неприятных сторон жизни.

Цель дореволюционного обольщения — поймать и жить с ним счастливо до самой смерти, а цель современного обольщения — поймать и съесть. Наверное, поэтому современное искусство обольщения, с одной стороны, гораздо более профессиональное, а с другой стороны — как будто топором по башке.

В книге «Как завоевать мужчину» подчеркивалось: мужчина интересует нас лишь в одном качестве — как охотника дичь. Слушать мужчину ни к чему, нужно стараться как можно больше говорить самой — мужчина торопится и может уйти до того, как ты успеешь рассказать ему о себе. Создавать иллюзию, что мужчина СПБГУ, не нужно, нужно создать иллюзию, что ты СПБГУ — самая прекрасная богатая гламурная успешная или самая придурковатая бедная горестная убогая, — варьируется в зависимости от выбранного амплуа.

Предпочтение отдается ролевым играм — умная девушка всегда кого-то изображает: она либо принцесса — неприступная, любящая бриллианты, либо Золушка — бедная, но гордая, с одинокой мамой-учительницей и чистыми ушами.

Но одно совпадение я все-таки обнаружила: в обеих книгах подчеркивалось, что невинность девушки имеет большую ценность. Правда, в дореволюционном издании речь шла о невинности душевной, а физическая невинность предполагалась. В современном издании о душевной невинности речь вообще не шла, а только о физической. Совсем юным девушкам предлагалось восстановить девственность при помощи неболь-

шой операции, а остальным рекомендовали подарить своей дичи, то есть избраннику, хотя бы кусочек своей невинности. Девушка должна сказать: «У меня еще никогда так не было», или «Ты первый мужчина, которому я отдалась, остальные брали меня силой», или «Ты первый мужчина, которому я отдалась бесплатно, остальные платили». Клянусь, что я не придумала это в ночном бреду, а прочитала в книге «Как завоевать мужчину».

Изобразить принцессу у меня не получится, к тому же среди заинтересованных лиц уже есть одна принцесса — Алина, изображать Золушку глупо — я для него натуральная Золушка. Поэтому я решила, что мне больше подходят дореволюционные правила обольщения: говорить с ним о нем самом и слушать, слушать, слушать, — если, конечно, он мне что-нибудь расскажет.

Наш родственник Игорь учил нас на домашнем тренинге продаж, как нужно правильно слушать, а я все пропустила мимо ушей. Но я всегда могу справиться у Марии.

— Мария, ты случайно не помнишь… — начала я.

— Случайно не помню, но у меня все записано.

Мария порылась в своих тетрадках и нашла

конспект.

— Так, техники слушания… Первая техника: ты должна повторять за клиентом последнее слово. Он тебе говорит: «Цена на этот товар завышена», а ты повторяешь: «Завышена?» Тогда он начинает объяснять, почему завышена, и у тебя появляется возможность узнать его мнение и обдумать свои возражения…

— Возражения? — переспросила я.

— Лиза, что ты переспрашиваешь как дура? Если ты считаешь, что цена на товар не завышена…

— Не завышена?..

— Лиза, ты тупая? Если качества твоего товара соответствуют предложенной цене и маркетинговым исследованиям рынка…

— Рынка?

— Лиза, ты сошла с ума? Почему ты повторяешь за мной как попугай?!

— Проверяю технику. Кажется, не работает.

— Погоди, есть же еще вторая техника и третья… — разволновалась Мария.

— Спасибо, не нужно. Скажи лучше, ты случайно не знаешь, что такое любовь?

— Случайно знаю, — ответила Мария. — Это комплексный процесс импринтинга, совокуп-

ность биохимических процессов в организме человека. Один организм выбирает другой организм, и под воздействием амфетаминов возникает приподнятое настроение и эйфория. Контакт с любимым организмом стимулирует выработку эндорфина в мозгу. Во время секса в обоих организмах выделяется окситоцин.

— Ты точно знаешь? — с сомнением спросила я.

— Это все знают, — заверила меня Мария.

Меня ничуть не интересовали ни способы обольщения, ни техники слушания, ни даже что такое любовь. Я не собиралась обольщать Сергея изящной беседой о погоде, рефлексах головного мозга и кабинете министров или своим умением повторять за ним как попугай. Все это была шутка.

Я испытывала одно простое и ясное желание — увидеть Сергея. Стыдно влюбиться в человека, которого не уважаешь, каждое утро рассматривать его из-за занавески, идти к нему в гости, как Красная Шапочка, невинный посланец своей мамы. Но что я могла поделать, если мой организм выбрал его организм?..

* * *

Я едва успела поздороваться, передать мамины пирожки, выпить кофе, полюбоваться томной Алиной в облаке разноцветных кружев, подумать, что было между ней и Сергеем этой ночью, как пришла мама. Мама была в имидже заботливой хозяйки — с нежно-хлопотливым лицом и бидоном в руках.

— Закончился инкубационный период, я уже не могу заразиться! Сегодня ровно двадцать один день, и — вот и я. А вот бульон. Куриный бульончик к пирожкам, — сказала мама, протягивая Вадику бидон.

За мамой маячила Лидочка, и все это вместе — я, мама, Лидочка — было ужасно, стыдно, неловко, как будто мы всей семьей оккупировали их дом, прикрываясь пирожками и бидоном!..

— У вас тут так много места, нужно вечеринку устроить!.. — Лидочка с восхищением обвела глазами кухню-гостиную. — Я могу привести гостей, если вам некого позвать.

…Мама походила по дому, осмотрела мебель, технику, посуду, вернулась на кухню и посоветовала сменить плиту — эта наверняка плохо печет, купить другую мясорубку — эта слишком крупно

перемалывает, пользоваться полотняными полотенцами вместо бумажных — это гигиеничней.

— Чуть не забыла — подарок! — воскликнула мама и достала из сумки красную клеенку в белый горошек. — На столе обязательно должна лежать клеенка. Так будет гораздо уютней.

Мама суетилась, сдвигая посуду, чтобы накрыть огромный стеклянный стол в стиле хай-тек клеенкой в горошек.

…Мама давала советы по экономному ведению хозяйства, настаивала на своем, хотя никто с ней не спорил и даже не отвечал. Вадик держал под столом Женю за руку, а Женя так нежно смотрела на стоящую перед ней сахарницу, что я вдруг почувствовала обиду и ревность, не к сахарнице, конечно, а к Вадику.

Женя с Вадиком любили друг друга, я ревниво размышляла, есть ли я теперь в Жениной жизни или только Вадик, Алина что-то нашептывала Сергею, закрывшемуся от всех журналом, а мама с Лидочкой оказались предоставлены сами себе.

— Счастливая Женя! Будет миллионершей! Сможет купить себе все, что хочет! — довольно громко прошептала Лидочка. — Я тоже хочу! Я хочу розовое платье, помнишь, в витрине? И туфли, помнишь бархатные туфли? Я тоже хочу

выйти замуж и сразу всех обскакать!

— Что ты такое говоришь, девочка, — фальшивым голосом возразила мама, — тебе сейчас нужно думать об учебе…

— При чем тут вообще учеба?! Я хочу все сейчас, — шептала Лидочка, — розовое платье, туфли, я хочу все сейчас!

— Не волнуйся, Лидочка, я уверена, что ты тоже вытянешь счастливый билет, как Женя! И потом, ты теперь тоже будешь вращаться в определенном кругу, — не понижая голоса, ответила мама и раздраженно вскрикнула: — Ох! Лиза! Что же ты мне все время наступаешь на ногу? Один раз наступила, потом другой! Какая ты неловкая, Лиза, как медведь!

— Лиза, вас все время сравнивают с животными, то с овцой, то с медведем, — невинно заметил Сергей, высунувшись из-за журнала и насмешливо переводя взгляд с мамы на меня и опять на маму.

— А вы знаете, какая я сваха, — невпопад сказала мама. — За неделю женила одного нашего родственника на тети-Ириной Люде!

Сергей засмеялся — он не знал ни нашего родственника, ни тетю Иру, ни Люду. Он смеялся над мамой, и я впервые в жизни увидела маму

чужими глазами — его глазами. Самый страшный, самый болезненный стыд, когда приходится стыдиться за другого! Почему мама приносит никому не нужный бульон в бидоне, почему хочет повсюду насадить свой вкус и не видит, что хай-тек не сочетается с клеенкой в горошек. Почему она позволяет Лидочке говорить глупости и громко, как о решенном деле, говорит о Женином замужестве?

Мама отошла к Алине, уселась рядом с ней на диван и, отобрав у нее пульт, сделала звук потише.

— Как ты себя чувствуешь, Алиночка? — ласково спросила она. — У тебя есть слабость? Ты должна мерить температуру каждый день в пять часов.

— Чувствую не очень, слабость есть, температура вчера была тридцать шесть и восемь, — мгновенно оживилась Алина. — Может, сейчас померить?

Мама приложила руку к ее лбу и приказала:

— Женя! Градусник!

Алина незаметно придвинулась к ней, прижалась, как котенок к внезапно найденной маме-кошке. Мама права, Алина с Вадиком нуждаются в материнской заботе, — тяжелое детство

и прочее…

— Как хорошо посидеть вот так, своей семьей. Ох, как я вас полюбила, как будто вы мои родные дети, — обнимая Алину с градусником под мышкой, растроганно вздохнула мама, и на мгновение все вокруг стало так тепло и розово, словно мы и правда семья, — конечно, исключая Сергея, выглядывавшего из-за газеты с издевательской ухмылкой.

Я выпрямилась на стуле и, задрав подбородок, посмотрела на Сергея с вызовом. Я не буду краснеть, юлить и стыдиться своих родных!

Мама кажется ему шумливой, невоспитанной, бестактной… Но ведь это же моя мама!

Мама не виновата, что она в душе актриса. Она хочет всегда быть в центре внимания, нравиться, хочет, чтобы ее любили, восхищались ею. Равнодушие и безразличие для нее невыносимы. Она принесла никому не нужный бульон в бидоне, но ей и самой не нужен этот бульон! Мама хочет, чтобы на нее обратили внимание, чтобы все подумали: «Ах, какая она замечательная!»

Мама действительно позволяет Лидочке говорить глупости. Но мама не виновата — она не слышит, что Лидочка говорит глупости. У мамы есть одна черта, которая может быть неудобна

для окружающих, но зато очень удобна для нее: не хочет слышать — и не слышит, не хочет видеть — и не видит, не хочет знать — и не знает. Она уверена, что Лидочка хорошо учится, примерная девочка, любимица учителей.

И мама, и Лидочка — они с мамой очень похожи — могут полностью забыть о том, чего не желают помнить. Лидочка не помнит, что вела себя плохо, — прогуляла урок, получила двойку. «Это неправда, — говорит она, удивленно приподнимая брови. — Этого не было. Они врут». Можно было бы подумать, что врет Лидочка, но это не так, она не помнит. Лидочка всегда всей душой верит в то, что рассказывает, в какие-то непреодолимые обстоятельства вроде наводнения и пожара, которые помешали ей прийти на первый урок или вовремя вернуться домой.

Мама громко, как о решенном деле, говорила о Женином замужестве. Но она не виновата, что эмоции мешают ей подумать, что можно говорить, а что нет. Она слишком эмоциональная, к тому же выражает свои эмоции более сильно, чем на самом деле переживает. С мамой не скучно, она талантливо вживается в роль — артистично горюет, восхищается, раскаивается. Покричит на отца: «Ты испортил мне жизнь!», расплачется,

а потом немного поразмыслит: «Нет, кажется, жизнь в порядке», — и посылает меня наверх с чаем…

Но никто не умеет понять другого человека, как она, — или изобразить понимание, сочувствие. Приспособиться, проникнуть в другого человека, найти подход, завоевать чье-то расположение. Можно подумать, что мама делает это там, где ей выгодно, — Сергей наверняка думает, что мама хочет выдать Женю «за богатого». Это правда, мама хочет именно этого. Но ее искренне интересует Алинина температура, ей искренне жаль «сироток»… Это невозможно понять, я знаю, но ведь в каждом человеке, кроме того, что мы понимаем, есть еще что-то!

Например, во мне — в тот момент я ненавидела Сергея за его насмешки над мамой, за то, что нельзя выглядеть таким мужественным и при этом быть приживалом, это нечестно… Но в моей ненависти было еще что-то… Любовь?

* * *

Лидочка вдруг вспомнила, что ей «очень срочно нужно в город». Непонятно, почему шататься по улицам, глазея на витрины бутиков, может быть очень срочно, но Лидочка мгновенно под-

хватилась и убежала.

— Нам тоже пора домой, — сказала я.

— Ничего подобного, не пора, — отозвалась мама и прошипела: — Я отсюда без предложения не уйду.

Ну а я пошла домой и взяла собак погулять на заливе. Такса и пудель упоенно бегали по воде, я сидела на бревнышке, зажмурившись от яркого солнца, и задремала, а когда я открыла глаза, надо мной стоял Сергей.

— По нечетным гуляет Исчадие Ады, а нам можно по четным, — потирая глаза, объяснила я.

Но Сергей не стал вникать в тонкости наших отношений с Исчадием Ады и предложил пройтись вдоль залива.

Сергей молча шагал рядом и вдруг сказал то ли мне, то ли себе самому:

— У меня хорошее настроение. Только что мне позвонили — произошли серьезные сдвиги.

— Сдвиги? — машинально повторила я.

— Ну да. В деле, ради которого я здесь, произошли серьезные сдвиги. Они наконец согласились на мое предложение.

— На ваше предложение? — Теперь уже я переспросила специально, желая проверить технику попугайского повторения, которую рекламирова-

ли наш родственник и Мария.

— Мое предложение по реорганизации.

— Реорганизации чего? Ваше предложение по реорганизации чего?..

— Завода и всей компании в целом. Если вам интересно, я могу рассказать, — обрадовался Сергей.

Если бы эта история происходила в сериале, я бы еще серий двадцать сладостно недоумевала, впадала в отчаяние и надеялась, но я и без того довольно долго была в сериале, в своем собственном сериале, — так что я спросила прямо, чтобы не оставалось никакой недосказанности:

— Вы занимались здесь реорганизацией завода?.. И всей компании в целом? Я хочу сказать, вы чем-то занимаетесь?.. Работаете?.. Но я была совершенно уверена, что вы ничего не делаете, а просто живете с Вадиком и Алиной…

Сергей засмеялся:

— Ваша самоуверенность вас подводит, ваше овечество. Ну, и еще неопытность, незнание жизни. У вас очень богатое воображение, Лиза, вы не пробовали сочинять?

— Я пробовала, но… Я вас обидела. Почему вы не сказали мне тогда, что это неправда? Неужели вам безразлично, что о вас думают?

Сергей пожал плечами:

— Когда вы повзрослеете, вам тоже будет безразлично, что о вас думают посторонние люди.

«Да, понятно, ему безразлично, что я о нем думаю. Что о нем думают посторонние люди».

— А карточка, а счет? — недоверчиво спросила я. Не то чтобы у меня вдруг появились сомнения — скорее мне хотелось оправдаться, что я не вздорная девчонка и у меня были основания думать о нем плохо.

— Ах, вот оно что. Вы хотите доказательств, — развеселился Сергей. — Ну, хорошо. Алина просила получить ее карточку в банке, у старой карточки закончился срок действия, и ей прислали новую. Алина дала мне доверенность на время своей болезни, я получил карточку и отдал Алине. Устраивает?

— Ну… А счет в ресторане? Почему вы сказали, чтобы Вадик заплатил по счету? А сдача? Почему вы взяли сдачу? — настаивала я. — Это вы не сможете объяснить!

— Я не помню, — подумав, пожал плечами Сергей, — нет, не помню. Зачем я мог взять сдачу?.. Наверное, вы правы, я все-таки живу за счет Вадика. Вы меня раскололи, Лиза.

Мне было стыдно, и я, сделав вид, что таксе

и пуделю необходимо пробежаться, убежала с ними вперед, а когда вернулась, Сергей сказал:

— Я вспомнил. Помните, Мюллер запер Штирлица в камере и ушел, сказав ему — «вспоминайте». Штирлиц посидел, подумал и сказал — «я вспомнил». Я тоже вспомнил: в этом ресторане не принимают карточки, а у меня не было наличных денег. Поэтому я и сказал Вадику — «плати». И сдачу я забрал по той же причине — чтобы оставить на чай гардеробщику. Видите, как все просто.

— Но Штирлиц обманул Мюллера, — засмеялась я, и в этот момент у Сергея зазвонил телефон, и он, засмеявшись, сказал уже в телефон: — Я не обманываю вас, дорогой Мюллер… Да, мама, я слушаю. Уже купила билеты? И заказала столик? Хорошо, мама, я позвоню ей… Какой Мюллер? Весьма симпатичный… Нет, к сожалению, не нашего круга… Целую тебя.

Закончив разговор, Сергей что-то отметил в записной книжке и опять улыбнулся. Было понятно, что он очень любит свою маму — я никогда еще не видела его таким веселым и доброжелательным.

— Если моя мама что-то решила, ее не остановить, — любовно улыбнулся Сергей. — Теперь

она решила меня женить, составила список кандидаток и назначает им свидания… У мамы на меня локатор — она догадалась, что я рядом с девушкой, и подозрительно спросила, симпатичная ли вы.

— Я слышала: «Мюллер симпатичный, но не нашего круга». Разве сейчас существует такое понятие, как «человек нашего круга»? — насмешливо спросила я. — И этот «ваш круг», конечно же, определяется деньгами… По-моему, это глупо и отвратительно!

Сергей кивнул:

— Отвратительно — возможно, но совсем не глупо. Дело ведь не в количестве денег, а в том, что за этим стоит — хорошее воспитание, образование и происхождение.

Я растерялась, я даже не представляла, что можно так по-детски жестоко игнорировать чувства, да и просто присутствие другого человека — меня. Мне даже на мгновение показалось, что меня просто нет рядом с ним, я не иду по заливу, и такса и пудель не вьются у меня под ногами, и это не я стараюсь не расплакаться, стараюсь улыбнуться.

— Ну а вы, Сергей, кто же вы — принц? — спросила я, сдержанно улыбаясь, чтобы придать

дискуссии академический характер.

И тут произошло самое страшное, что только можно представить, страшное и неожиданное — Исчадие Ады. Я совсем забыла, что мое время закончилось и началось время Исчадия Ады.

Ада говорит, что благодаря бульмастифу она может быть спокойна за свое имущество. Но выведена эта порода была не для охраны имущества, а для охраны дичи от браконьеров — бульмастиф должен был догнать браконьера, повалить на землю и задержать до прихода людей. Браконьерство каралось смертной казнью, так что можно себе представить, с какой яростью браконьер сопротивлялся бульмастифу, а главное — с какой яростью бульмастиф сражался с браконьером…

Спущенный с поводка Исчадие Ады мчался вдоль берега со счастливым воем, предвкушая, как он сейчас всех съест — и меня, и пуделя, и таксу…

Бывают ситуации, трагичность которых преувеличивается участниками, но это был не тот случай. Это было мгновение, когда приходится делать выбор — продолжать жить достойно или продолжать жить. Такса совершила свой выбор, взлетев ко мне на руки, как будто была не собакой, а птицей, я сделала свой выбор, закрыв глаза

и вытянув к небу руки с таксой, пудель сделал свой выбор, метнувшись в тину залива и замерев на глубине лап, — он рассчитывал на то, что Исчадие Ады не любит воду.

А у Сергея не было выбора, потому что убежать и бросить нас на произвол Исчадия Ады — это не выбор для принца из хорошей семьи, но и принять бой с Исчадием Ады тоже не выбор для разумного человека, и поэтому он растерянно стоял рядом.

Убедившись, что ему не выхватить у меня из рук таксу, Исчадие Ады ринулся в залив за пуделем, я побежала за ним, но у самого берега поскользнулась в тине и упала, держа таксу в высоко поднятых руках. Если кому-то это покажется смешным, как в цирке, предлагаю посмотреть каталог собак: Исчадие Ады — «высота в холке 61–69 см, вес 50–59 кг, короткая, плотно прилегающая шерсть покрывает тело с хорошо развитой мускулатурой, голова крупная, квадратной формы, морда короткая, широкая, к мочке носа не суживается».

Сергей спас таксу и пуделя от Исчадия Ады, как принц в сказке спасает принцессу от дракона, — зашел в воду, взял на руки пуделя, поскользнулся в тине, упал, выбросив вперед руки с пуделем.

Теперь мы оба торчали из воды с воздетыми к небу руками, у каждого в руках по собаке, а между нами с рычанием сновал Исчадие Ады со свинской мордой.

И тут наконец пришло спасение — пришла Ада и взяла свою свинскую собаку на поводок.

Сергей поднялся, забрал у меня таксу и злобно побрел вдоль берега с двумя собаками на руках. А я виновато шла вслед за ним, смотрела сзади на его спину в мокрой рубашке и думала, какие у него широкие плечи, крепкие руки и… в общем, я любовалась принцем, героем, победителем Исчадия Ады.

Мы пришли к нам — Сергей мрачно сказал, что хочет убедиться в безопасности собак и доставит их домой собственноручно.

— Вы где предпочитаете сохнуть и пить чай — у себя дома или у меня? — вежливо спросила я.

В доме было тихо, как всегда в воскресенье днем. По воскресеньям, когда Лидочка в городе, Мария не выходит из их комнаты, наслаждаясь одиночеством, мама навещает соседей, ну а отец, как всегда, был у себя наверху.

Мы прошли ко мне, Сергей снял мокрую рубашку в тине, снял с меня мокрую рубашку в тине… Я много раз видела в кино, как посторонние люди

после совместно пережитой опасности страстно бросаются в объятия друг к другу, и считала это эффектной придумкой режиссера. Но мы бросились друг к другу, как будто только и мечтали об этом, пока он брел по берегу, весь в тине, и я брела за ним, вся в тине…

В кино часто бывает, что после любви люди опять становятся посторонними — это уж точно режиссерский прием… во всяком случае, у нас так не было. Мы смеялись, разговаривали и были абсолютно счастливы, во всяком случае, я была абсолютно счастлива. Все думают, что любовь — это совокупность биохимических процессов в организме человека, но это не так, и только я знаю, что такое любовь, — я открыла новый закон!

— Я открыла новый закон, — сказала я и, поймав удивленный взгляд Сергея, принялась юлить: — Мне приснился сон, что я открыла новый закон.

— Сейчас приснился? — улыбнулся Сергей. — Но ты же не спишь.

— Именно что сплю, у меня так бывает, что я сплю и вижу сон наяву, — выкручивалась я. — Мне приснилось, что я стою у доски в очках и с пучком, пишу мелом формулу, потом кладу мел,

отряхиваю руки и скромно жду аплодисментов.

— И что же?

— Все аплодируют. И перешептываются: «Нобелевская премия… Она открыла новый закон!..»

— А какой закон? — поинтересовался Сергей.

Никто не знает, что такое любовь, а я знаю. Я открыла закон: выбор организма + уважение = любовь.

— О-о, ну так, ничего особенного… Все процессы в системе, находящейся в состоянии равномерного и прямолинейного движения, происходят по тем же законам, что и в покоящейся системе, — скромно ответила я. Я нечаянно присвоила себе один из постулатов теории Эйнштейна — просто сказала первое, что пришло мне в голову.

Сергей посмотрел на меня странным взглядом — по-моему, ему хотелось покрутить пальцем у виска, и его удержали только хорошее воспитание, образование и происхождение.

— Лиза, а почему ты не говоришь «у меня так еще никогда не было»? — спросил Сергей.

— А что, разве так положено говорить? — удивилась я и тоненько жеманно произнесла: — У меня так еще никогда не было… На самом деле я не знаю, как было, это было никак, потому что я стеснялась и боялась. Я ничего не помню, как

будто меня ударило молнией, — в этом смысле у меня так еще никогда не было.

— Какая ты честная… — улыбнулся Сергей. — Могла бы и притвориться. Девушке положено быть романтичной.

Опять звонил его телефон, и это опять была его мама. Сергей сказал мне, что у мамы никого нет, кроме него, он обязан быть идеальным сыном днем и ночью. Я удивилась — такой взрослый принц и такой маленький.

Сергей рассказывал о своей семье сдержанно, без хвастливых подробностей, но так, что было понятно — он осознает свое положение таким же незыблемым как человек, ведущий свой род от древних королей.

Сергей родился на Урале, в маленьком, никому не известном городке. Городок был неизвестен, но зато завод, при котором и вырос этот городок, был одним из самых крупных в стране. Сергей родился, когда его отец уже был директором завода, хозяином городка. Ребенком, лет до десяти, Сергей жил в советском раю: его на самолете возили на елку в Кремлевский дворец, кормили икрой, покупали невиданные игрушки. Когда наступили новые времена, отец Сергея приватизировал завод и стал королем уже в новой России. Сергей

из советского рая шагнул в новый: они с мамой летали в Лондон в театр, в Бразилию на карнавал, а с отцом в Аргентину на футбол. К нему привозили учителей-англичан, боксом он занимался в собственном спортивном зале, музыкой…

— В собственной консерватории? — спросила я, и Сергей шутливо мазнул меня пальцем по носу, как будто мы сто лет знакомы.

Но Сергей не был избалованным богатым подростком — он мальчиком знал все тонкости приватизации, знал, как работает завод, отец готовил его к своему бизнесу, как наследного принца к принятию престола.

— …А что было дальше? — спросила я, затаив дыхание, как будто он рассказывал мне сказку.

— Дальше?

Отец умер, они с мамой уже давно живут в Москве, Сергей так и остался принцем, — интеллигентная семья, хорошее воспитание и образование, деньги и презрение ко всем остальным, лишенным этих замечательных преимуществ.

— Мне иногда хочется, чтобы все в моей жизни было попроще… — заметил Сергей. — Тебе этого не понять…

— Как будто ты привык есть ножом и вилкой, а иногда хочется руками, но ты уже не можешь? —

спросила я, и Сергей удивленно кивнул.

Может быть, было бы лучше, если бы Сергей оставался приживалом. Я бы любила его тихонечко, стыдясь и не давая себе воли, а теперь, когда он оказался порядочным человеком-принцем, любовь бурлила во мне, как будто открылся шлюз и хлынула вода. Этого я ему не сказала — мы все еще были посторонние люди, а посторонним такого не рассказывают.

В комнату постучались. Это был наш фирменный семейный стук — сначала один краткий «тук-тук», затем мгновенно открывается дверь, в комнату просовывается голова и радостно говорит «это я», вслед за головой в комнату вдвигается тело и спрашивает: «Можно?». Вся операция занимает секунду. Я едва успела накрыть Сергея с головой пледом.

— Ой, а что это вы тут делаете в темноте? — спросила Мария.

— Не знаешь, что ли, что люди делают в темноте? — хихикнула Лидочка. — Эй, Лиза, у тебя интим, а у нас свадьба! Слышишь, Лиза, мама сказала, у Жени свадьба, уже точно! Вот отхватила богатого, вот повезло! Теперь и нам чего-нибудь перепадет!

А я и не заметила, что прошло столько времени,

уже стемнело, и Лидочка вернулась, и… ох…

— Ли-за! Что все это значит? — в дверях стояла мама. — С кем ты там, неужели с посторонним человеком?!

— Мама, я не подросток, — напомнила я на всякий случай. От ужаса я говорила ленивым уверенным голосом, как будто посторонние люди под пледом — обычная для нашей семьи ситуация.

— Ли-за! Как ты могла? — изумленно сказала мама. — У меня нет слов, чтобы описать твое поведение! Это безобразие, распущенность, позор и… что еще? Разврат, вот что! В доме твои сестры, девочки, и Женя — невеста, а ты!

— Мама, я не подросток, мне тридцать лет, — повторила я, прибавив себе девять лет.

— Кто этот человек? — настаивала мама. — Я сейчас же устрою скандал и выгоню тебя из дома, иначе он может плохо о нас подумать! Решит, что тебе все позволено! Что мы семья легкого поведения!.. С кем ты, немедленно скажи!..

Я почувствовала, как Сергей шевельнулся рядом со мной, и на всякий случай толкнула его локтем. Глупейшая ситуация — Сергей, взрослый человек, со своим образованием, воспитанием и происхождением, скрывается от мамы в темноте

под пледом. Но как он мог достойно выйти из этой ситуации, то есть из-под пледа?.. У него не было выхода.

— Ну, хорошо, если не хочешь говорить, с кем ты, тогда я вообще уйду!.. — обиделась мама. — Но прежде чем уйти, я спрошу тебя: это, под пледом, серьезно или, как всегда, бесперспективные отношения? Девочки, Лидочка и Мария, быстро выйдите из комнаты!

Лидочка с Марией вышли, а мама осталась стоять в дверях, вглядываясь в темноту и словно пытаясь по очертаниям тела под пледом понять, жених ли это или «бесперспективные отношения».

— Молчишь? Тогда я сейчас уйду! — пригрозила мама. — Но прежде чем уйти, я скажу тебе нашу новость: Вадик сделал предложение! Я его спросила: «Как ты думаешь, свадьба будет в «Астории» или на острове?» Он сказал — на острове. А я думаю, лучше в «Астории». Зачем нам тратиться на билеты на остров для тети Иры и Люды?..

Такой финал может запросто убить любую романтику, правда?

* * *

Вечером вернулась Женя, счастливая, изнемогшая под грузом своего счастья. Она не могла обсуждать ни свою свадьбу, ни будущее, ничего. Это была не Женя, а ее тень, тень, которая могла только смотреть полными слез глазами и повторять: «За что мне такое счастье», «Я только одного теперь хочу — чтобы ты была так же счастлива, как я», — по этой фразе я поняла, что это все-таки ангел Женя, моя до умопомрачения влюбленная сестра.

Глава 7

В моей душе пели десять тысяч птиц, и все о любви…

Когда я засыпала, они пели, и когда проснулась, пели, и когда домработница Вадика, племянница тети Иры, принесла письмо, они пели тоже.

— Пляши, тебе письмо! — сказала тети-Ирина племянница, заглянув в комнату. Она незначащий персонаж, мелькнет и исчезнет, поэтому я не буду тратить на нее имя, просто буду называть ее Племянница.

— Мне? — хором сказали мы с Женей и одновременно начали делать какие-то танцевальные движения: я стоя на полу, а Женя лежа в постели. Мы знали, что Племянница ни за что не отдаст письмо без танцев — тети-Ирины родственники все очень упрямые, это у них семейное.

— Отдай! — Я протянула руку к конверту.

— Ах ты какая шустрая! А если это Жене письмо? — сказала Племянница. Она была очень возбуждена, наверное, ее взволновала роль Купидона, и она представляла себя пухлым шаловливым младенцем с колчаном и любовными стрелами, выстрелит — пиф-паф, и прямо в серд-

це, а еще выполняет мелкие любовные поручения богов — разносит по округе любовные письма и прочее.

Чтобы скрыть смущение, я покружила по комнате и подошла к окну. Шел дождь, мелкий противный дождичек, из тех, что начинаются ранним утром, и кажется, что никогда не закончатся. Племянник тети Иры, агент по недвижимости, под дождем носил к машине чемоданы. Он еще менее значимый персонаж, чем Племянница, еще быстрей промелькнет и исчезнет, поэтому я не буду тратить на него имя, просто буду называть его Племянник.

Чемоданов было шесть, четыре чемодана поместили в багажник, а два пришлось засунуть на заднее сиденье. Сергей сел за руль, рядом с ним уселась Алина, на заднем сиденье между двумя чемоданами, как будто в клетке, виднелся Вадик. Племянник, агент по недвижимости, нажал кнопку на пульте, запер калитку на дополнительный замок ключом, подергал на всякий случай, проверяя, закрыта ли калитка, засунул ключ в карман, похлопал по карману, словно говоря «тут никуда не денется», вежливо помахал рукой вслед отъехавшей машине и принялся разглядывать Дом, словно прикидывая, насколько выгодно он его

продаст и можно ли это сделать немедленно.

Уехали, почему же так срочно? Тогда это письмо, без сомнения, мне: Сергей прощается со мной и объясняет причины отъезда; надеюсь, что это не какое-нибудь несчастье, а просто очень срочное дело. В этом письме — я мысленно увидела выдранную из блокнота чуть смятую страничку, второпях косо написанные строчки, — в этом письме написано, что он меня любит…

…Пожалуй, все-таки нет — взрослый человек не объясняется в любви, как мальчишка-первоклассник: «Лиза, я тебя люблю»… Хорошо, пусть не «люблю», а «позвоню» или, на худой конец, «дорогая овечка… твой принц».

Но если это письмо мне, что тогда Жене? Ох, какие же мы все эгоисты! Когда мне приходится признаться в чем-то неблаговидном, я всегда говорю — ох, какие же мы все… а ведь это вовсе не все, это я. А Жене… Жене Вадик просил передать на словах: «Пришлось уехать по срочному делу, люблю, целую, уже скучаю…»

Я протянула руку за письмом.

— Лиза, тебе пишут, — улыбнулась Племянница, — это Жене. Мой-то тоже, когда встречались, записки мне писал… хоть и рядом жили, не дождаться было, когда увидимся… — мечтательно

сказала Племянница. — Я утром встаю, а в дверях уже записочка — «люблю». А сейчас нет, не пишет.

Это письмо Жене. Вадик, как когда-то муж Племянницы, прислал ей утреннее «люблю». Женю ждет любовь, свадьба. Может быть, и хорошо, что Вадик уехал, Жене в ее счастье нужна передышка — немного побыть без Вадика, только с нами, насладиться предвкушением свадебных хлопот, всеобщей любовью и радостью за нее. Но я? Как же я? Неужели я в следующий раз увижу Сергея на Жениной свадьбе в «Астории» в смокинге или в набедренной повязке на необитаемом острове?

— Женя, пляши! — сказала Племянница.

Женя под одеялом изобразила бурный танец, но Племянница покачала головой — не отдам, и Женя встала на кровати, завернутая в одеяло, замерла на секунду и вдруг отбросила одеяло, оставшись в длинной ночной рубашке в цветочек, и принялась скакать, раскинув руки, с развевающимися спутанными со сна золотыми волосами. Она скакала на постели, изгибалась, улыбалась, была такая же розовая и золотая, как всегда, и совсем другая, не как всегда, — за ее вечной безмятежностью впервые появился какой-то соблазн, впервые в жизни моя сестра была

похожа не на ангела, а на счастливую ведьму… Как тихий Вадик сумел разбудить в тихой Жене такую любовь?! Вспомните, как Женя говорила: «Если ты замужем, значит, тебя уже выбрали», — ее уже выбрали, вот она и расцвела, как яблонька, застенчивая, нежно-уверенная, томная и, откуда ни возьмись, страстная… Ладно уж, она такая красивая и влюбленная, пусть письмо будет ей…

Женя вскрыла конверт и вынула из конверта деньги. Деньги? Держала пачку денег в руке и смотрела на них непонимающими глазами.

— Почему деньги? Зачем мне деньги?

— Они уехали, — объяснила Племянница с важным видом Купидона, прижавшегося к чужой любви.

— Уехали?.. Уехали, — повторила Женя. — Но зачем Вадик оставил мне деньги? Это неловко, мы же еще не муж и жена…

— Они совсем уехали. Отдали ключи, чтобы за Домом смотрели, и уехали, — пояснила Племянница, глаза ее горели от возбуждения, и она даже как-то подпрыгивала на месте.

Женя потрясла конверт, чтобы оттуда вывалилась записка, но конверт был пуст.

— Они оставили тебе деньги за то, что ты с ними сидела, ухаживала как медсестра. Алина так

сказала. Сколько они тебе заплатили? Сколько стоят частные услуги медсестры? — деловито спросила Племянница. — Ты сексуальных услуг не оказывала?.. Ну, знаешь, как пишут в объявлениях: «Интим не предлагать». Если с интимом, то дороже, с интимом совсем другая цена. У тебя-то как было — с интимом или без?

— Пошла вон, пошла вон! — закричала я. Неужели ей приятно, когда другому больно, как дурному ребенку, мучающему кошку, или она просто нетактичная, эта Племянница, или дать ей полотенцем?..

Племянница с притворным сочувствием на лице, бормоча: «Эти богатые — они такие, бросили девочку, как ненужную тряпку...» — выкатилась вон.

...Сколько стоят частные услуги медсестры — измерять температуру, мазать пузырьки зеленкой и дуть, чтобы не было больно? Мы сидели рядом на краю Жениной кровати, как две птички на жердочке, и молчали, и у меня не было ни одной мысли. Недоумение, обида, боль — ничего этого я не чувствовала, зато я была вся полна физиологическими ощущениями: внутри у меня все дрожало, меня попеременно знобило, бросало в жар и тошнило, и только через некоторое

время — теперь уже невозможно сказать, минута прошла или час, — ко мне вернулась способность рассуждать.

Любовь и дружба длились ровно двадцать один день — период ветрянки. Мы остались за забором, влюбленные и брошенные: Женя, брошенный ангел, и я, брошенная овца… Будничность, отсутствие всякой театральности: дождик за окном, сгорбившаяся на кровати Женя в ночной рубашке в цветочек, пачка денег на постели — подчеркивали окончательность всего происходящего, финал нашего кино «Любовь и дружба», как будто кто-то большими буквами написал «КОНЕЦ».

Что нам сейчас нужно — валокордин, пустырник, снотворное, заснуть и проснуться через неделю, через месяц, через год, когда боль утихнет?.. Если бы в руках у меня было ружье, я бы выстрелила, выстрелила бы пулей с солью — одну пулю Вадику, другую Сергею, третью Алине.

— Лиза, мне нужно вернуться на работу, в поликлинику, — ровным голосом сказала Женя. Она взяла деньги, аккуратно выровняла пачку, встала, подошла к окну, не взглянув на Дом, задернула занавеску и убрала деньги в ящик шкафа, где хранилось ее белье. Движения ее были медленными и неуверенными, словно она была

плохо смазанным Железным дровосеком с плачущим сердцем, бедным железным человечком, заржавевшим от пролитых слез.

Я сидела на кровати, смотрела на Женю, а думала не о ней, а о том, «что скажут люди», — в точности, как мама. Я думала — теперь все узнают. Все будут знать, что Жене заплатили. Все будут знать, станут перешептываться, показывая на Женю, смеяться, говорить: «Вот она идет, наша дурочка, вообразила, что она из Золушек прямиком в принцессы...» Все будут думать, что жалеют Женю, но эта жалость будет двойной — жалость пополам со злорадством, или жалость, сдобренная радостью, что с ними такого не случилось. И никому, ни одному человеку не придет в голову, что Женя не виновата ни в глупости, ни в корысти, потому что никому не нужна правда, а нужно, чтобы было «интересно».

Но нам и самим не нужна правда, а нужно, чтобы было «прилично»? Может быть, в нашем горе столько же горя, сколько стыда перед людьми?.. Никто не знает, что я тоже пострадала в этой двойной любовной истории, и я ни за что не признаюсь никому, даже Жене. Не хочу, чтобы Женя меня жалела, страдала за себя и за меня, не хочу, чтобы мы с ней были похожи на лису

Алису и кота Базилио — ковыляют, поддерживая друг друга, одна с перевязанной лапой, другой с подвязанной щекой.

Неужели я — как мама, тщеславная, нервная, самолюбивая? И только Женя живет в мире, полном чистых чувств, без примеси тщеславия, у нее радость — так радость, горе — так горе. Женю так просто смутить, так легко ранить, она трепещет от малейшей обиды, полна неуверенности и страхов, но выходит, что Женя — сильнее?..

— Лиза, я пойду к маме, — сказала Женя. — Мама так волновалась за меня, так радовалась, она должна первая узнать обо всем. Я ни минуты не могу ее обманывать… Бедная мама.

— О, нет, — с невольным испугом сказала я.

— О, да, — сказала Женя, и мы рассмеялись.

…Бедная мама… это я иронически. Страшно представить, как «бедная мама» измучает Женю за предательство, которое совершила не она, как вцепится в нее когтями, словно кошка в мышонка, как будет горестно повторять: «Что же ты сделала не так?»

* * *

Мама молчала и ласково смотрела на меня

— возможно, это была шоковая реакция.

— Мама, Вадик уехал, свадьбы не будет, Женя просит никогда не говорить о нем плохо, — размеренно перечислила я. Я повторяла эту фразу уже в третий раз. — Мама, Вадик уехал, свадьбы не будет.

— Будет, — шепотом возразила мама.

— Свадьбы не будет, Вадик уехал, — повторила я, и мама вдруг закрыла глаза и, покачав головой, как ребенок, тоненько сказала:

— Нет-нет-нет!

— Мама, подойди к окну, посмотри — Дом заперт, ставни закрыты. Вадик уехал, свадьбы не будет.

— Да-да-да… Господи, стыд-то какой… — Не взглянув в окно, мама покивала головой и жалобно предложила: — А давайте всем скажем, что он уехал в командировку… в Африку на год… А там как-нибудь образуется, все про нас забудут. Ведь еще никто не знает…

— Знают, — значительно сказала тетя Ира.

Мы ее не приглашали, а она уже тут, с лицом, готовым к сочувствию, и валокордином. Мама улыбалась нервно, Женя улыбалась испуганно, а тетя Ира пыталась напоить обеих валокордином, — в руках у нее были две рюмки, и она

протягивала рюмки, как будто предлагая им чокнуться.

— Знают, — горестно повторила мама. — Все?

Тетя Ира кивнула:

— Все.

В задачнике Перельмана «Занимательная математика», по которому я в детстве решала задачи, говорится: если нескольким людям известен секрет и каждый из них сообщит его трем разным людям, а каждый из них в свою очередь расскажет еще троим, то через три дня секрет будет знать огромный город. Это геометрическая прогрессия. Но у нас в Лисьем Носу геометрическая прогрессия не работает — тетя Ира узнала наш секрет в тот же момент, когда и мы, а все остальные через час.

— Вадик уехал, свадьбы не будет. Но я все равно его люблю и никогда не разлюблю, и у меня будет от него ребенок, — шепотом сказала Женя.

На ее лице было выражение упрямого ангела — глаза прозрачные, губы плотно сжаты, по щеке ползет слеза. Женя, такая всегда «рева-корова», в детстве отец предлагал ей плакать в бутылочку, уверяя ее, что за бутылочку слез ей дадут слона в зоопарке, — а сейчас всего одна слеза. Пролила бесконечные потоки слез, когда заболевший

ветрянкой Вадик не звонил ей несколько дней, а сейчас ни обвинений, ни рыданий, ни страха перед будущим или мамой, — всего одна слеза. Плачет, одновременно улыбается туманной улыбкой, как будто видит перед собой что-то высокое и прекрасное, — наверное, это беременность действует так благотворно.

— Ах, вот оно что… А Вадик что об этом думает? — деловито спросила тетя Ира с глазами огромными, как блюдца.

— Не знаю. Не нужно говорить об этом, пожалуйста, — прохладно ответила Женя, но тетю Иру такие пустяки не останавливают.

— Вадик знает?!

Женя покачала головой, и я тоже покачала головой вслед за ней. Вадик не знает, что у него будет ребенок, — но зачем ему знать, ведь ребенок будет не у него, а у нас.

— Почему не сказала?

— Зачем? Мне достаточно, что я сама знаю. Значит, ему пока это не нужно. — В голосе всегда мягкой Жени прозвучал вызов, как будто только она знает, что такое любовь, а мы с мамой и тетей Ирой нет. Дружбу знаем, приятельство знаем, уважение знаем, а любовь — нет.

— Да-да, что бы вы ни говорили, у меня будет от

него ребенок… — прошептала Женя.

— Я понимаю, Женечка, не кричи, — отозвалась мама. — Ребенок — это хорошо, дети — это счастье. У меня четверо детей, и это самое большое счастье в моей жизни, и ваш отец, конечно, тоже. Он тоже самое большое счастье в моей жизни… Ребенок? Какой ребенок?!

Женя была-была и вдруг будто растворилась — убежала наверх или в сад.

— Женя беременна, — объяснила тетя Ира.

— Ты говоришь, Женя беременна… — улыбнулась мама. — Ну, это просто ерунда, и все! Я не разрешу ей рожать.

— Ты хочешь, чтобы она сделала аборт? — кротко спросила тетя Ира.

— Ну вот еще, глупости! Я не разрешу ей делать аборт.

— Что же ей тогда делать? — невинно улыбнулась тетя Ира, и мама пробормотала горестным эхом:

— Действительно, что же ей тогда делать?.. — Мама выпила валокордин из обеих рюмок, своей и Жениной. — Свадьбы не будет, Вадик уехал, Женя беременна, — и это после всего, что между нами было… — шептала она.

Я думала, мама имеет в виду — после всего, что

было между ней и Вадиком, но тетя Ира поняла это по-другому, — после всего, что было между мамой и тетей Ирой.

— Да, между нами кое-что было! Вспомни, что ты мне говорила? — напомнила тетя Ира. — Что, если бы твоя дочь родила без мужа, как моя бедная девочка, ты бы умерла… Ты говорила, говорила!.. А я тебе на это ответила — такое может произойти с каждым. И кто оказался прав?

Известие о Жениной беременности решительно меняло ситуацию в маминой — тети-Ириной дружбе-войне — это было не временное мамино отступление, а тети-Ирина полная победа по всем фронтам. От полного благополучия и имиджа самой удачливой матери на свете мама мгновенно скатилась к полному ничтожеству: брошенная беременная Женя, незамужняя я, и на фоне наших несчастий — удачливая Люда, замужем за моим женихом, будущая владелица нашего дома, завтра же сможет выгнать маму на улицу…

Мама, бедная мама! Сейчас, когда разрушились мамины такие уже близкие к счастливому воплощению мечты, когда ей придется вынести очень для нее болезненное сочувствие тети Иры, она имела право быть любой — жалкой и разъяренной, имела право кричать, плакать, сетовать на

несправедливость жизни, хныкать и жаловаться… Имела право на глупости — просить отца догнать и убить соблазнителя, запереться у себя с мокрым полотенцем на голове, бормоча: «Какой позор, моя дочь, как горничная, забеременела от молодого барина…» Но мама — неожиданная женщина.

Мама не стала мелочиться и отступать понемногу, а сразу же сдалась, но сдалась величественно — мама встала, заплакала, сделала несколько шагов и припала к тети-Ириной груди.

— Ты была права, а я виновата… Прости меня, у нас такая беда, — плача, сказала мама, и вот чудо: тетя Ира мгновенно расползлась лицом и заплакала вместе с ней, и в этом не было ни тени их с мамой обычного, чуть завуалированного злорадства, а только безоглядное сочувствие, горячее, как огонь.

Мама — гений-психолог. Отступить так размашисто, сдаться так безоговорочно и красиво — значит победить.

Всем известно, что в человеке соседствуют великое и смешное, но особенно они сегодня соседствовали в маме.

Пришла Женя, но мы больше ни о чем не говорили. Женя обнимала маму и плакала, мама

обнимала Женю и плакала, тетя Ира обнимала их обеих сверху и плакала, и я настолько поддалась общему отчаянию, что тоже заплакала. Мы уже наплакали не одну бутылочку, а целую батарею бутылок, за которую мы смогли бы получить всех слонов из зоопарка, и Женя, наконец, оторвавшись от мамы и тети Иры, пролепетала:

— Что же теперь делать?!

— Что делать? Пить соки, спать, гулять, слушать хорошую классическую музыку вроде Пугачевой. Я прямо сейчас выжму яблочный сок. Яблоки нужны зеленые, — будничным голосом сказала мама. — Лиза — в магазин!

Женя посмотрела на нее изумленно и убежала, а я пошла в магазин.

Я была благодарна маме за то, что она не произнесла классические слова «рожай, мы поможем», как добрый рабочий в кино. Тогда Женя должна была бы благодарно смотреть на маму снизу вверх, а так она могла сразу убежать и чувствовать себя человеком в саду или наверху.

Если моя дочь когда-нибудь придет и скажет: «У меня будет ребенок», я тоже не стану произносить пафосные слова, а просто скажу: «Ах ты маленькая дрянь, сейчас я выжму тебе яблочный сок».

Мне все время казалось, что я могу быть чем-то

полезной, но я не понимала, чем. Когда меня послали за яблоками, я обрадовалась и даже съездила за зелеными яблоками в город, хотя они продавались в магазине у станции. Лучше искать самые зеленые яблоки, чем сидеть дома, страдать за Женю и за себя, перебирать свои мысли, как нанизанные на нитку бусы, — вот грустная мысль, а вот злая, а вот еще одна, печальная…

* * *

Когда я вернулась домой с двумя пакетами зеленых яблок, я увидела идиллическую картину: вся семья вместе — мама, Мария, Лидочка, и даже отец, против обыкновения, был внизу.

Девочки были притихшие и возбужденные, как каша на маленьком огне: не выкипает, но тихонько бурлит. Мария с видом человека, делающего семейное дело первостепенной важности, распечатывала из Интернета способы обучения младенцев в утробе матери, Лидочка делала уроки, время от времени выбегала из комнаты и, почти не прячась, курила за окном. На ее лице было написано: чего уж теперь придавать значение мелочам, когда в доме происходит такое, все запреты отходят на задний план…

Мама жгла в печке свадебные журналы, отец

с кротким видом перебирал старые детские книжки, раскладывая их на две стопки: в одну те, которые пригодятся Жениному ребенку прямо сейчас, в другую книжки, которые Женин ребенок будет читать попозже. Отец не выглядел потрясенным, разве что больше, чем обыкновенно, задумчивым, но когда я заметила, что в первую стопку книг для младенца вместе со сказками попала «Критика чистого разума» Канта, я поняла, что отец очень расстроен.

— Даже я не читала в год Канта, — заметила Мария. — Но с другой стороны, про Жениного ребенка мы пока ничего не знаем, может быть, он будет гений.

— Гений? Мальчик? — заинтересованно спросил отец.

— Конечно, у нас будет мальчик, — энергично ответила мама.

Она бросала в печку свадебные журналы, один за другим.

— Вот и прекрасно! — приговаривала она. — Вот и хорошо! А нам и не надо! Не надо! Нам! Мезальянса не надо нам! Какой-то нефтемагнат! Человек не нашего круга!.. У нас дедушка — ученый, а у них кто?!

— У кого дедушка ученый? — удивился отец.

— У Жениного ребенка, — объяснила мама. — Ты — дедушка.

— Чей дедушка? — удивился отец.

— Мой. Ты — мой дедушка, — ехидно ответила мама.

Если мама ехидничает, значит, все не так страшно. Не страшно, а наоборот, прекрасно, радостно.

Лидочка с Марией весь вечер перешептывались, так взволнованно, что я почти все слышала.

— Вместо Дома, и богатства, и платьев, и путешествий, и всего — мать-одиночка! Так проколоться! — сокрушалась Лидочка. — Тетя Ира говорит, такое с каждой может случиться. Что, даже со мной?!

— С тобой не может ничего случиться, ты эгоистка. Ты всегда думаешь только о своей дорогой особе, — отвечала Мария.

— Ну и что здесь плохого? Если бы Женя думала о себе, она бы предохранялась… Нужно было предохраняться! Могла бы использовать прерванный половой акт, — важно сказала Лидочка.

— Вот и нет, вот и нет! Это заблуждение — так нельзя предохраняться. Сперматозоиды за короткий период способны совершить путь в десятки

сантиметров… — возразила Мария.

— Ты-то что в этом понимаешь? Ты еще скажи, что беременность наступает от орального секса!

— Ничего подобного, — обиделась Мария, — беременность не может наступить от куннилингуса!

— Куни… чего?

— Орального секса, дурочка! Я-то, в отличие от тебя, все знаю — и про куннилингус, и про петтинг…

— Ох, ох… зачем мне знать твои дурацкие слова, — дразнила Лидочка. — Зато я, в отличие от тебя…

Лидочка прошептала что-то Марии на ухо, и мне не удалось расслышать — что Лидочка, в отличие от Марии?!

Слава богу, этот бесконечный день клонился к концу. Все улыбались, старались быть особенно предупредительными друг к другу, и мама даже завела речь о том, чтобы испечь «Наполеон», но атмосфера была странная — как будто в семье большая неприятность, но друг перед другом все делают вид, что это не неприятность, а неожиданно свалившееся на нас счастье.

…Женя в общем ликовании не участвовала. Приговаривая: «Мама так ко мне добра», отста-

вила в сторону принесенный мной сок, виновато сказала: «Меня подташнивает».

Мама болталась у нее под дверью.

— Можно к ней? — шепотом спросила она.

«Можно» — это что-то новое в нашем обиходе. Мне давно нужно было забеременеть, тогда бы мама не врывалась ко мне без стука.

— Хочет побыть одна, ее тошнит, — объяснила я.

— Токсикоз? — сладко выдохнула мама.

* * *

Свет в нашей комнате не горел, Женя спала, закрывшись с головой одеялом, но как только я вошла в комнату, из-под одеяла послышался несонный голос:

— Лиза, Лиза, у него никого нет, кроме меня… Как он будет жить? Я только об этом думаю, как он будет жить, совершенно один на свете…

— Глупости, какие глупости ты говоришь! — возмутилась я. — У него есть я, мама, папа, девочки! Вовсе не у каждого человека так много близких родственников!

— Нет-нет, — не слушая меня, горестно повторила Женя, — его никто не понимает, он сейчас

совсем один со своими мыслями, чувствами…

…Я не хотела называть Жениного младенца «зародыш», это звучало как-то невежливо и физиологично, да и как можно называть человека «зародыш», если его уже ждет «Критика чистого разума» Канта? Но почему Женя уверена, что младенец, которому всего несколько недель от зачатия, думает? И что все мысли этого младенца о том, что никто его не понимает?

— Женечка… Что это с тобой, токсикоз, так рано? — осторожно начала я и вдруг поняла, что у нее не токсикоз. Это был не токсикоз, а идиотизм — Женя говорила о Вадике.

— Ему только со мной хорошо, спокойно, как будто мы всю жизнь вместе, как половинки, — доверчиво сказала Женя. Она так светло улыбалась, как будто впереди ее ждала любовь, как будто не было запертого Дома, пачки денег на кровати, ненужной беременности!.. Глупый ангел!

Наверное, ангелы не отличаются самым большим интеллектом на свете. Наверное, умные — черти, а ангелы глуповатые. Но как говорит мама, всякой глупости есть предел! Чем больше Женя станет лелеять свои чувства, тем хуже для нее и для нашего ребенка. Иногда ангелов необходимо ударить по башке, чтобы они пришли

в себя.

— Я не желаю больше слушать этот влюбленный лепет! Не смей говорить мне про половинки! — строго сказала я. — Одна половинка заперла ставни и уехала навсегда, не попрощавшись с другой! Разве предательства, презрения, пренебрежения и еще ста тысяч разных «пре»… недостаточно, чтобы разлюбить?! Да как ты можешь, Женя?! Неужели у тебя совсем нет самолюбия, гордости?

— Есть, — неуверенно сказала Женя, — у меня есть самолюбие и гордость. Но ты не знаешь главного, а я знаю… Я совершенно точно знаю, что у него была причина так поступить…

— Была причина? Какая? — быстро спросила я.

— А вот этого я не знаю, — потупилась Женя.

…Сколько бы раз я уже ни называла Женю ангелом, пожалуйста, представьте себе еще раз: золотоволосая, розовая, нежная, тоненькая такая, что невозможно предположить, что где-то в ее глубине угнездился этот… будущий читатель Канта. Женю можно любить и нельзя ругать, воспитывать, навязывать свои представления о мире.

— Ну, хорошо, говори о половинках, — сдалась я, — говори, о чем хочешь.

Женя хотела — о Вадике.

…Вадик любит, Вадик не любит, Вадику нравится, Вадику не нравится… Вадик ненавидит математику, ненавидит экономику, ненавидит финансы и кредиты. Не хочет учиться в Лондонской школе экономики, не сдал экзамены, не хочет жить в Лондоне… Из этого потока слов вырисовывалась картина, в которой Вадик представал не безупречным удачником, как это казалось со стороны, а маленьким несчастным мальчиком.

— Он не может во всем этом признаться отцу, — сказала Женя, — считает, что для отца это будет крах. Мне отца Вадика тоже очень жалко… Ты подумай, это и правда крах — отец хочет передать сыну бизнес, а сыну этот бизнес не нужен…

— Пусть передаст Алине, — предложила я.

— Алина слабенькая, — возразила Женя, — ей не нужен бизнес. Ей нужно вырезать гланды, она чуть что простужается, от любого ветерка, от кондиционера в машине… Мне ее очень жалко…

Я больше не хотела разговаривать о Вадике, я вообще больше не хотела разговаривать.

— Я сплю, — сказала я и, отвернувшись от Жени, демонстративно засопела.

Через несколько минут раздался еле слышный

шепот:

— Лиза… Ты спишь, Лиза?.. Лиза, а ты получаешь удовольствие от секса?.. Я — нет. Я во время этого только радовалась, что он меня любит, а я сама ничего не чувствовала. Лиза, а может быть, все эти разговоры о сексе, как будто это самое главное, техники, которые описывают в глянцевых журналах, — может быть, все это притворство? Как будто все договорились считать, что так нужно — девушке получать удовольствие?…Хорошо, что ты спишь, Лиза, а то бы мне утром было стыдно, что я об этом заговорила…

Я вся была полна злостью, и эта злость распространялась на Женю — брошенная, оскорбленная, беременная, и рассуждает о сексе — нашла время!..

— Женя?.. Беременным секс не нужен.

— Ты что? Это предрассудки. — Женя приподнялась на локте. — Говорю тебе как медицинский работник: беременным секс не противопоказан, разве что в последний месяц беременности лучше соблюдать осторожность.

— Если бы не твое положение, Женя, я бы тебе все сказала! — воскликнула я. — Ты… Тебе всех жалко! Вадик не хочет учиться в Лондонской школе экономики, не хочет изучать математи-

ку?! Как может нормальный человек не хотеть математику, чего же он тогда хочет, этот избалованный мальчик, — бездельничать? И почему его нужно жалеть?! Ах, ты его любишь? Но ведь он не просто тебя бросил — он тебя оскорбил! Вчера он сделал тебе предложение, а сегодня он тебе заплатил! Он тебе заплатил, Женя!.. Разве эти деньги в оплату медицинских и интимных услуг — недостаточно горькое лекарство от любви?! Но… ты же беременна, Женя, и я не могу так с тобой разговаривать… Ох, прости, я тебе, кажется, уже все сказала…

— Ничего, не извиняйся, — задумчиво отозвалась Женя, — я же не беременна…

— Как это? — удивилась я. — Ты беременна!

Женя состроила смешную гримаску, как будто она удивляется, извиняется и ничего не понимает.

— Ты же сказала, что у тебя будет ребенок, — растерялась я. — Ты это сказала или нет?! Что мы целый день обсуждали? Кому зеленые яблоки, кому сок, кому детские книжки?

Женя опять состроила удивленно-извиняющуюся гримаску.

— Ты с ума сошла? — устало сказала я. — Я приглашу к тебе психиатра — мне кажется, тебе

нужна квалифицированная помощь. Представлю его как просто гостя, и пусть он незаметно спросит у тебя, какое сегодня число. По-моему, ты не ответишь.

— Я сказала… — Женя смотрела на меня непонимающими глазами и вдруг засмеялась. — Я сказала, что я все равно его люблю и у меня все равно будет от него ребенок… когда-нибудь, понимаешь? Я уверена, я знаю: когда такая любовь, половинки обязательно встретятся…

— Ох, только не это! Не нужно больше про половинки! — быстро сказала я.

Странно, но я не испытывала ни облегчения, ни радости, скорее, досаду, что все это — зеленые яблоки, детские книжки — оказалось комедией ошибок и читатель Канта не появится на свет. А я уже к нему привыкла…

Дождавшись, когда Женя уснет, я выскользнула из комнаты и спустилась вниз — обычно я не курю, но сейчас это было именно то, что мне нужно, — посидеть одной в темной комнате, у печки, с сигаретой.

* * *

Но в нашем доме никогда не удается побыть

одной — в темной комнате, у печки, с сигаретой сидел отец.

Я хотела войти в комнату, как будто я сюрприз, — с радостными словами: «А вот и я, все в порядке, Женя не беременна», но остановилась, услышав голос отца.

— Девочки всегда жили по твоим правилам, и вот результат: ты испортила им жизнь, — сказал отец. — Женя из тех, кто, раз полюбив, будет всю жизнь верен своей любви. Она поглощена ребенком, всегда будет одна. И все это — твоих рук дело. Ты не можешь не устраивать, не интриговать. Теперь ты довольна?

— Я? Довольна? Как ты можешь так говорить со мной сейчас? — недоуменно сказала мама. — Это нечестно — пользоваться Женечкиным несчастьем, чтобы сделать мне больно! Я же хочу как лучше. Я же не для себя, я для девочек… — Мама вздохнула глубоко и горестно, как ребенок.

— Девочки, девочки… но где же мы у себя? Где я у себя?.. — сказал отец. — Я не хочу выкинуть в корзину свою единственную жизнь. Я больше не могу… Я тоже всегда жил по твоим правилам. И теперь понимаю, что совершенно неудовлетворен жизнью.

Он именно так и сказал! И это показалось мне

настолько странным, таким невероятным, как будто обвалился потолок… нет, пожалуй, не настолько невероятным. Когда в прошлом году обвалился потолок в кухне, я нисколько не удивилась, там уже давно пора было делать ремонт. Но все же я удивилась — я никогда не думала, что отец может говорить с мамой всерьез.

— Ты неудовлетворен жизнью? — тихо переспросила мама. — Ты? А я? Я одна с детьми, я одинока как человек и как женщина, так теперь у тебя еще кризис среднего возраста… Это нечестно — сваливать на меня свой кризис среднего возраста! Но я все равно тебя люблю.

— Оставь меня и девочек в покое. Оставь нас всех в покое, — отец сказал это так тихо, что я с трудом расслышала.

Я хотела обрадовать их, сказав: «Все в порядке, Женя не беременна», а вместо этого засунула голову в комнату и тоненько сказала:

— Как вам не стыдно ссориться, вы что думаете, вы молодые? Вы уже бабушка и дедушка…

* * *

Сначала я думала, что несчастье — Сергей уехал. Потом я думала, несчастье — это беременная Женя. Потом отец сказал: «Не хочу выкинуть

в корзину свою единственную жизнь, больше не могу». Оказалось, что несчастья, как матрешки, вылезают одно за другим… Отец сказал: «Не хочу выкинуть в корзину свою единственную жизнь, больше не могу…»? Но ведь сказанное в ночном разговоре не обязательно окажется правдой днем?..

Вам никогда не приходилось удивляться, почему эти люди, родители, оказались вашими родителями?

В раннем детстве я любила все игрушки разобрать на детали. Волчок, домик, куклу — как ножки и ручки прикрепляются к телу. Жене было важно целое, чтобы куклу убаюкать и накормить, а мне было интересно разобрать, посмотреть, как оно там на самом деле устроено. Так что я уже давным-давно разобрала брак родителей.

Мама с отцом всегда делились на «верх» и «низ», мы с мамой внизу, отец наверху, и это казалось мне само собой разумеющимся.

Отец — дворянин, он не теперь вдруг стал дворянином, когда это модно, а был всегда. Его семья жила в большой квартире на Петроградской. Квартира становилась коммунальной по мере замены репрессированных членов отцовской семьи на новоселов, большей частью из деревень.

Одни из новоселов были мамины родные. Мамина родня — городские в первом поколении, те, что чистые деревенские понятия потеряли, а новых, интеллигентских, не приобрели.

В конце концов у отца осталась комната и у мамы комната. Мама была очень хорошенькая и довольно властная, — она, я уверена, просто велела ему на себе жениться. А отец оказался не единственным мужчиной в мире, который за хорошеньким личиком и живыми манерами не разглядел, что мама не слишком ему подходит. Но отец очень скоро «разобрал» маму и, не увидев ничего интересного, не стал собирать, а так и жил с ней, несобранной, «умный муж» с «глупой женой».

Мама не «глупая», она глупая для отца. Наверное, с каким-нибудь другим, простым человеком мама была бы счастливей, а жизнь с отцом, таким ускользающим, рассеянно любезным и внешне покорным ее прихотям, только помогла ей развить природную властность. Так что мама тоже пострадала: все в доме шло по ее правилам, вот только отец никогда ей по-настоящему не принадлежал, а ведь это трудно — любить то, что тебе не принадлежит, не является твоей собственностью.

Но отец не мог бы принадлежать никому, он сам по себе. Мама говорит, что он тяжелый человек, но его просто нужно понять, и все! Только понять — незаметно. Чтобы он не понял, что ему оказывают какое-то внимание. Отец никогда никому не открывается, только иногда приоткрывается, как будто занавес на мгновение приподнимается над сценой и тут же падает. Там, за занавесом, у отца протекает своя, очень интересная жизнь, поэтому он относится снисходительно ко всему, что — суета. А мама на него обижается…

Мама обижается, что он не хочет участвовать в нашей жизни, обсуждать с девочками наряды и мальчиков, дружить с тетей Ирой. Мама думает, что это связано именно с ней, что он не хочет ей назло. Мама говорит: «Ваш отец ведет себя как чужой человек». Мама сердится, что он почти не разговаривает с Лидочкой, обижает ее своими шутками, и это правда, отец бывает бестактным, но не со зла, — просто он ее не понимает. Мама умеет всех понять, а отец часто не понимает, что человек чувствует, не может разделить чужое волнение, не понимает, когда нужно пожалеть. Она — всем близкая, а отец всем немного чужой. Мама говорит ему с упреком: «Ты что, не понимаешь?» — и он честно отвечает: «Нет».

Но я точно знаю, что иногда отцу хочется принять участие в простой, обыкновенной жизни, и он пытается, но выходит неуклюже, и он смотрит беспомощным взглядом «я не знаю, о чем говорить» и опять уходит в себя. Отец сам иногда страдает от своей замкнутости, он и хочет быть одиноким, и ему — одиноко.

Отец вообще самый противоречивый человек на свете! Люди думают, что он холодный, равнодушный человек, а он очень чувствительный и тонкий. Мама считает, что он упрямый, но я всегда могу уговорить его, убедить, только нужно иметь терпение.

Мама говорит, что его поступки не поддаются логике, что их нельзя объяснить или предвидеть, что он поступает «как черт на душу положит». Это правда, отец очень умный, но иногда поступает странно, на первый взгляд нелогично. Но это же очень просто объяснить! Если человек не раскрывает свои мысли и чувства, если ход его мыслей и чувств остался от всех скрытым, то, конечно, его поступки покажутся непонятными!

Думать о родителях — совершено подростковое занятие, взрослый человек вроде меня понимает, что родители такие, какие есть, и любит их такими, какие они есть.

Думать о своей несчастной любви — тоже подростковое занятие. Взрослый человек вроде меня понимает, что несчастная любовь как цветок: ты протягиваешь цветок, а тебе отвечают: «Не надо!» Я не стану бегать за Сергеем со своим цветком и упрашивать: «Ну, пожалуйста, возьми!»

Я лежала без сна и думала то о родителях, то о Жене, то о себе. Что же, в нашем доме сегодня ночью все несчастливы и страдают от безответной любви — мама, Женя, я?

Глава 8

Фанты

С отъезда Сергея прошло немногим больше месяца. Я защитила диплом, и на защите мне аплодировали! Когда я рассказывала про механизмы трансформации энергии в экстремальных гравитационных и магнитных полях!

Дома все выглядели почти прежними. По некоторым признакам я понимала, что все они немного притворяются. Но ведь я и сама притворялась — не замечала, что Женя почти спокойная и безмятежная, мама почти бодрая, а отец еще больше, чем всегда, погружен в себя. Мама была с ним то холодна, то капризна, как будто у них какой-то сложный роман. Все вокруг казалось мне каким-то приглушенным, как будто вокруг меня убавили звук и размазали краски, и я жила тихо и душно, словно накрывшись с головой верблюжьим одеялом. Но если старательно притворяться, что все хорошо, все когда-нибудь станет хорошо?

Неразделенная любовь означает, что вся лю-

бовь досталась мне. Я скучала, я хотела его видеть, я его любила, а он меня нет. От скуки и маяты я попробовала поискать поддержку в Интернете — в Интернете обретаются сонмы одиноких душ, так почему бы среди них не найтись душе, страдающей от неразделенной любви, душе, которая поделится своим опытом? Идея найти соратников по несчастной любви была очень странной для меня — мама всегда упрекала меня в том, что я слишком отдельная, слишком индивидуалистка, и вдруг я обратилась к чужому опыту — как будто в общество анонимных алкоголиков, где люди поддерживают друг друга.

В Интернете всегда найдешь то, что ищешь, и, отбросив в сторону те души, которые желали только нетрадиционного секса или только секса, я обнаружила множество людей, страдающих от неразделенной любви, и вступила с ними в дружеские отношения. Но ни одна душа не знала ответа на вопрос — как забыть, не думать, не тосковать, не злиться на него и на себя.

Барышень, страдающих от любовной тоски, в романах посылают на воды. На водах барышни встречаются с родственниками и друзьями, у них возникают новые интересы, завязываются знакомства. Вот и я послала себя на воды — поехала

в Москву.

Как я люблю приезжать в Москву! Когда выходишь в Москве на перрон, играет бравурная музыка, и от этого кажется, что ты не чужой, что Москва приветствует именно тебя! Ленинградский вокзал в Москве в точности такой же, как Московский вокзал в Питере, и от этого возникает приятное чувство, будто ты оказался в зеркальном мире.

Мой родственник Игорь встречал меня под часами.

— Приветствую тебя в столице от своего имени! — сказал Игорь. — Супруга, хранительница, так сказать, очага, ждет дома с ужином.

Мы ехали на метро, потом на автобусе. Игорь сказал, что из-за пробок на машине дорога из центра домой получилась бы почти такой же долгой, как из Питера в Москву. Москва такая огромная и веселая, что всегда чувствуешь себя немного провинциалом.

— Ой, Лиза! Я так рада, так рада! — воскликнула Люда, обнимая меня, и, отстранившись, извиняющимся тоном добавила: — Тебе не будет у нас скучно? Ведь наша жизнь самая обычная…

Обычная жизнь? Как будто я каждый день

прыгаю с вертолета в горные ущелья, отклоняю предложения стать кинозвездой и разъезжаю по Питеру в белом кабриолете…

— Да-да, наша жизнь самая обычная, — радостно подхватил Игорь и с таинственным видом добавил: — Но мы кое-что сделаем, чтобы во время этого родственного визита ты совместила полезное и приятное в одном лице.

Выражение «совместить полезное с приятным» мама использовала, имея в виду, что мы должны полить грядки, вскопать землю под кустами смородины или съесть что-нибудь невкусное, к примеру капусту.

Игорь с горделивым выражением лица водил меня по квартире как по поместью, объясняя, что хотя квартиру — две комнаты, кладовка и балкон — ему снимает компания, хозяин квартиры из симпатии лично к нему, Игорю, разрешил ему обустроить все по своему вкусу. Игорь показал мне это все — под каждое движение руки или ноги у него имелось отдельное приспособление: скамеечки и полочки в прихожей, скамеечки и полочки в ванной, крючочки, ограничители для каждой двери и даже специальные палки для зашторивания окон, чтобы занавески не сбивались, а висели ровно.

Игорь водил меня по квартире, а Люда ходила за нами, поправляя и без того идеально ровно висящие скатерти и занавески.

— Мы с супругой обедаем на кухне, а на диване в гостиной пьем чай. Телевизор мы иногда смотрим в гостиной, а иногда в спальне. А на балконе мы с супругой намереваемся весной поставить синюю пластмассовую мебель, два кресла и столик, на столике будет ваза, — рассказывал Игорь. — Посмотри, какой у нас вид с балкона! Это тебе не какой-то там Петербург, это Москва!

С высоты была видна только длинная череда многоэтажных домов, как у нас в Купчино или на Гражданке, но я восхищенно кивнула.

— Ну, прошу за стол, — приветливо сказал Игорь, — супруга приготовила праздничный ужин в честь твоего родственного визита.

Стол был накрыт нарядно, со свечами, салфетками, красивой керамической посудой, и чувствовалось, что Люде приятно быть хозяйкой всей этой красоты.

— У вас красиво и… очень красиво, правда! — горячо похвалила я.

Игорь кивнул и поднял бокал с вином:

— Я предлагаю тост. Я хочу выразить спасибо Лизе за то, что она тогда совершенно правильно

отказалась… ну, вы меня понимаете. Люда — это как раз то, что мне надо для построения счастливой семьи, а Лиза мне совсем не подходит. Теперь, сквозь клизму времени, все это хорошо видно.

Я фыркнула, заговорщицки взглянув на Люду и ожидая, что она засмеется вместе со мной, но Люда с непроницаемым видом смотрела сквозь меня.

— Я тоже сквозь призму времени вижу, что мы поступили правильно, что ты, Игорек, самый лучший муж для меня, — мягко отозвалась она.

Наверное, теперь я должна была вести себя с Людой немного как с чужой… Игорь был муж, и мы не могли посмеиваться над ним, как раньше посмеивались над просто нашими мальчиками.

Люда еще несколько раз делала вид, что не замечает промахов Игоря, мягко и необидно его поправляла, и мне тут же захотелось быть такой же, умной и тактичной. С этой минуты «клизма времени» станет моим волшебным словом, напоминающим, что человека необходимо принимать со всем хорошим и плохим. Как только кто-нибудь скажет что-то неловкое, я тут же рассмеюсь… то есть наоборот, я не буду смеяться, я скажу себе: «Клизма времени, Лиза», — и сразу же приму человека таким, какой он есть.

За ужином мы обсуждали условия кредитов.

— Мы собираемся купить мне машину. По выходным ездим по салонам, присматриваемся, — объяснила Люда.

— Тут важно сочетание процентной ставки и первого взноса, — сказал Игорь и голосом нежного повелителя добавил: — Малышка, ты обещала мне зачесывать волосы назад.

Люда немедленно встала и причесалась, как он велел, — с новой прической она выглядела старше и солидней.

— Совсем другое дело, — одобрительно кивнул Игорь и важно пояснил мне: — Я лично считаю, муж обязан следить, чтобы жена хорошо выглядела. У нас в семье необходимая одежда и обувь выбирается совместно, но я руковожу. Я лично не позволяю своей супруге одеваться в магазинах для подростков, в «Бенетоне» или в «Манго».

Люда кивнула.

— Я Люду попросил сразу же предоставить перечень необходимой одежды на ближайший сезон. Перечень необходимой одежды будет уточняться, — строго сказал Игорь. — Я лично думаю о приобретении мехового полушубка. Как ты считаешь, лучше голубая норка или коричневая?

— Голубая, — сказала Люда. — Хотя как ты ска-

жешь, такую и купим… Ты же у нас все решаешь.

— Голубая, — решил Игорь и вдруг заворковал нежно: — Конечно, я все решаю, а кто же еще, тебе позволь самой решить — так ты такого нарешаешь…

Я растерянно улыбалась — мне казалось странным, что он опекает Люду как несмышленыша и Люде, всегда такой независимой, это нравится.

— Я, когда Люду сюда привез, сразу же составил правила внутреннего распорядка нашей жизни, чтобы у нас не было разногласий…

Игорь полез в ящик кухонного шкафчика, достал тетрадный листок в клеточку. На листке был заголовок крупным шрифтом — «Список».

— Сейчас я зачитаю.

Понедельник—четверг: вечера дома, ужин, просмотр телевизионных передач.

Пятница — кино, раз в месяц театр.

Суббота, утро — генеральная уборка, проводится совместно.

Суббота, день — закупка продуктов и других товаров потребления.

Суббота, вечер — ужин в ресторане.

Воскресенье — подготовка к рабочей неделе. Ужин дома, просмотр спортивных телепередач.

— Дальше интимное, — улыбнулся Игорь, лас-

ково потрепал Люду по щеке и убрал листок в ящик. Наверное, интимная жизнь у них тоже по распорядку.

— Игорек, тебе пора спать, — ласково сказала Люда. — А я сегодня нарушу режим, поболтаю с Лизой подольше?.. Ты не возражаешь?

Игорь ушел спать, нежно сказав Люде: «Можешь не торопиться, малышка», и мы с Людой остались вдвоем. Люда смотрела на меня насмешливо — наверное, у меня был вид человека, у которого чешется нос, но он не решается его почесать. Мне очень хотелось спросить, не сходит ли Люда с ума от этого «Списка», не хочет ли она его разорвать и выкинуть в окно, но я сказала себе: «Клизма времени, Лиза», — и удержалась, не спросила.

— Хочешь спросить, не схожу ли я с ума от этого «Списка»? — улыбнулась Люда.

— Нет, ну почему же… Хорошо, когда любимый человек берет на себя ответственность за твою жизнь, — кротко сказала я, как будто я была тактичная гостья, да ведь я и была гостья.

— Да, хорошо… У нас есть «Список», с которым мы оба согласны, это и есть зрелые отношения равноправных партнеров, каждый из которых всегда готов прислушаться к другому. Так что в

этом смысле все прекрасно. Во всех смыслах все прекрасно, — поправилась Люда и вдруг хихикнула: — Лиза, ты подумала, что интимное — это секс по средам и субботам? Ничего подобного. — Она прикрыла кухонную дверь и достала из ящика тетрадный листок: — Я тебе прочитаю. Только не смейся и не говори маме.

Люда шептала, а я слушала и не понимала, что происходит, что из этого действительно было записано в «Списке», а что было ее комментариями. Не понимала, может ли быть, что это всерьез, или все это была шутка и уже нужно смеяться? На всякий случай я время от времени издавала какой-то странный писк, что-то между сочувственным хмыканьем и вежливым смешком.

Можете не верить, но в целом это звучало так:

…Работать в роддоме нельзя по причине неодобрительного отношения Игоря к суточным дежурствам.

— Мне пришлось устроиться в поликлинику, но я так мечтаю опять принимать роды, — жарко шептала Люда.

…Звонить маме можно по средам каждую вторую неделю. С мамой семейную жизнь не обсуждать: что едят, что покупают, куда собираются в выходные — это неразглашаемая информация.

…Исключить незапланированные визиты и звонки. Встречаться с подругами можно, но по особой договоренности с Игорем. Подруги могут посещать Люду дома, хотя это и не очень желательно, и он надеется, что его пожелания не видеть ее подруг у себя дома будут учтены. Разрешение на визит подруг выдается на определенное время, и в нем может быть отказано без объяснения причин.

— Подругам, не прошедшим фейс-контроль, может быть отказано от дома без объяснения причин, — пошутила я, но Люда не улыбнулась.

Я еще раз попыталась ее приободрить и развеселить:

— Но есть еще масса приятных занятий, которые не вошли в «Список», а что не запрещено, то разрешено. Следовательно, все остальное можно — болтаться днем по магазинам, после работы задержаться и выпить кофе — он и не узнает! Он же не может поймать тебя на том, что ты куда-то забрела, и быстренько записать это в «Список»!

Люда сделала гримаску, означавшую «ты не понимаешь».

— Магазины? Кафе? А деньги?! Мы все покупали вместе, и получается, мне и деньги-то не нужны. Только на автобус, на метро и на еду в

те дни, когда я работаю, — прошептала Люда и, спохватившись, добавила: — Не думай, что Игорь жадный. Слышала, он хочет мне машину купить, шубу…

— Тебе нужно было сразу же уехать домой, — сказала я.

Бедная Люда, если бы кто-то заранее спросил ее, хочет ли она так жить, она бы ответила «нет». Но ведь ее никто не спрашивал, и она все время делала по маленькому молчаливому шажочку навстречу — соглашалась.

— Домой?! — фыркнула Люда. — А что люди скажут? И мама, главное, мама!.. Для нее это было бы ужасно, она бы сказала, что у нас в семье все неудачницы.

— Да, — поддакнула я, — да-да-да! То есть я хочу сказать, что тетя Ира именно это и скажет, но это не означает, что ты должна терпеть такую… такое… такого!

Тети-Ирино разочарование, стыд перед людьми, висящее в шкафу свадебное платье со шлейфом, полная уверенность Игоря, что все делается правильно, — это не причины для того, чтобы быть несчастной.

— Люда, твои мучения закончились. Я тебя забираю. — Я решительно поднялась со стула. —

Где у тебя чемодан? Невозможно все это терпеть.

— Невозможно все это терпеть, — согласилась Люда. — Но я и не терпела. И теперь у нас все по-другому, все, как я хочу!

Люда смотрела на меня с видом фокусника, вынимающего кролика из шляпы.

— Хочешь, расскажу, как я этого добилась?.. Очень просто. Мы ссорились, я плакала — не могла же я согласиться с тем, чтобы ко мне относились как к глупенькой малышке. А потом я вдруг поняла: у меня же есть все, абсолютно все, чтобы быть счастливой! Я не могла согласиться с тем, чтобы ко мне относились как к глупенькой малышке, а потом согласилась.

Я все еще не понимала, и Люда снисходительно пояснила:

— Секрет удачной семейной жизни в том, чтобы приспособиться к партнеру. Пусть будет, как он хочет, — он главный, а я глупенькая малышка и во всем его слушаюсь. И теперь мы совершенно счастливы.

— Это он счастлив, а ты? — недоверчиво спросила я.

— Я тоже.

Игорь совершенно счастлив, относится к ней как к глупенькой малышке. Люда совершенно

счастлива, как будто она и есть глупенькая малышка.

И тут зазвонил Людин мобильный. Наверное, в такое позднее время Люде не разрешалось разговаривать по телефону, поэтому она быстро схватила телефон и, не слушая, кто это, торопливо сказала:

— Мама, привет, как твои дела?

Оказалось, что это звонит Игорь из соседней комнаты.

О том, что было дальше, умолчу, — нет-нет, никакого скандала, никаких грубостей, просто Игорь очень подробно объяснял, что врать нехорошо, а Люда с виноватым видом соглашалась.

— Игорек, я хотела тебе сказать, я нашла работу в роддоме, недалеко от дома, — наконец вставила Люда. — Я-то сама очень хочу, но без тебя как решить? Как ты скажешь, так и будет. Я так и сказала главврачу: как муж решит, так и будет, он у нас главный. Ты как, Игорек, к чему склоняешься?

— Я-то? Ну… — Игорь задумался. — Я решил. Иди в роддом.

После этого решения мы все отправились спать, но я еще долго не спала — сначала слишком старалась заснуть, чтобы не слышать мерное

поскрипывание кровати, доносящееся из их спальни, а затем думала о Людиной семейной жизни и о семейной жизни вообще.

Неужели женщинам всегда приходится притворяться кем-то другим, чтобы сохранить любовь? Разве умная женщина всегда обращается с мужем как с хитро прирученным домашним зверем? А я, смогла бы я ради Сергея притворяться кем-то, кем я не являюсь? И если да, то кем мне нужно было бы притвориться?.. Ничего я не понимаю ни в любви, ни в чем…

* * *

— Люда сказала, что у тебя душевная травма. Как ты сегодня, ничего? — спросил меня утром Игорь. — Ну ладно, клин клином вышибают. Сейчас придет один человек с тобой знакомиться… Так что держи себя гордо, помни, что ты моя родственница.

Я уже привыкла к тому, что Игорь выражается странно, и не обратила внимания на фразу Игоря: «Мы кое-что сделаем, чтобы во время этого родственного визита ты совместила полезное и приятное в одном лице». Оказалось, приятное — это Игорь с Людой, полезное — новые знакомства, а многозначительное «кое-что» — свидания,

которые они с Людой устраивали мне каждый день. В день по свиданию.

В игре в фанты задают вопрос — «Что этому фанту сделать?» — и человек, которому принадлежит фант, должен выполнить то, что ему назначат, часто что-то дикое и причудливое — к примеру, выйти на улицу и поцеловать первого встречного. Любовные действия по отношению к первому встречному почему-то особенно часто фигурируют в этой игре. Наверное, у всех нас есть подсознательная надежда на этого первого встречного, на случайность, непредсказуемость, волшебство, — а вдруг именно с ним, таинственным первым встречным, как раз и выпадет любовь?..

Особенно велика эта надежда, когда у человека несчастная любовь, когда бросили, пренебрегли, когда немедленно, срочно необходимо зализать раны, нанесенные его самолюбию, утешиться (проходящий персонаж, статист без имени, не влюбленный в меня, как и я в него, не годился для утешения)… Тут-то он и пускается во все тяжкие.

Вот и я пустилась во все тяжкие, ведь для этого и приезжают на воды, и я с замиранием сердца ждала — а вдруг выпадет фант?!

Фант № 1

Идея поддерживать меня, любить, утешать и развлекать новыми знакомствами принадлежала Люде, но она как-то умудрилась внушить Игорю, что это его идея, а не ее, и Игорь так рьяно взялся за дело, будто он не менеджер по продажам, а профессиональная сваха.

Первым фантом был коллега моего родственника, менеджер по имени Игорь, и в точности такой же добропорядочный зануда, как мой родственник. Зануда № 1 и Зануда № 2. Но наш Игорь в душе трогательный и беззащитный, а Зануда № 2 был зануда, зануда, зануда!..

Зануда № 2 был невысок, чуть ниже меня, с ранними залысинами на висках. Выражение лица у него было грустное, но время от времени он как будто спохватывался и улыбался открытой американской улыбкой в тридцать два зуба — наверное, это была их фирменная корпоративная улыбка, которой их научили на тренингах.

Первую половину вечера Зануда № 2 обсуждал, куда нам лучше пойти — в кафе, в кино или, может быть, на дискотеку, хотя ему завтра рано вставать.

— Завтра мне нужно убираться в квартире, —

сказал Зануда № 2.

С этой минуты все мои надежды на этот фант рассеялись как дым. Мужчина может сказать мне все что угодно: что он «позвонит», что он любит «творог» и даже, что кофе вкусный, — пожалуйста. Но только не «убираться». Человек, который говорит «убираться», не существует для меня как сексуальный объект. Пусть я буду выглядеть избалованной, капризной, но, в конце концов, каждый имеет право на свои сексуальные предпочтения.

— Давайте просто зайдем в какую-нибудь кофейню и поговорим… — Я хотела сказать «минут десять», но свидания с фантами плохи тем, что их приходится вежливо доводить до конца, не убегать же от человека, крича на ходу: «Нет, нет, ни за что!»

Зануда № 2 непременно хотел пойти в одно определенное кафе, и мы поехали в это кафе на метро.

Кафе оказалось сетевое, «Кофе-хауз». Я не люблю «Кофе-хауз», а если Зануда № 2 любит, то можно было бы найти его и поближе, но он привык именно в этом — зануда…

Вторую половину вечера мы провели в кафе, я — за чашкой капучино, он — за чайником зе-

леного чая.

Зануда № 2 — хозяин жизни, не в том смысле, что он олигарх или политик. Жизнь у него под контролем, и он хозяйничает, управляет, владеет каждой мелочью, — легко ориентируется в незнакомом городе, никогда не опаздывает на встречи, модно одевается, не забывает почистить зубы и погасить на ночь свет, наслаждается всем — работой, вечеринками, спортом. Все у него идет по строгому плану: в понедельник он знает, что у него на ужин в четверг, и любая неожиданность в жизни, к примеру апельсиновый творожок на завтрак вместо клубничного, выводит его из себя.

— Зачем я вам? — внезапно спросила я.

— Вы?.. Мне?.. — От неожиданности Зануда № 2 растерялся и перестал улыбаться. — Затем, что у меня неприятности с моей девушкой, и я думал — а вдруг? Игорь сказал: «Клин клином вышибают»…

— Знаю, он мне тоже это сказал, — кивнула я. Я думала, что он мой фант, а Зануда — что я его. — У вас неприятности с девушкой? Какие? Мы же все равно никогда больше не увидимся, так что можете рассказать мне все.

Игорь мгновенно изменился, как будто рожица

с углами губ, опущенными вниз, притворялась рожицей с углами губ, поднятыми вверх, и теперь наконец отыграла номер, расслабилась и приняла привычный вид. Весь вечер он изображал довольство жизнью, и вдруг из-за этой бравой картонной фигуры выглянул неуверенный в себе печальный человек. Почему он считает, что непременно нужно быть в образе успешного человека, когда его собственный гораздо более милый?.. Ну и что же, что человек говорит «убираться», никогда больше не стану судить о людях по одному неправильному слову!

Игорь рассказал мне о своей девушке — его девушка, теперь уже бывшая девушка, его разлюбила. Да это и понятно, зачем ей такой скучный, неромантический человек, она пользуется сумасшедшим успехом, у нее пол-Москвы поклонников, она очень красивая, очень обаятельная и очень…

— Очень что? Добрая? — сочувственно подсказала я.

— Очень… очень… очень… — как заезженная пластинка, шипел Игорь, уставившись на входящих в кафе девушек.

— Она? — спросила я, и Игорь кивнул. Теперь хотя бы ясно, почему он потащил меня на другой

конец города — это ее любимое кафе.

Девушки проследовали мимо нас к соседнему столу и, усевшись напротив меня, принялись шептаться и хихикать. Я не заметила в его девушке никаких чрезвычайных качеств, скорее я бы заменила все «очень» на «в меру» — в меру хорошенькая, в меру обаятельная… Единственное «очень», которое я бы ей оставила, это очень большая врунья. Девушка, у которой пол-Москвы поклонников, не станет проводить субботний вечер с подружкой в ближайшем к дому кафе «Кофе-хауз». Если бы Игорь спросил меня, я бы так и сказала. Но он ни о чем меня не спрашивал, а молча сидел, стуча зубами о чашку с зеленым чаем.

Бывшая девушка Игоря продолжала сверлить меня взглядом, и я, оживившись, подалась к нему через стол. Я улыбалась, кокетничала, несколько раз погладила Игоря по руке — на ощупь он оказался приятным, — и злорадно наблюдала, как бывшая девушка с обиженным лицом металась мимо нашего столика под предлогом похода в туалет.

— Внимание! Она идет в туалет в пятый раз, сейчас вы скажете громко: «Я разочаровался в любви, но ты мне очень нравишься». Ну, быстро!

— Я… я… я… — покраснев, пробормотал Игорь.

— Я… я… я… я вам очень нравлюсь! — подхватила я и громко, на все кафе, закричала: — А вы, вы, вы… вы такой умный, такой красивый… я сразу же в вас влюбилась! Я никогда не встречала таких мужчин, как вы! И все мои подруги тоже сразу же в вас влюбились, они тоже никогда не встречали таких, как вы! У вас же пол-Москвы поклонниц! Вы как прекрасный принц!

Бывшая девушка остановилась у нашего столика.

— Вы вообще кто? — высокомерно произнесла она. — А я…

— Ох… Вы?.. Неужели вы бывшая девушка Игоря? — голосом человека, обнаружившего рояль в кустах, спросила я.

— Да, я девушка Игоря, — по-школьному подтвердила она и, не выдержав надменного тона, всхлипнула: — Мы с Игорем любим друг друга, а вы и ваши подруги… зачем вы вмешиваетесь в чужие прекрасные отношения?

Игорь дернулся ей навстречу, и мне пришлось пару раз пнуть его под столом, но этот зануда ничего не понял, только посмотрел на меня жалобно.

— Вы любите Игоря? — Мне хотелось добиться

от нее четкого ответа. — Скажите мне, что вы его любите, и я уйду… А иначе я останусь и буду бороться за свое счастье. Еще неизвестно, кто из нас победит.

— Да… Я люблю Игоря, — глядя на меня, застенчиво призналась девушка.

Я сделала вид, что потрясена, вскочила и убежала, пробормотав на прощание:

— Ну что же… тогда мне лучше уйти. Или все-таки лучше остаться?.. Нет, я уйду, уйду… Берегите его.

Я надеялась, что Зануда № 2 правильно использует ситуацию и что его девушка запомнит, у кого из них пол-Москвы поклонников, но если честно, мне показалось, что он с ней еще наплачется.

— Ну, как он тебе? Он у нас самый перспективный, — с гордостью спросил меня Игорь.

— Он перспективный, но нет, невозможно — он говорит «убираться в квартире»…

— А ты что думала, домработница будет убираться? — возразил Игорь. — Все убираются, и ничего тут такого нет.

У Игоря зазвонил телефон. Он удивленно сказал в телефон: «Да, она ничего, нормальная девчонка… Нет, она математик, а не актриса».

Почему не актриса? Я играла в школьном теат-

ре все главные роли, иногда даже мужские роли, например Дон Кихота.

— Все пропало, — повернувшись ко мне, мрачно сказал Игорь. — Он передал тебе «спасибо» и сказал, что у него скоро свадьба. Но ты не отчаивайся. У тебя впереди еще два дня.

— Я не отчаиваюсь, — гордо сказала я.

Но я отчаивалась! Что у меня впереди?! У меня впереди только я сама. Человек, который говорит «убираться», для меня не существует, а сейчас так говорят почти все…

Фант № 2

На следующий день я встречалась с Володей. Володя — врач-рентгенолог из Людиной поликлиники, высокий, с волевым лицом, кудрявый, и никакого намека на преждевременную лысину и занудство. Володя решительно повел меня в кафе, сказал, что нам нужно познакомиться поближе, и показал мне свои детские фотографии — неужели он всегда носит их с собой?

Еще он показал мне фотографии своих друзей: вот он на отдыхе с Катей, вот он в кафе с Жанной. Но все это, сказал Володя, уже далекое прошлое, больше недели назад, а сейчас у него совсем дру-

гая жизнь. Сказал, что я ему очень понравилась. Немного меньше, чем Маша, с которой он вчера познакомился по Интернету, но намного больше, чем Даша, с которой он встретится сегодня чуть позже.

Мне показалось, что Володя рассчитывал, что я заплачу за его чашку кофе и рогалик, во всяком случае намекал, что забыл дома бумажник. Может ли быть, что Катя, Жанна, Маша, Даша платили за него в кафе?

— Ну, как он тебе? — волнуясь, спросила Люда. — Он у нас в поликлинике считается неплохим врачом. Говорит, что его жизненное кредо — больше девушек, хороших и разных, но это только пока он ищет свой идеал.

— Это не я, — быстро отозвалась я. — И он тоже не мой идеал. Знаешь, я бы хотела, чтобы мой идеал был… э-э… сероглазый. С волевым взглядом. Не сексуально озабоченный.

— Не теряй надежды, — тепло сказала Люда, — счастье придет — на печке найдет.

Но я теряла надежду, теряла!.. Один раз счастье уже нашло меня на печке, почему оно должно думать, что я все еще нахожусь там же?..

Фант № 3

Вечером того же дня я встречалась с Сергеем. Не буду его описывать, в любом случае мне не подходит имя, вызывает много ассоциаций и слезы. Последний вечер на водах я провела в слезах и в Людином домашнем костюме с зайчиком на животе.

Фант № 4

В последний день перед отъездом я встречалась с Мишей. Вид у него был какой-то некормленый, брюки неглаженые, в глазах тоска. Миша принес цветы мне и Люде, сказав: «Доктору от благодарного пациента». Я удивилась, почему он Людин пациент, ведь Люда — гинеколог.

— Ну… мало ли какие у людей болезни, — туманно ответила Люда, — не думай об этом.

Как выяснилось, Миша не был пациентом гинеколога, он был мужем пациента гинеколога. Миша сказал, что с женой у него нет близких отношений, она его совершенно не понимает, а ему нужна родственная душа, которая будет слушать эротические стихи его сочинения и делить с ним постель.

На прощание Миша сказал, что любит секс любого рода, в том числе и по телефону между Москвой и Питером, мурлыкал, как он почувствует через телефонный провод мои чудные руки и все остальное.

— Я не хотела, чтобы у тебя возник роман с женатым мужчиной, — оправдывалась Люда. — Я просто подумала, раз уж тебе никто не понравился, пусть это будет твой последний шанс.

Люда с Игорем провожали меня на вокзал, махали вслед поезду и выглядели так мило и одинаково, словно сто лет прожили вместе. И я уже не понимала, перед кем Люда притворяется — перед Игорем, что маленькая глупышка, или передо мной, и на самом деле ей нравится быть глупышкой. Ей все нравится. Они — хорошая пара.

Может быть, все дело в том, что у Люды хороший характер, а у меня плохой? Все не по мне, один «убирается», другой — сексуальный маньяк, третий — пациент гинеколога…

…Эту главу можно было бы писать бесконечно, потому что на свете бесконечное множество людей, замечательных, умных, красивых, но мне они не подходят. Эта глава самая короткая, я сделала это намеренно — все равно они мне не

подойдут, сколько ни пиши. Только у этой главы есть название, и желающие могут продлить главу «Фанты» сами — каждый может включить сюда бывших любовников, старых знакомых, новых знакомых, прохожих, в лица которых мы внимательно всматриваемся, пытаясь отыскать единственно нужного нам человека.

Глава 9

У калитки меня встречали собаки и Лидочка. Лидочка, обычно равнодушная, вся в своих мгновенных желаниях, на этот раз бросилась ко мне так же возбужденно, как такса и пудель, словно и у нее нет других дел, кроме как встречать меня у калитки, помахивая хвостом.

— Ты почему не в школе, заболела, опять уши? — спросила я.

— Лиза, не ходи, не ходи, не ходи… — горячо зашептала Лидочка.

«Почему мне нельзя домой, что случилось?» — устало подумала я. Я вернулась в дурном настроении. Это была глупая поездка — я ходила по Москве со своими фантами и надеялась встретить Сергея, как будто можно встретить человека в многомиллионном городе, да и где я могла его встретить — в «Кофе-хауз»? Я же не надеюсь встретить его у нас в Петербурге в «Кофе-хауз»! Глупо, глупо и глупо!..

— Иди в кино или в кафе, я тебя умоляю, — шептала Лидочка.

Да что же, наконец, случилось?! Не слушая больше Лидочку, я побежала к дому.

Мама стояла в дверях в имидже самого несчастного человека, со скорбным лицом и со скрещенными на груди руками.

— Не надо заходить в дом, — сказала она, и я испуганно остановилась, опустив на землю сумку. Мама с лицом, Лидочка дома в неурочное время, вернее, в урочное, когда она должна быть в школе, — я подумала о самом худшем.

— Мама, что? Что-нибудь с папой? С Женей? — выдохнула я. — С Марией?

Оказалось, с Лидочкой. В десять часов утра — в это время начинается второй урок — непривычно тихая Лидочка стояла у калитки.

— Мне больше не нужно ходить в школу, — сказала Лидочка.

У мамы не возникло мысли, что Лидочку освободили от занятий за отличную учебу, но Лидочка все-таки уточнила:

— Меня выгнали из школы. А я и сама туда больше не пойду.

На вопрос: «Что случилось?» Лидочка независимо ответила — ерунда, не о чем говорить, и, несмотря на все уговоры, молчала, и только мелко дрожала, как пудель при виде торта.

— Ну что, развеялась? Выглядишь веселей, чем уезжала, — сдержанно сказала мама. — А пока

ты там веселилась, тебя в школу вызвали. Вот и езжай в школу. Сразу же, не заходя в дом.

— Но почему так срочно? — удивилась я.

— Да ерунда, — небрежно сказала мама, — какая-то школьная ерунда. Похоже, большая неприятность. Я не поеду, у меня… голова болит.

Мама отводила глаза, и вид у нее был одновременно независимый и боязливый, как у пуделя, когда я застала его на столе поедающим торт из коробки. В ответ я тоже приняла независимый вид.

— Я тоже не пойду. У меня тоже голова болит. Я только что приехала. И… не пойду, и все. Это твоя дочь, а не моя. Почему всегда я?

— А я почему? — нелогично возразила мама. — Почему всегда я?

— Но, мама, ты же умеешь с людьми, — упрямилась я.

— Умею, но не сегодня. Сегодня я не в голосе, — жалобно объяснила мама, как хорошая актриса, которая понимает, что сегодня не ее день, у нее нет куража и она не может выйти на сцену — толку не будет, а позору не оберешься.

Мама смотрела на меня полными горечи глазами, глазами человека, который только что приехал, а ему даже не дают войти в дом.

Я стояла под душем, а мама, стоя под дверью, выкрикивала:

— Лиза, быстрей! В школу! Немедленно!

Подгоняемая мамой, я выбежала из дома непричесанная, в расстегнутой куртке и в розовых пушистых тапочках-зайцах вместо туфель. У калитки меня догнала Лидочка с моими туфлями в руках.

— Не ходи, не ходи в школу! Скажи маме, что была, а сама иди в кино или в кафе!.. Не нужно в школу, там такой скандалище… Но я ни в чем не виновата.

— Ты никогда не виновата. Посмотрим, в чем ты на этот раз не виновата, — сказала я грозным голосом судьбы. — Как зовут твою учительницу?

— Швабра, — кротко ответила Лидочка.

— Как ты смеешь ругаться? — рассердилась я.

— Швабра… А как ее еще называть? — изумилась Лидочка. — Я не помню, как ее зовут. Если ты будешь спрашивать у ребят в школе, просто скажи: «Вы не знаете, где Швабра Игоревна?»

— Лидочка, нехорошо называть так взрослого человека, учителя, который отдает вам… — строго сказала я и неуверенно добавила: —…отдает вам свои знания, себя…

— Ей за это деньги платят, — бросила Лидочка

и ушла в дом.

Я не люблю учителей, да это и понятно — я не так давно окончила школу, чтобы любить учителей. Учителя — женщины. Женские коллективы самые жестокие, в них царят специфическое женское соперничество, зависть, мелочность, злорадство. Все эти чудные черты учительницы проявляют не только в педагогическом коллективе, но и в классе — я хорошо это помню. К тому же почти все учительницы одинокие и ненавидят девочек, потому что у них впереди любовь и счастье.

Мария рассказывала, что проведенное в школах исследование показало, что у учителей, работающих больше десяти лет, по сравнению с обычными людьми резко снижена способность к сочувствию и пониманию — я с этим согласна. Все мои учителя были глупые и жестокие, кроме учительницы в первом классе, и я рада, что я выросла и больше не должна их бояться. В общем, школьные учителя — это ужас, летящий на крыльях ночи, детям нужно вырасти, а родителям перетерпеть.

Лидочка цинично говорит, что учителя не могут быть приветливыми и довольными жизнью, потому что у них унизительная зарплата.

Говорит, что все учителя в ее школе делятся на тех, у кого есть деньги и муж, и тех, у кого нет. На тех, кто был в Париже, и тех, кто не был. Лидочка утверждает, что ученики так учителей не делят, учителя сами делятся. Может быть, наша Лидочка — испорченный ребенок, а может быть, она права: униженные не бывают добрыми. Униженные и оскорбленные Достоевского добрые, но они унижены до последней степени, а в меру униженные добрыми не бывают.

Интересно, к какой группе относится эта Швабра Игоревна… Простите, но как мне еще ее называть, если сама Лидочка не знает, как ее зовут?! Пусть она будет просто Лидочкина Учительница.

* * *

— …Мы терпели, мы хотели, мы ее тянули… но она, но эта! — проговорила Лидочкина Учительница.

Лидочкина Учительница ничуть не напоминала швабру, вся в розовом — розовая блузка с рюшами, розовая юбка с воланами, розовый бант в волосах, она была похожа на Мальвину, которая выросла лет до сорока. Она оказалась очень манерной, все время, что мы разговаривали,

приглядывалась к себе и тщательно исправляла найденный непорядок: красила губы, капала в глаза визин, в нос — капли от насморка, пилочкой полировала ноготь, и только потом продолжала.

— Она, она… она… ее можно сравнить только с Ксенией Собчак!

Жаль, что Лидочка не слышит, как ее сравнивают с ее идеалом!.. Лидочке в Ксении Собчак нравится все, а мне нравится, что она не боится говорить что хочет.

— Забирайте документы. Зачем ей вообще учиться? Ее не возьмут ни в одну школу! Мы ее выгоним с волчьим билетом!

— Не нужно с волчьим билетом, — нервно хихикнула я, представив Лидочкин ученический билет с фотографией волка внутри. — Извините, это у меня от волнения… Не нужно с волчьим билетом!

— Нужно! — энергично сказала Лидочкина Учительница. — Чего ваша сестрица хочет от жизни? А? Вашу сестру ждет судьба окраинной девчонки, проститутки… Она уже как проститутка… Уж простите, конечно, но как еще можно назвать пятнадцатилетнюю девочку, которая сделала то, что… делает то, что… В общем, безобразие, и вон из гимназии!

Я спросила, где Лидочка была задержана за проституцию — в гостинице, на вокзале? Я сказала, что это неправда, это поклеп, клевета, Лидочка еще ребенок.

Наконец мне удалось понять, что все-таки произошло. Если рассказать спокойно, исключив эмоции Лидочкиной Учительницы, то случилось вот что.

Девочки, Лидочка и ее подруга, переписывались на уроке — передавали друг другу через проход тетрадку. Лидочкина Учительница отняла тетрадку и положила к себе на стол. А в конце урока, пока дети писали работу, от скуки заглянула в тетрадку. И прочитала.

— Я прочитала! — воскликнула Лидочкина Учительница. В ее глазах светился счастливый азарт, как у таксы, когда она роет нору в нашем саду — а вдруг там лиса?!

— Нельзя читать чужие письма, — с достоинством возразила я.

— Можно, — с достоинством отозвалась Лидочкина Учительница. — Можно и даже нужно! Вы знаете, что там написано?

Лидочкина Учительница настояла, чтобы я прочитала, и я не могла отказаться, потому что должна была понять, почему у моей младшей

сестры вместо аттестата о среднем образовании будет волчий билет, почему у нее не будет выпускного бала и куда в таком случае нам девать выпускное платье.

Я все еще относилась ко всему этому иронически, но… Я не могу воспроизвести то, что было на тетрадном листке, и не могу пересказать это своими словами. На тетрадном листке не было ни одного слова, кроме «он», которое я могла бы процитировать. Все остальное был грубейший мат, при помощи которого Лидочка описывала сексуальные действия, которые она хотела бы произвести с «ним». Ко всему этому прилагались картинки, которые могли бы оказаться к месту на порнографическом сайте.

Невозможно передать словами, что я почувствовала — жар, сердцебиение в животе, радость, что нашу Лидочку больше никогда не увидят в этой школе…

— Ну? — победно произнесла Лидочкина Учительница и немного выпучила глаза. Я поняла, почему дети называют ее Швабра Игоревна, — потому что она настоящая швабра!

— Это частное письмо, — упрямо сказала я. — Это ее личное дело, что писать подруге.

— У меня на уроке не бывает личных дел! Она

безнравственная девчонка! — Лидочкина Учительница Швабра Игоревна улыбнулась.

Чему она радовалась? Тому, что наша Лидочка оказалась безнравственной девчонкой?.. У нее был такой торжествующий вид, что я назло ей, как загнанный заяц, в последнем отчаянии сказала:

— А может быть, это нормально? То есть, конечно, это плохо, очень плохо, но для описания секса нет нормальных слов, а подросткам хочется поговорить об этом, для них самое интересное — поговорить. А может быть, она хотела показать подружке, какая она взрослая?.. Вы не имели права читать.

Лидочкина Учительница Швабра Игоревна подпилила ноготь и накрасила губы.

— Ха. Не имела? Права? Так вот, я не только сама прочитала эту, с позволения сказать, грязь. Я прочитала это вслух всему классу! И мальчик, про которого она всю эту грязь написала, сидел и слушал! Чтобы он знал! Чтобы все знали!

— Вы прочитали это вслух?.. Всему классу? «Он» был мальчик из Лидочкиного класса? И он тоже слышал? — прошептала я. Она читала это перед всем классом, и все слушали, и мальчик, о котором Лидочка написала это, сидел и

слушал… — Но Лидочка?.. Ведь она покончит с собой… — прошептала я.

— Такие, как ваша сестрица, с собой не кончают… — ехидно возразила Швабра Игоревна.

— Допустим, — сдержанно согласилась я, — но как вы могли произнести вслух все эти слова?

— А что здесь такого? — удивилась Швабра Игоревна. — Она, значит, может писать такую грязь, а мне нельзя прочитать?

Я еще раз представила себе нашу Лидочку с волчьим билетом, мысленно посчитала до десяти и проникновенно сказала:

— Швабра Игоревна, то есть… я вас очень прошу, давайте вместе подумаем о судьбе моей сестры, она ведь еще ребенок! Я вас очень прошу, не сердитесь на нее… Ну, пожалуйста, я же с вами как с человеком!

— Не надо со мной как с человеком, — покачала головой Лидочкина Учительница.

— А как же мне с вами? — озадаченно спросила я.

— Как с учителем.

Она протянула руку за листком, а я, вместо того чтобы отдать ей листок, быстрым движением скомкала его и сунула себе в карман. Раз уж она не человек, а учитель, то все средства хороши!

— Это копия, — радостно сказала Швабра Игоревна, — а подлинник у директора. Еще одну копию могу вам дать с собой на память, и не забудьте показать это вашей матери и отцу. Идите к директору и забирайте документы.

Я не забрала Лидочкины документы — не хотела идти к директору такой заплаканной и униженной. Мне нужно было прийти в себя, и я зашла в соседний со школой «Кофе-хауз» выпить кофе. Я не люблю «Кофе-хауз», но сейчас мне было все равно.

Я заказала капучино и, положив голову на руки, принялась плакать — специально хотела выплакать все слезы и прийти к директору гордой и безразличной.

— Лиза, — раздалось надо мной, и сначала во мне что-то упало, а потом я подняла голову и увидела — надо мной стоял Сергей.

— Как будто я в Москве, — пробормотала я.

— Ты в Петербурге, — заверил меня Сергей. — У меня здесь встреча. Я сначала не хотел к тебе подходить, но ты плачешь. Какая же из твоих натур плачет — вторая, третья? Я могу им чем-нибудь помочь?..

— Никакая натура, это я сама плачу… Лидочка… несчастье… Что мне делать?.. Никто не может по-

мочь… — Я помотала головой, помахала рукой и даже, кажется, дернула ногой, всем своим видом показывая — уйди!..

Но он не ушел, а уселся за мой стол и призывно махнул рукой официантке.

— Что-нибудь сладкое? Пирожное, мороженое? — снисходительно спросил он, словно я ребенок и меня в моем горе можно утешить мороженым.

— Мороженое, — всхлипнула я, вытирая глаза и нос рукавом.

Сергей читал Лидочкино письмо-копию и удивленно посмеивался и похмыкивал, а я ела мороженое и, все еще всхлипывая, говорила:

— Лидочка, конечно, маленькая дрянь, но сейчас не время думать, почему у нее вместо нравственности пустое место… ее надо спасать!…Что с ней будет?! Они напишут ей такую характеристику, что ее не возьмут в приличную школу, а в дворовой школе она вообще учиться не будет… Будет болтаться по улицам, не получит аттестат, никуда не поступит и станет проституткой… А ведь она еще ребенок, она может исправиться! — Я опять заплакала… Будет болтаться по улицам, станет проституткой, наша дурочка Лидочка в платке с ее вечно больными ушами… — А Лидоч-

кина Учительница Швабра Игоревна — неужели она останется безнаказанной? Она сама безнравственная похуже Лидочки! Читать вслух такие письма, произносить такие слова!.. Зачем ей это? А может быть, она сексуальный маньяк?..

— Юридически она неуязвима… унижение чести и достоинства как основание для вчинения иска предполагает, что истец подразумевает изменение общественного мнения о себе. Но в данном случае любой адвокат докажет, что действие, оказанное чтением этого письма, не расходится с общественной оценкой личности твоей сестры… Не знаю, что здесь можно поделать.

Я вдруг перестала плакать и, перегнувшись через стол к Сергею, громко прошептала:

— Я знаю, что делать! Мне нужно умыться, переодеться в строгий костюм… Прости, я побегу — у меня тут рядом живет подруга, я возьму у нее черный костюм, надену темные очки… Ну, как тебе моя мысль?

— Неплохая. Но зачем весь этот маскарад?

— Ты что, не понял? Я буду юристом. Как ты сказал — унижение чести и достоинства как основание для вчинения иска предполагает, что истец подразумевает изменение общественного

мнения о себе?..

Сергей молча посмотрел на меня, покрутил пальцем у виска, положил на стол деньги, встал и потянул меня за собой.

— Эй, ты, сумасшедшая, у тебя есть полчаса. Дай мне на всякий случай номер твоего телефона.

Я заглянула в класс. Лидочкина Учительница прохаживалась между рядами, поглядывала в тетради — надеялась еще что-нибудь отобрать и прочитать вслух.

— Вас ждут в кабинете директора, — официальным тоном сказала я.

В кабинет директора мы вошли втроем — Лидочкина Учительница, Сергей и я.

— Это наш семейный юрист, — представила я Сергея.

— Мы составили заявление в суд, в районный отдел образования, в газету, в министерство, в милицию. Сейчас я вас ознакомлю, — сказал Сергей.

Сергей вытащил из папки пачку каких-то своих документов. Директриса потянулась за ними, но Сергей держал документы в отдалении от директрисы, показывал издали, но не давал в руки.

— Основание для вчинения иска: унижение чести и достоинства, моральная травма, нанесен-

ная непрофессиональным поведением учителя, обнародование частного письма, повлекшие за собой суицидные настроения подростка… — нудным голосом перечислял он. — Ну и, конечно, денежное возмещение морального ущерба. Подпишите, что вы ознакомлены… Впрочем, это не обязательно.

Директриса с отвращением взглянула на бумаги и на нас и сделала отгоняющий жест, как будто мы были случайно залетевшие в ее кабинет мухи.

— Но, может быть, это слишком? Это такая неприятность для гимназии… Может быть, не нужно? — растерянно возразила я. Мы не договаривались с Сергеем заранее, что я буду добрым следователем, а он злым, но он понял меня с полуслова.

— Нужно, — сказал Сергей, — как ваш юрист я настаиваю.

— Ну хорошо, раз вы настаиваете… Но, может быть, не нужно разворачивать кампанию в прессе, дискуссию на телевидении о правах ребенка? — попросила я.

— Нужно, — твердо ответил Сергей и сделал энергичный жест, словно оттолкнув меня с моим предложением. — Я уже дал редактору програм-

мы… э-э… «Откровенный разговор» ваш номер телефона.

Сергей засунул руку к себе в карман, и у меня зазвонил телефон.

— Это пятый канал, программа «Откровенный разговор», — удивленно сказала я, послушав молчание в телефоне, — просят подробности. Имена, фамилии.

— Может получиться громкое дело, — удовлетворенно сказал Сергей.

Мы с Сергеем встали и направились к выходу. Директриса печально смотрела нам вслед, на ее лице было написано «все что угодно, только не кампания в прессе».

— Мы не хотели, но наш семейный юрист настаивает… — улыбнулась я от двери.

Директриса махнула рукой — останьтесь.

— Вам нужен скандал на весь город? — холодно спросила она Лидочкину Учительницу. — Вам нужен районный отдел образования, пресса, телевидение? Вам нужен суд?

— Я? — Лидочкина Учительница ошеломленно смотрела на директрису. — Но вы же сами!

— Вы должны принести девочке свои извинения, — твердо сказала директриса. — Да, девочка была грубовата в выражениях, но ведь это част-

ное письмо. Ее выражения в частных письмах — это дело не наше, а семьи.

— Но вы же сами сказали, что ее нужно гнать поганой метлой, что она позорит…

— Я вот о чем думаю в течение нашей беседы с уважаемым юристом, — мягко сказала директриса. — Как же вам не стыдно читать чужие письма перед всем классом!.. Неинтеллигентно. Нетактично. Нехорошо. Мне за вас неловко.

На выходе из школы нас догнала Лидочкина Учительница и молча, не глядя на нас, протянула мне Лидочкину тетрадь с зайчиком на обложке.

— Возьмите. Это оригинал, — сквозь зубы сказала она.

Мы хохотали, как школьники, как два прогульщика, согнувшись пополам и постанывая, приговаривая «нет, ну как директриса красиво ее сдала», «а как ты сказала про кампанию в прессе», «а как мы перезванивались»… и вдруг я замерла и деревянным голосом сказала «спасибо».

Все это время, что мы играли и притворялись, мне было весело и легко, как будто Сергей мой приятель, однокурсник, мальчик, но сейчас у меня вдруг сделались чугунные руки и ноги, я не могла поднять глаза, — какая стыдная вся эта история с Лидочкой!

— У тебя встреча, — напомнила я.

— У меня встреча, — эхом отозвался Сергей.

— Мне так стыдно, — призналась я, — мне очень стыдно, что ты это прочитал. Я не знаю, почему одна моя сестра выросла такой гадкой, а другая, Женя… Ее можно просветить и выставить на всеобщее обозрение, и в ней не нашлось бы ни одной стыдной мысли, ни одного грубого слова!..

Сергей рассеянно кивнул:

— Да, она милая девушка… Вадик немного ею увлекся…

— Немного увлекся? — осторожно сказала я.

— Вадик очень влюбчив. Я познакомился с Вадиком через Алину, он милый добрый мальчик, и я как-то привык его опекать. Я не первый раз спасаю его от совершенно неподходящей девицы. Мне пришлось объяснить ему, что к чему.

— Очень благородно с твоей стороны так заботиться о друге… — похвалила я.

Мне очень хотелось узнать, что же произошло, — конечно, не выдавая Женю, не поставив ее в смешное положение брошенной. Поэтому я небрежно улыбнулась, как будто мы говорим не о моей сестре, а просто сплетничаем, как бывает между приятелями, — о чужих романах, о том, кто кого любил и разлюбил, кто кому подходит.

— Я и сама думаю, что они очень разные, — согласилась я. — Но мне очень интересно твое мнение — почему они друг другу не подходят? Ты такой умный и так хорошо разбираешься в психологии людей.

Это было беззастенчивое вранье — откуда мне было знать, как Сергей разбирается в психологии людей? Я просто действовала по старинной книге «Искусство обольщения» — льстила и восхищалась. Восхищалась, а сама ожидала, что он скажет в ответ какую-нибудь глупость, из тех, что говорят психологи в семейной консультации: разные темпераменты, характеры… или… неужели он скажет «деньги»? Тогда все сразу встанет на свои места, и я больше не буду о нем думать, не буду вглядываться в лица прохожих…

Оказалось, что старое прабабушкино средство действует и на таких уверенных в себе мужчин, потому что Сергей взглянул на часы и с сомнением спросил:

— Ты действительно хочешь это услышать?.. Ну, хорошо, но у меня только пять минут, так что слушай внимательно. Ты умная девочка, я видел, как ты корчилась от стыда за глупость и распущенность твоей сестры и отсутствие такта у твоей матери… Каждый из нас представляет

собой только то, чем является его семья. Не обижайся, ты и твоя старшая сестра — красавицы и умницы, — Сергей улыбнулся, — но разве можно пожелать своим детям иметь такую родню, как эта ваша Лидочка? Да и твой отец… Я видел его лишь однажды, и он вел себя, мягко говоря, странно… кажется, он решил, что мы прибыли из Африки… Ну, неважно… В общем, тут ничего не поделаешь, происхождение — это диагноз, это неисправимо. Я, например, никогда не допущу, чтобы мать моих детей была из простой семьи, я просто не имею на это права. Настоящий мезальянс — это не деньги, это разность воспитания, образования…

Я промолчала, и это может показаться странным. Сергей с потрясающей наивностью расставил нас с ним на разные ступеньки и с верхней ступени небрежно сообщил мне, что я — ниже. Но он так доброжелательно улыбался, был таким милым и мягким, что весь этот разговор был как будто теоретическим, словно Сергей читал лекцию, старательно наделяя меня каким-то новым знанием.

Я молчала, да и что я могла сказать в ответ? Убеждать его, что мама не всегда бывает нетактичной, Лидочка еще ребенок, отец знаменитый

ученый, а не сумасшедший, и Африка — это его форма сопротивления пошлостям жизни? Зачем? Глупо уверять человека, который считает вас ниже себя, что на самом-то деле вы ничуть не ниже.

Можно было бы молча повернуться и уйти, но мне хотелось понять все до конца.

— Но при чем здесь Вадик? — спросила я Сергея как преподавателя, как будто я не поняла условие задачи. — Вадик и Алина провели детство на окраине Нефтеюганска, а не в английском пансионе.

— Моя мама считает, что в России необходимо создать новую аристократию. Ситуация Вадика типична: его отец стал очень богатым человеком, он может дать сыну самое престижное европейское образование, но сам так и останется совершеннейшим дикарем. А Вадик, с его богатством и образованием, уже сможет создать новую аристократию — если, конечно, найдет себе подходящую жену, а не медсестру из многодетной семьи с проблемными родственниками… Все, Лиза, мне пора.

— Я поняла, — спокойно сказала я, как будто разговаривала с преподавателем. И вдруг все это перестало быть просто условием задачи, а

стало обидой, негодованием, злостью. — Все это глупость! Глупость и высокомерие! — закричала я так, что на нас оглянулись прохожие. — Гадко придумывать всякие теории и топтать живого человека! Из-за твоих дурацких теорий моя сестра плачет, из-за тебя моя сестра несчастна! Женя его любит! Ты понимаешь — лю-бит!

В порыве злости я совершенно забыла о своем желании не выдавать Женю, но ведь это не стыдно — полюбить. Я все еще держала в руке Лидочкину тетрадь и вдруг резко выдернула из тетради страницу, разорвала ее на мелкие кусочки и бросила Сергею в лицо. Я все рвала и рвала тетрадку и бросала, а Сергей стоял, как будто над ним шел снег, и он весь был в белых обрывках, как в снежинках. Я разорвала всю тетрадку и тихим страшным голосом прошипела:

— Ты придумал послать ей деньги. Ты ее оскорбил. Я тебя ненавижу.

— Ты всегда кидаешься предметами, если тебе что-то не нравится? Это только подтверждает мою правоту — ты дурно воспитана. Ринулась в атаку, как этот ваш злобный пес со странным именем, который гуляет по расписанию. А что касается денег, я считаю, что любое затраченное время принято оплачивать, — невозмутимо ска-

зал Сергей и ушел, весь в бумажных обрывках, не отряхнувшись и не простившись.

Ничего подобного! Я хорошо воспитана, я не похожа на Исчадие Ады, и шипела я, как змея, а вовсе не как собака.

— Клево она выступила, — раздался детский голос.

Неподалеку от меня стояли мальчик с девочкой, оба с ранцами за плечами. Очевидно, они стояли здесь уже некоторое время, а я и не заметила, что за нами наблюдают. Теперь они громко обсуждали эту безобразную сцену, как только что просмотренное кино.

Девочка поманила меня пальцем — «пойди сюда», и я послушно подошла.

— Тебе нужно было ка-ак дать ему кулаком, тогда бы он в тебя влюбился, — сказала девочка.

— Так нельзя обращаться с людьми, — солидно возразил мальчик.

— С мужчинами можно, — отмахнулась девочка, — у меня уже такое было: я ка-ак дала одному мальчишке, так он сразу в меня влюбился.

— Это когда было? — ревниво спросил мальчик.

— Недавно, в детском саду, — ответила девочка и обратилась ко мне: — А тебе я знаешь что по-

советую? Забудь про него, он тебя не любит. Вот если бы ты дала ему кулаком…

* * *

— Ну что? — небрежно спросила мама с видом человека, который готов к большим неприятностям, но в душе надеется на мелкие.

— Да какая-то ерунда, не стоило из-за этого вызывать… — пробормотала я.

— Я так и знала, — кивнула мама.

Маме нельзя было рассказать — она не хочет знать ничего плохого. Отцу нельзя было рассказать — он и без того относится к Лидочке иронически. Жене нельзя было рассказать — она все равно не поймет, что сделала Лидочка.

А вот с Марией можно поговорить — нужно же мне было с кем-нибудь поделиться.

Осторожно, как будто из интереса к проблемам воспитания и наследственности, я задала Марии вопрос:

— Ты случайно не знаешь, что важнее — наследственность или воспитание? Почему в одной семье получаются совершено разные дети?

— Случайно знаю, — кивнула Мария. — Этот вопрос интересовал лучшие умы человечества. Существуют две теории — психоанализ и бихе-

виоризм.

— Может быть, не стоит?.. — спохватилась я. Пусть хотя бы одна теория, но целых две… Слишком уж у меня сегодня был длинный день.

— Психоанализ считает, что ребенок рождается наследником психологических проблем своих родителей. К этому добавляются ранние детские впечатления, из которых вырастают проблемы и комплексы взрослого человека. Следовательно, воспитание не имеет смысла — все равно ничего изменить нельзя.

— Можешь не рассказывать вторую теорию?

— Не могу, уже увлеклась, — призналась Мария. — Вторая теория считает, что поведение человека зависит только от воспитания — в какой семье он вырос, какая у него была школа, друзья… Следовательно, воспитание имеет смысл — если поощрять ребенка за хорошее и наказывать за плохое, можно достигнуть замечательного результата.

Но эти теории не давали ответа на вопрос: почему в одной семье совершенно разные дети. Лучшие умы человечества не смогли решить вопрос, почему Лидочка — маленькая дрянь, а Женя — ангел. Обе они наследницы проблем наших родителей. И воспитывали их одинаково

— любили, не наказывали, читали одни и те же сказки.

Но что же все-таки делать с Лидочкой?

Я попыталась перевести все это на математический язык. У нас два варианта. В первом варианте все уже дано и ответ известен: Лидочка отвечает за проблемы нашей прабабушки, воспитывать ее бесполезно. Во втором варианте ответ такой: Лидочку необходимо воспитывать. Таким образом в обоих вариантах получаем одинаковый ответ: отшлепать Лидочку как сидорову козу.

Я загнала Лидочку, как козу, полотенцем в кладовку, где у нас хранятся овощи, и несколько раз шлепнула ее полотенцем по физиономии, приговаривая: «Ах ты, маленькая дрянь, ты у меня каждый день будешь читать книжки, ты у меня узнаешь, что такое великий могучий русский язык!..» Лидочка отмахивалась, пищала: «Я уже читала книжки — ой! «Буратино» — ой! «Маша и медведь» — ой!..»

Вечером мама думала, что Лидочка с Марией у себя в комнате, Мария думала, что Лидочка у мамы — иногда она приходит к маме пошептаться и, как маленькая, засыпает у нее, — в общем, все хотели немного отдохнуть от Лидочки, и каждый считал, что она где-то в другом месте. И только

утром обнаружилось, что Лидочка исчезла.

…Что делать, если из дома исчезла девочка-подросток? Мы решили не поднимать панику и ждать до вечера. Женя отправилась на работу, Мария в институт, а я все-таки съездила в школу.

В школе Лидочка не появлялась. Я поговорила с учителями, с подружками, с мальчиками — никто ничего не знал. Единственные сведения, которые мне удалось вытянуть, — это список мест, где она часто бывает. Оказалось, что Лидочка часто бывает в окрестных бутиках, во всех окрестных кафе и суши-барах, в кафе кинотеатра «Мираж-Синема».

Я как частный детектив обегала все — бутики, кафе, суши-бары, спрашивая, не видели ли девочку с длинными светлыми волосами, в очень короткой юбке, и везде Лидочку видели, но не сегодня. И только бармен в кафе «Мираж-Синема» сказал, что не видел девочку с длинными светлыми волосами никогда в жизни.

Сначала я сладострастно предвкушала, как найду ее, эту девочку с длинными светлыми волосами, в очень короткой юбке, и дам ей по нахальной физиономии. Потом — как презрительно скажу ей «свинья» и ни слова больше. Но чем больше бегаешь, тем больше нервничаешь,

и к вечеру я уже была готова броситься Лидочке на шею, разрешить ей больше никогда не читать книжки и выражать свои мысли как придется, — только бы она нашлась! Я непрерывно нажимала на зеленую кнопку своего телефона, и мне казалось, что у меня отвалится палец, а голос «абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети» звучит у меня в голове…

Лидочка не появилась ни к ночи, ни на следующий день.

— Что же вы сидите? Человек пропал, ребенок, — недоуменно повторяла тетя Ира. — Неужели ничего нельзя предпринять?

Оказалось, нельзя. В доме царила полная растерянность, все словно замерли, да и что мы могли сделать? Как в огромном городе разыскать длинноволосую девчонку, похожую на всех остальных девчонок в огромном городе?.. Заявление в милицию можно было подать только по прошествии трех суток, идея нанять частного детектива казалась нелепой, городские больницы мы обзванивали каждый час. Оставалось только ждать.

К концу вторых суток мне позвонил Сергей.

— Чем закончилась история с этой малолетней Мессалиной, твоей сестрой? Я привык знать результат своих действий и потраченного вре-

мени, — холодно сказал он, и я так же холодно ответила:

— Лидочка исчезла, мы уже вторые сутки не знаем, где она. Я не могу больше говорить, мне нужно звонить в больницы.

Сергей молча нажал на рычаг, и я мельком подумала: теперь моя и без того недостойная в его глазах семья стала совсем ужасной — не просто многодетная семья, а с асоциальными детьми… Мысль мелькнула и погасла — мне было не до Сергея.

Я пыталась рассуждать: Лидочка ушла из дома сама, и это означает, что ее не похитили, она ушла куда-то по своей воле. Но откуда нам знать, что это — лучше? Что она по своей воле не ушла к кому-то, кто… Я не могла думать о том, что можно сделать с доверчивой пятнадцатилетней девочкой, которая считает себя взрослой!..

…Было кое-что, о чем не знал никто, кроме меня, — история с письмом. Лидочкина Учительница сказала, что Лидочка не из тех, кто совершает суицидную попытку, намекая на то, что Лидочке все как с гуся вода, позор ей нипочем и она даже не считает это позором… Честно говоря, я была с ней согласна. К тому же Лидочка трусиха, боится воды, высоты, вида своей крови

— она не бросится в воду, не прыгнет с десятого этажа, не вскроет вены… Но вдруг? Вдруг мы неправильно оцениваем Лидочку, ее внутреннее состояние — нам кажется, что она вся состоит из чепухи, а девочка не вынесла позора и что-то с собой сделала?

Лучше всех держалась мама.

— Она у подружки, девочка моя, заболталась и забыла, что мы ее ждем, — по нескольку раз в день повторяла мама. Она, казалось, не понимала, что Лидочка пропала, — очевидно, это было состояние глубокого шока, когда психика включает какие-то таинственные защитные механизмы, которые не дают человеку сойти с ума.

Отец молча спускался вниз, молча уходил из дома, и — я тихонько ходила вслед за ним — медленно бродил по поселку, заглядывая на чужие участки, и тихо говорил «Лидочка!», как будто Лидочка была потерявшаяся собака. Наверное, это тоже было состояние глубокого шока, и его психика включила какие-то другие защитные механизмы.

…Прошло трое суток, и мама с отцом отправились в милицию подавать заявление об исчезновении Лидочки. Я стояла на крыльце, смотрела, как они идут к калитке, — рядом, но отдельно,

не поддерживая друг друга, оба сгорбившись и волоча ноги, как два старика. Я не могла отвести от них глаз, смотрела и плакала.

Все дальнейшее произошло, как будто это было кино — немое кино. Первый кадр: две сгорбившиеся фигуры, идущие по дорожке к калитке. Второй кадр: подъехала машина и остановилась у нашей калитки. Третий кадр: из машины выпорхнула улыбающаяся Лидочка и бросилась к маме. Лидочка выглядела довольной и счастливой, стреляла глазами по сторонам как ни в чем не бывало. И последний кадр: удаляющаяся спина отца. Отец шел совершенно иначе, чем минуту назад, шел, выпрямившись и уверенно ступая, но не домой, а из дома.

На этом кадре кино закончилось, и из машины вышел Сергей. Первой моей мыслью было — стыдно, что он видит семейную драму, обычно это стараются не показывать посторонним, потом я удивилась, как это они с Лидочкой случайно встретились, и только потом я поняла — это он нашел Лидочку, нашел и привез домой.

— Откуда она у тебя? — глупо спросила я.

— Нашел. — Сергей пожал плечами. — Заглянул в школу к девчонкам, одна из них рассказала, что Лидочка часто бывает в «Мираж-Синема» и

бармен в «Мираж-Синема» познакомил Лидочку с каким-то взрослым мужиком… Все остальное — дело техники и денег.

— Но… это не бином Ньютона! Я тоже разговаривала с подружками, с барменом в «Мираж-Синема», — самолюбиво сказала я.

Сергей пожал плечами:

— Значит, ты не умеешь правильно разговаривать, а я умею. Девчонка-одноклассница получила новую сумочку в соседнем бутике, а бармен больше не работает в «Мираж-Синема». Он пока нигде не будет работать… Этот подонок знал, что ей нет восемнадцати.

Я непонимающе смотрела на него, и вдруг у меня так щеки запылали, что я прижала руки к лицу, — я поняла, что какой-то сводник продал нашу Лидочку как проститутку какому-то скучающему подонку, подбирающему девчонок.

Больше всего на свете я мечтала, чтобы Сергей ушел, но он не торопился.

— И ты ее нашел, — повторила я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Нашел и вырвал из рук соблазнителя, — засмеялся Сергей. — Если честно, твою сестру не нужно было вырывать из рук соблазнителя, соблазнитель сам был готов ее отдать, она ему была

не нужна. Можно сказать, она у него немного загостилась. Но вам повезло, что это «соблазнитель», а не маньяк. С Лидочкиной девственностью, я думаю, вам расстаться не жаль — все равно не уберечь, а больше она никак не пострадала.

С этим человеком всегда получается одинаково — хорошее мгновенно делается плохим! Он спас Лидочку, отца, маму, но почему же он все время стремится меня обидеть, мне ведь и без того больно!.. Почему смотрит на меня с таким самодовольным видом?!

— Ты всегда в центре всего видишь только себя! Ты делаешь что-то хорошее, чтобы полюбоваться собой, а по-настоящему тебе наплевать на других людей, на их… чувства!

— Да? — холодно произнес Сергей.

— Да, да! А ты попробуй совершить добрый поступок, и чтобы никто об этом не знал! У тебя не получится! Тебе так не интересно! Ну, скажи мне, что ты сделал не на публику? И не для себя, чтобы подумать — «какой я замечательный», а просто для другого человека… ну, хотя бы что-нибудь! Чтобы было не «круто», а просто нормальное маленькое доброе дело. Может, ты бабушку через дорогу перевел?

— Бабушку? — удивленно переспросил Сер-

гей. — А-а… да. Сегодня ехал по шоссе и остановился, у одной бабушки купил яблоки. Зеленые.

— Зачем тебе зеленые яблоки? — подозрительно спросила я.

— Мне ее жалко стало.

— Вот видишь… Ты мог бы не рассказывать мне про бабушку, промолчать! А ты даже про бабушку рассказал…

— Ты издеваешься?! Ты же сама спросила! — Сергей обиженно взглянул на меня и сухо сказал: — Мне пора. Рад, что смог быть полезен. Было бы наивно ждать от тебя соблюдения элементарных приличий, но ты все-таки могла бы сказать «спасибо» — я потратил на тебя достаточно много времени.

— Подожди минутку, я сейчас, — я побежала в дом и через минуту вернулась.

— Вот, возьми. — Я протянула Сергею деньги. — Сколько я тебе должна? Ты же говорил, что затраченное время должно быть оплачено.

— Ты что? — медленно спросил Сергей. — Ты что?

Я испугалась, что сейчас он меня ударит, так у него на щеках заходили желваки, и инстинктивно отступила назад. Сергей сделал шаг ко мне, а я еще один шаг от него, и опять — он ко мне, а я от

него, пока я не уперлась спиной в забор, и тогда он сгреб в кулак мою куртку и резко потянул к себе.

Я смотрела на него из куртки, как воинственный птенец из гнезда, — сузившимися от злости глазами, и шипела: «Попробуй ударь меня», и… и он меня поцеловал.

— Я… мне… я… — отпустив меня, прошептал Сергей.

— Что ты, что? — нетерпеливо сказала я.

Я думала, он скажет «я люблю тебя» или «завтра позвоню», а он сказал:

— Только этого мне не хватало.

— Чего тебе не хватало? — кокетливо улыбнулась я.

— Только тебя мне и не хватало, — зло сказал Сергей, отпустив меня.

Невозможно объяснить, почему я это сделала, но я это сделала: я засмеялась и, всхлипывая от смеха, передразнила его толстым скрипучим голосом кота из мультфильма: «Только меня тебе и не хватало». Наверное, это была истерическая реакция на все волнения предыдущих дней.

* * *

В гостиной все выглядело как будто у нас в семье праздник. Как будто празднуется день

рождения Лидочки. Радостная Лидочка сидела в центре, а вокруг нее собрались все мы. Не хватало только отца — он не разговаривал с мамой и отказался поздороваться с Лидочкой.

— Лидочка, девочка, разве ты не понимаешь, как мы все волновались? — мягко упрекнула мама. — Ты ведь могла позвонить.

— Ну, мама… у меня разрядился телефон, — объяснила Лидочка.

— А зарядить? А позвонить с чужого телефона? — мрачно спросила Женя.

Лидочка непонимающе пожала плечами:

— Я забыла.

Женя печально вздохнула:

— Неужели у тебя совсем нет сердца, Лидочка?

— У нее нет сердца, — голосом естествоиспытателя констатировала Мария.

Мама прижала Лидочку к себе:

— Никогда больше так не делай, девочка. А если бы у меня или у отца был инфаркт? Мы так волновались…

— А чего вам волноваться? Со мной ничего не может случиться, — уверенно сказала Лидочка.

Лидочка — классический подросток, для нее самое главное — утверждение себя в мире взрослых. Совершенная убежденность в своей безопасности

тоже характерна для подростков. Но ведь все мы в Лидочкином возрасте чего-то боялись: я боялась мышей на чердаке, Мария боялась ходить одна по темному поселку, Женя боялась всего… И только Лидочка ничего не боится. Она действительно считает, что плохое может случиться с кем угодно, но не с ней.

— Нет, ну скажите, что со мной может случиться? — веселилась Лидочка.

— Тебя могут изнасиловать, — шепотом произнесла Мария.

— Не могут, я убегу, — возразила Лидочка.

Лидочка прижалась к маме как маленькая и похвасталась:

— Я теперь тоже взрослая, как Лиза и Женя. И взрослее Марии! Ты понимаешь, про что я говорю? Про секс.

— Лидочка, слишком ранняя половая жизнь — это плохо! — мягко сказала мама, не переставая гладить ее по голове, по плечам, словно не верила, что она вернулась.

— Почему плохо? — вяло поинтересовалась Лидочка.

— Ты можешь забеременеть, а тебе с твоим здоровьем это очень вредно…

Мария привстала со своего места и дала справ-

ку:

— По последним исследованиям в России и в Европе, средний возраст начала половой жизни составляет 15,8 года. Ежегодно в мире беременеют от 5 до 10 % девушек в возрасте от 13 до 17 лет. Ежегодно приблизительно 14 миллионов молодых женщин в возрасте от 15 до 19 лет становятся матерями, из них 80 % живут в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Деторождение для несовершеннолетних связано с высоким риском для здоровья. Вероятность смерти девушек-подростков в четыре раза больше по сравнению с женщинами старше двадцати лет.

— Со мной ничего такого не может быть, — отмахнулась Лидочка. — Еще почему плохо?

Мама вздохнула, задумалась и наконец сказала:

— Потому что это было без любви, без серьезных отношений…

— С чего это ты взяла, что без серьезных отношений? — удивилась Лидочка. — Это любовь! Вы даже не представляете, кто в меня влюбился! Совершенно взрослый мужчина! Такой красивый, богатый, у него джип. Рассказать вам, как мы познакомились? Это романтическое приключение, у вас ни у кого такого не было! Он приехал,

увидел меня, влюбился с первого взгляда, увез… Рассказать вам, как было дальше? Шампанское…

— Не нужно. Не нужно рассказывать, — быстро ответила я.

* * *

Я всегда считала отца лучшим из людей, самым умным, талантливым, благородным, но сейчас — сейчас я сидела в кабинетике на своем обычном месте напротив отца и думала о нем плохо. Как он мог не обращать на Лидочку внимания, как он мог махнуть на нее рукой, полностью доверить ребенка маме, он же видел, какая она, — не мама, а Лидочка! Он единственный человек, который мог что-то сделать и не сделал. Это он во всем виноват.

— Как я мог не обращать на Лидочку внимания, как я мог полностью доверить ребенка твоей матери… Это я во всем виноват, — сказал отец. — Лиза, ты ведь это хотела мне сказать? Я полностью с тобой согласен.

— Да, я это хотела сказать… Нет, я совсем не это хотела сказать, — поправилась я и подвинула отцу чашку с чаем. — Я хотела сказать, что ты… самый умный, талантливый, благородный… И что никто не виноват.

— Самое главное в этой истории — не где и с кем Лидочка была, это уже не имеет значения, — рассуждал отец, — и не куда она отправится в следующий раз. Самое главное — не почему она лишена хотя бы начатков разума и простейших понятий о нравственности. Самое главное — не как с ней поступить. Мы бессильны что-либо изменить в ее судьбе.

— Что ты говоришь? Как это бессильны? — испугалась я. — Пожалуйста, не говори так!

Мама ведет себя с Лидочкой как ни в чем не бывало, отец говорит, что мы бессильны…

Мамина стратегия — быстро замазать дырку в тонущей лодке пластилином, сделать вид, что дырки нет, и плыть дальше, а стратегия отца — сидеть на берегу, печально провожая тонущую лодку глазами. Почему они не хотят быстро-быстро грести в надежде спасти тонущую лодку?

— Ты должен, ты обязан… — испуганно повторяла я.

Отец печально покачал головой:

— Что я могу сделать?

— Пойди сейчас вниз. Крикни. Стукни кулаком, — предложила я.

— Ты думаешь? — с сомнением спросил отец. — Боюсь, что это будет выглядеть… неубедительно.

Я никогда не стучал кулаком, и мне уже поздно начинать. Что ты предлагаешь? Не выпускать Лидочку из дома, держать ее дома, как дурную козу на привязи?.. Нет, пусть все идет, как идет… я к ней не выйду, и не проси…

Я взяла с письменного стола льва — этот бронзовый лев был подарен отцу одним английским ученым, и, спросив «можно стукнуть?», несильно ударила львом по батарее.

— Слышишь, какой звук? А если сильно стукнуть, звук будет очень громкий.

— Лиза, — удивился отец, — с тобой все в порядке? Я понимаю, что ты расстроена, но при чем здесь мои памятные подарки?

Я спустилась вниз с видом официального посла.

— Отец просил передать, что он не желает видеть Лидочку. Отец также просил передать… — тихо сказала я и вдруг взревела, как страшный зверь: — Не выпускать из дома!

В этот момент раздался страшный грохот — отец изо всех сил стучал бронзовым львом по батарее.

Лидочка прижалась к маме, мама, обняв Лидочку, растерянно глядела наверх, Женя с Марией замерли, — все испугались, что рушится дом.

— Это отец стучит кулаком по столу, — объяснила я.

— Как это страшно — отец, всегда такой тихий, стучит кулаком так, что стены дрожат, — испуганно сказала Женя.

— Хорошо, что я ни в чем не виновата, — поддержала Мария. — Ну что, Лидочка, допрыгалась?

Сверху раздавался грохот — отец стучал львом по батарее, Лидочка дрожала.

— Отец просил передать, — продолжала я в паузах между ударами, — держать дома, как дурную козу на привязи!

— Мама, за что, что я сделала? Я же не виновата! Я не виновата, что у меня разрядился телефон! — изумленно сказала Лидочка и заплакала — наконец-то.

Страшные звуки наверху прекратились, послышались шаги, и отец вошел в комнату.

— Не выпускать, держать дома, — подсказывала я отцу, стоя у него за спиной.

— Не выпускать, — подтвердил отец, — держать дома.

— Отец сказал «не выпускать», «держать дома», — поддакнула я, очень довольная всем — Лидочкиными слезами, маминой растерянностью и бронзовым львом.

Отец повернулся и пошел к себе наверх, и я, как его полномочный представитель, проследовала за ним.

Мы с отцом сидели друг напротив друга, он в своем кресле по одну сторону письменного стола, я на стуле, по другую, а между нами лежали книги и бумаги, исписанные отцовским почерком.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала я, — надеюсь, это пошло ей на пользу.

— Ей да, но не льву, — грустно улыбнулся отец, рассматривая вмятины на львиной спине. — Лиза, все это было очень изобретательно, но абсолютно бессмысленно. Я понимаю, тебе невыносимо считать, что поделать ничего нельзя, и ты скачешь, как энергичный щенок. Но поверь, иногда действовать — не самое главное. Так же, впрочем, как рассуждать, почему все не так, как хочется.

— Но что же тогда главное? — Я немного обиделась за щенка.

— Самое главное — научиться с этим жить…

Мне кажется, есть темы, которые отец не должен обсуждать с дочерью. Конечно, отец был под действием сильного стресса, иначе он не был бы со мной таким ненужно откровенным…

В тот вечер отец сказал мне, что не доволен собой, — он сказал это таким же тоном, каким обычно рассказывал мне о Византии, словно о неком научном факте. Поэтому сначала я восприняла это как неожиданное приглашение впервые в жизни поговорить не о Византии, а о чем-то простом. Например, о том, что такое счастье: для отца — творчество, для Лидочки — новое платье, для Жени — Вадик, для мамы — выдать нас замуж…

— Твоя мать, вероятно, тоже недовольна мной, — печально добавил отец.

А я и забыла, что отец «неудовлетворен жизнью», забыла о них, о своих маленьких родителях, а ведь они переживают кризис среднего возраста…

Отец сказал, что мужчине обязательно нужна близкая женщина, и это — не мама. Что у него есть такая женщина — давно.

— Не мама?.. Давно не мама? — удивленно сказала я. Зачем-то подгребла к себе бумаги со стола и, уткнувшись лицом в бумаги, прошептала: — Нет, не надо, я не хочу, я еще маленькая… Она красивая? Молодая, моложе мамы? Может быть, теперь у тебя будут другие дети, лучше нас?.. — враждебно сказала я.

Не знаю, как ведут себя другие дети, чьи отцы сообщают им, что собираются их оставить, но я мгновенно превратилась в злобно клацающего зубами крокодила.

Я испытывала такое острое чувство ужаса, как будто меня бросили в темном лесу, такую обиду, растерянность, стыд, злость, как будто это меня бросили, меня, а не маму! Как будто это я недостаточно хорошая!.. Может быть, это извиняет мое превращение в неинтеллигентного неврастеничного крокодила, а может быть, и нет.

— Я никогда вам, тебе этого не прощу, никогда! — зло сказала я.

— Лиза… — отец укоризненно покачал головой, — я думал, ты умнее…

— А я глупее. Ты хочешь сказать мне, что я все равно останусь твоей дочерью, ты будешь приходить? Я знаю, ты будешь приходить — все реже и реже, и все равно я уже не буду по-настоящему твоим ребенком, а потом ты вообще про меня забудешь, как будто меня и не было — я точно знаю!.. Ты уже сказал маме, что ты хочешь от нас уйти?

— Как я мог бы уйти, когда у вас здесь такое творится, — рассудительным голосом произнес отец. — Но я сказал твоей матери самое главное.

А все остальное она поняла без слов.

Мама? Поняла без слов? Как бы не так!

— Что ты ей сказал? Словами? — уточнила я.

— Что я неудовлетворен жизнью.

…Зачем отец рассказал мне это? Отец может говорить с дочерью о любви, но он не должен говорить с дочерью о своей любви!

— Когда ты ездишь в город повидаться с коллегами, ты встречаешься с ней? — спросила я.

— Лиза, я никогда ее не видел. Мы переписываемся — уже много лет.

…Зачем отец рассказал мне это? Мне так больно, мне так жалко. Я давно знаю, что ему одиноко, но как же ему одиноко, если он много лет переписывается с кем-то, кого он никогда не видел.

…Но самое главное — моя жизнь не изменится. Я рассуждала эгоистично, но ведь отец сам сказал: «Не нужно рассуждать, почему что-то происходит не так, как хочется, нужно жить». Вот я и забуду этот ночной разговор, забуду и никогда не стану вспоминать.

Но ведь он зачем-то рассказал мне это?

Глава 10

Поздней осенью Лисий Нос выглядит брошенным, жалким и безрадостным, осень обнажает самое некрасивое — свалки мусора на участках, покосившиеся сараи, жестяные бочки, старые колеса, разбитые парники, все, что летом прячется в зелени, а зимой под снегом. Но я люблю Лисий Нос и осенью.

Осенью с залива дуют сильные ветры, заносящие на наш участок тучки прибрежного песка, дождем размывает дорогу к заливу, и появляется особенный запах, пахнет морем, промокшим деревом, дымом — повсюду сжигают листья. Вдыхая этот запах, я всегда чувствую острое счастье.

Счастье ведь бывает разное. Бывает бешеное щенячье счастье, что ты живешь, бежишь по заливу, брызги в лицо, от такого счастья хочется кричать «а-а-а!». Бывает влюбленное счастье, как будто живешь с высокой температурой — возбуждение, зачарованность, злость, сердце вверх-вниз… все, что я чувствовала рядом с Сергеем, было счастье.

У взрослых людей счастье скучное. Мама говорит: «Когда в нашем доме ничего не происходит,

это уже счастье»; мама притворяется — больше всего на свете она любит, когда происходит. Тетя Ира говорит: «Нужно находить счастье в повседневных вещах»; тетя Ира лукавит — какая уж тут повседневность, если она мечтает выйти замуж за иностранца. Отец счел бы крайне глупым рассуждать о каком-то никому не известном счастье, для него «на свете счастья нет, но есть покой и воля» и Византия — но тогда отец был бы самым спокойным и довольным человеком на земле, а он всегда выглядит немного печальным.

Я чувствовала себя взрослым мудрым человеком, человеком, снисходительно и печально глядящим на мир, — должно быть, именно так счастливы взрослые люди, сдержанно, скучно счастливы, счастливы по пунктам: не происходит ничего плохого, на свете счастья нет, а есть покой и воля, и так далее…

Ах да, еще «нужно находить счастье в повседневных вещах», и в этом смысле я была особенно счастлива в последнее воскресенье октября — у нас была генеральная уборка.

В последнее воскресенье октября у нас была генеральная уборка в доме и в саду.

Мы с Женей пилили дрова для печки, а Лидочка складывала дрова в сарай.

…Только что Лидочка с недовольным лицом складывала дрова в сарай, и вот ее уже нет!

Из педагогических соображений я рассказала Лидочке, что «совершенно взрослый мужчина, красивый и богатый» купил ее как проститутку. Лидочка огрызалась, кричала «он меня любит!» и обвиняла меня в зависти к этой огромной любви, потом рыдала, и — забыла, стерла из памяти, как в конце урока стирают с доски, и искренне удивлялась, почему ее держат взаперти.

Мы не выпускали ее из дома одну, по очереди отвозили и забирали из школы, и она, выходя из школы, покорно, как маленькая, давала руку и отчитывалась, какие получила отметки. А потом начала исчезать через черный ход. Ничего дурного она не делала, не писала глупостей на уроках, не пропадала ночами, возвращалась домой к вечеру, с нежной виноватой улыбкой… Я рассчитывала, что она изменится, а Лидочка повела себя как пудель — искупался в заливе, извалялся в песке, отряхнулся и побежал дальше.

Исчезать она научилась виртуозно, как ассистентка фокусника в цирке — была-была, и нет ее.

— Мне надоело за ней бегать, — сердито бросив ручку пилы, сказала я и оглянулась на звук

машины.

У нашей калитки остановилось такси. Из такси вышла пожилая дама со строгим лицом, именно дама, а не пожилая женщина — элегантная сдержанность в прическе и одежде, прямая спина.

Брезгливо осмотревшись кругом, дама громко сказала: «Какой ужас!»

Со стороны все вокруг действительно выглядело печальным и заброшенным: и наш участок с облетевшими кустами, и дом с облупившейся по стенам краской, и мы с Женей в резиновых сапогах и старых дождевиках, с лиц стекают струйки дождя — под дождем уныло пилим дрова.

— Мне надоело за ней бегать, — повторила я, повернувшись к Жене.

— Ничего не поделаешь, придется бегать — отец велел держать ее на привязи, как дурную козу, — процитировала Женя.

— Козы? Куры? Я так и знала! — вскрикнула дама и повелительно позвала: — Девушка! Я вам говорю, девушка с хвостом! Немедленно впустите меня.

— Вы кого-то ищете? Помочь вам? — приветливо спросила Женя, открывая калитку.

Дама молча рассматривала Женю — резиновые сапоги, рваный дождевик, золотые волосы собра-

ны в хвостик.

— Смазливая мордашка, и все — ни темперамента, ни характера, — задумчиво сказала дама. — Ну, хорошо. Поговорим откровенно, я для этого сюда и приехала. Дайте мне слово, что вы будете его любовницей!

— Я? Любовницей? — непонимающе переспросила Женя.

— Я не уйду отсюда, пока вы не дадите мне обещание, что будете его любовницей! Вы будете иметь все — приличную одежду, деньги, путешествия, — перечисляла дама.

Женя покачала головой:

— Я не понимаю, о чем вы говорите… Вы, наверное, перепутали адрес.

Дама наклонилась к Жене поближе и неожиданно ласковым голосом сказала:

— Девочка. Вам меня не переиграть. Скажите мне честно, ваш отец пьет?

Отец любит редкий сорт виски, и его иностранные коллеги привозят ему виски в подарок. От одного их приезда до следующего проходит месяца три, и отцу как раз хватает этих трех месяцев, чтобы опустошить бутылку.

— Пьет, — растерянно сказала Женя, — он пьет виски, но обычно…

— Но обычно водку, — холодно закончила дама. — Не нужно опущенных глазок, оставьте при себе эту вашу напускную скромность! Вы воображали, что мне ничего не известно, что мой сын мне ничего не рассказывает?.. Я согласна на все, вы можете даже пожить с ним немного… Но только не официальный брак!

Дама презрительно махнула рукой, словно отталкивая Женю, показывая, что не потерпит никаких возражений. Это был жест Сергея. У дамы были глаза Сергея, нос Сергея, губы Сергея! Подумать только — мама Сергея услышала от своего сына что-то незначащее обо мне и приехала к нам — зачем?

— Обещайте мне, что никогда не выйдете за него замуж, — настойчиво требовала она от Жени.

Женя испуганно кивнула — она всегда теряется, когда на нее наступают. Я молчала — мне казалось, что я нахожусь в театре абсурда, когда каждый действует в своем мире, сам по себе, не имея понятия, кого играет его партнер по сцене.

Потребовать от меня обещание, что я не выйду замуж за ее сына, как будто между нами что-то было… Что между нами было? Один разговор — я назвала его приживалом, одна прогулка — он

спас таксу и пуделя от Исчадия Ады, один час любви — я сказала, что ничего не почувствовала, одна встреча в кабинете директора гимназии — я забросала его тетрадными обрывками, один поцелуй — я ответила на поцелуй голосом кота из мультфильма… Между нами ничего не было!

Но почему мама Сергея перепутала меня с Женей? Наверное, просто выбрала из нас ту, что красивей.

— Я ничего не понимаю, — виновато потупилась Женя.

Дама презрительно улыбнулась:

— Не понимаете?! Вы еще глупее, чем я думала. Вы боитесь и не умеете разговаривать всерьез, вам легче все отрицать! Я не удивлена. Я все про вас знаю. Про вашу мать, про вашего сумасшедшего отца, про вашу малолетнюю сестру легкого поведения… Вы, девушка из многодетной семьи, всерьез думаете, что можете выйти за него замуж? И что вместе с вами он получит эту вашу многодетную семью со всеми ее прелестями?! Будет называть вашу мать «мама», как принято в простых семьях, будет выпивать по маленькой с вашим отцом? Многодетная семья — это всегда социальная незрелость, неумеренный сексуальный аппетит при неумении пользоваться

противозачаточными средствами, алкоголь…

Я выступила вперед, заслонив собой Женю, и возмущенно сказала:

— Вы нас оскорбили!

— Градусники, лекарства? — глядя на меня, усмехнулась мама Сергея. — Вы, очевидно, та самая медсестричка? Диана-охотница, которая надеялась своим выстрелом, то есть, извините, своим градусником завоевать богатый трофей?

— Я не надеялась! — торопливо воскликнула я. Пусть уж лучше мама Сергея посчитает меня невежей, которая прерывает старших, чем Женя поймет, что это она медсестричка, она Диана-охотница!

— Не надеялась? И правильно. Значит, вы разумнее, чем ваша сестра, — похвалила меня мама Сергея.

Что мне было делать? Сказать: «Я не позволю вам оскорблять моих родителей и мою сестру», отвечать так же гордо и презрительно, как она, — поссориться? Но ведь она мама Сергея. Не отвечать, стоять перед ней, как солдатик перед генералом, слушать, как она нападает на маму, на отца, на бедную безответную Женю? Какое неприятное положение!

Я вовремя вспомнила — «клизма времени»,

вспомнила, что я должна принимать людей такими, какие они есть, и сказала себе: «Лиза! Клизма времени, Лиза!» — это означало, что я должна принять эту даму такой, какая она есть… Злой, несправедливой, самонадеянной особой, которая думает, что ей позволено прийти в чужой дом и оскорбить моих родителей и сестру!

— Я… Вы… — Я не успела сказать: «Я не собираюсь терпеть ваши оскорбления! Вы злая, самонадеянная, несправедливая!» — потому что с крыльца раздался мамин голос.

— Девочки, у нас гости? Здравствуйте! — крикнула мама. — Скорей идите в дом! Затопим печку, посидим у огня… У нас сегодня «Наполеон» с новым кремом! Женя! Ну, веди же человека в дом!

Женя повела маму Сергея по дорожке.

— Не думайте, что вам удастся заполучить одного из лучших женихов Москвы. Вы понимаете, кто он, а кто вы? — на ходу продолжала мама Сергея. — Я к вам в дом не зайду. Ну, хорошо, покажите мне дом. И пошевеливайтесь — вы что думаете, я в гости к вам пришла?

Я не торопилась за ними — зашла за дом, прислонилась лицом к своей яблоне. Пусть все недоразумения выяснятся без меня, пусть мама поговорит с ней за меня, а я еще маленькая, я

пока постою тут, под дождем, прижимаясь лицом к яблоне… Каждая из нас сажала яблоню перед тем, как пойти в первый класс, и я хорошо помню, как втыкала в землю тонкий прутик, а теперь она была большая, моя яблоня… Я не хотела идти в дом, не хотела ссориться с мамой Сергея — она ужасна, но она же его мама. Не хочу ссориться, но обязательно поссорюсь, поэтому лучше я останусь здесь, под дождем… Мама Сергея волнуется напрасно — Сергей не любит меня, это я его люблю. Но я никогда не буду добиваться ответной любви, выгрызать из него любовь. Единственный способ избавиться от несчастной любви — это уничтожить свою любовь в себе, и пусть кто-то мне скажет, что у меня это не получится!..

…А ведь там, наверное, ссора!.. Стыдно мне прятаться, стыдно избегать выяснения отношений!.. Сейчас пойду к ним и смело признаюсь во всем, вот только еще немного постою под яблоней и сразу пойду…

— Лиза! — раздался мамин крик. — Ли-за! Немедленно домой!

Моя мама с мамой Сергея сидели рядом на диване напротив печки и обе так внимательно рассматривали языки пламени, как будто они не враждующие стороны, а поклонники огня.

— Вы должны понять меня как мать! — душевным голосом сказала мама Сергея, и мама, моя мама, в точности таким же голосом ответила: «Я вас понимаю».

Женщина, сидевшая рядом с мамой, была нисколько не похожа на ту, что разговаривала с Женей в саду, — жесткую, холодную, злую, неприлично не стеснявшуюся в выражениях. Сейчас у мамы Сергея было совершенно другое выражение лица — теплое, растерянное, ищущее поддержки, как будто они с мамой подруги, и другой голос — мягкий, глубокий, проникающий в душу. Какое удивительное совпадение — оказывается, она такая же актриса, как моя мама! Обе умеют расположить к себе, внушить симпатию, когда им нужно. Это будет борьба титанов, в которой я поставила бы на маму Сергея — так мгновенно она поменяла имидж «я вам покажу!» на имидж «я ваш лучший друг».

Мама Сергея проникновенно сказала:

— Мой сын очень близок со мной, он рассказывает мне все. Понимаете, он у меня один…

— Моя дочь… — вставила мама, — моя дочь тоже очень близка со мной. У меня их четверо.

— У меня один сын… Мой сын сказал мне, что влюбился в девушку из… — Мама Сергея на долю

секунды задумалась и дипломатично опустила «девушку из многодетной семьи», — что он влюбился в вашу дочь. Я уже сказала — я не удивлена… Я предполагала, что это может быть такое — хорошенькое личико и ничего больше… то есть я хочу сказать, не обижайтесь, дорогая…

— Ваш сын? В мою дочь?! Что вы говорите? Ах да, конечно…Я тоже не удивлена, — поддакнула мама. — Моя девочка — такая умница, красавица, в нее все влюбляются, вот и ваш сын влюбился.

— Мой сын — не все! Он один из лучших женихов России, — гордо сказала мама Сергея.

— Я тоже так считаю! Она его за это и полюбила, — горячо поддержала мама. — То есть я хотела сказать, ваш сын очень хороший…

Женя повернулась ко мне и растерянно прошептала:

— Послушай, Лиза, я ничего не понимаю… Это же не может быть мама Вадика! Мама Вадика умерла, когда он был маленьким… Бедный Вадик, — как будто в скобках пробормотала Женя. — Эта несчастная женщина забрела к нам по ошибке, перепутала адрес… А может быть, она немного сошла с ума от горя? Она так переживает за своего сына! Как мы можем ей помочь? Только выслушать… Но если мы ее выслушаем, ей может

стать легче…

Бедная была не мама Сергея, а Женя. Мама Сергея прекрасно понимала, где она находится и кто рядом с ней, а вот Женя не понимала ничего, но не потому, что она медленно соображает. Женя действительно не успевает думать быстро, потому что очень занята — всех жалеет, но в данном случае у нее не было никакой возможности догадаться. Ей не могло прийти в голову, что речь идет обо мне и о Сергее, ведь мы с Сергеем не сказали на людях и двух слов. Ну а как мама поняла, что «один из лучших женихов России» — это Сергей, — необъяснимая загадка, одна из тех загадок, что постоянно загадывает мама.

— Представьте мои чувства, — сказала мама Сергея, и мама, моя мама, повернувшись к ней, подперла щеку рукой и, полная сочувствия, приготовилась представлять.

— Поймите меня правильно, я ничего не имела бы против девушки… я ничего не имела бы против кого? — Мама Сергея задумалась, улыбнулась и на мгновение стала очень обаятельной. — Я бы все равно была против, я очень ревнивая мать… Впрочем, это неважно. Этот брак — мезальянс. Настоящий мезальянс — это не деньги, это разность происхождения, воспитания… Вы же умная

женщина, — начала мама Сергея, — вы сами понимаете, что они не могут быть вместе! Это будет плохо прежде всего для вашей дочери. Не думайте, что мне дороги лишь интересы моего сына, я больше всего думаю о ней, о вашей… о нашей дорогой девочке! Мы, женщины, гораздо глубже переживаем расставание, чем мужчины! Вся тяжесть разрыва ляжет на вашу дочь. Они все равно не смогут быть вместе!

Мама Сергея наступала, моя мама старательно делала вид, что не расслышала слова «мезальянс», и я не хотела вмешиваться в это состязание, но вдруг мама Сергея знает что-то важное, что-то такое, чего я не знаю?

— Почему обязательно расставание, разрыв? А если это любовь? Если люди любят друг друга? — спросила я.

— Любовь? Любовь — это у вас… где вы там работаете, в поликлинике? — отмахнулась мама Сергея. Она подвинулась ближе к маме, взяла ее за руку и горячо зашептала: — Дорогая моя, вы же все понимаете! Любовь пройдет, а чужой человек рядом останется!.. А наши дети, они чужие друг другу. Близость, родственность — это такие тонкие материи!.. По-настоящему близким может стать только человек, который вырос в том же

кругу! Вы простите, но вы такая умная, умнейшая женщина… Мой сын и ваша дочь — люди разного круга. Ваша дочь не знает того, что мой сын знает с детства! Вы скажете, она получила образование, она читала книги, но вы же сами знаете, что дело не в этом — потому что именно ЭТО она не читала!

Я напряженно смотрела на маму Сергея. То, что мне говорил Сергей, было глупо и обидно, но слова его мамы звучали совершенно иначе. В ее рассуждениях было и противное, высокомерное, но было и разумное… Может быть, она права? Ведь мой отец и моя мама из разных кругов, хоть и из соседних комнат, и что же? Отец живет в отдельном помещении, как жираф в соседней клетке в зоопарке, и у него есть близкая женщина, не мама…

— И различие понятий все равно обнаружится — словечко, выражение, которое его покоробит, взгляд, манера есть суп. И с возрастом эти различия не смягчаются, а становятся острее… Моя дорогая, вы кажетесь таким на редкость разумным, трезвым человеком! Я вижу, вы понимаете меня!

— Ну конечно, — ласково улыбнувшись, согласилась мама. — Она у меня не любит суп. Хотя я

всегда говорю своим девочкам — нужно обязательно есть горячее… Но вы понимаете, четверо дочерей, за всеми не уследить. Но с возрастом они обязательно полюбят суп, я уверена, что полюбят.

Мама Сергея посмотрела на нее диким взглядом и вздохнула:

— Человек всегда продукт своей среды, и из нее не выйти. Вы же не захотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за…

— …вышла замуж за водопроводчика, — понимающе подхватила мама. — Да, я не захочу иметь зятя из семьи, где не читают книг и не пользуются ножом. Хотя водопроводчик в семье — это всегда хорошо… У нас, например, постоянно течет кран на кухне.

— Вот именно, — устало сказала мама Сергея. — В общем, я вас настоятельно прошу воспрепятствовать этому браку.

— Да-да, — рассеянно кивнула мама. — Женя, Лиза, чай и «Наполеон». Быстро.

— «Наполеон»? Вы сами пекли?.. Ну, если только кусочек.

Мы ели «Наполеон» и смотрели на огонь — «Наполеон» всегда утешает, и огонь тоже.

Изящно подобрав с тарелки все до последней

крошки, мама Сергея обратилась к Жене:

— Я бы не приехала к вам, если бы не одна вещь. Если бы мой сын сказал, что он влюбился, я бы подумала — чепуха, но он сказал, что вы смешная. Сказал, что ему с вами… ему с вами интересно.

Сергей сказал своей маме, что ему со мной интересно! Почему она посчитала это таким важным? Что это означает? Не скучно? Волнующе? Он меня любит?!

Женя смотрела на нее сочувственно и была вся красная — она всегда краснеет от жалости, и сейчас она явно считала, что «эта бедная женщина» сошла с ума от горя.

— Но я же вижу, меня не обманешь, — продолжала мама Сергея, глядя на Женю. — Да, вы хорошенькая, пожалуй, даже очень. Но поймите, страсть пройдет! Что вы можете ему дать? Что у вас есть, кроме внешности? Возможно, вы добродушны, милы, но не более. Вы меня извините, но ведь вы абсолютно… ни живости, ни…

Я подумала, что сейчас она обидит Женю, и быстро проговорила:

— Вы ошиблись, это я. Это моя сестра Женя, а я Лиза. Простите, что не призналась раньше, но вы меня застали врасплох, а потом я любовалась вами. Это было прекрасно. Вы выдавали свои

аргументы за мамины мысли, сами соглашались со своими аргументами, уверяли, что в данном деле у вас нет собственных интересов, а только чужие… Простите.

Мама Сергея внимательно всмотрелась в меня.

— Интеллект. Наглость. Красивые глаза, нос длинноват, — задумчиво сказала она. — Ну хорошо, мы еще посмотрим, кто кого!

— Не беспокойтесь, — успокоила я маму Сергея. — Я не собираюсь замуж за вашего сына.

— Лизочка, деточка, что ты такое говоришь? — всполошилась мама. — Не обращайте внимания, она шутит! Она у меня такая живая девочка, такая остроумная, совсем не то что Женя…

Я поступила ужасно — невежливо, грубо. Подошла к маме Сергея и сказала:

— Вы можете спокойно уехать домой. Я никогда не выйду за него замуж, даже если… не выйду, и все! Ваш сын эгоист, не считается с другими людьми, он обидел… — я хотела сказать, что он обидел мою сестру, но вовремя спохватилась, — он обидел меня. И он мне не нравится.

— Это еще почему? — обиженно спросила мама Сергея. — Как это «не нравится»? Да как вы смеете такое говорить! Вы вообще-то в своем уме?

Я провожала маму Сергея до такси. Она осто-

рожно обходила лужи, держала меня под руку и доверительно говорила:

— Была у него эта, Алина, пустенькая незначительная девица без характера. Она мне очень не нравилась — вы меня понимаете?

Приятно, когда мама любимого человека говорит, что его девушка ей не нравится, это бесспорно означает, что ты — лучше!

Водитель усадил маму Сергея в машину, захлопнул дверцу. Мама Сергея приоткрыла окно и сделала мне знак подойти к ней поближе и наклониться. Я наклонилась.

— Я думала, что вы еще хуже Алины, а теперь даже и не знаю, кто из вас хуже… — задумчиво сказала она и вдруг обрадовалась: — Знаете, что я думаю? Вы обе хуже!

Я сделала шаг назад и помахала рукой — до свидания, счастливого пути!

На этом визит был окончен. Водитель тронулся с места, проехал несколько метров и вдруг дал задний ход — я не успела зайти на участок, как машина опять стояла у нашей калитки.

Мама Сергея выглянула из окна.

— Скажите мне честно, какой у вашего отца диагноз?.. — интимно прошептала она.

— Не скажу. Это семейная тайна, — так же ин-

тимно прошептала я.

От калитки до крыльца я проскакала на одной ножке. Интересно, ему со мной интересно!

Я объяснила изумленным маме и Жене, что все это недоразумение, чем вызван этот визит — я не знаю, у меня с Сергеем ничего не было и Сергей никогда мне не нравился.

— Этот Сергей очень неприятный человек, — подтвердила мама, — так заносчиво держался, как будто мы хуже него. Но как он похож на свою мать — одно лицо!

Да, они похожи. Ум, красота, обаяние, остроумие, артистичность и, главное — яростное желание управлять людьми и ситуациями.

— Он друг Вадика, — добавила Женя, как будто это была самая главная характеристика любого человека, и восхищенно спросила: — Мама, как же ты поняла, что она не перепутала адрес, что речь идет о Сергее и о Лизе? Какая ты умная! Как ты догадалась?

— Я очень умная, — с достоинством отозвалась мама. — Но я не догадалась, я была уверена, что эта дама перепутала адрес. Но она сказала, что ее сын один из лучших женихов России, вот я и… так, на всякий случай. Я подумала: у дамы сын, у меня дочери, мало ли что…

* * *

Даже при той близости и нежности, которые всегда были между мной и Женей, есть вещи, которые можно делать только наедине с собой. Каждое утро начиналось одинаково: Женя вставала раньше меня и, убедившись, что я еще сплю, тихонечко, чтобы не разбудить меня, делала кое-что интимное — подходила к окну и с мечтательным видом смотрела на Дом из-за занавески. Затем она тихо брала свои вещи, спускалась вниз и собиралась на работу. После того как Женя выходила из комнаты, я, уже не опасаясь разбудить Женю, в свою очередь делала то же самое, интимное — подходила к окну и с мечтательным видом смотрела на Дом из-за занавески.

Я ни разу не сделала этого при Жене, а Женя при мне — она же не знала, что я не сплю. Женя хотела казаться спокойной и равнодушной, не хотела показать, что тоскует и ждет, не хотела меня расстраивать, а я, я тоже хотела казаться спокойной и равнодушной, я тоже не хотела показать, что тоскую и жду. Женя не знала о моей любви — с какой же стати мне рассматривать соседний участок из-за занавески?..

Спустя неделю после визита мамы Сергея ран-

ним утром я стояла за занавеской. Женя внизу собиралась на работу, и я могла, не стесняясь, разглядывать Дом, представляя, как вдруг кто-то махнет волшебной палочкой и Дом оживет… Появятся тети-Ирин племянник и тети-Ирина племянница, откроют ворота своим ключом, зайдут на участок, откроют дом, и через некоторое время из трубы пойдет дым — в гостиной затопят камин. Подъедет машина, из нее выйдет Сергей, но он не пойдет в Дом, а встанет у нашей калитки. И тогда я… я не буду стесняться, не буду притворяться гордой, не буду вспоминать обиды, я ка-ак выскочу за калитку и ка-ак брошусь ему на шею, и все будет понятно без слов — нет между нами никаких условностей, никакого тщеславия, никаких разных кругов, а просто он любит меня, а я его… Но этому никогда не бывать.

…Я вздохнула громко, как паровоз, и вдруг увидела — я вдруг увидела, увидела! У забора появились тети-Ирин племянник и тети-Ирина племянница. Племянник открыл ворота ключом, они зашли на участок, затем в Дом, и через некоторое время — я ждала, стоя за занавеской, — пошел дым из трубы — в гостиной затопили камин.

И тут же, как будто дым из каминной трубы

был специальным знаком, подъехала машина. Из машины вышел Вадик — я несколько раз зажмурилась и снова открыла глаза, чтобы убедиться, что это Вадик, а не Сергей, — но это был Вадик. Вадик не пошел к себе, а встал у нашей калитки.

Отец был у себя наверху, он никогда не встает так рано, впрочем, ему бы и в голову не пришло помешать Жене встретиться с Вадиком без свидетелей, а маму с Лидочкой я заперла в ванной — они спешно пытались нанести блестки на Лидочкины волосы. Я сделала вид, что сломался замок и я иду искать инструменты, а сама поднялась к себе в комнату. Лидочка только рада опоздать на урок, поэтому они с мамой будут спокойно сидеть взаперти.

Я наблюдала в окно, как Женя вышла на крыльцо… Никогда не думала, что наш застенчивый ангел способен стремглав лететь к мужчине, повиснуть у него на шее и… я поскорей задернула занавеску.

— Платон сказал, что уже во встрече страстных взоров возникает первый зародыш нового существа, — раздался голос позади меня.

А про Марию я совсем забыла! Но такая уж у нас семья: если кого-то забудешь запереть — он тут как тут.

— Лидочку с мамой кто-то запер в ванной, я их выпустила, — сообщила Мария и завистливо вздохнула: — Лидочка вышла из ванной вся в блестках, как принцесса из сказки…

На кухне сидели мама с тетей Ирой.

— В этом доме я все должна узнавать последней, — увидев меня, холодно сказала мама. — Если бы не тетя Ира, я бы до сих пор не знала, что Женя только что целовалась с Вадиком.

— Спасибо тебе на добром слове, — скромно потупившись, отозвалась тетя Ира, принимая заслуженное признание.

* * *

Вечером мама сделала предложение Вадику.

— Ты, наверное, хочешь, чтобы Женечка вышла за тебя замуж? — сказала мама.

— Д-да, — кивнул Вадик.

— Что ты говоришь? Женечке выйти за тебя замуж? — удивилась мама. — Ну, я не знаю… это так неожиданно. Я даже не знала, что у вас с Женечкой какие-то отношения. Кстати, имей в виду на будущее, что моя Женечка во всем меня слушается.

Я ожидала, что мама от восторга будет скакать

на одной ножке и ее радость будет немного слишком, немного унизительна для Жени, как будто принц сделал предложение Золушке. Но мама неожиданно повела себя как человек, который стопроцентно уверен в своей победе и может себе позволить немного покривляться, посмаковать свое счастье, как будто катает во рту леденец, зная, что в любую минуту может его проглотить.

— Я не могу дать тебе ответ так сразу… Мне нужно подумать, — заявила мама. — …Когда же ты успел в нее влюбиться? Это была любовь с первого взгляда?

Вадик растерянно молчал.

— Да или нет? — настаивала мама.

— Д-да… — опустив глаза, сказал Вадик.

Мама заставила бедного, от смущения больше обычного заикающегося Вадика согласиться со всем, что она сказала, — он любит Женю, полюбил ее с первого взгляда, мечтает на ней жениться и не вынесет отказа.

— Ну, не знаю, не знаю… А ты сможешь содержать семью? — озабоченно спросила мама. — Женечка, конечно, об этом не думает, но я как мать обязана поинтересоваться, на что вы будете жить. И где.

— Но я… мой отец, вы же з-знаете, кто он, — изу-

мился Вадик. — Жить мы можем рядом с вами, вы же видели д-дом…

— Дом? Не помню, забыла, столько всего видишь… — небрежно отозвалась мама. — Впрочем, с милым рай и в шалаше.

Я смотрела на маму во все глаза: она умудрилась полностью все поменять местами, переставить все акценты, и получалось, что мы еще очень хорошо подумаем, отдавать ли нам Женю за сына миллионера, в которого она безоглядно влюблена.

— Может быть, не стоит так торопиться, нужно проверить свои чувства? — предложила мама.

— М-может быть, л-лучше п-подождать, — послушно повторил Вадик.

— П-подождать? — переспросила мама. — Да, лучше подождем. Свадьба будет в «Астории» — вот, я уже взяла у них свадебное меню. На горячее… решать, конечно, вам, но я предлагаю осетрину, медальоны из телятины и седло барашка.

…Вечером того же дня приехал Сергей, но наша встреча не выглядела такой романтичной, как встреча Жени и Вадика. Мы встретились не как влюбленные.

Может быть, я и побежала бы и бросилась ему

на шею, но как можно броситься на шею человеку, который начинает с того, чем закончил последнюю встречу, — ссорится?

Я сидела на кровати у себя в комнате, а Сергей ходил по комнате, иногда останавливаясь и нависая надо мной, как обвинитель.

— Ты говорила, что я виноват в несчастье твоей сестры… Говорила?

Я кивнула.

— Ты говорила, что я не могу сделать ни одно доброе дело, чтобы не рассказать о нем?.. Ты говорила, что я не смогу не сказать? — запальчиво произнес Сергей. — Так вот, чья, по-твоему, заслуга, что Вадик женится на твоей сестре?!

Мы почти одновременно засмеялись — сначала я и секундой позже Сергей.

— Но это действительно моя заслуга, — с гордостью произнес Сергей, приближаясь к окну.

— Не подходи! — крикнула я так резко, что он вздрогнул. — Тебе туда нельзя!

— Что там у тебя? Любовник за занавеской?

— Да так, ничего. Просто нервы. Можешь подойти, — разрешила я. Я просто испугалась от неожиданности — решила, что он подойдет к окну, увидит Дом и как-нибудь поймет, сколько часов я простояла за занавеской…

Сергей выразительно взглянул на меня, намекая на странность моего поведения, и подошел к окну.

— Итак, я был виноват в том, что твоя сестра страдает, так вот тебе, — он показывал на светящиеся окна Дома, — ведь это я сказал Вадику, чтобы он приехал и женился… что Женя прелестная девушка. И он в тот же день уже был тут. Ну, как?..

Сергей ожидал похвал, благодарности — не знаю, чего он ожидал, но я молчала. Этот человек всегда убежден в своей правоте, уверен, что он имеет право вмешиваться в судьбы других людей!

— Как ты любишь руководить людьми, — сказала я.

— Да, люблю и считаю, что имею на это все основания.

— Какие же у тебя основания?

— Интеллект, знание людей и жизни, — самодовольно сказал Сергей, и мы опять поссорились.

Мы бы еще долго обсуждали, имеет ли человек право вмешиваться в судьбы других людей, руководить людьми, а также самому оценивать свой интеллект, но мама крикнула нам снизу:

— Лиза и вы тоже!.. К столу!

В гостиной горела печка, стол был накрыт на нашу семью и Вадика, на всех стульях были повязаны банты, а Сергею мама в последний момент демонстративно подставила табуретку.

— Зачем ты притащила его на наше семейное торжество, — громким шепотом прошептала мне мама и фальшиво улыбнулась Сергею: — Мы сегодня гостей не ждали, только семья, так что у нас ничего особенного, вы уж не обессудьте…

Ничего особенного — это были салат оливье, модный салат с креветками и виноградом из кулинарной книги, селедка под шубой, пироги с капустой и картошкой, горячие котлеты, соленые грибы с картошкой — и все это, включая котлеты, было на закуску. Кроме этого было еще горячее и «Наполеон».

Лидочка с Марией болтали и смеялись, Женя с Вадиком перешептывались, мама с умилением наблюдала за ними, и все ели салат оливье, салат с креветками и виноградом, селедку под шубой, пироги с капустой и картошкой, горячие котлеты, соленые грибы с картошкой… Все, кроме нас Сергеем — мы продолжали ссориться шепотом.

— Мне обидно за мою сестру! — шипела я. — Я не понимаю, как мужчина может быть таким послушным, таким безвольным!.. Ты велел Ва-

дику бросить Женю — он бросил, ты велел ему жениться — он женится. Я бы не хотела, чтобы меня сначала запретили, а потом разрешили! Друг разрешил, друг не разрешил — а где же сам Вадик?!

— Но если твоей сестре все равно, где сам Вадик, то тебе должно быть тем более безразлично, — шипел в ответ Сергей.

— Как ты смеешь говорить, что Жене все равно! Ей действительно все равно, но не потому, что ты думаешь!.. Вадику повезло…

— Ну что ты на меня набросилась? — успокаивающим голосом сказал Сергей. — Я согласен, Вадику повезло.

— Да, да! Женя — ангел! — горячо прошептала я.

— Да, конечно, — неуверенно прошептал Сергей. — Но я имею в виду, что Вадику повезло с твоим отцом…

— А вот и отец, — сказала мама, — как раз к чаю.

Отец присоединился к нам вместе с «Наполеоном» — я и не заметила, как закуски сменились горячим, а горячее чаем.

Сергей и Вадик познакомились с отцом, на этот раз по-настоящему. Сергей держался с отцом

спокойно, вежливо и бесстрашно, а Вадик робел и заикался больше обычного — может быть, опасался, что отец опять начнет расспрашивать его об охоте, а у него нет никаких трофеев. Надеюсь, Женя улучила минутку, чтобы рассказать своему жениху, что ее отец не сумасшедший, а впрочем, не знаю.

Отец был с Вадиком любезен, расспрашивал его о его семье, но Вадик смотрел в стол, отвечал односложно, в общем, выглядел как застенчивый двоечник. А на вопросы, чем он занимается и чем увлекается, Вадик не смог ответить, испуганно пробормотал:

— В-вам я не могу эт-того с-сказать…

Почему он не смог сказать отцу, что учится в Лондонской школе экономики, почему он так робел?..

Отец выпил чай и отправился к себе, извинившись перед гостями — нужно работать.

— Раб-ботать, раб-ботать, — провожая его взглядом, как будто в экстазе, повторил Вадик и вдруг бросился за отцом и что-то быстро сунул ему в руку. — Отдал ему п-письмо, — пробомотал Вадик. Неужели он решил письменно попросить у отца Жениной руки?

…Мы еще даже не успели допить чай, как все

выяснилось.

— Я т-так мечтал изучать историю в университете, но мой п-папа с-считает историю, п-простите за выражение, «б-бабским делом»… — сказал Вадик.

Оказывается Вадик, которого я считала недалеким бездельником, с детства страстно увлечен Византией. Полгода назад, прочитав новую книгу отца, Вадик написал ему письмо на адрес английского издательства, где вышла книга, и попросил переслать письмо отцу. Неделю назад Вадик получил от отца ответ по-английски и не обратил внимания на адрес. И только надписывая конверт с ответным письмом, вдруг увидел, что пишет: «Russia, Saint-Petersburg, Lisiy Nos…»

— Если б-бы я знал, что он т-тут, совсем ряд-дом, я б-бы ни за что т-тогда не уехал…

Сергей победительно взглянул на меня, и я сделала вид, что ничего не заметила. В конце концов, не имеет значения, кого Вадик любит больше — Женю или Византию.

— Я давно уже хочу разобраться с его отцом. Объяснить ему, что Вадику нечего делать в школе экономики. Скажу ему, что заниматься наукой еще более престижно, чем бизнесом, — прошептал Сергей, и мы опять поссорились, а когда

помирились, Сергей спросил: — Знаешь, как я понял, что я тебя люблю? Я все время о тебе думал и мысленно с тобой спорил и даже ссорился. Это как будто зависимость…

Он сказал — у него зависимость. От меня.

— Любишь? Но если я тебя… если я кого-нибудь люблю, то я хочу тебя… кого-нибудь видеть, а ты, ты не звонил, не приходил… исчез!

— Я исчез для тебя! Я работал! Я же мужчина. — Сергей сказал это так удивленно, как будто мужчина, встретив любовь, говорит: «Это любовь. Это любовь, привет! А сейчас у меня дела».

— Ты выйдешь за меня замуж? Только моя мама просила предупредить тебя заранее, что твоя мама не должна ни во что вмешиваться… Моя мама сказала, что твоя мама…

— Моя мама?! — возмущенно фыркнула я.

Сергей сказал, что я крайне обидчива и ему просто невозможно уследить за собой, чтобы не сказать чего-то неприятного для моего чересчур нежного «я». Что рядом со мной у него такое чувство, будто рядом с ним все время повизгивают такса и пудель, и оказывается, он нечаянно наступил им на лапу, но он же не виноват, что они маленькие и самолюбивые, а он большой. А я сказала, что я его не люблю.

Может показаться, что я слишком быстро перескочила из состояния влюбленной овцы «бе-е-е» в состояние самодовольной уверенности в его любви, но… откуда-то я знала, что можно, всегда откуда-то знаешь, что можно.

* * *

Я сидела у отца в кабинетике на своем обычном месте — напротив отца, а мама стояла за мной как страж, положив руку на спинку стула.

— Лиза, не нужно выходить за него замуж, — сказал отец. — Лиза, он…

— Он один из самых лучших женихов России… так его мама сказала, — перебила мама. — Один из самых лучших, даже лучше Вадика…

На лестнице послышалось шуршание, затем звук пинков, затем шипение: «Подвинься, я тоже хочу!». У нас всегда кто-нибудь подслушивает за дверью, считая, что он не подслушивает, а просто его забыли позвать, чтобы он тоже принял участие в интересной беседе.

«Круто!.. Наша Лиза выходит замуж за лучшего жениха России!» — раздался приглушенный Лидочкин голос.

Отец тяжело вздохнул.

— Лучший, лучший, лучший… жених, жених,

жених… — монотонно, словно гипнотизер на сеансе внушения, повторила мама.

Отец вздохнул еще тяжелей:

— Лиза, я никогда не говорил с тобой… ни о чем. Но я уверен, ты и сама все понимаешь. Чтобы быть счастливыми, люди должны быть из одной среды, из одной детской… Ты моя дочь — моя… А он человек совсем другого круга…

Ну что же это, все как будто сговорились — сначала я из другой среды, а теперь он из другой среды!..

— Это она сначала говорила, что он неприятный человек, заносчивый, самоуверенный, — торопливо сказала мама. — А потом, как только он сделал ей предложение, сразу передумала.

Отец взглянул на меня изумленно и разочарованно, как будто я на его глазах превратилась в козленочка.

— Лиза?! Я не могу поверить, что ты выходишь за него замуж из-за денег! Никакие деньги не облегчат ситуацию, когда люди душой врозь…

Я улыбнулась, нежно и снисходительно, как будто я взрослая и смеюсь над ним, ребенком. Я хотела сказать отцу, что Сергей оказался благородным, что он спас Лидочку, и таксу, и пуделя. Но ведь на самом деле он такой же, как и был, —

заносчивый, самоуверенный. Способный и на благородный поступок в том числе. В нем так много разного. Не скажет ли Сергей через год, через месяц, через день после свадьбы: «Была у меня такая девочка, Лиза, вспоминаю ее хорошо, но ничего не вышло»?..

А если бы Сергей и его мама не узнали, что отец — знаменитый ученый, она бы разрешила ему на мне жениться? А если бы не разрешила, Сергей женился бы на мне против ее воли? Он такой насмешливый и взрослый и такой мамин.

Я вдруг заметалась: если бы я его любила, я бы не замечала его недостатков, смотрела бы на него сквозь розовые очки. Может быть, я его не люблю?

«Круто! Наша Лиза откажет лучшему жениху России!» — раздалось из-за двери.

...Чувство юмора у него такое, как у меня. Чувство юмора — это так редко, чтобы совпадало, чтобы вместе смеяться. Женя, например, никогда со мной не смеется. И если я не выйду за него замуж, мне придется всю жизнь смеяться одной.

— Я его люблю. Можно мне выйти за него замуж?

— Ну?! — просительно сказала мама и в волнении наклонила стул со мной на письменный

стол отца, так что моя голова оказалась над его бумагами, и я даже смогла прочитать: «…поход с сорокатысячным войском на Византию был предпринят в 941 г. при князе Игоре, пока византийский флот был отвлечен арабами…» — Ну?! Я уверена, что она будет счастлива!.. А ты?

— А я не уверен, — печально сказал отец.

— Шопенгауэр говорит… — раздался за дверью голос Марии. — Шопенгауэр говорит, что любые два миросозерцания при всей их противоположности одновременно истинны, каждое со своей точки зрения, а стоит лишь подняться над этой точкой, как истинность их сейчас же оказывается условной. Но абсолютная истина…

Отец улыбнулся и продолжил:

— Но абсолютная истина недостижима… Я так и знал, что приезд этих двух молодых людей из Африки закончится тем, что по крайней мере две мои дочери выйдут за них замуж…

* * *

Все закончилось, как и положено, свадьбой, но у меня еще оставалось столько вопросов… Мама сказала, чтобы все вопросы я задавала после свадьбы.

Я была уверена: ангел Женя и Вадик, слабовольный ангел, будут безоблачно счастливы. Они будут жить в Доме, и если для полного счастья им потребуется немного волнений, недоразумений и легких ссор, то ведь рядом всегда будет мама. Мама будет руководить через забор, Вадик будет любить Женю и благоговеть перед отцом, будет сидеть в кабинете и изучать Византию, — и они станут как мама с отцом, но никогда не разделятся на «низ» и «верх», а будут счастливы. Ангелам счастье полагается.

…А я, я буду счастлива?.. Такой вопрос задает себе каждая девушка в фате, в свадебном веночке, в перьях…

Я понимаю, что это глупый вопрос, но как же его не задать?..

Оценка Швабры Игоревны

Прежде всего я хочу сказать, что возмущена этой кличкой. Ее оправдание, что меня «все так зовут», я не принимаю! Уверяю вас, что никто меня так не называет, а тем, кто меня так называет, будет двойка по поведению и вон из школы!

Я также возмущена меркантильным подходом к оценке отношений в педагогическом коллективе. Дети не должны замечать отношений между

взрослыми, это не их дело.

Я возмущена тем, что я читала чужое письмо. Никаких писем я не читала. Все знают, что чужие письма читать нельзя. А если я и читала, то только для пользы учеников. В этом письме не было никакого мата, никаких выражений, там было глупое детское объяснение одному мальчику из класса. Она просила прощения за свою мать. За какие-то ее слова «каждый должен общаться с людьми своего круга», которые он случайно услышал и перестал с ней дружить. В общем, какая-то детская ерунда, я прочитала это вслух, и все со мной согласились.

Из дома она не пропадала. Зачем она придумала, что пропала из дома и с ней было неприличное? Зачем она сама себя оклеветала?

Да и чего от нее вообще ждать, если она все придумала? Она никогда не играла в школьном театре Дон Кихота, а по математике у нее тройка. Ее мать нормальная женщина, которая никогда не стала бы заниматься такими глупостями, как она описывает, а сестер у нее вообще нет.

Она сказала, что это сочинение о воспитании. «Не думайте, — говорит, — что я претендую воспитывать кого-нибудь, кроме себя. Это мое сочинение о воспитании меня». Но всем извест-

но, что человек не может сам себя воспитывать, воспитывают школа и семья.

Почему ее сочинение называется «Любоф и Друшба»? Это неграмотно. Она сослалась на Дж. Остен. Не знаю, не читала, потому что он не входит в школьную программу. Но в любом случае, нечего умничать, нужно читать по программе, о войне, о социальных вопросах, а не о каких-то там замужествах.

Я спросила, зачем она вместо обычного объема сочинения (три-четыре страницы) так много написала, она ответила: «Мое сочинение напечатают как книжку, потом снимут кино, я стану знаменитой, меня покажут по телевизору, и тогда мой папа ко мне вернется». Представляете?! Она же вообще никогда его не видела, как он может к ней вернуться?.. Странная девочка.

Я передала ее сочинение школьному психологу. Он у нас на полставки, ничего не делает, а деньги получает, вот пусть и разбирается.

Оценка школьного психолога

Я использовал этот материал в качестве примера для своей диссертации, но я не стану приводить здесь специальные термины, а постараюсь

простым, непрофессиональным языком передать свое впечатление.

Лиза старается выглядеть независимой, ироничной и уверенной в себе девушкой. Она сказала, что ее сочинение — шутка, литературная игра, она взяла за основу английский роман и для развлечения написала эту историю на современной почве, взяв все необходимые реалии из Интернета.

«Я не очень популярна в классе, со мной не дружат, поэтому в сочинении у меня много сестер», — объяснила Лиза. На мой вопрос, откуда она все это знает, ведь для такого сочинения нужно иметь некоторый жизненный опыт и понимание людей, а она еще почти ребенок, Лиза ответила: «Все, что я не знаю, можно найти в журнале «Биография», жизненный опыт не нужен, нужно просто наблюдать за людьми. В голове у каждого есть текст, гораздо более умный и красивый, чем выглядит человек, только не все его записывают. Может быть, я взрослее в сочинении, чем в жизни, но каждый ребенок гораздо взрослей, чем кажется, и гораздо несчастней». Это довольно глубокое замечание для шестнадцатилетней «писательницы».

Самое простое было сказать, что одинокой де-

вочке хочется иметь семью, сестер, хлопотливую мать и нежного отца. Я также предположил, что Лиза воспользовалась этим текстом, чтобы разобраться в себе. Но я не мог предположить, что Лиза подсознательно разложила себя на несколько личностей, щедро оделив своих «сестер» собственными чертами.

Я протестировал Лизу и, получив профиль ее личности, был удивлен. Здесь мне все-таки придется использовать профессиональные термины, но я постараюсь быть кратким.

Характер или личность каждого человека не является монолитом, каждый из нас представляет собой сочетание нескольких психологических типов. Если какой-то из этих типов ярко выражен, мы говорим об акцентуации характера. Акцентуация характера может проходить по одному или двум типам, а иногда, как у Лизы, по нескольким, и в этом случае мы имеем все основания говорить о яркой, противоречивой, неординарной личности.

Лиза представляет собой циклотимический тип, характеризующийся быстрой сменой настроения, пессимизма и оптимизма, возбуждения и пониженного эмоционального фона, почти депрессии. Я беседовал с Лизой три раза с про-

межутком в неделю, и один раз она показалась мне застенчивой и меланхоличной, а во время следующих встреч была совершенно другой — остроумной, кокетливой, полной идей и планов.

В характере Лизы в значительной степени выражен еще один тип личности — демонстративный. Этот тип личности характеризуется стремлением демонстрировать свои эмоции, всегда быть в центре внимания, способностью очаровывать окружающих, несмотря на свои недостатки и, возможно, благодаря им. В случае Лизы это скорее желание, а не реальная возможность. Она хочет быть в центре внимания, но не может и подсознательно восхищается теми, кто позволяет себе не в мечтах, а в реальности быть подчеркнуто эмоциональным, взбалмошным, эгоистичным, но обаятельным.

В Лизином характере имеется еще одна акцентуация — чувствительный тип личности. Этот тип личности характеризуется повышенной ранимостью, неуверенностью, чувствительностью по отношению к себе и другим, сомнением в своей привлекательности для противоположного пола, боязнью, что его обидят или он сам кого-то обидит.

Несмотря на заверения, что она знает все

лучше многих взрослых и пишет: «Что же, мне танцевать в мамином платье», — она все-таки примерила мамино платье. Детскость ее сознания проявляется в том, как она пишет о матери — она ее не одобряет, но не может не любить, а также, когда она пишет о сексе, очевидно, что сама Лиза о сексе знает только теоретически. Подводя итог, можно сказать, что перед нами подросток с незаурядными личностными свойствами и со всеми свойственными пубертатному периоду противоречиями в характере и мировосозерцании.

Оценка мамы

Глупо рассуждать, что она придумала, а что нет. Важно, что моя Лиза талантливая.

Но мне было очень больно убедиться, что ей настолько не хватает отца. Я никак этого не ожидала. Вся эта ее история на самом деле не о любви, а об отношениях с несуществующим отцом, которого она себе сочинила. Этот ее придуманный отец всегда где-то «наверху», из всей семьи он любит только ее, и она делает все, чтобы быть для него хорошей. Он специально изображен таким замкнутым, аутичным человеком для того, чтобы он принадлежал только ей одной. Ее сочинение

буквально пропитано тоской по отцу! Мне это больно.

Лиза, вернее ее героиня, выходит замуж и сквозь смех задает себе робкий вопрос, будет ли она счастлива. Лиза, не героиня, а моя дочь Лиза, как-то спросила меня: «Как ты думаешь, я буду счастлива?» Она, конечно, не имела в виду замужество, а имела в виду — вообще, в жизни.

Мне, конечно, хотелось сказать: «Ты обязательно будешь счастлива», но ведь все в мире происходит не так, как хочется, и я осторожно ответила: «Да, но это немного глупый вопрос, потому что никто в мире не знает, что такое счастье». Лиза — еще совсем ребенок, но умный ребенок, она улыбнулась и сказала: «Это глупый вопрос, но как же его не задать?»

Марта Кетро. Когнитивный диссонанс

Действие происходит в Живом Журнале и за его пределами.

Если вы не слишком разбираетесь в терминологии, в конце есть маленький глоссарий.

Да, вот именно так (а никак по-другому)
ушла, расплевавшись со всеми, моя затяжная весна,
и пришла — наконец-то — долгожданная зрелость.
Только что ж ты так билось вчера, мое сытое хитрое сердце,

Только что ж ты так билось, как будто свихнулось с ума?

Дмитрий Воденников. Черновик

— И тут у меня приключился этот… когинти… ког-ни-ти… во! Когнитивный диссонанс. Ну, если я правильно понимаю это выражение — когда представления о реальности, которые у тебя в голове, не совпадают с действительностью. Да?

— Ну… примерно так. Дискомфорт от противоречивых знаний о предмете.

— Вообще, по-честному, стоит использовать только те слова, смысл которых я понимаю. Или хотя бы те, которые умею правильно произносить. Но тогда моя речь была бы такой скууудной…

1. Печальная канарейка

— Его зовут Блю Канари.

— Голубой, что ли?

— Не голубой и даже не синий. У него первая запись в журнале называется «Я не гей». Блю Канари — печальная (как блюз) канарейка. Английские шахтеры, когда спускались под землю, брали с собой клетку с птичкой. Если в забое появлялся угарный газ, первым делом дохла канарейка. Ну и какое у нее после этого может быть настроение?!

— М-да, депрессивный чувак.

— Вообще, конечно, странновато для мужика. Я даже думала, что он виртуал чей-то. С другой стороны, меня мрачные типы любят, у меня же «грустный дар»…

— Да, я его встретила у тебя в печальном посте, об именах.

— Он весь мой жж прошерстил, прикинь. Я по счетчику смотрела — с его айпишника триста с чем-то записей открыли. Под Новый год, когда все прогрессивное человечество бухало, он сидел и читал целую ночь. А потом завел жж, чтобы комменты оставлять, и написал штук двадцать.

Опасаюсь, что маньяк.

— А чего писал? Я видела только «меня зовут Антон».

— Какую-то мутную хрень. Не могу, когда мужчина пускается в словоплетения, мне становится противно и страшно.

— Чего-то ты вообще мужиков невзлюбила. Раньше тебя больше тетки раздражали. Это от возраста, меня в сороковник тоже мужики бесили, я чувствовала, что теряю над ними власть…

— Минуточку, мне до сороковника, как тебе до полтинника, давайте не будем усугублять.

— Ну, не суть, медведь туда, медведь сюда. Скажем так, около сорока я поняла, что сама гораздо круче любого мужчины, которого знаю (кроме очень богатых, а таких среди моих знакомых немного). В тридцать постареть боялась до одури, а потом как-то отпустила вожжи и думаю: да я все равно любого из них сделаю если не этим местом, то другим. В смысле головой.

— В смысле орального секса?

— В смысле мозгов.

— Так, а потом? Прошло?

— А потом постепенно поняла, что никого «делать» не надо, ни мужчин, ни женщин.

— Я бы сказала, что это климакс.

— До климакса мне еще дальше, чем тебе до сорока…

— Язва.

— Сама такая. Короче, я поняла, что вообще не надо делить людей на мужчин и женщин.

— Подожди, я записываю…

— Ну да, не слишком блестящая идея, но до нее надо было дожить. Бери от человека то, что он может тебе дать, не больше и не меньше. Если кто-то готов дать тебе немного нежности или красоты, не стоит от него требовать ума, любви и денег. Или пошли его совсем, или не придирайся.

— А энтот Канарей мне что, интересно, может дать?

— Допустим, немного романтики?

— Рискую сблевать. У меня достаточно секса, чтобы не хотеть романтики.

— Ты уверена? В смысле не в количестве секса, а что тебе не нужно приключение. По-моему, самое время немножечко влюбиться.

— Но у меня муж.

— «Бакалейщики не в счет»!

— Ты прекрасно знаешь, что он отличный действующий муж, самый лучший из тех, что у меня были.

— С учетом того, что до него был ровно один…

— И любовник тоже лучший. Ну, из лучших.

— Нет, я не отрицаю его достоинств, но за десять лет уже как родственники, наверное, стали.

— Только не в смысле секса. Мы друг другу подходим, и это никуда не девается.

— Кроме секса, есть еще кое-что.

— Ну-ка, ну-ка, что еще есть, кроме секса?!

— Любовь.

— Помнишь песню моей (или даже твоей) юности: «Ах любовь, ты любовь, золотая лестница, золотая лестница без перил…» У нас и есть любовь. У нас страсть. У нас есть все, что нужно. Чего ты ко мне пристала, Ленка?

— Ты какая-то погасшая в последнее время, меня это беспокоит…

— …и ты хочешь об этом поговорить. Понимаю. Да, я прибавила восемь килограммов. Потому что просидела зиму за монитором. Худеть надо. Но при чем тут мужики?

— Не будешь ты худеть ради себя, интерес нужен. А ты совсем перестала кокетничать, я же вижу, как ты общаешься. Одеваешься вон по-старушечьи.

— Зато у меня сексуальные духи.

— Мухи дохнут от твоих духов. Тебя вообще люди интересуют?

— Пойми, я сейчас чувствую удивительную свободу. Я нашла способ быть счастливой — и не из-за кого-нибудь, кто может умереть или уйти, а на собственном ресурсе. Тебя при «совке» учили, что счастье в труде? Ну так они не врали.

— Уйти в работу — это известный и тупиковый путь.

— Пропущено ключевое слово «любимая».

— Уйти в работу, любимая, это известный и тупиковый путь.

— В ЛЮБИМУЮ работу. Я вот сейчас повесть пишу. Ко мне подружки приходят — у одной юный любовник, у другой женатый, у третьей просто дурак — и ни о чем другом говорить не могут. Я пять минут слушаю и тоже начинаю: «А вот у меня персонаж один…» Когда ты делаешь текст, историю, эмоцию, это такая власть над материалом, что никакие «отношения» рядом не стояли.

— Тебе, конечно, видней. Но лучше бы тебе все-таки роман завести…

— Роман я сейчас не потяну, мне бы повесть дописать.

— Да, тяжелый случай.

* * *

Вообще Ленка не такая идиотка, как может показаться. Она моя родственница. Вернее, я ее сама назначила на эту должность. Она даже не седьмая вода на киселе — двоюродная сестра мужа сестры, если быть точной, то есть не кровная. Но со своими настоящим родственниками я не общаюсь, не нравится мне брезгливая любовь по умолчанию, которая существует внутри семьи: вроде «я тебя вот такой помню», уважать не уважаю, но раз ты наша, так и быть, пожалею. «Сколько ж тебе годков-то стукнуло, деточка? Все живешь на съемной? И деток нет? Ну куда ж тебе, бедной… Денег-то хватает?» Спасибо, не надо вашей заботы. Мне формальная вежливость чужих людей приятнее близкородственного хамства. Но для порядку семья нужна, поэтому я сблизилась с Ленкой, которая «вот такой» меня не помнит, но считается «из своих». Ей сорок семь, у нее собака, взрослый сын, который живет отдельно, и маленькое турагентство. Когда она возвращается с работы, я как раз уже успеваю проснуться, принять ванну и выйти на улицу. Так что мы встречаемся в центре, пьем кофе и беседуем. Она всегда немножечко «сверху», на правах

старшей, но я не против. В конце концов, мне интересна жизнь после сорока, для женщины это страннее, чем яблоки на Марсе. В декабре я подбила Ленку завести дневник в Живом Журнале главным образом для того, чтобы читать и комментировать меня. Она втянулась, писать пока не пишет, но чужие истории читает с удовольствием и с огромным любопытством следит за отношениями, развивающимися в Сети. Кто кому нагрубил, кто текст украл, кто флирт затеял. Я-то не верю в виртуальные романы, но для одинокой дамочки средних лет Сеть полна тайн и новых возможностей. Мне это чудно весьма. Вот они, «возможности», — ходят по улицам, сидят в кафе, жрут салатики. Неужели в Сети они будут менее женаты, менее брюхаты и менее скучны? Вроде нет, но Ленка за каждым сетевым персонажем видит лирического героя, а не обычного человека. На меня бы посмотрела — уж я-то, самый сетевой из сетевых, загадочная Марта К., а вживую — обычная взрослая домохозяйка, утомленная до невозможности. Представь, говорю ей, вот я сижу на полу, за спиной у меня проектор, а впереди белая стена, на которую льется свет. Я поднимаю руки, и прекрасная темная птица машет крыльями на экране, или другое таинственное животное

появляется, которое на самом деле не что иное, как тень комбинации из трех пальцев. Вот это сетевые персонажи. Хочешь чуда — смотри на экран, хочешь правды — следи за руками. Но она, Ленка, желает волшебства, а меня воспринимает как досадное недоразумение. И в данный момент, кажется, пытается подтянуть реальность под свои представления о ней — то есть подбить меня на романтическое приключение. А может, просто желает мне добра, такое тоже бывает. Только сомнения берут, потому что какое же это добро, если сейчас у меня в душе мир, в животе эклер, а заведи роман, и начнутся тревога, страдание и голод? Не говоря о том, что муж меня убьет.

Брак у нас действительно не формальный, а вполне действующий, поэтому муж немедленно обо всем догадается. По ряду признаков — настроение изменится, секс станет другим, режим дня и прочие детали. А еще я имею привычку записывать в молескин список дел, и будет довольно сложно объяснить, почему под номером 4 стоит «свидание с…». А если не запишу, могу забыть…

В общем, не судьба. Извини, Ленка, извини, Канарей.

Кстати, откуда он взялся, Блю Канари…

Впервые он появился вот под этим постом:

«Имя, сестра, имя»

Имя его легко было произносить во время любви. Он сам себе такое выбрал, случайно ли — не знаю. Но каждый раз в самый последний момент оно вылетало из моих губ, как долгий выдох, короткий вдох, как поцелуй. В нем ровно столько воздуха, чтобы перевести дыхание между двумя волнами. С этим именем на устах легко умереть — если бы он позволил. Жить с ним было затруднительно, а вот выкрикивать, выдыхать, выцеловывать легко. Он был великим любовником, поверьте мне, и одна из его тайн состояла в имени. Много позже, в других постелях, мне приходилось закусывать губы, чтобы не произносить его — не имя уже, но слово любви, навсегда связанное с наслаждением. Даже теперь мне легко заплакать, повторяя это имя. Не от тоски по человеку, который его носил, но от невозможности вернуть долгий выдох, короткий вдох, те два движения, которое делало сердце, прежде чем взорваться».

Ну да, я иногда пишу такие слишком красивые

и слишком грустные вещи, которое годны только на то, чтобы расстраивать других девочек. Потому что у каждой женщины вне зависимости от того, насколько она счастлива, внутри время от времени накапливается красивая и печальная чепуха, и нужно ее куда-то девать. Вместо того чтобы своей невнятной тоской проедать плешь мужу, я придумываю несколько фраз и выкладываю в Сеть.

В комментариях все дружно принялись гадать, какое такое имя, чтобы «долгий выдох, короткий вдох». А он пришел и говорит: «Меня зовут Антон». С чем вас и поздравляю. Я бы и не заметила, не оставь он еще пару десятков записей под разными текстами, с самого начала журнала. Всего по одной фразе, и в каждой какая-нибудь информация о нем. «Люблю фотографировать», «у меня есть кот Андрей», «мне 32», «не женат». Любопытно. К утру я имела его небольшую автобиографию, раскиданную в моем журнале. Насчет «словоплетения» я солгала, изъяснялся он незатейливо. Но есть у меня привычка путать следы, тем более когда человек слишком настойчиво задает вопросы. А Ленка вцепилась не по-детски.

2. Кросавчеги

— Не сердись, Марта.

О, Ленка решила подлизаться, назвала меня сетевым именем. В принципе я не могу человеку, который знал меня пятнадцать лет, в один прекрасный день заявить: «прокуратора называть игемон», то есть «я теперь Марта», и все тут. Но было бы приятно, если бы люди уважали мой выбор. Есть некий момент взросления в том, что мы отвергаем имена, которые дали родители, и берем себе новые. Хотя кое-кто думает, что это как раз детский сад и подростковый бунт. Не знаю, возможно, но таково мое решение, и почему бы с ним не смириться? По крайней мере новым знакомым придется, а уж со старыми — как получится.

Ленка быстро просекла суть вопроса и зовет меня Мартой, когда хочет задобрить.

— Ничего, что я так рано? Он фотографию выложил.

— Кто?!

— Маньяк твой.

— Лена. Сейчас двенадцать часов утра, я сплю. Какого из моих маньяков ты имеешь в виду?

— Антона этого, Блю Канари.

— Потрясающая новость, Лена, спасибо. А теперь, если ты не возражаешь, я досмотрю про котов.

— Про каких котов?

— Которые мне снились, когда ты позвонила. Будто к нам пришли несколько бродячих кошек, и я не могу отличить своих.

— Кошки — это к вероломным друзьям.

— Знаешь, я почему-то так и подумала.

— Ну извини, извини…

Раскаяния в ее голосе не было ни капли. Может, его фотография и правда заслуживала внимания? Хотя что такое он мог показать, чего я раньше не видела… Но любопытство выгнало меня из постели, пришлось включить компьютер.

Черт. Она меня слишком хорошо знает. Он стоял лицом к стене, опустив голову так, что ее и не видно, только темная прядь волос выбилась из-за воротника легкой приталенной дубленки (точно не гей?). Дурацкая фотография, комичная поза, но во всей фигуре какое-то невозможное обаяние. Ноги длиииннные, худющие, узкая кисть, заведенная за спину, такой формы, что хоть с поцелуем прикладывайся.

Я перезвонила.

— Слушай, Ленка, так не бывает.

— Что, разобрало?

— Он же точно такой, как я люблю, — тощий высокий брюнет. Вдруг меня разыгрывает кто-то?

— Да ты подожди, лица-то нет. Может, он на рожу страшный.

— Не может он быть страшный, с такими-то пальцами. Уж поверь мне, как бывшей любовнице художника, — наверняка специфические кости черепа, длинный нос, узкая морда и хороший подбородок.

— Была бы ты любовницей патологоанатома, я бы еще поверила, а так, знаешь, насколько разнообразен мир? Может, у него вообще нету подбородка. Или заячья губа. Вот не случайно он отвернулся.

— Я скорее поверю в чей-то дикий розыгрыш, чем в то, что столь восхитительное Божье создание осквернено непропорциональными чертами лица.

— Остапа понесло, понимаю. Держи себя в руках, Марта.

— Лен, да я шучу. Просто картинка понравилась.

— Ну-ну.

Я излазила весь его журнал, что было нетруд-

но — всего две записи, — и включила поиск но комментариям. Создавалось неприятное впечатление, что это виртуал, созданный специально для меня. В друзьях одна я и сообщество фотографов, а комментарии нашлись только в моем журнале, зато 18 штук. Чует мое сердце, какая-то ревнивая девица решила пошутить. Ну что ж, сделаю вид, будто не замечаю.

«Красавчики»

Сегодня в «Охотном ряду» видела чудной манекен — сидячий. Я так упорно пялилась, пытаясь понять дизайнерскую идею — кроя-то не видно толком, — что манекен смутился и завертел головой. Живой мальчик оказался, но не в моем вкусе, слишком сладенький.

Вообще я люблю красавцев, сил нет, трепещу вся. С человеком средней физической одаренности могу позволить себе всякое, но вот чтобы разбиться сердцем — только об красавца. Коллекция у меня небольшая, но подобрана со вкусом, и долгими зимними вечерами я занимаюсь классификацией экспонатов. Можно делить красавцев по росту, цвету волос,

возрасту и форме черепа, но я слишком постоянна в пристрастиях, поэтому кучка двадцатилетних блондинов у меня совсем маленькая, а тридцатилетние брюнеты, напротив, свалены грудой. Все они высокие, со скулами, запавшими щеками и в кудрях. Скука, одним словом. Поэтому я предпочитаю разбирать красавцев «не по внешностям, а по внутренностям». А изнутри они бывают двух типов (верю, что их больше, но в моей крошечной выборке всего два) — самовлюбленные и презирающие свою красоту.

К первому типу относятся мальчики, не уверенные в своей подлинности. Либо у них была очень яркая мама, либо в детстве они много болели и навеки усомнились в надежности тела… или красота им досталась не легко, а в результате работы над собой — понадобились физические нагрузки или пластические операции. И они все время помнят две фотографии «было-стало» и готовы глядеться в каждую ложку, чтобы ежеминутно убеждаться: «было» нигде не вылезает. С ними просто, но не очень

интересно. Во-первых, когда я смотрю в «сделанное» лицо, то какие бы толковые вещи оно не произносило своими прекрасными устами, я на третьей минуте начинаю отвлекаться, потому что прикидываю: если мне закачать силикон в подбородок, это добавит моему имиджу значительности или стервозности? И не извести ли складку между бровей, потому что сильные люди ни на чем до такой степени не сосредотачиваются, чтобы постоянно хмуриться. А во-вторых, они и от женщины ждут такой же безупречной ухоженности и уверены, что целлюлит — это не вторичный половой признак, а безобразие.

Поэтому, когда в моей жизни появляется самовлюбленный красавец, я начинаю делать дыхательную гимнастику и махать гантелями. То есть занимаюсь вещами полезными, но скучными.

И от лени я предпочитаю второй тип — настоящих первородных красавцев, презирающих свою внешность. Вот уж кто перед зеркалом не пляшет. У них, правда, куча особенностей. Папа учил

быть настоящим мужиком, а у ребенка кудри до плеч и кисти, как у пианистки. При первой же возможности мальчик устраивается так, чтобы ему сломали нос и посадили шрам на морде, бреет голову и раскачивает руки — но не для красоты, а чтобы выглядеть жестко. Одевается в хаки, татуируется, иногда заходит так далеко, что отращивает пивное брюхо. Продает, короче, свое первородство за чечевичную похлебку. Обычно я присутствую рядом с ним до бритья головы (но если форма черепа хорошая, то могу продержаться и до татуировки, но вот появление брюха пережить не в состоянии). Ухожу в слезах и помню всю жизнь.

Более всего меня волнует третий, гипотетический тип, — красавцы, которых не заклинило на внешности. Но мне такие не встречались, потому что если человек выглядит как я люблю, это просто не может не наложить отпечаток на его характер. Вот такой замкнутый круг нарисовался. И в итоге сижу я, как дурочка, без десерта».

«Я красивый», — написал он под этим текстом. Что ж, проверим как-нибудь при случае…

— А голос у него должен быть низкий…

— Не факт, всякое случается.

— Конечно, не факт. Вот посмотри на Михалкова — красавец мужчина, вполне секс-символ, но как рот откроет… Ума не приложу, почему его не переозвучивали никогда.

— И этот может с каким-нибудь тенорком оказаться.

— А этот не может. Он же виртуал, Лен, выдумка, а значит, будет таким, как я хочу. А я хочу, чтобы голос у него был низкий, до самых печенок достающий, такой, знаешь, голос…

— Но он не твоя выдумка, вот в чем штука. В худшем случае другого человека, в лучшем — Божья, а у него знаешь какая фантазия?!

— Догадываюсь. Помечтать мне, значит, нельзя. А кто говорил о романтике?

— А кто говорил «но у меня муж»?

— Констанция Бонасье. Хорошо, будем надеяться, что это обычный парень, заглянул просто так, а у меня мания преследования.

— Да, и мания величия, а в остальном все в порядке.

С моей точки зрения, мы вообще слишком много носимся с этой самой «реальностью», которую только в кавычках и стоит упоминать. Вчера вечером, например, в метро… Поезда около полуночи ходят с интервалом в девять минут, и я присела на скамейку. И тут же об этом пожалела — девушка рядом со мной слушала музыку. Я думала, только в курортных городах молодежь разгуливает но ночам с мобильниками вместо «Спидолы», но нет. Тупой электрический мотивчик из хилого динамика, представляете? И я маюсь, воображая себе эпизод из какого-нибудь фантастического фильма про Иных — вот герой, не оборачиваясь, щелкает пальцами, и дребезжащая мерзость подыхает. И так живо это вижу, что вдруг хочется попробовать. С присущей всякому приличному человеку самоиронией еще минуты две мысленно глумлюсь над собой, а потом не выдерживаю и щелкаю пальцами. В ту же секунду, вы понимаете? в ту же секунду телефон замолкает.

И первое, что я думаю: ха! а вы говорите — «реальность»… Вот она, эта ваша хваленая реальность! Да я ее одним щелчком…

А потом, конечно, жадничаю и начинаю жалеть, что не загадала чего посущественней. Не

знаю, брюнета, что ли.

«Безумие. Определи свою стадию»

И однажды ты сходишь с ума.

Нет, не так. Не однажды, не сразу. Уже довольно давно кто-то трогает тебя мягкой лапой за плечо. Оборачиваешься — никого. Пьющий скажет «белочка», а у тех, кто не пьет, вообще нет никаких оправданий.

И вот оно трогает, трогает. Все чаще лезет под руку и толкает — то прольешь, то уронишь, то ерунду напишешь. Полгода назад ты бы сказал, что это тремор, неловкость, раздражение, но уже примерно месяц точно знаешь — здесь нечисто. Потом ты начинаешь ошибаться крупнее, всего-то пару ходов меняешь местами, и рассчитанный триумф оборачивается отчаянием. Всего-то и надо было — не слажать тогда и тогда, ты видел, но попустил, и вот… Кто отвел твои глаза? Кажется, ты знаешь. Кажется, кажется… уйди из-за моей спины. Не говори со мной. Не пиши мне писем, которые потом невозможно найти, которые не видит никто, кроме

меня, — письма и письмена. И тем более не звони, не молчи в трубку. Не морочь моих любимых, не закрывай им глаза, пока они живые, не меняй их лиц на безносые и беззубые маски. Тебя же нет (главное, не смотреть на него в упор). Это серое пятно на границе зрения, я искал в справочнике, может быть, катаракта. Привкус горечи во всем, что готовят для меня, — это печень. Тот, кто хочет меня погубить, — просто сволочь. Страх — это осень. Отчаяние — это зима. Тоска — Новый год.

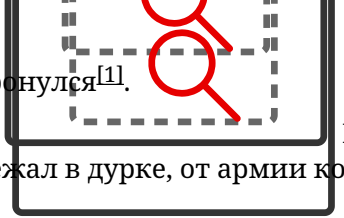
Все, почти все можно объяснить, если владеть информацией. Ты не можешь сойти с ума, но может найтись человек, который попытается сделать тебя психом. Главное, понять, кто он, зачем ему это и как он собирается действовать. Вычисли его. Все нужно объяснить. Все можно объяснить.

Все, кроме вот этого серого, расплывающегося, липкого, которое приходится счищать со стен, смывать с рук, сдирать вместе с кожей.

И однажды ты сдаешься. Ты переста-

ешь прятать глаза и поворачиваешься лицом к своему страху. Ты жадно рассматриваешь то, что пугало и соблазняло полгода. Ты опускаешь руки и вступаешь в него или принимаешь его в себя. И тогда внутри возникает огромная радость и нарастает великий хохот — такой, которым смеются боги. Когда ты был трусом, то думал, что они смеются над тобой, а вот теперь оказалось, что это твой собственный голос разносится над миром, смущая небеса, потому что ты свободен. Только что ты был ничтожен, и вдруг… А всего-то и надо было осознать, что пугавший тебя морок — это ты сам, неназванная часть твоей души, с которой ты теперь един, един. А заодно ты един со всем миром, и невозможно уже просто ходить, а только ступать, возвышаясь над горами, простирая руки, улыбаясь солнцем и гневаясь молниями, иногда поднимая с земли человечков и разглядывая (дурашка, ты ведь тоже можешь освободиться, я помогу).

И только когда это случилось — все, считай, ты



тронулся[1].

Bluecanaryk: Как-то лежал в дурке, от армии косил.

Marta_ketro: Отличная новость. Психический, значит.

— О, ты ему ответила!

— В принципе восемьдесят процентов комментариев не требуют ответа. Или это благодарность, или констатация факта («спасибо»,), «ты дура»), или просто попытка обратить на себя внимание. Задающий вопрос не хочет узнать ничего нового, он ищет подтверждение собственным выводам. Этот чувак вписывается в схему «заявить о себе», но смущает другое. Теток так не клеят.

— А как надо?

— С женщинами надо говорить о них самих. Ну вот как ты сейчас со мной, задавая наводящие вопросы, чтобы дама щебетала и наслаждалась звуками своего голоса, а потом осталась в уверенности, что ты интересный собеседник. А этот просто сообщает информацию, ставя перед фактом своего существования в моей жизни. Как-то пугает даже.

---

[1] notes: 1

Судя по легкости бытия, лично я уже где-то на стадии великого хохота, но в гордыню мессианства еще не впала.

— Да, нарисовался, не сотрешь. Видать, уверенный в себе мужик.

— Уверенный — в Сети? Сомневаюсь.

— Ну в Сеть он только недавно вылез. Вдруг это твоя роковая красота и талант его вынудили?

— Не исключено.

3. Лена говорит

«Мне сорок семь, и я до сих пор не могу сказать, много это или мало. Марта смотрит на меня с плохо скрытым ужасом — с ее точки зрения, в моей жизни отсутствуют три вечные ценности: молодость, муж и кошки. Когда пытаюсь объяснить, что возможна другая шкала приоритетов, она кивает, но на лбу у нее проступает бегущая строка «зелен виноград». Просто не может поверить, что кому-то тех цацок даром не надо. Если соблюдать симметрию, то для меня актуальны зрелость, вера в себя и собака. И ужас вызывает именно ее положение: молодость-то проходит. Марта в глубине души уверена, что просто плохо выглядит после зимы и стоит только немного похудеть, сходить к парикмахеру и косметологу, как все вернется. Было бы смешно, когда бы я не понимала, насколько это глупо. Да, лишних пять кило еще никого не украсили, но истинная юность не в их отсутствии, она в энергии. Если глаза горят и кровь кипит, кто там посмотрит на твои складочки и морщины. А она исходит на слова и думает, что это и есть настоящая жизнь. Муж — тоже сомнительный повод для уверенно-

сти в завтрашнем дне. Насколько я знаю, она с семнадцати лет при мужчине и просто не представляет, как можно существовать иначе. А ну как ему надоест? Хорошей хозяйкой она быть не научилась, ночами торчит за компьютером, выглядит неважно. Уйдет к девке какой-нибудь, а она с чем останется? Ни квартиры, ни работы нормальной, ни покоя в сердце. Боюсь я за нее. Немного бы огня, бодрости, свободы от рамок мужчина-женщина, молодость-старость, но свои мозги не вложишь.

Даже выбор между кошками и собаками о многом говорит. Однажды на Арбате я встретила гадалку, она посмотрела мне руку, сказала чего-то, а потом спрашивает: одна живешь? животные в доме есть? Я говорю, собака. А она отвечает, хорошо, что не кошка. Когда умирает человек, а рядом никого нет, кроме кошки, то его душа может в нее переселиться. С собаками такого не бывает, а эти — вампиры энергетические, могут забрать. Так что если у кого кошки, то лучше их быстро и безболезненно умертвить. Так она сказала. Может, больная, а может, и нет.

Но в любом случае кошки — это безответственность. Гулять не надо, дрессировать бесполезно, корми два раза в день и лужи вытирай. Любить

она тебя никогда не будет. А собака жизнь отдаст, но таким, как Марта, эта жизнь не нужна. Сережка был из той же породы, кошатник. «Не дави на меня своей преданностью». А я вот что думаю: тот, кто не готов принимать чужую любовь, сам любить не умеет. Их большинство, между прочим. В одиночку жить они не способны, норовят прилепиться к тому, кто сильнее, а потом ноют о свободе. Считаю, раз ты царь — живи один, а не готов, так принимай правила игры. Когда мы были вместе, я на секундочку не могла представить себя рядом с другим мужчиной, а он блудил направо и налево. Я подозревала, но глаза закрывала, хотя могла бы себе тоже позволить, но у меня воспитание другое.

Нет, я не исключаю, что появится человек, с которым захочется быть вместе. Родная душа, взаимопонимание и тепло. Но внешность и возраст тут ни при чем, поэтому мне не страшно стареть телом, меняться. Душа душу всегда узнает, вот как.

А Марта опять увлеклась игрушкой, как обычно, в своей манере: что он там писал, ей дела не было, а как фотографию повесил, встрепенулась. Ну да ничего, ей на пользу. Может, хоть так оживится, а то прямо смотреть на нее жалко».

— Я составила план на январь и февраль. Буду писать но пять тысяч знаков и худеть на сто пятьдесят граммов в день. Таким образом, к весне я закончу книгу и обрету товарный вид. А четвертого марта встречусь с Блю Канари.

— Ну ты даешь. А он в курсе твоих планов?

— Кто бы его спрашивал. В нашем деле главное — придумать, как все будет, а реальность подстроится.

— А если он не сможет четвертого марта? Вот не сможет, и все. Понос у него будет или командировка.

— Ну тогда, тогда… Тогда он будет наказан, и я приглашу его только на презентацию в мае. Или нет, там муж будет…

— На какую презентацию?

— Новой книги. Которую я напишу за январь и февраль.

— О Господи, я боюсь за тебя, Марта. Может, не стоит так жестко планировать свою, а главное, чужую жизнь? Это же прямой путь к депрессии, если не получится что-то.

— Лен, ты не понимаешь. Я не прагматик. Наоборот, реальность, она же расползается вся под пальцами. Под ногой твердо, а шаг влево — шаг вправо, и все. И вот я прокладываю себе какие-то

рельсы-рельсы, шпалы-шпалы, чтобы не так страшно и вроде какое-то будущее. Но если оно все послезавтра взлетит на воздух, я ни на секунду не удивлюсь.

— То есть игра в будущее, которого нет. И окружающих ты тоже вынуждаешь в этом участвовать.

— Не хотят — не надо. Им же хуже, пусть живут в киселе.

— А что у них могут быть свои планы, ты не думаешь? Даже не знаю, чего больше хочется — пожалеть тебя или пожелать, чтобы жизнь наказала и научила, пока не поздно.

— А давай просто не мешать, а?

«Где твоя Кармен»

Она актриса. Разумеется, где-то училась, где-то играла, со всеми знакома. У нее есть работа — ассистенты по актерам время от времени позванивают, предлагают сняться в сериалах. В массовке, конечно, но это тоже хлеб, если часто. Пятьсот в день, со словами — тысяча.

С этим когда-то спала, и с этим, и с этим. Сейчас — только выпить вместе и «поговорить».

— Ну, между нами — я ведь хорошая актриса? Хорошая?

— Маш, ну чё говорить — хорошая, бля, буду, — за кадром остается «только пить надо меньше, Маша».

— Я ж травестюха, до старости щенок. — Она закуривает «житан» и улыбается, не разжимая губ.

Мы сидим в гримвагене, я смотрю с усталой ненавистью — костюмы пропахнут дымом.

«Да посмотри же на себя — старая ты шалава, а не щенок».

— Француз мой зовет меня «девочка моя», «воробушек» — Пиаф знаешь? Приглашает к себе, представляешь, влюбился так, — она широко распахивает глаза, — пиииипец. А я не хочууу, я его не люблюю. — Теперь губы в трубочку.

«Господи, тебе и сорока нет, что ж ты истаскалась-то так. А самое мерзкое, вот эта твоя детскость придурковатая. Какая травести, на хрен, карлица грязная».

Вполне допускаю, что был какой-то француз и есть какие-то любовники. Ма-

ленькая, худая, быстрая. Ее небольшое, удачно, в общем, вылепленное личико непоправимо оплыло от пьянства. Одета «креативно» — подростковые тряпки, немного секонд-хенда, здоровенная фенька на руке, многорядные керамические бусы на шее, три серьги в ухе и недешевая деталь из прежней жизни — хорошая кожаная сумка, довольно потертая, впрочем. До образа городской сумасшедшей всего ничего — добавить шляпку или боа, и готово.

И дурно зажеванный «орбитом» запах перегара.

— Я не хочу уезжать, я жду свою роль. У меня есть роскошное амплуа — шикарная опытная стерва в стиле Ардан…

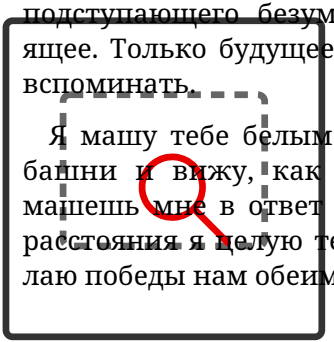
Говорить с ней — мука, она играет каждую фразу. В ее «я так хочу чаю» вложено столько страсти, что я быстро приношу чашку и с ужасом жду трагической истории — ну, не знаю, как за ней только что гнались или ее чуть не сбила машина. Но в течение двух пустых часов до ее эпизода она умудряется живо и гладко повествовать ни о чем — так же воскли-

цая, придыхая и всплескивая, — просто для того, чтобы удержать внимание. Это тягостно для меня, и к концу разговора начинает болеть голова.

К нам подходит помреж, они обнимаются, целуют воздух и начинают обсуждать знакомых. Она преображается — ее фразы изящны и точны. Она говорит о живых и об умерших, и в устах ее горечь, нежность и яд. Потом сникает, переходит на обычное злословие, и вот уже массовку зовут на площадку. Она мельком взглядывает в зеркало, поворачивается ко мне, чтобы чуть ли не потрепать по щеке, но вовремя опускает руку и уходит.

И в какое-то короткое мгновение я понимаю, что она знает о себе все. И чувствует каждую морщинку на лице, каждый седой волос под черной краской. Нарочитое безумие, ежедневно укрепляемое алкоголем, — это единственный бастион между нею и реальностью. Только бы не видеть своего настоящего лица. Своего настоящего. Своего будущего. О прошлом — не вспоминать.

И сквозь мою вынужденную филологическую трезвость, сквозь брезгливую рассудочную моногамию я чувствую родство, соединяющее нас. Потому что я тоже строю свои валы и бастионы — из реальности, которая отделяет меня от подступающего безумия. Только настоящее. Только будущее. О прошлом — не вспоминать.



Я машу тебе белым платком со своей башни и вижу, как далеко-далеко ты машешь мне в ответ — красным. Через расстояния я целую тебя, девочка, и желаю победы нам обеим.

Bluecanaryk: «Работаю оператором».

Ленка меня разозлила, вот и вспомнилась эта история с актрисой. Придумала ее давным-давно, той Маши в природе не существовало, но «мир искусства» полон Жизелей и Кармен, переживших свою роль. Насмотрелась на них и среди художников, и в кино.

Однажды пару месяцев проработала в сериале просто для того, чтобы понять, на что годна. Мы тогда с мужем много ссорились, и я вдруг

подумала: вот бросит он меня, как жить? И тут совершенно неожиданно подвернулась возможность покостюмерить в сериале. Многое тогда о себе узнала, и предел моих моральных и физических сил заметно отодвинулся — оказалось, вполне крепкая девушка, годная мало спать, мало есть и работать как лошадь. Помню один из съемочных дней в середине проекта, когда уже месяц работы прошел, и впереди еще столько же, до ближайшего выходного дня четыре, а сил уже вроде как нет. И вот мы снимаем около стриптиз-клуба «Доллз», семь вечера, смена началась в девять утра (а мой день — в шесть), но нас еще не кормили. Уже ноябрь, прохладно и темно, на меня только что рявкнула актриса, и я отхожу от площадки и сажусь на синий пластмассовый стул. Я смотрю на безумную клубную иллюминацию и непроизвольно плачу от голода и усталости — безо всякого надрыва и усилий по щекам льются слезы, естественные, как пот. Потом привозят обед, обещают переработку до полуночи, но в девять меня неожиданно отпускают, и я еду домой — совершенно счастливая, потому что впереди целых шесть часов сна. Среди ночи просыпаюсь оттого, что смеюсь.

Когда съемки закончились, я не стала перехо-

дить в новый проект, не мое это. Но до сих пор благодарна киношке за точку отсчета, состояние абсолютной внутренней тишины, когда все голоса в голове умолкают и наконец ощущается радость простых вещей — тепла, еды, сна, возвращения домой.

4. Виртуальные беседы

Примерно с пятого января у меня начинается период работы и воздержания (в смысле еды). Когда кругом резвятся, а потом отходят от похмелья, самое время заняться дедом. Во-первых, никто не мешает. До Нового года люди мечутся, назначают бессмысленные встречи, на которые чаще всего опаздывают или вообще не приходят. Сопротивляться бесполезно, можно только пытаться свести свое участие в этом карнавальном круге к минимуму. Так, два-три ритуальных притопа… Зато после волшебного двенадцатого удара все успокаиваются, превращаются в тыквы, набитые оливье, жажда общения угасает, и светская жизнь сходит на нет. От Рождества до святого Валентина можно чувствовать себя в безопасности. За это время Антон потревожил меня лишь дважды.

Сначала написал мне письмо.

«Здравствуйте, Марта. Я не мастер писать, хочу с вами познакомиться, но не знаю как. О себе я уже написал, если есть какие вопросы, отвечу».

«Здравствуйте, Антон. Нет у меня никаких вопросов, спасибо. И времени сейчас тоже нет.

Давайте ближе к весне вернемся к этой теме».

По-моему, это с его стороны хамство. Можно подумать, это Я в нем заинтересована. Или человек совершенно не чувствует русского языка, такое тоже бывает. Например, самый белый цветок моего сердца писал так, что если бы ко мне нечто подобное обратилось в Сети, я бы колебалась только между двумя вариантами: отослать ли его семиэтажно, с применением сложносочиненных оборотов или забанить и от шока сразу забыть, что это было.

Это к тому, что среди тех, кого я регулярно «баню и посылаю», вполне может оказаться еще один белый цветок. Но я не узнаю об этом никогда. Не игрок. Хотя самый алый цветок моего сердца был стилистически безупречен, и, может, в таком подходе есть рациональное зерно… Никогда не угадаешь.

Кроме того, мне сейчас не нужны ни белые, ни алые, ни великия, ни малыя. Не получается у меня простых отношений. Просто пофлиртовать, просто переспать… Точнее, просто переспать я смогу. К определенному возрасту секс перестает нести такую уж мощную эмоциональную нагрузку, а тело научается и без любви выполнять обязательную программу, даже с оргазмом в кон-

це, и можно позволить себе шашни по дружбе, из хорошего отношения. Но и цена им невелика. Тем более когда с одной стороны «хорошие отношения» с каким-то мужиком, а с другой — с собственным мужем, то выбор мой понятен. Может, я правда устала и погасла, но душевное равновесие дороже. Слишком отчетливо помню, как это бывает. Вот когда Серега от Ленки уходил, у меня тоже заканчивалась смертельная любовь. И тогда я поняла, насколько мы с Ленкой разные, насколько ее рецепты не подходят мне. Она ударилась в ненависть, а я — в глухую оборону. Хотелось уйти в леса, забиться под корягу и там зализать раны, а если не получится, сдохнуть. А Ленка была полна энергии, злилась на весь мир и рвалась отомстить или хотя бы получить компенсацию за бесцельно прожитые годы. И получила, по крайней мере в материальном плане. А я на несколько лет осталась обгоревшей, как черная глупая головешка. Снова наступать на те же грабли? Ну уж нет.

«Искусство расставаться»

Говорят, что когда женщины долгое время живут в одном доме, у них синхронизируется менструальный цикл.

Не знаю, как оно на самом деле, но могу сказать, что с одной дамой, которую знаю давно, у нас с некоторых пор запараллелилась личная жизнь. Случается у нее любовь до гроба — глядишь, через пару месяцев и у меня роман века настает. Додумывается она до очередной гендерной теории, а я чуть ли не со второй фразы говорю «ага, и я тут недавно об этом говорила…». Иногда обидно даже, когда прибегаешь «с горячим орехом новости во рту», а тебе с порога сообщают — плавали, знаем.

Сколько-то лет назад у нас с нею закончились две любовные истории с мужчинами наших мечт, и мы собрались, чтобы поговорить об этом.

— Я однажды имела удовольствие увидеть его новую телку.

— Забавно, я тоже на днях познакомилась — с его. В смысле с нашей новой телкой, а не с вашей.

— Ну и?..

— Ты про вашу расскажи.

— Я первая спросила.

— Ты первая начала рассказывать.

— Да чего там… Я в шоке, она — никакая.

— Надеюсь, у нас разные телки, потому что наша — тоже.

Коротко говоря, когда ядовитый цветок моего сердца предъявил новую девушку, сразу вспомнилось словечко одной сибирской бабушки — «нихтошка». У нее нет лица, нет чувства юмора, она зануда. Дело даже не во внешности, а в приступе глубочайшей тоски и скуки, который наваливается в ее обществе не только на меня, но и на независимых экспертов.

У знакомой был несколько иной вариант, но и он вписывался в характеристику «унылое ничтожество».

— Ужас в том, что ему именно ЭТО больше всех и нравится. Как я могла так вляпаться?! — И дальше она говорит о том, как обидно, когда тебя втягивают в унизительное соперничество. — Его на моих глазах клеили необыкновенные красотки, а он из всех выбрал самую неинтересную. Да он просто…

И тут я понимаю, что параллельность наших переживаний нарушена, пото-

му что меня охватили несколько иные чувства.

Мне тоже до чертиков горько, но я не испытываю претензий ни к нему, ни к «девушке», и единственная мысль: «Господи, до чего же я НЕ ТО, что ему нужно. У меня не было никаких шансов». То есть вектор прямо противоположный, и, как мне кажется, ход ее мыслей правее и жизнеспособней. Идея «он дурак с жалкими вкусами» всяко полезнее, чем «я не гожусь в соперницы даже каракатице».

В данном случае сохранять логику, объективность и здравый смысл — это красиво, но неполезно. Уж лучше быть ехидной, злоязычной, несправедливой, чем потупляться и скорбеть о собственных несовершенствах. Время раскаяния и анализа придет, но позже, а сейчас, по-горячему, проще и лучше говорить не «я не подхожу ему», а «он мне не подходит».

Нет смысла угрызаться, когда и без того тяжело.

Терпеть не могу аську, она пожирает время, ничего не давая взамен. «Быстрое общение» —

может быть, но явно в ущерб качеству. Деловые вопросы я предпочитаю решать по почте, когда есть время на обдумывание, а разговаривать лучше лично, буковки в окошечке с конкретным человеком отождествлять не умею.

Поэтому аську включаю изредка и всегда в невидимом режиме, чтобы посмотреть сообщения, которые мне все-таки иногда присылают, и тут же выйти. И когда некто Bluecanaryk попросил добавить его в контакт-лист, ни малейшей радости не испытала. Ну добавила. И что?

Bluecanaryk (00:51:31 14/02/2008): Марта?
mARTA kETRO (00:51:44 14/02/2008): Антон.
Bluecanaryk: Марта!
mARTA kETRO: Антон!
Bluecanaryk: О, Марта…
mARTA kETRO: Что, уже?
Bluecanaryk: :))) спасибо, что добавили.
mARTA kETRO: Для меня это был акт неслыханного мужества — ненавижу аську.
Bluecanaryk: Что так?
mARTA kETRO: Время жрет без толку.
Bluecanaryk: Иногда толк бывает, если надо быстро вопросы порешать.
mARTA kETRO: Я все равно слишком медленно думаю.

Bluecanaryk: :))) тогда для виртуального секса.

mARTA kETRO: Никогда не занималась, верите ли?

Bluecanaryk: А что так, вроде тут быстро думать не надо?

mARTA kETRO: Не умею. Хотя, конечно, печатаю быстро и при этом одним пальцем, так что могла бы себе позволить…

Bluecanaryk: Хотите, я вас научу?

Bluecanaryk: Эй?

mARTA kETRO: Я думаю.

mARTA kETRO: А что для этого надо, кроме свободной руки?

Bluecanaryk: Ничего особенного.

Bluecanaryk: Для начала перейти на ты ;)))

mARTA kETRO: Ах, ну тогда ничего не получится.

mARTA kETRO: Секс еще туда-сюда, а с незнакомым человеком на ты мне воспитание не позволит.

Bluecanaryk: Тогда давайте познакомимся.

mARTA kETRO: Позже, весной.

mARTA kETRO: Вы, собственно, чего хотели-то?

Bluecanaryk: Ничего, просто постучался.

Bluecanaryk: для начала :)

Bluecanaryk: и поздравить с днем влюбленных!

mARTA kETRO: Ну, тогда программа-минимум выполнена. Спокойной ночи.

Удивительный человек. Десятиминутный диалог, и я уже почувствовала себя идиоткой и ханжой, с визгом сбежавшей при слове «секс». Просто не люблю, когда так круто берут корову за вымя. Конечно, я достаточно скоро его отшила, а быстро восстановленная девственность потерянной не считается, но тенденция неприятная. Сначала навязывают способ общения, который мне не нравится, потом стремительно переходят на ты, а там и до виртуальных непристойностей недалеко. Нет, я искренне люблю непристойности, но только делать, а не произносить (и уж конечно, не печатать в аське). Такой уж у меня комплекс. И кой-кому придется его учитывать.

Тем более этот кое-кто вообще может оказаться женщиной. Мало ли девиц, у которых на меня зуб… Хотя, судя по нашему диалогу, это все-таки мужчина. Не могу объяснить почему, но лингвистическое чутье подсказывает. Эх, надо было его раскрутить, поспрошать, чего пристал-то, собственно. Нет, я правда медленно соображаю…

5. …и стаканчик мартини!

— Мартик, давай мириться?

— А мы разве ссорились?

— Ладно тебе, я тортик испекла, приезжай в гости.

— Я на диете. А какой тортик?

— Слоеный, с вареной сгущенкой и грецкими орехами. И мясо в горшочках сейчас поставлю, если приедешь.

— Уломала.

По дороге купила мартини, у меня с ним связаны нежные воспоминания. Десять лет назад я только переехала в Москву и поселилась в Кузьминках на съемной квартире. Мой тогдашний муж начал неплохо зарабатывать, но деньги были шальные, ненадежные, и мне с перепугу захотелось какой-то буржуазной стабильности. Надежность и постоянство в моем представлении выражались в бенеттоновских тряпках и в регулярном образе жизни. Я завела себе Привычку: ежедневно в два часа пить мартини в «Бубликах» на Арбате. То есть я просыпалась, надевала что-нибудь шерстяное и коричневое и

ехала из своих Кузьминок в центр, чтобы с достоинством выпить мартини драй и кофе без сахара. В идеале бармен должен был запомнить меня и приносить «как обычно» за один и тот же столик в уголке. Но персонал в те смешные годы менялся каждую неделю, и мне все время пытались подсунуть «бьянку», несмотря на ежедневные двадцатипроцентные чаевые и напоминание про темно-зеленую этикетку. Кроме того, даже от крошечной дозы мартини у меня болела голова — ну не мой это напиток. Но только через два месяца аскезы я стала задумываться, что есть во всем этом какая-то неправильность. Однажды официантка превзошла себя и принесла холодный сладкий кофе и стакан с толстым черным волосом на дне. И тут я подумала: два часа на дорогу туда и обратно, доза нелюбимого пойла и скверное обслуживание за приличные деньги — это и есть буржуазный образ жизни?! Да в гробу я видела такую стабильность.

К счастью, в 98-м году я сменила мужа, потом в стране случился «черный вторник», и выбор алкоголя перестал быть главной проблемой моей жизни. Но мартини по-прежнему считаю приличным представительским напитком, особенно если иду к женщине.

Ленка живет на «Соколе», в темной и просторной квартире, доставшейся ей от папы, видного члена Союза художников, который 20 застойных лет преподавал в Мухе и оброс связями среди чиновников от культуры. Ленка так и не сумела пристроиться к искусству: открыла поначалу небольшую галерею, в которой выставляла работы своего мужа (папиного лучшего ученика по совместительству) и десятка перспективных друзей, но после внезапного развода приобрела несколько странную фобию — не могла без отвращения видеть любые картины, хотя провела среди них всю предыдущую жизнь. Тогда она стала торговать экзотикой — из Турции, Индонезии, Египта и Китая привозила расписные шелка, благовония, маски, керамику, деревянных кошек, каменных божков, бусы и прочий таинственный этнический мусор, который традиционно прельщает туристов. Галерея превратилась в магазинчик, приносящий неплохой доход, но через несколько лет Москва наелась и Азией, и Африкой, и Ленка на пару с бывшим челноком открыла бюро путешествий. Для начала она придумала занятную концепцию, которая принесла успех: шоп-тур «Восточный базар». Туристы под руководством гида посещали крошечные ла-

вочки с пряностями, тканями и украшениями и учились торговаться. Просто поразительно, как обеспеченные и неглупые люди гордились тем, что «сломали» очередного ювелира, отдавшего ожерелья из старинных монет за двадцать долларов против заявленных двухсот. О том, что шумный, едва не перешедший в драку торг между гидом и продавцом был заранее режиссирован, они не подозревали, как и о том, что конечная цена за монисто была чуть выше, чем стартовая в соседней лавочке.

Бизнес позволил Ленке отселить сына в однокомнатную квартирку на Чистых Прудах и вольготно существовать в трешке со стареющим терьером Чапой. И если сейчас я рассказываю о ней с ехидством, так это исключительно от зависти — мне бы тоже хотелось жить в тихом зеленом районе, одной, в старом солидном доме с толстыми стенами, чтобы у меня была гостиная, спальня, кабинет и еще гардеробная, которая комнатой не считается. Большая удача, что Сережка, проведя с Леной столько лет, после развода безропотно удалился обратно в дикое Бирюлево, откуда она его в свое время вытащила.

В доме пахло тушеным мясом, Чапа лениво тявкнул, здороваясь, и ушел на подстилку. В

гостиной висели две страшные черные маски — Ленке хватало вкуса, чтобы не украшать дом «товаром», но эти были по-настоящему древними. Я не любила их строгие пустые лица, поэтому мы всегда сидели на кухне — тоже просторной, чистой и хорошо оборудованной. Квартира Ленкина на первом этаже, но он такой высокий, что в окна могут заглянуть только деревья. Низкий диван, столик на колесиках, мясо, мартини и лед — что еще нужно двум женщинам?!

— Выпьем, Марта?

— За искусство!

— За него, проклятое.

— Ну как ты, как ты вообще?

— Две трети написала, но надо ввести еще одну сюжетную линию, а то плоский текст получается.

— Маарта, я вообще говорю. Как муж?

— Нормально, только работает много. В начале марта должен уехать на несколько дней, буду скучать.

— Так ты поэтому планировала на четвертое встречу с тем парнем из жж? Чтобы не страдать слишком сильно?

— Ты же знаешь, я женщина честная, если схо-

жу на свидание, сразу мужу расскажу, расстрою человека. Для всех будет лучше, если он в это время окажется далеко-далеко и у меня чисто технически не возникнет возможности признаться.

— А телефон на что?

— У меня не настолько суровая совесть, чтобы звонить и сообщать ненужные подробности.

— Кстати, парень-то вообще объявлялся? В комментариях что-то не вижу его.

— Он мне в почту писал, так, ничего особенного… а недавно повесил пост под замком специально для меня, с картинкой. Хочешь, покажу?

— Подожди, сейчас ноут принесу… Так, вот… нашла. Нету ничего.

— Естественно, ты же не в друзьях у него. Я должна под своим именем войти… Ой, я уже окосела, набери marta-ketro и введи «костер» в английской раскладке.

— Ха, «котенок для Марты». Странный все-таки мужик, кошечки — это слишком по-женски.

— Он же знает, что я полосатеньких предпочитаю… Выпьем еще?

— Любишь ты красавчиков, а что в них толку? Самолюбование сплошное.

— Можно подумать, ты не любишь. Сережа был очень даже ничего, насколько я помню.

— После него и остыла… Знаешь, они какие-то все несчастные. Вроде как отрабатывают за прошлую жизнь. Уж не знаю, что там с ними происходило, но кажется, будто из них что-то важное вытащили, и живут они опустевшими красивыми оболочками. Напуганные в глубине души, потерянные. Без стержня.

— Ну, стержень-то…

— Дурочка, я не про то. В сердце у них изъян, ни любить, ни хотеть толком не умеют. Я о настоящей страсти говорю, а не о похоти. Секс один на уме, тело горячее, сердце ледяное.

— Руки-то хоть чистые? А то даже в коммунисты не возьмут…

— Таких не берут в космонавты. Налить?

— Капельку.

* * *

— Но, согласись, за секс можно многое простить.

— Если без любви, для одного тела… Он, бывало, лежит на диване… ничего не делает, просто лежит, смотрит, ни одной мысли на роже, но при этом весь — красота. Вот как повернется, как волосы упадут… в постели главный секс был знаешь в чем? Не как он там то и это, а в конце,

знаешь голову запрокинет, а потом опустит, глазищи сиииние раскроет и в лицо посмотрит, и прядь упадет светлая…

— …или темная…

— Светлая. У него были русые волосы, каре такое до плеч, с длинной челкой. Не лысел, паразит, долго, до сорока. Как теперь, не знаю, давно не видела.

— А хотела бы?

— Нет. Не знаю. Нет. Если он меня молодую бросил, то теперь-то уж чего. Для него молодое тело было важнее всего.

— Понятное дело.

— Не скажи, не скажи. Когда с человеком сердцем переплетешься, о теле не думаешь.

— Не знаю ничего, не специалист я по сердцам.

— Безобразие — при «совке» писателей называли, помнишь, инженерами душ…

— При «совке» вообще много пошлостей говорили… А я не настоящий писатель, ты же знаешь. А именно что инженер. Сантехник, причем паршивый. Пришел, разобрал, языком поцокал и снова собрал. И ушел. Мне, кстати, домой пора.

— На дорожку?

— Ты что, я до метро не дойду.

— А тортика, тортика-то забыли!

— И к лучшему, я на диете, и чего-то не худею ни фига.

— Хоть с собой возьми кусочек, мужу отдашь.

— Спасибо, он будет счастлив. Эй, куда столько…

— Давай-ка я тебя провожу. Ой, я пьяная…

— Может, ну его, сама дойду?

— Не, Чапку надо вывести. Сейчас оденусь, погоди…

Вот оно что, Ленка скучает по Сереге… Интересно, она знает, что мы с ним… Но это было так давно и совсем случайно. Мужик ни одной юбки не пропускал, а схема всегда одна: какое интересное лицо, давай напишу твой портрет, ну хоть пару эскизов для картины сделаю, у меня такой замысел, такой замысел… А Ленка рядом стоит и кивает как дура. Он под этот «замысел» в мастерскую всех знакомых девок перетаскал. А ей втирал, что любит красоту в чистом виде, желает любоваться и запечатлевать на холсте, а не обладать. Не знаю, как с другими, а у нас творческая часть закончилась одним карандашным наброском, а потом он подошел позу поправить, голову, говорит, чуть поверни, вот так, вот так, вот так… Ленка все правильно помнит — и про глаза синие, и про светлую прядь, не но себе даже стало.

Слава богу, что у нас тем разом и ограничилось. Все-таки совести у меня немножко оставалось. Когда они развелись, через полгода примерно, у меня даже в мыслях не было Сережу подбирать. Тем более я уже в другом романе по уши увязла…

«Были они смуглые и золотоглазые»

Красота — это последнее, что остается в моем сердце после любви.

Иногда он звонит, и я вспоминаю, как десять лет, десять августов назад я целовала его коньячного цвета плечо через прореху в драной тельняшке. Помню, что плоть была соленой от моря, волосы — русыми, ночь — южной, а руки, еще полчаса назад трогавшие звонкую кожу дарбука, руки были большими, с тонкими беспощадными пальцами. Я вспоминаю его, тогдашнего, и говорю ему, нынешнему, — нет, не могу. Потому что он тоже помнит сорокакилограммовое тело, сияющее лицо, длинные выгоревшие пряди. Чтобы мы, тогдашние, могли вечно соединяться в заповедных можжевеловых лесах, мы, нынешние, не должны встречаться. Чтобы те золотые волосы по-прежне-

му смешивались на ложе из облаков и солнца, на обычных белых подушках его холостяцкой квартиры не должно оставаться наших — моих, темных, и его, седеющих.

Впрочем, дело не в том, что мы стареем. Другой мой милый почти не меняется. Может быть, чуть скучнее голос, прическа короче, в одежде более синего, чем зеленого, и, пожалуй, глаза, глаза опустели без моей любви. Каково мне видеть его, чужого? Да примерно так же, как ему видеть меня, разлюбившую. Мы непоправимо подурнели друг для друга. А я, как собака, тоскую без его красоты. По нему — ни капли, только по красоте мужчины, которого я любила. Иногда мы встречаемся и не испытываем ничего, кроме желания поскорее разойтись. Я убегаю, но напрасно, этой ночью мне все равно приснятся фиолетовые молнии, его вдохновенное тело, его пот на моей коже — и я проснусь, задыхаясь от любви к тому, чего на свете нет.

6. Лена и ее прошлое

Она подозревала. Впрочем, она подозревала его всю жизнь. Еще двадцать два года назад, когда отец пригласил домой «лучшего ученика», Лена едва посмотрела и сразу поняла — бабник. Медленная улыбка, прямой взгляд, ни одного лишнего жеста и слова, но ясно, что только протянет руку, и у любой женщины ослабеют колени, она падет к его ногам, теряя голову и превращаясь в груду мягкой взволнованной плоти. Лена не любила свое тело, слишком крупное и рыхлое, на ее вкус, поэтому заранее с отвращением представила себя, разомлевшую и отвергнутую. Что-то вроде прививки против жалкой стародевичьей влюбленности, приступ которой грозил накатить, пробудь она рядом с этим красавцем еще немного. Поэтому она просто кивнула и ушла в свою комнату.

Разумеется, назвать Лену старой девой мог только неумный и злой человек — в двадцать пять она была чуть полновата, очень свежа и давным-давно женщина. Но несколько коротких и неудачных связей убедили ее в собственной непривлекательности, и она думала о себе го-

раздо хуже, чем любой самый желчный враг. Сейчас это называется заниженной самооценкой, а тогда скромностью и застенчивостью, и отец, мечтая о внуках, не реже раза в месяц приводил ей нового кавалера. Лена фыркала, издевалась над «женихами», а после их ухода скандалила с родителями и плакала злыми слезами. Но сегодняшний кандидат выглядел так, что не только пикироваться, а и смотреть на него долго нельзя, нужно бежать, бежать.

Они поженились через три месяца, через год родился Алеша, еще через пять один за другим умерли мама и папа, и молодая семья осталась в большой квартире, но почти без средств к существованию — родительские связи и накопления исчезли. Сережа брался за любую работу, вплоть до оформления витрин и рисования пошлых интерьерных картинок, много времени проводил в мастерской, которую пришлось перенести в его холостую бирюлевскую однушку: когда тесть умер, студию в центре Москвы конечно же отобрали. Лена пыталась пристроиться к делу, выцарапала у Союза художников небольшое помещение на окраине и открыла галерею. Место неудачное, богатые иностранцы так далеко не забирались, но удерживать его приходилось ру-

ками и зубами — любая недвижимость бесценна, а собственная галерея нужна была еще и для того, чтобы Сережа чувствовал себя художником, чьи работы выставляются и продаются, а не просто творческой прислугой у нуворишей. Даже в самые трудные времена он находил время и силы, чтобы писать «для себя». В крошечной жалкой квартирке создавал большие светлые полотна, до краев наполненные легкой красотой, ускользающей каждое мгновение, но остановленной, запечатленной, пленной. Чаще всего он писал женщин такими, как их замыслил бог — нежными и обнаженными. Иногда на картине были только следы и тени, сброшенная одежда, прядь волос или рука той, которая еще секунду назад стояла здесь, смеялась и любила, а теперь уходила, оставляя по себе печаль. Он всегда работал с натурой, особенно любил непрофессиональных моделей за удивительные перемены, которые производило с ними искусство. Когда женщина видела на холсте свою душу, сердце ее переворачивалось.

Так Сережа объяснял Лене, и она, стараясь помочь, уговаривала всех знакомых девушек позировать ему.

А потом до нее стали доходить слухи… Как было

сказано, она всегда подозревала его то больше, то меньше, но в последние, самые трудные, годы совсем потеряла покой. Он много работал, ночевал в мастерской, приезжал усталый и опустошенный. Ей бы пожалеть, а она видела кошачий блеск его глаз, царапины на плече (подрамник уронил), чувствовала странный, непристойный запах от волос. Она мучилась, тосковала, но ездить на другой конец Москвы с проверками не могла — глупо это, да и некогда. Конечно, устраивала сцены, он в ответ орал, хлопал дверью и уезжал. Лена чувствовала себя виноватой, но однажды на большой арт-вечеринке, где даже она знала далеко не всех, услышала, как одна модель говорит другой: «У Сережи опять новая муза», указывая на ее мужа, вдохновенно беседующего с молоденькой простоватой девушкой. Все бы ничего, и «муза» прозвучала вполне невинно, но девица прибавила еще несколько слов, и похолодевшей Лене стало ясно: обе модельки знакомы с ее мужем слишком уж коротко, слишком. Захотелось плакать, но не место было для слез и не время.

Дома она пыталась поговорить с Сережей, но услышала в ответ:

— Не ревнуй к искусству! Хочешь, чтобы я одну тебя писал? Ну так брюхо подбери хотя бы, Венера

палеолитическая… Знаешь что, я в мастерской переночую, а ты подумай, как дальше жить.

Смешно теперь вспоминать, но она не поленилась и отыскала в отцовской библиотеке учебник по материальной культуре, а в нем Венер этих ископаемых — безликие статуэтки жирных коротконогих женщин. С отвисшими грудями и огромными задами.

Лена стояла в ванной перед зеркалом, смотрела на свое тело, чуть тронутое временем, и к ней возвращалось забытое отвращение к плоти, которое двенадцать лет назад Сережа прогнал любовью, а теперь вернул двумя словами. И очень обидно было. Выставить бы его к чертовой матери в Бирюлево, но кому от этого хуже? Сережа только рад освободиться. Алешка и так отца толком не видит, растет, как в поле трава…

Ночью Лене приснился кошмар. Будто бы прибегает к ней сын и говорит: «Пана там тетю обнимает», — вроде он заглянул к Сереже в мастерскую и увидел. И вот Лена туда едет и по дороге думает:

«Ну, сволочь, я тебе устрою. Приду и скажу, что Алешка ВСЕ видел! А ты оправдываться начнешь, гад, что вроде натурщице плохо стало, поддер-

жать хотел… или там сама пристала, но не было ничего. А я скажу, Алеша видел, ты при ребенке, гад…»

И вот будто бы заходит она и говорит Сереже: так и так, Алеша ВСЕ видел.

А он, Сережа, молчит. Вместо того чтобы оправдываться, ответил только: «Ну видел, так видел», — и замолчал. Правда, значит, было ВСЕ. И те слова, которые Лена заготовила, в горле у нее застряли, стали жечь и душить. Так и проснулась, хватая воздух ртом, одна и в ярости.

Утром оказалось, что у нее началась ангина, шея распухла и болела. Лена пила чай, бездумно листала газету и чувствовала, что злые слова из дурацкого сна никуда не делись, обида при ней, не дает дышать, требует выхода. И тут рассеянный взгляд зацепился за строчку частного объявления: «Вас обидели?» — написано было толстыми черными буквами.

Обидели. Обидели. Да, меня обидели, подумала она и наконец позволила себе то, что откладывала со вчерашнего вечера, — заплакала.

Слез было мало, будто что-то мешало им изливаться свободно, с причитаниями и всхлипами, как обычно водится у женщин. Поэтому через несколько минут она вытерла глаза и дочитала

расплывающиеся буквы:

«Вас обидели? Мы поможем! Решение деловых и частных конфликтов законными способами. Правда есть. Тел: XXX-XX-XX».

«Есть, говорите, правда? Вот сейчас и проверим», — подумала она и набрала номер. Лена понятия не имела, как начать разговор, но после второго гудка трубку сняли, и спокойный мужской голос, записанный на автоответчик, предложил приехать в офис на «Пушкинской» и в любое время с девяти до девятнадцати часов ознакомиться с услугами их фирмы. Надо ехать, решила Лена, вроде по галерейным делам посоветоваться, а на месте посмотрим.

Она понятия не имела, какая правда нужна ей от этих посторонних людей и какая помощь. Не ноги же родному мужу ломать за измену. Да и была ли она? После звонка на душе полегчало, вся история показалась надуманной, Лена никуда бы и не поехала… если бы не разговор тех моделек, засевший в голове, не сон, застрявший в горле, и не Венера эта па-ле-о-ли-ти-чес-ка-я, поразившая в самое сердце.

7. Лена и ее прошлое (продолжение)

Офис располагался на первом этаже старого жилого дома в Леонтьевском переулке — шикарный адрес, если не знать, сколько там полупустых зданий, ожидающих сноса. Но фирма «Защитник» занимала вполне ухоженное помещение с аскетической обстановкой — ясно, что при малейшей тревоге все самое ценное будет вынесено по черной лестнице и увезено в одной легковушке. При этом мужчина, принявший Лену, не походил на бандита или жулика. Деловитый дядька по имени Николай, чуть постарше ее Сережи, крепкий, неинтересный совсем. Налил чая в простую чистую чашку, для начала рассказал, чем занимается контора, — помогает честным людям, попавшим в трудную ситуацию.

— Долги выбиваете?

— Мы, уважаемая, ничего не из кого не выбиваем и физического воздействия не оказываем. Если вы за этим пришли, то не по адресу. Мы занимаемся информацией.

— И что же можно сделать одной только информацией?

— Что угодно. Ваш долг вам на блюдечке при-

несут, с золотой каемочкой.

— А, шантаж там всякий…

— Все в рамках закона. А что вас к нам привело — дела или что-то личное? Вы не стесняйтесь, секреты наших клиентов мы хранить умеем.

Лена замялась, врать про галерею не хотелось. Устала она от всеобщей лжи, этому простому мужику хотелось сказать правду, причем простыми словами.

— Похоже, мне изменяет муж.

Помолчала.

— Он художник, мастерская своя, к нему модели приезжают.

— Известное дело.

— Вы не понимаете! Он настоящий художник, творческий человек! Его волнует вечная красота, воплощенная в смертных женщинах.

Николай молчал, и ей стало мучительно стыдно за чудовищную пошлость, которую она произносила все эти годы с полным убеждением. Лена кривовато улыбнулась.

— Но мне кажется, что он с ними не только искусством занимается. Мне бы хотелось получить доказательства неверности. Или верности.

— С этим сложнее, поэтому займемся пока неверностью. Для начала мы можем установить

видеокамеру в его мастерской, несколько дней будем вести запись, потом отсмотрим пленки. Если ничего интересного не найдем, перейдем к наружному наблюдению, это дороже и сложнее. Или вы хотите сразу весь комплекс услуг?

— Нет, давайте начнем с камеры. А он не заметит? Там же пленку надо менять…

— Мы располагаем микроаппаратурой с датчиками движения и прочими техническими новинками, я могу объяснить, но зачем вам эти подробности? В мастерскую придется наведаться несколько раз, мы будем аккуратны. Наших камер еще никто не засекал, но если вдруг случится прокол, ваш муж скорее всего спишет на КГБ. Богема у нас пуганая, знаете ли…

— И вы утверждаете, что все законно?

— Конечно. Вы хотите установить видеокамеру в собственном помещении, мы оказываем техническую поддержку.

— И во сколько мне все это обойдется?

— Сутки обслуживания у нас стоят недорого, работаем до результата, через месяц вы в любом случае узнаете правду, какая бы она ни была. Весь фактический материал получите на руки. Цена услуги складывается из нескольких факторов, давайте обсудим детали…

Правда обходилась недешево, но у Лены были запасы на черный день. Она никогда не прятала от мужа наличные деньги, но какую-то часть родительского наследства, выраженную в небольших, но очень дорогих предметах искусства, хранила в секрете. Папа давным-давно сделал тайничок в гардеробной и незадолго до смерти показал Лене. Даже в самые тяжелые дни у нее рука не поднималась на эти вещи, она решила для себя, что их нет, пока не встанет вопрос жизни или смерти, но сейчас, похоже, пришло время. Сама толком не понимала, зачем ей эта «правда», просто чувствовала, что дальше так существовать невозможно. И если для того, чтобы освободиться от невыплаканных слез и невысказанных слов, нужно всего лишь заплатить золотой чеканной табакеркой времен Екатерины — она готова. Черных антикваров в Москве хватает, они хоть Янтарную комнату купят, причем быстро и тайно.

В пятницу после уроков Алешу обычно отвозили к бабушке в ближнее Подмосковье, а в воскресенье забирали. Чаще всего ездила Лена, у нее установились отличные отношения со свекровью, но в этот раз она сказалась больной (ангина и правда не проходила), поэтому

пришлось попросить Сережу. Лена позвонила Николаю. Запасной ключ от мастерской был уже у него, поэтому она просто сказала «он уехал», а через три часа ей «доложили о выполнении».

— Теперь, — сказал Николай, — постарайтесь не думать об этом слишком много. В воскресенье мы снимем первую порцию информации. Держите меня в курсе планов вашего мужа.

Лену забавлял его официальный тон, но именно благодаря казенным интонациям затея не казалось слишком уж безнравственной, походила на банальный детективный фильм. «Объект выдвинулся из дома по направлению к пункту слежения, расчетное время прибытия — один час десять минут».

Всю неделю она держала себя в руках, мужа понапрасну не дергала и к тому разговору не возвращалась. Целовала перед уходом, радостно встречала, один раз даже был секс, как всегда, прекрасный. Сережа оставался очень хорошим любовником, с годами, правда, у них это дело случалось все реже и реже, но удивляться нечему — мужчине почти сорок, резвости прежней не стало.

Никакой особой вины перед мужем Лена не чувствовала, сам довел. Иногда прикидывала, как

поступит, если окажется, что Сережа не верен. Но всерьез думать об этом пока не стоило. И вообще Лена уже почти решила, что в пятницу, когда муж опять уедет и Николай снимет камеру, она откажется от его услуг.

Получилось все немного иначе. Когда Николай позвонил, чтобы сообщить, что в мастерской он закончил, Лена сказала:

— Вот отлично. Я бы хотела на этом остановиться.

— Разумеется, — ответил он, — информации вполне достаточно. Завтра к полудню я подготовлю полный отчет и записи.

Это была странная ночь… У Сережи горел срочный заказ, от матери он поехал прямо в Бирюлево, поэтому Лена осталась одна со своими мыслями. Может, оно и к лучшему. Из слов Николая можно было понять, что… нет, она не хотела даже думать. Может, натурщицу какую за задницу ущипнул, а Лена уже всполошилась. Допустим, у него кто-то есть. Влюбился на старости лет или так, девка какая-то навязалась, а он отказать не смог? Они же наглые сейчас пошли, а мужики — животные слабые. Сережа не походил на влюбленного, не мог он позапрошлой ночью быть таким нежным,

если бы сердце его заняла другая.

И вообще «достаточно информации» — для чего? Вдруг для доказательства верности? Он мог кому-то сказать, что не изменяет жене… Лене стало смешно от собственных логических построений: представила, как Сережа, честно глядя в камеру, говорит: «Я безумно люблю свою жену, и буду верен ей до гроба!» В глубине души она знала, что записано на той видеокассете. Лена открыла аптечку, взяла пару таблеток люминала и запила водой. Завела будильник на десять и довольно быстро заснула.

* * *

Ровно в двенадцать она приехала в Леонтьевский. В голове беззвучно шевелилась серая вата, мыслей никаких не было, поэтому Николая выслушала совершено спокойно.

— Дело закончено. Вот запись. Посмотрите, чтобы убедиться, что это именно ваш муж. — Он вставил кассету в видеомагнитофон. Лена взглянула и сказала:

— Остановите. Сколько в итоге я вам должна?

Николай назвал сумму.

— Если вы хотите продолжить расследование, например, выяснить имена и прочие подробно-

сти, мы к вашим услугам.

— Спасибо, нет.

Она расплатилась и ушла.

Дома первым делом поставила чайник и сделала бутерброд. С утра не позавтракала, и желудок напоминал о себе. С тарелкой и чашкой Лена прошла в комнату, стараясь не смотреть на сумку, брошенную в прихожей. Включила телевизор. Минуты через три отложила недоеденный бутерброд. Глупо тянуть время, перед смертью не надышишься.

Запись велась откуда-то сверху, в кадре та самая простушка сидела на старом диване и расстегивала кофточку. Сережа стоял рядом и неторопливо раздевался.

Потом Лена смотрела на потную спину и худые ягодицы мужа, двигающиеся между белыми плотненькими ногами. Смотрела долго, пока не затошнило и пришлось бежать в ванную. Когда вернулась, не сразу сообразила, что изменилось: теперь бедра мужа обхватывали смуглые тонкие ноги какой-то другой девицы.

Всего на кассете были три эпизода и три разных женщины. В самом последнем Сережа полулежал, на нем неторопливо гарцевала Ленина лучшая подружка, и Лена могла видеть лицо

своего мужа — запрокинутое, полное страсти, отрешенное. Казалось, мужчина не обращает внимания на партнершу, отдаваясь только своим ощущениям, но тут он поднял руку и погладил ее длинные темные волосы с такой осторожной нежностью, что у Лены сердце взорвалось от боли. Впрочем, на экране тоже что-то взорвалось: Сережа резко перевернул любовницу, подмял под себя, дернулся несколько раз и затих. Лена продолжала смотреть.

Она смотрела, как Сережа после всего легко и часто целует уже неюное лицо ее подруги. Она бы назвала это любовью, если бы не предыдущие сцены. Впрочем, каждая из них походила на любовь. Цифры в углу экрана сообщали, что съемка состоялась позавчера. Лена продолжала смотреть, даже когда запись закончилась, замелькал белый шум, включилась автоматическая перемотка. Даже когда кассета началась сначала. Даже когда в замке повернулся ключ и Сережа вошел в комнату — она продолжала смотреть.

Скандала не получилось. Он с порога увидел экран, изумленно спросил: «Чего это ты порнушку без меня смотришь?», но почти сразу же понял, что это за кино. Подошел, выключил, худыми сильными пальцами сломал кассету — не сразу,

но справился, — пленка размоталась и с шорохом упала на пол. Он пытался говорить — «Откуда у тебя эта дрянь? Кто? Ты следила за мной? Как ты смела?» — но злые испуганные вскрики гасли, тонули в ее молчании.

Наконец он затих, вышел из комнаты и через недолгое время появился на пороге с большим рюкзаком. Видимо, пока собирался, обдумал линию защиты (точнее, нападения), поэтому спокойно и внятно сказал: «Я не могу с тобой жить после этого, ты мне отвратительна», — и ушел.

8. Лена и ее прошлое (окончание)

Что ж, Лена хотела правды и получила ее. Только вот оказалось, что без постоянных инъекций обмана очень больно жить. Так при ломке — от каждого движения кости трутся друг о друга и скрипят, суставы выворачиваются, мышцы непроизвольно сокращаются, а легкие вдруг забывают, как дышать. Она превращалась в обезумевшую марионетку, подергивающуюся от боли каждый раз, когда вспоминала видеозапись. Можно сколько угодно внушать себе, что Сережа, конечно, похотливое животное, но любит только ее одну, что эти двенадцать лет не могли пройти даром, что всего несколько ночей назад у них все было хорошо. Побегает и вернется, думала Лена, но перед глазами тут же всплывала блестящая от пота спина, конвульсивные движения, а главное, светлое запрокинутое лицо и одно-единственное прикосновение — она полжизни могла отдать, чтобы не чужие, а ее волосы он тронул с той безмерной нежностью.

Он не возвращался, не отвечал на звонки, сменил замок в мастерской и не открывал дверь. Лена страшно ругала себя — не следовало мол-

чать тогда, стоило только сказать, что кассету ей подбросили, и можно было бы как-то сгладить ситуацию. А она фактически подтвердила, что следила за ним.

Лена не хотела разводиться и терять его. Затевая расследование, надеялась получить преимущество — перестать наконец ходить в дурах и вызвать у Сережи вполне обоснованное чувство вины. А он опять ускользнул от нее.

Никому ничего не рассказывала, но слухи просочились, а потом пришла повестка о разводе. В очередной раз отвозя Алешу к свекрови, она взяла бумажку с собой. Рассказала, что Сережа ей изменил с молоденькой.

— Ты Алешу-то не отнимешь у меня? — Свекровь заплакала: — Ноги этих потаскушек тут не будет, только вы приезжайте, у меня вся радость в нем.

Она не слишком удивилась, отметила Лена.

На прощание свекровь сказала:

— В отца пошел, паразит. И как ты терпела еще столько-то лет.

Да, новостью Сережины измены стали лишь для нее. Любопытные знакомые потянулись в дом, принося все новые и новые сплетни. Похоже, с тех нор как Сережа переехал из студии тестя на

окраину, он сорвался с цепи.

Его женщины сладострастно сдавали друг друга с потрохами, умалчивая лишь о себе. В числе последних позвонила та самая «лучшая подруга».

— Ты слышала? Говорят, он живет с этой соской из провинции, — она имела в виду «простушку», — кто бы подумал, что ей хватит ловкости увести его у всех из-под носа.

Тут Лена наконец поняла причину внезапной откровенности, обуявшей их всех, — зависть. Каждая надеялась, что освободившийся Сережа достанется именно ей, но приз получила самая невзрачная из претенденток.

— Ведь и ей изменять будет, гад! — зло, сквозь зубы сказала подруга.

Лена неожиданно для себя предложила:

— Дорогая, давай встретимся? Я приеду к тебе в гости, и ты мне все расскажешь.

Вдруг захотелось посмотреть ей в глаза — именно ей, единственной из всех, подруге.

Лена поймала себя на том, что перестала называть «этих женщин» по именам. «Подруга», «рыжая», «простушка» — но никаких больше Оль, Кать и Наташ. Они не люди, нет им на свете места, теперь это призраки, мертвецы.

Приехала, посмотрела. Не увидела ни капли

стыда, наоборот, искра насмешки пряталась в глазах женщины, которая спала с ее мужем. Войдя, Лена сразу взглянула на ее волосы — подобраны в пучок, слава богу. Лена не представляла, как отреагировала бы на распущенные пряди — могла задохнуться от боли, а могла и схватить, намотать на руку черные патлы, разбить ненавистное лицо о косяк.

Посидела недолго — все, что хотела, поняла с одного взгляда. Перед уходом зашла в ванную, увидела батарею кремов от морщин, улыбнулась недобро. У подруги со времен совкового дефицита сохранилась нелепая привычка — покупать всякие хозяйственные мелочи не по штучке, а коробками и упаковками. Если сигарет, то сразу блок, хотя курила не так уж много, если средство для мытья посуды, то по пять флаконов. Вот и сейчас Лена заметила в шкафчике четыре непочатых бутылочки шампуня «Эльсэв жожоба». Вот же крыса, подумала, чтоб у тебя все запасы протухли. Постояла, прикинула кое-что в уме и вышла в коридор. Обуваясь, сказала:

— Я зайду к тебе как-нибудь, плохо мне по вечерам в четырех стенах. У нас развод скоро. Через две недели. Позвоню после, можно?

— Ленок, солнышко, я тебе всегда рада, — обня-

ла, прижалась на секунду.

Лена задержала дыхание.

— Спасибо, родная.

Развели их быстро, претензий друг к другу стороны не имели. У выхода из зала поравнялись — и Сережа отскочил от нее, как от гремучей змеи. Но странным образом ее боль притупилась. Единственное, чего она не могла вынести, — картин на стенах своего дома. В каждой Сережиной работе она теперь видела «этих женщин» — не прелестные тени, а яростно извивающиеся тела чудились ей. От любой живописи тошно становилось. От греха подальше она сначала вывезла полотна в галерею, а потом продала все сразу, не слишком даже продешевив — подвернулся агент, собиравший коллекцию русского искусства для очередного нувориша. Так появились деньги на новую затею — салон экзотических товаров. Не пришлось даже папино наследство трогать.

Лена иногда терзалась — может, если бы не прятала, продавала потихоньку, не пришлось бы Сереже столько работать, в мастерской круглосуточно пропадать. Купили бы ему какой чердачок рядом с домом, был бы под присмотром… Но чего уж теперь. Умом Лена понимала, что не уследишь, если приспичит мужику. Только зря золотой за-

пас израсходуешь. А сейчас хоть спина прикрыта, можно ввязываться в любую авантюру.

Но сначала следовало отдать должок. Позвонила подруге:

— Приеду?

— Приезжай.

Вошла и почти сразу же разрыдалась.

— Сережа на суде сказал, что собирается жениться. Расписывается, понимаешь, с этой… Ребеночка родит, Алешка ему даром не нужен станет.

— Леночка… Подлец, боже, какой подлец. — Подруга всхлипнула, у нее тоже была причина для слез.

— Ой, я и страшная, наверное, — сказала Лена минут через десять, — пойду подкрашусь! — Подхватила сумочку и ушла в ванную. Включила воду, бесшумно открыла шкафчик и заменила один из флаконов с шампунем на другой, принесенный с собой, с виду точно такой же — «Эльсэв жожоба». Обтерла полотенцем и задвинула поглубже, чтобы не сразу в руки попал, а месяца через два.

Подвела глаза и вернулась в комнату.

Возвращалась домой, прислушивалась к себе — не стыдно ли, не страшно? Нет. Пусть получит свое. Хотя но справедливости ей не «Доместос» надо было в шампунь подмешивать, а глазные капли кислотой заменить, вот тогда бы по заслугам вышло. А так, ну что, кожу пощиплет и, может, волосы ее поганые вылезут…

Лена не собиралась никому мстить. Но в течение следующих лет получалось так, что «эти женщины» сами подворачивались под руку, подставлялись, и тогда она не упускала шанса. Кому по мелочи, кому и посерьезнее вредила. «Как старуха Шапокляк», — улыбалась про себя. Одной, например, на вечеринке, когда все уже перепились, вылила в приоткрытую сумочку бокал красного вина. Пустячок, а приятно — светлая замшевая штучка и ее содержимое были уничтожены одним движением, никто и не заметил.

С той смуглой из «порнофильма» расквиталась изящнее. Лена уже несколько лет занималась туризмом, когда девица объявилась — сама пришла, никто на веревке не тянул. Ей предложили контракт в Америке, по модельному делу. Работодатель сделал визу, оплатил перелет, надо было только билеты самой забронировать. И

тут смуглянка решила сэкономить. Доверчивые американцы выдали кучу денег на бизнес-класс, но девица предложила Лене найти билеты подешевле, пользуясь всяческими скидками для турагентов, а разницу попилить.

Лена устроила все в лучшем виде — заказала, оформила документы так, что не подкопаешься. Вот только в паспорте девицы сделала маааленькую такую подчистку-поправочку. Наши пограничники глазом не моргнули, выпустили с богом. А вот дотошные американцы разглядели. И выдворили ее с обратным рейсом в Россию, запретив въезд навсегда. Контракт сорвался, расходы пришлось возмещать, а Лену и не заподозрили, обвинили левую фирму, которая загранпаспорта поддельные выдавала.

Другая шалава поплатилась серьезно, здоровьем, а может, и жизнью. Встретилась как-то с Леной, пожаловалась, что при всей неземной красоте своей не может найти хорошего человека, чтобы ее, как бриллиант, в золото оправил. Все какие-то скупердяи попадаются. Лена и свела ее с щедрым мужчиной. Ничего не сделала, только познакомила и в сторону отошла. Это случилось на модном показе, где самые сливки собирались. Полно было охотниц те сливки слизывать, но

повезло в тот раз шалаве — запал на нее восточный красавец, нравом строгий, но богатый по-королевски. Месяц она ходила счастливая, камешками поблескивая, в меха кутаясь, а потом заскучала. А развлекаться умела только одним способом — с мужиками. Но только не учла, что несвободна теперь. После первого легкого флирта неделю в темных очках выходила, после второго в больнице полежала, а потом и вовсе пропала. Уехала, мол, за границу. Искать никто не искал, легкого поведения девицы в те годы часто на заработки подавались.

А «простушке» ничего толком и не было. Они с Сережей тяжело жили, работы ни ему, ни ей в Москве не нашлось — так уж вышло, кой-какие кнопочки Лена нажала, не поленилась. Бирюлевскую однушку продали и уехали в Тульскую область, к «простушке» на родину. Мать Сережина их не приняла, как Лене и обещала, квартиру свою на невестку с внуком переписала. Потом смягчилась, захотела сыну помочь, но поздновато, дареное не вернешь. Слухи доходили, что Сережа совсем зачах в провинции, но Лена о том знать ничего не желала. Нету их, мертвецы.

Вот так, когда шутя, а когда и всерьез, Лена

рассчиталась со всеми обидчицами. Никогда и никому эту историю она не рассказывала. Развод объясняла по-разному: свекрови — что на молоденькую променял, подругам — загулял, пришлось выгнать, а мужчинам говорила так: «Он изменил, и я ушла». Впрочем, мужчин за эти годы в ее жизни было немного, по пальцам одной руки можно пересчитать. И не потому, что желающих не находилось. Просто тепла в сердце мало, едва хватало себя обогреть.

А подруг рядом с ней совсем не осталось, только с Мартой в последний год сблизилась. На ее счет у Лены подозрений не было, хотя и помнила, что разок сама уговорила Марту позировать Сереже. Но и в голову не приходило, что за один сеанс они что-то там успели. Хотя… недавно зацепилась за фразу про «бывшую любовницу художника». Конечно, прошлое у этой крошки бурное, не единственного художника знала, да и не могла так глупо проговориться. Но… Лена решила проверить, завела за бокальчиком мартини разговор про Сережу и сразу заметила, как Марта забеспокоилась, домой засобиралась. Может, неловко стало после лишней откровенности, а может, есть повод глаза прятать.

Ох, Марта, Марта. Ну что с тобой делать.

Если кого крепко любишь, можно простить ложь. Когда любишь очень сильно, то ничего и прощать не надо.

Лгал, как птица пела, — запрокинув голову и прикрыв глаза, вдохновенно. И что там прощать, если ложь в его крови и плоти; если обман был единственным способом взаимодействия с реальностью — ну хоть как-то, хоть как-то изменить мир, сделать его пригодным для нас. Потому что здесь и сейчас мы никак не могли быть вместе. В существующем мире он — никчемный, порочный, слабый, а я — хитрая и полуживая, как лисица с перебитой спиной. И поэтому он, мужчина, брал на себя риск и грех и немногими словами рисовал нам новую жизнь, где он — талантливый и свободный, а я бесконечно красива и никогда не умру.

В такие минуты я только смотрела, почти не слушала и не чувствовала ничего, кроме благодарности. Если бы никогда не покидать светлой комнаты с белой тканью, свисающей с потолка, с огромной

кроватью, с воздухом, посеребренным нежным дымом и легкой ложью, мы до сих пор были бы счастливы.

Но когда женщина отворачивается, к ней приходят демоны. Стоило отвести глаза, выйти на улицу, как проклятые птицы слетались ко мне на руки и выклевывали дыры в счастье, которым я была — окутана? опутана? — защищена. Гадкими голосами они выкрикивали то, что я отказывалась слышать, поворачивали мою голову, поднимали веки: «смотри, смотри, смотри». И я, конечно, смотрела. Потому что мне в отличие от него недоставало духу пойти до конца в божественном обмане, необходимом для сотворения мира. И однажды ему не хватило игл, чтобы заштопать все прорехи.

И тогда я сорвала яблоко.

Коротко говоря, он с кем-то переспал, а она узнала.

9. Случай развиртуализации

В конце февраля я заболела. Перед тем как слечь, стала находить на улице довольно странные вещи — например, десятку треф и воробушка. С картой понятно — к денежным делам, а воробей скакал в снегу около железной дороги, видимо, ударной волной от поезда сбило или пощипал кто (хвост у него был лысоват). Потом радовалась, что не подобрала. Была такая мысль: взять, в клетку посадить, кошкам на забаву и себе, чтобы лечить. Но, думаю, сдохнет, а я в депрессию впаду, а мне туда сейчас нельзя, дел много, да и негоже вмешиваться в процесс естественного отбора. И хорошо, а то бы сейчас терзалась сомнениями, что у меня — птичий грипп или ослюнение бешеным воробьем. А так лежала спокойно, уверенная, что умираю от атипичной пневмонии.

И вот подходит ко мне муж, смотрит с тревогой и говорит:

— Птичка, давай врача вызовем?

— Не приедет, у меня страхового полиса нет.

— Надо сделать, когда поправишься.

— Конечно, по-хорошему мне бы надо дня на три к родителям поехать, заняться полисом и

паспортом.

— Вот я после первого уеду, ты и займись.

Я криво и мучительно улыбаюсь — поди, не выживу, зачем мертвому полис?

— Только смотри, именно к родителям, а то я тебя знаю, твои брюнеты только и ждут…

У меня даже нет сил смеяться. Я три дня не мыта, пахну смертным потом, даже кошкам противно, опухла вся — нет, ну какие брюнеты могут меня ждать, бригада таджиков-могильщиков?

Я тебя, говорит, знаю. Меня — да, но вряд ли я найду еще одного такого извращенца, чтобы с ним изменять этому…

Хотя, если честно, кандидаты не переводятся. Первого марта получила от Антона письмо: «Весна наступила. Повидаемся?» и номер телефона с уточнением «лучше SMS». Его немногословность мне определенно нравится. Ответила: «Четвертого, в 19.00 в «Шоколаднице» на Малой Дмитровке, тел…» — «Буду».

Я отдаю себе отчет, что сеть «Шоколадниц» — заведения для студенток, не статусные, как принято говорить. Приличные женщины должны ходить в дорогие кафе вроде «Галереи» и других, чьи названия я даже не знаю, потому что недостаточно приличная. Мне нравятся уют-

ные недорогие забегаловки с простой пищей, с несколькими сортами чая и мягкими диванами. Какая разница, куда забредать во время долгих прогулок, лишь бы обслуживали быстро и не отравили ненароком. Поэтому, выбирая для встреч с незнакомыми «шоколадку», я страшно смущаюсь, но поделать ничего не могу, привычка. Там иногда можно подслушать удивительные разговоры.

Как-то раз, попивая пу-эр, уловила в шуме голосов абсолютно нездоровую интонацию плохого лектора. Поворачиваю голову — за соседним столиком дяденька средних лет втирает пышной блондинке про энергии. Чертит схемы на салфетке, нещадно акцентирует: «Как только ты начинаешь отвлекаться, твое Внимание рассеивается. Ты теряешь Силу, и в твоей Защите образуются дыры. И что тогда наступает? Страх и Ужас!»

Она курит и что-то негромко отвечает. «Ребенок? Ты знаешь, как нужно воспитывать ребенка? Если он хочет в три часа ночи голым выйти на лестницу, пусть идет! Тогда…»

А я думаю, что страх и ужас даже не в том, что она с ним переспит, а в том, что не дай бог послушается. Вообще в том, что она сейчас тут сидит.

С этим человеком. Который учит ее жить. Красивая, грива длинная, густая, вьющаяся, какого-то редкого пепельного оттенка, а руки округлые и сильные. А она сидит в этой подростковой кофейне и молча рассматривает психа, толкующего о коконе сознания. Ну зачем он тебе, женщина?!

Или однажды: сидят за мной две девушки, щебечут. Ощущение, что я подслушиваю выездное собрание Анонимных Алкоголиков или продавцов гербалайфа.

— Я делаю это уже два года! Каждые две недели я хожу и подкрашиваю, хожу и подкрашиваю! Мой парень тащится от Дженнифер Энистон, поэтому я сделала такую же прическу. Каждые две недели! И в прошлом году первого октября мы поженились!!

— Вау, вау! Поздравляю! Как я за тебя рада! А я тем летом собралась отдыхать и захотела вот такой цвет. И за неделю я ходила к ним пять раз! Первые два получился желтый, потом совсем белый, но я сказала: «Я должна в Турции выглядеть как решила!», и они сделали!

— Поздравляю! А мой парень…

Мне — я подумала — дали бы твоего парня минуты на три, не больше, он бы сам сделался похож на Дженнифер Энистон, особенно голо-

сом… Видишь ли, на Дженнифер Энистон денег нету, так он нормальную девку проапгрейдил — дешево и сердито, каждые две недели башку в перекись окунать.

А потом и думаю, а чего я возмущаюсь-то. Он хочет Дженнифер Энистон, а она хочет парня, который хочет Дженнифер Энистон. Люди нашли друг друга…

И я уверена, что никакие они не пластиковые пупсы, хотя так выглядят. У них могут быть настоящие человеческие дети. И настоящие человеческие чувства, хотя и протравленные перекисью.

Утром назначенного дня с удивлением поняла, что волнуюсь, как девица. А он какой? А вдруг я ему не понравлюсь? Нет, правда, вот эти тени у меня под глазами — от зимы или теперь всегда так будет? Я вижу себя прежней, неизменившейся и только изредка, мельком, проходя мимо зеркала, бросаю неузнающий взгляд — ой, кто это? — не может быть, чтобы я. Секундный испуг, я чуть поворачиваюсь, приглушаю свет, складываю губы особым образом — и все, та, чужая, тетка исчезает. Одна беда — фото. Иногда после вечеринок обнаруживаю в Сети снимки какой-то коровы в моем платье. Чтобы не впадать в

депрессию каждый раз, решила для себя: это плохие фотографы с пластмассовыми мыльницами виноваты. Конечно, ведь я-то красавица…

И вот сегодня все вертелась, втягивала живот, надевала то черное, то широкое, закалывала волосы, распускала. А потом вдруг устала — ну кого я хочу обмануть? И зачем? Что он Гекубе, что ему Гекуба, и почему, собственно, в тридцать… хм… с небольшим я обязана выглядеть на двадцать пять?

Как раз когда я надевала костюм сельской учительницы — серую шерстяную юбку и поношенную зеленую кофточку, — пришла эсэмэска: «Марта, простите, вынужден уехать по работе, давайте в другой раз». Ах, так?! Что-то подсказывает мне, следующий шанс я дам ему нескоро…

Только после того, как встреча сорвалась, я поняла, что ждала ее очень сильно. Рассчитывала проверить свои чары на новеньком или просто соскучилась без приключений, не знаю. Знаю только, что какая-то пружина внутри вдруг ослабла, безвольно повисла.

Временами мне становится за себя очень-очень стыдно. Когда была маленькой, по телевизору иногда показывали фильм «Последнее лето детства», если не ошибаюсь. Там какой-то мальчик

лет десяти говорил про девочку, точнее, девушку уже (наливную, с длинной челкой): «Белка, она неверная…» Временами я чувствую в себе эту рыжую беличью неверность на уровне инстинкта, из одного туповатого желания натащить побольше орехов, из страха перед наступающей бесконечной зимой, которую все равно не пережить.

Может быть, этот страх появился, когда любимые мужчины научились умирать. Юные, сильные, энергичные, занимающие столько места, раскинувшись в постели (и в моей жизни), они вдруг в единую минуту исчезали. Образовывалась пустота, которую ни другой любовью, ни счастьем, ни орехами не заполнить.

А может быть, я опять лгу. Боюсь старости, вот и все. Сейчас здоровье мое таково, что в пять утра могу сделать горячую ванну и залезть туда со стаканом виски или даже мартини со льдом. Снаружи горячо, внутри холодно. Сколько еще — десять лет или двадцать, прежде чем я начну бояться, а вдруг прихватит сердце от контраста? Прежде чем полчаса пешком станет для меня много? Перестану есть острое-соленое-жирное — потому что печень-желудок-почки. Коротко говоря, начну беречься. Солнца, воды, еды, уси-

лий, волнений.

Сейчас считаю калории, конечно, но не более. Ну и насчет эмоций. Весна обещает быть, а мне-то что? Сердце, как яйцо, «я варил его два часа, но оно осталось твердым».

Весной неприлично увлекаться, хочется одеться в лед и ступать, по возможности не соприкасаясь с тающей землей.

«Ты умрешь за меня?»

Он хотел любви, он хотел ее очень сильно, и ничего, кроме любви, его не интересовало. Лишь бы женщины, мужчины, дети и старики — все любили, ждали, радовались, когда он приходит, и, по возможности, плакали, когда уходит.

Это был очень красивый и талантливый человек, поэтому ему далось желаемое. Не сразу, но после долгой работы над телом, поведением и образом жизни он создал себя — уникального. Всякий оказавшийся около попадал под его обаяние. Только кошки и собаки могли устоять, поэтому кошек он не любил, а собак боялся. И тратил все силы на собирание любви. Он умел добиться чего угодно, од-

ного только не удавалось — прекратить стяжать любовь. Открываясь и пропуская через себя потоки любви, он надеялся стать совершенным.

Кончилось почти так же, как в «Парфюмере», — любовь затопила и растерзала.

И я все думала, в чем была его вина. Наверняка не в том, что сам никого не любил, — это не вина, а беда. Пожалуй, в неаккуратном использовании бесценного вещества. Передознулся. И я с тех пор осторожничаю.

День, когда мы виделись в последний раз, я ничем особенным не отмечаю. Не идти же, в самом деле, на кладбище, чтобы наклонять кудри и плакать над сырыми гниющими цветами. Если остаться дома, то легко впасть в мистику и получить «привет с того света» — гаснущие лампы, нежданные письма от общих друзей, фотографии, которые некстати подворачиваются под руку. То есть самые обычные вещи, воспринимаемые как знак.

Поэтому я просто еду в людное место и

провожу вечер так, будто несколько лет назад в этот день не случилось ничего особенного.

Вот и отправилась в «Свой круг», где обещали показать «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», а мне очень нравится этот фильм, особенно мелкие детали, которые сопровождают действие (например, когда один из них все время мастерит какие-то фигурки, помните?). Но проектор барахлил, отказывался принимать диск, и Слава в конце концов поставил «Дорз», который я прежде не смотрела.

Нажравшись льда, герои уходили в дюны и разговаривали с Богом, а у меня в голове вертелась фраза «жалкая поэзия наркотиков». Жалкий пафос, ложная ясность, заемная энергия, пустая любовь. Я почувствовала раздражение, и это было особенно глупо, потому что нужно бы восхититься точностью Оливера Стоуна, а я злюсь на героев, как на живых. А между тем Вэл Килмор изменил Мэг Райан, затащив в постель взрослую длинноволосую брюнетку, но у него не стояло — а меньше надо торчать. И тогда они начали

носиться по комнате, резать вены, пить кровь друг друга и проделывать прочие наркоманские глупости, от которых у него в конце концов встал.

— Ну надо же. А в наше время просто принимают виагру…

Но тут я вспомнила. Вспомнила эту комнату, освещенную свечами, с широкой постелью посреди, вспомнила женщину с развевающимися кудрями, которая носилась голая, скакала, как прекрасная белая обезьяна. Несколько лет назад, очень много, если подумать, он приносил мне видеокассету (вот как давно!) с фильмом, перемотанным ровно до этой сцены. Посмотри, настойчиво говорил, посмотри. А я не люблю кино, утомляюсь полтора часа сидеть перед телевизором, ничего не делая.

Ему зачем-то было нужно, чтобы я посмотрела ту сцену и следующую, с рыжей девушкой. У Килмора опять не стояло, он пил виски и тряс эту свою рыжую: «ты умрешь за меня?». Она ему — мудак, прекрати пить, ты убиваешь себя. А он — ты умрешь за меня? — Да ты достал

уже! — Ты умрешь за меня? — Я люблю тебя, я не хочу умирать. — Ты умрешь за меня? — Я люблю тебя! — Ты умрешь за меня?? — Умру. Умру. Умру.

Я все-таки получила от него письмо. Поняла, что он пытался сказать тогда, подсовывая мне видеокассету — с любовным треугольником, наркотиками, воплями и остальной «жалкой поэзией». Но главным в тот вечер оказалось не это — и Розенкранц, и Гильденстерн, и Джим Моррисон, и многие красивые люди давно мертвы, и пусть их иллюзии будут им пухом. Но я, живущая, женщина несколько за тридцать (чтобы не сказать больше), устроенная, счастливая, нашедшая себе занятие по душе, вдруг совершенно точно поняла, что если сейчас

появится кто-нибудь,

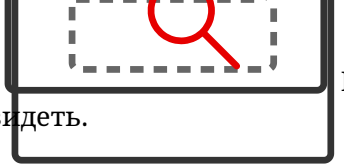
способный снова спросить у меня так же,

как он когда-то —

«ты умрешь за меня?»,

я, пожалуй, отвечу —

«умру. умру. умру».



Bluecanaryk: Хочу вас увидеть.

Marta_ketro: В начале апреля.

В начале апреля, когда сойдет снег, я надену туфли и пойду по сырому асфальту ему навстречу. Ему, не важно кому, новой жизни, новому человеку, который, может быть, сумеет найти мое сердце.

* * *

Я с ума сошла — взяла и позвонила ему. Я! Сама! Первая!

А он не снял трубку. Извините, потом ответил, работа. Ага, круглосуточно. Но отступать некуда, назначила ему встречу.

— Эй, дорогая, что с тобой творится?

— Ничего.

— Ты пишешь странные вещи, я волнуюсь за тебя.

— Романтика в действии, Ленок.

— Давай повидаемся завтра.

— Не могу, у меня встреча.

— С ним?

— С ним.

— А куда он тебя пригласил?

— Это я его пригласила, куда обычно, на Дмитровку. Вроде не пятница, в семь не должно быть много народу, как ты думаешь?

— Вы как нищие студенты, честное слово…

— Плевать, Лен, мне плевать. Я тоскую, как Лев Толстой, то ли смерти боюсь, то ли старости. А он… он меня развлекает.

— Дай бог.

Ровно в семь я сидела в зале для курящих на диванчике в углу, так, чтобы лампа была чуть сбоку и сзади. Старалась не таращиться на дверь, только изредка взглядывала и продолжала делать вид, что читаю книжку. Поэтому даже вздрогнула, когда меня окликнули:

— Дорогая.

— Ленок?! Ты чего здесь делаешь?

— Так, мимо шла, решила заглянуть.

Странно, она, конечно, девушка резкая, но вопиющей бестактностью не отличается.

— Ленок, ты извини, конечно, у меня здесь свидание. Давай ты в другом месте кофе выпьешь?

— Дорогая, только не ори на меня. Должна тебе сказать… Сегодня у тебя не будет свидания.

— Таааак…

— Нет никакого Блю Канари. Ты же серая вся

ходила, вспомни. «Что воля, что неволя…», ничего не хотела, никем не интересовалась, кроме этой своей писанины. Нет, правда, ты очень талантливая, но жизнь, но люди вокруг тебя — ни одна их книга не стоит. Я хотела тебя разбудить, выбить из колеи…

— У тебя получилось.

— Извини. Извини.

— Надо же. Ну надо же. Ты гений, Ленок. И эти люди называют меня мистификатором…

— Не так уж сложно это было.

— ЖЖ, почта, аська. Номер мобильника… вот почему «лучше sms». Лен, ты иди погуляй сейчас, мне подумать надо…

Она не уходила. Я прикрыла глаза. Выливать горячий шоколад ей в лицо нельзя. Она, в конце концов, не сделала ничего особенного — мы, сетевые люди, часто так развлекаемся. Разве что наши шутки не заходят далеко и друзей обычно не трогаем…

И тут сверху раздался странный голос. Чуть задыхающийся, высокий, почти женский:

— Марта?

О Господи!

— Вы кто?

— Марта, я получил ваш коммент, что все кон-

чено, — мука его слушать, тембр такой, будто яйца прищемили, — но все равно пришел. Я Антон.

— Так, минуточку, сядьте и помолчите немного, мне надо кое-что выяснить. Ленок?

— Прости. Я испугалась. За тебя и твою семью. Ты же совсем голову потеряла, того гляди глупостей могла наделать. И я придумала, что…

— Я поняла что. Ты другое скажи — коммент от моего имени как написала?

— Пароль, помнишь, ты у меня дома вводила, ну я и… прости, это только ради тебя.

— И ты меня прости. Антон, свидание отменила вот эта дама, понимаете? От моего имени написала.

— Я понял.

Симпатичный парень, ничего не скажешь, и не глупый. Только что у него с голосом, интересно… Впрочем, какая разница, лавочку пора прикрывать.

— Тем не менее извините, настроение изгажено. Она, в сущности, права — я вполне созрела для глупостей. А сейчас мне надо идти.

— Куда?

— Куда-куда — пароль менять, куда ж еще. Лен, заплати за шоколад сама.

Нет, не в лицо. Но эту юбку она больше не наденет.

Письмо:

«Ленок, сделай одолжение, не звони, иначе я научусь блокировать нежелательных абонентов. Я тебя поняла, а если хочешь услышать мои объяснения — пожалуйста.

Я могла бы простить тебе мистификацию, сама развлекаюсь ими регулярно. В ЖЖ мы только и делаем, что запутываем друг друга, играем на чужих эмоциях, прикасаемся к чувствительным местам холодными руками.

Могла бы простить попытку порулить мой жизнью, с кем не бывает. (Пожалуй, я даже благодарна тебе за встряску.)

Одного только не надо было делать — писать от моего имени. Это большая и напрасная пакость с твоей стороны. Все равно с Антоном ничего не вышло бы — голос, Ленок, голос. Типичный сюрприз развиртуализации: в Сети мы можем узнать друг о друге все — возраст, биографию, род занятий, уровень интеллекта, стиль общения, вкусы, — все, кроме кой-каких неописуемых фактов, которые как раз и становятся решающими. Запах, голос… я просто не могу его выносить. Так

что зря руки пачкала, дорогуша.

Вот и все, теперь, пожалуйста, исчезни».

А потом я пошла признаваться мужу. Он как раз посуду мыл, а я рассказывала.

— Ну ты и бессовестная…

— Есть немножко, но она-то какова!

— Меня больше ты волнуешь: того гляди влюбишься в какого-нибудь красавца, уйдешь и будешь с ним несчастна.

— Мне просто так грустно стало. Жизнь мимо проходит, а я занимаюсь сейчас всякими стариковскими вещами — пишу да читаю. Ни оргий, ни буйств, потом ведь пожалею.

— Это запросто, сейчас тарелку домою, и устроим оргию.

— Да ну тебя, я серьезно. Как ты думаешь, я в гробу красивая лежать буду? Не знаю даже, как лучше: прилично бы выглядеть хорошо, но для смерти оставлять красоту жалко, лучше ее при жизни всю использовать.

— Нет, — твердо ответил он, — в гробу ты будешь очень некрасивая, не думай даже. Красивая ты живая. Пошли.

Он вытер руки и подвел меня к зеркалу:

— Посмотри, какая ты красивая. Посмотри. Посмотри. Посмотри…

Той ночью я плакала. Мы лежали в постели и продолжали вечерний разговор. И он сказал:

— Не переживай, до шестидесяти я еще буду ого-го. Так что у нас целых пятнадцать лет впереди.

Я говорю:

— Как? Как пятнадцать, я думала, тридцать.

— Это у тебя тридцать, а у меня пятнадцать. Нет, мы и дольше проживем, но ого-го, пожалуй, я буду только до шестидесяти.

И тут я посреди несерьезного трепа начала незаметно плакать. Нет, не потому, что испугалась надвигающейся асексуальной старости, просто времени так мало. Пятнадцать лет, это же пустяки, я отлично помню, что было пятнадцать лет назад, уже не детство даже. То есть еще столько же, и все, даже самые вежливые люди не назовут нас молодыми. Но и не в этом дело, просто очень жалко стало прошедшего времени — не грамматической формы, а часов, которые мы почему-либо проводили (и будем проводить) не вместе.

Я вдруг поняла, что люди должны иметь огромное мужество, чтобы, помня, какие мы короткоживущие, ежедневно уходить из дома — отпускать руки тех, кого любят, и уходить на работу, например. Если каждая минута взвеше-

на и оценена, как они могут, например, спать с кем-то другим, просто для развлечения, при том прекрасно зная, что быть с любимыми осталось всего ничего? Только огромное мужество или огромная глупость делают свободными от чувства быстротечности жизни.

Неужели путь личности всего-то и протекает в промежутке от глупости до мужества, от незнания до отсутствия страха? И я сейчас в самом противном месте — уже знаю, но все еще боюсь.

Засыпая, я увидела, как выглядит мое счастье — как блуждание где-то внутри розы, между светлым или темно-красным, коричневеющим, мягким, на ощупь нежным, как мокрый шелк, но матовым, с прохладным травянистым запахом. Не имеющее отношения к плоти, но такое чувственное, такое смертное. И вот этого счастья мне — нам — совсем мало и не с каждым. А я, а они — как глупо мы живем…

И на том уснула.

Глоссарий

IP, ай пи, айпишник — индивидуальный адрес, назначаемый провайдером каждому пользователю для выхода в Сеть. Иногда он постоянный, тогда можно легко отследить, сколько раз некто посетил ваш журнал. Если динамический, «плавающий», то все несколько сложнее.

Бан, забавить — запрет на комментарии. Чтобы читать ваш журнал, особое разрешение не требуется, но определенным пользователям можно запретить оставлять комментарии под вашими записями.

Виртуал — странное понятие. Пользователь, который выдает себя за другого, конструируя несуществующий образ и биографию. По сути, 90 % юзеров так и поступают, создавая в Сети имидж, немного отличающийся от настоящего, реального. Но некоторые заходят в этой игре слишком далеко, «меняя» пол, возраст, социальное положение, используя чужие фотографии и т. д. И тогда их называют виртуалами. Степень совпадения «в.» с живым человеком можно выяснить только при личной встрече.

«Друзья», френды — делятся на две группы:

пользователи, которых читаете вы, и пользователи, читающие ваш журнал. Количество вторых считается в Сети важным показателем. Чем больше у вас френдов, тем вы популярнее. Поначалу их один или два, из числа личных знакомых, потом счет идет на десятки, сотни и тысячи. Чем интереснее журнал, тем больше у него читателей. «Много френдов» — это серьезный повод для самодовольства, но немного стыдный, как всякое проявление тщеславия. Марта, например, очень гордится своими восемью тысячами, но старательно это скрывает.

ЖЖ, Живой Журнал, livejournal — система дневников, выложенная в Сети на всеобщее обозрение. Любой желающий может завести себе журнал и писать там все, что вздумается. И читать чужие журналы, добавляя их «в друзья».

Имя пользователя, ник, юзернейм — имя, которое вы присвоите себе в ЖЖ. Как и любая кличка, может не значить ничего, а может нести некую смысловую нагрузку.

Картинка пользователя, юзерпик — маленькая картинка, которая отождествляется с вашим образом и сопровождает все ваши записи и комментарии. Опять-таки возможна любая степень информативности.

Комментарий, коммент, камент — послания других пользователей, оставленные под чужими записями. Чем популярнее дневник, тем больше в нем комментариев от самых разных людей.

Пользователь, юзер — собственно, человек, владеющий журналом. Доступ к журналу защищен, писать под неким именем может только тот, у кого есть к нему пароль. А читать — любой.

Пост — запись в дневнике.

Анна Ривелотэ. Книга Блаженств

Помню ли я притопленный каменный мост на голубой реке или на мангровом болоте, где с черных ветвей свисали плети мха, ветхий такелаж Летучего Голландца, севшего на вечную мель? А призрачный собор, едва виднеющийся под слоистой амальгамой тумана, сочащийся печальным внутренним светом? Он рос из воды и терялся в небе, и в той части его, что была под водой, огромные скаты вплывали в неф сквозь выбитые розетки. Там, внутри, высились песчаные заносы, под которыми равно покойно спали остовы рыбацких лодок и церковных служек. А в той части, что была за облаками, колониями гнездились белоперые птицы и в пастях химер цвели маки.

Но мост, мост был теплым под босыми ногами, когда мы шли по нему, неся туфельки в руках. Я ловила такси и села в ее автомобиль, и она привезла меня к мосту. Она вела машину не глядя, потому что не спускала с меня глаз: была влюблена. Лет ей на вид было пятьдесят, гладкая башня светлых волос, тонкое усталое лицо. Она

даже не спросила, как меня зовут, а я спросила, но она не ответила. Потом я шла с нею по осклизлому камню, затем но сухой утоптанной земле в деревянную школу без крыши. Там она и жила, в школе, в комнате с большим окном, она хотела мне что-то дать.

Под окном в пруду, заросшем ряской, угадывались силуэты ржавых механизмов, гусеницы, ковши, стрелы и зубчатые колеса. Помню ли я синеву, и голубизну, и золото непередаваемого того дня или утра? Присутствие, дыхание, сырую тоскливую свежесть? У нее в комнате книжные полки были бы до потолка, если бы там был потолок, — книги в великом и пестром множестве. Она нашла нужную, большую тетрадь в картонном переплете, протянула мне с улыбкой, но тут нас спугнул школьный звонок. Ученики вылетели из классных залов, будто визгливые нетопыри, на ультразвуке, брея кромками крыльев. Воздух вскрылся, извернулся, и готово, я больше никогда ее не видела.

Конечно, я все это помню. Я лежала потом осторожно, как стеклянная чаша, всклянь полная душистым летучим эфиром, и от восторга дышать было невмоготу. Вот что я об этом думала: Жизнь — это Книга Блаженств. Одни читают

ее глубоко и вдумчиво, другие быстро и жадно, третьи по диагонали, а кто-то вовсе грамоты не знает. Нам неведомо, кто ее пишет для нас, кто предназначает ее нам, безликим, спящим в коконе небытия, кто готовит нам волшебный, уму непостижимый дар.

И вот, соблазнившись тайной властью, я задумала поведать о Матильде. Темно, и путано, и прекрасно.

Да, утром, проснувшись, я уже была близко знакома с Матильдой. Вся ее жизнь была у меня как на ладони, и мне нужно было только материализовать ее. Нужно было придать Матильде какие-то узнаваемые черты, вытащить из небытия ее родителей и возлюбленных, вылепить ее историю из хлебного мякиша моего подсознания, сделать зримой и осязаемой. Все эти славные черточки, все эти тонкие шрамики от острых карибских ракушек — ведь детские ранки так быстро заживают в соленой воде. Эти белые от солнца русалочьи космы, которые потом — я знаю — она закрасит стойкой краской цвета «сияющий каштан», чтобы наконец перестать быть блондинкой.

Я была беременна повествованием о Матильде и, как любая женщина, только что узнавшая о

своей беременности, выдумывала своему ребенку будущее, несмотря на то, что пока он поместился бы и в чайной ложке.

Вижу, как Матильда стоит у зеркала в сияющей ванной комнате отеля и держит в узких, чуть костлявых пальцах стакан с жидкостью цвета мореного дуба. Это ром, черный ром с колой, без льда. Она смотрит на свое отражение в зеркале и думает, что вот эта морщинка между бровями, припухшие скулы, слабнущие веки — теперь так будет всегда, и даже неделя воздержания от алкоголя ничего не изменит. В каком-то смысле ром, уносящий Матильду на Кубу, — это и есть ее остров, ее прибежище. Там, на Кубе, она не выпила ни глотка, была слитком мала.

Матильда любит серебро, но не черненое и не филигрань. Серебро должно быть светлым и массивным: большое кольцо странной текучей формы и цепи с подвесками на обоих запястьях. Она не знает, как некоторых людей раздражает звук, с которым цепи то и дело ударяются о стол, когда она сидит в кафе. Не знает, что людям приходят смутные мысли об оковах, о том, что Матильда носит свои серебряные кандалы в наказание за что-то, известное ей одной. Может, она хотела бы связать себе руки из предосторож-

ности, чтобы чего-то не допустить. Может, она хотела бы, чтобы ее руки оставались безвольно опущенными под тяжестью цепей — в знак смирения, которого ей всегда недоставало.

Я сижу в гостях у доктора Агнии. Доктор Агния — потомственный практикующий психиатр. В комнате Агнии мне всегда немного не по себе; это потому, что дом выстроен наспех, плоскости пола и потолка не параллельны. Здесь меня преследует ощущение искаженной перспективы, будто я нахожусь внутри картины, косо висящей на стене. Комната заставлена советской мебелью грубой работы; тут и там разложены и развешаны сувениры: лакированные морские звезды, раковины, поделки из кокосовой скорлупы. На самом деле, конечно, я здесь не для того, чтобы говорить о Кубе, этот разговор я хотела отложить, выбрать день и прийти во всеоружии, со специально купленным новеньким цифровым диктофоном, с записанными в блокнот вопросами. Но мысль о Матильде щекочет меня изнутри.

Агния — полнеющая блондинка невысокого роста, кареглазая, с маленькими белыми пальчиками и вздернутой, чуть вздутой верхней губой. Со всеми малознакомыми людьми она разговаривает так, словно это ее потенциальные

пациенты. Может, за время работы в клинике она научилась распознавать в каждом огонек персонального безумия, а может, это просто привычка. Мне больше нравится первый вариант. Норма меня пугает, хотя бы тем, что ее границы слишком расплывчаты. Но в беседе со мной Агния ничем не выдает этой тихой и участливой озабоченности, на которую я, может, и хотела бы рассчитывать. Иногда я, рассказывая о себе, даже спрашиваю ее: это нормально?.. И она неизменно делает вид, что пропустила вопрос мимо ушей, или отмахивается: ну конечно, уверяю тебя. Тогда мне кажется, что она намеренно скрывает от меня мою ненормальность, какой-нибудь неопасный диагноз. Не то чтобы я желала, чтобы она заметила и признала во мне отклонение от нормы. Просто, сплетничая с Агнией о ком-нибудь из общих знакомых, я частенько слышу, что одна из них *гипоманиакальна,* другой — *резонер,* у третьего — *конкретное мышление,* и мне, наверное, хотелось бы тоже быть снабженной каким-нибудь ярлычком, занять место на одной из ее полочек. Это бы меня успокоило и парадоксальным образом приблизило к норме.

Впрочем, нет, припоминаю, за годы нашей дружбы мне удалось вытянуть из нее парочку

определений, которые я теперь ношу с гордостью, никому не раскрывая, как ордена под пальто. Это *височница* и *органик*. Первым она наградила меня за мои сновидения, часто пересказываемые мною ей во всех красках, пояснив, что они свидетельствуют о «преобладании височной доли». Что значит второе слово, я так и не разобралась; подозреваю, что это как-то связано с моими сотрясениями и последующим заболеванием с каким-то сложносочиненным названием.

Так что следует признать: я недовольна своим местом на полочке Агнии, недовольна своим ярлычком и своей близостью к норме.

Мы не виделись много месяцев, с тех пор как Агния приезжала навестить меня в Москве. Когда-то я завидовала ее отпуску в пятьдесят два календарных дня, а теперь она завидует тому количеству досуга, которое я приобрела, наконец, отказавшись от блистательной карьеры личного секретаря в пользу нового сомнительного занятия. На мой вопрос, за что психиатрам полагается такой отпуск, Агния пожала плечами: «Ну, мы же с препаратами работаем… Испарения всякие». Тогда мне стало окончательно ясно, что нормальность самой Агнии тоже весьма условна. Тем более что та составляющая ее — и моей — жизни,

которую она называла *бытовым пьянством,* со временем стала здорово смахивать на хронический алкоголизм.

Агния, как ребенок, принятый в новую игру, непременно хочет знать все условия. Мне трудно объяснить ей, почему я решила, что детство Матильды прошло в Сьенфуэгосе, ведь я сама никогда там не бывала, и Агния не сможет мне о нем рассказать: она с семьей жила в Гаване. Да, наверное, это оттого, что я *височница,* оттого, что Матильда явилась мне в одном из ромовых снов, в том, которого я не запомнила. Наверное, это оттого, что колодец, из которого люди черпают сны, всегда один и тот же и улов зависит не только от случая, но и от сновидца. И вот я зависаю над этой мыслью: я и Матильда случайно зачерпнули один и тот же сон, соединивший нас, как любовное зелье Тристана и Изольду, и теперь, где-то в своем измерении, она, возможно, одержима моей историей. Возможно, сейчас она сидит в отеле и задумчиво чертит на обороте рекламной листовки мой профиль. И на календаре в ее мобильном — какая-то дата, отличная от даты моей и доктора Агнии. Так мне проще представить себе другое измерение.

Впрочем, нет Мати не может находиться далеко

в прошлом или далеко в будущем, иначе связь наша истончается и рвется. Она где-то рядом, буквально в нескольких днях, но именно эти несколько дней делают нас недосягаемыми друг для друга. Мысль о времени морочит меня. С одной стороны, непересекающиеся миры могли бы отстоять друг от друга всего лишь на секунду. Но допустить эту возможность — значит признать, что даже Москва и Новосибирск лежат в разных мирах, учитывая часовые пояса. И лучше не думать об этом совсем, лучше сойтись с собой на том, что Матильда — просто плод моего воображения. Пока и если я не получу доказательства обратного.

«Сьенфуэгос — это дыра», — презрительно говорит доктор Агния.

— Мам, какой сегодня день?

— Среда.

— А почему отец не идет на работу?

— Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не называла папу отцом.

— Хорошо. Почему Павлик не на работе?

— Матюша, он тебе не Павлик. Папа остался дома, потому что ему дали отгулы.

— А что значит отгулы?

— Это значит, что кто-то очень усердно работал

и заработал лишние выходные.

— И мы поедем в Гавану навестить тетю Лену Луговую?

— Если я сумею уговорить Павлика.

— Я, я сумею!

Матильда бежит в комнату отца и с размаху толкает дверь плечом, но дверь не поддается. Она заперта изнутри. Матильда прикладывает ухо к замочной скважине. Из комнаты доносится перемежающаяся шипением испанская речь. Радио.

Павлик не выходит к обеду. Мати слоняется без дела. Она катает но коридору алюминиевый обруч хула-хуп, при помощи которого мама безуспешно сражается с излишками фигуры. Жужжание, с каким обруч проезжает мимо отцовской каморки, давно раздражает ее саму. Мати надеется, что Павлик, потеряв терпение, откроет дверь, чтобы сделать ей замечание, и тогда она сможет заглянуть внутрь.

В комнате отца совершенно особенный запах. Мама говорит, что оттуда пахнет дохлятиной; она даже велела обить дверь по периметру поролоном, чтоб закрывалась плотнее. Этот запах не выветривается, несмотря на то что окна в доме не застеклены, а лишь снабжены прорезными деревянными ставнями, белая краска на

которых давно пошла пузырями и облупилась. Он исходит от обработанных шкур-«чулков», от готовых чучел, от банок с химикатами, от миски с мыльной стружкой, от тюбиков с красками, от огромной пепельницы, от кипы старых газет в углу и пустых бутылок из-под пива и рома. Наверное, его сложно назвать приятным, но это запах Павлика.

Матильда ставит обруч к стене и снова прислушивается. Из радиоприемника тихо звучит румба. Звякают инструменты отца. Журчит вода в раковине.

— Брысь отсюда.

Мама идет по коридору с тарелкой в руках. На тарелке красная фасоль и сосиски. Мама громко стучит в дверь отцовской комнаты. Отец открывает не сразу. Он всклокочен, на нем несвежая белая майка и джинсы, его глаза покраснели.

— Павлик, у тебя глаза как помидоры. Ты вообще спать собираешься?

Мать протягивает отцу тарелку с едой и вдруг делает громкий вдох ртом, словно упала в ледяную воду. Матильда тянет шею, чтобы увидеть то, что увидела мать, но отец, взяв тарелку, захлопывает дверь. Матильде кажется, у Павлика на столе лежало что-то вроде распластанного

попугая, но она не уверена. Мама колотит в стену обеими руками.

— Паша, ты чертов извращенец, ты больной, тебе лечиться надо, слышишь меня?! Я тебя выкину из дома вместе со всей твоей дохлятиной! Ты тут не один, слышишь, Паша, у нас ребенок, если ты вдруг забыл!

Дверь резко распахивается, и мать тут же умолкает. Павлик смотрит на нее сверху вниз, долговязый, сутулый, широкоплечий. Он разгневанно молчит несколько секунд, таких долгих, что у Матильды от страха начинает урчать в животе. Потом Павлик достает пару смятых купюр из заднего кармана джинсов, засовывает их матери за вырез платья и говорит ровным, чуть хриплым голосом:

— Нина, сходите с Матюшей на рынок. Купите себе что-нибудь и оставьте, наконец, меня в покое.

Павлик переходит с мамой на «вы» только в самых отчаянных случаях. Как правило, после этого мама уходит в ванную плакать. Иногда они с отцом не разговаривают по нескольку дней. Но на этот раз обходится без слез. Зло крутанувшись на пятках, мать идет переодеваться в городское платье, бросив по дороге:

— Ступай косы заплети!

Обычно Матильда не отказывалась от похода на рынок. Ей нравилось глазеть на яркие развалы диковинных плодов, которых в Москве она никогда не встречала. Нравились веселые широкозадые карибские торговки, так и норовившие ухватить ее за косичку, добела выгоревшую на солнце. Торговки дарили ей фрукты, отсыпали орехи, беспрестанно тараторили и смешно коверкали русские слова. Но на этот раз Матильда с неохотой плелась позади матери: ее жгло любопытство. Она готова была продолжать свою бесполезную вахту у дверей комнаты Павлика до тех пор, пока он не потеряет бдительность. В конце концов ему ведь понадобится выйти в туалет, и тогда Мати удастся заглянуть в его святилище и даже, может быть, спрятаться там на какое-то время.

Пару недель тому назад отец вернулся домой поздно; Матильда заканчивала делать уроки. На обеденном столе перед ней лежали тетради и початая пачка печенья. Павлик попытался незаметно проскользнуть мимо кухни в свою комнату, но споткнулся о полочку для обуви.

— Явился, не запылился. Можно было хотя бы позвонить? — Мать говорила обманчиво равно-

душным тоном.

Павлик остановился и молча смотрел на жену; его заметно покачивало. В руках у него был большой пластиковый пакет.

— Где набрался-то уже?.. Что у тебя там? Бутылка?

Мать попыталась выдернуть пакет из рук отца, но он отпрянул. Мать изловчилась и вцепилась в ношу. Павлик дернул на себя, ручки порвались, и пакет глухо шмякнулся на пол. Предчувствуя недоброе, Матильда уткнулась в учебник математики, но почти сразу обернулась на мамин визг. Мама сидела в прихожей на корточках, подвывая и встряхивая руками. Потом, заметив испуганный взгляд Матильды, резко поднялась и скомандовала:

— А ну марш в детскую. Уроки забирай, печенье оставь, нечего крошить.

Мати повиновалась. Но к учебнику не вернулась, а спряталась за дверным косяком и стала слушать. Мама кричала на Павлика — тихо, словно в телевизоре убавили звук:

— Я глазам своим не верю! Это кто, черт возьми, там?! Ой, уйди от меня! Это же мангуст, Паша, это же чертов мангуст! Это же его жопа полосатая из пакета торчит? Тебе ничего про мангустов не

говорили, когда ты сюда ехал, нет? Ты не знаешь, что они заразные? Ты бешенством давно не болел?

— Тише ты, ребенка разбудишь.

— Ребенок не спит, ребенок уроки делает. И ребенок жить хочет, между прочим, а не сдохнуть от бешенства, потому что его пьяный папаша приволок домой сраного дохлого мангуста!.. Ты мне скажи, Павлик, ты его сам поймал? Ты сам его убил, да? Или ты мертвого подобрал? Или тебе его подарили?.. Возьми его, быстро! И неси его вон!

Через паузу Матильда уловила какую-то возню, шуршание пакета и сопение матери. Потом мать слабо вскрикнула, и послышались нетвердые шаги Павлика. Хлопнула дверь комнаты, которую отец отвоевал под мастерскую и которая раньше была супружеской спальней. Матильда осторожно выглянула в коридор. Мать стояла в нерешительности, скрестив руки на груди. Пакета не было.

Прошло три дня, прежде чем Нина заметила полоску лейкопластыря на руке мужа. Все эти три дня они не разговаривали. Приходя с работы, он наспех ужинал и запирался в мастерской. Нина копила злость и обиду; ей казалось, она как плод растения бешеный огурец, вызревает,

пока не лопнет от малейшего прикосновения, чтобы забрызгать все вокруг горькой жидкостью. И от этого сравнения ей становилось жарко: Павлик все чаще оставался спать в своей формалиновой конуре, куда он перетащил старую Матильдину тахту. Он пренебрегал обществом жены, уделяя куда больше внимания своим ненаглядным чучелам: квасил и дубил шкуры, распиливал манекены, смешивал краски и варил растворы для протравки. В его холодильнике вечно лежали замороженные птицы, целиком и кусками; при мысли об этом Нину почему-то мутило. Она даже перестала покупать и готовить цыплят, до которых прежде была охоча и которых пекла в духовке, натянув на банку из-под майонеза. В жарком и влажном кубинском климате на Павликиной кухне, как ей мерещилось, постоянно что-то норовило скиснуть, забродить, заплесневеть или начать разлагаться, и эта антисанитария повергала Нину в ужас. Павлик божился, что делает всё аккуратно, соблюдает асептику и технику безопасности, что химикаты надежны, а сырье чуть ли не стерильно, и в конце концов Нина махнула на всё рукой, позволив ему развлекаться, как он хочет. Но проклятый мангуст вывел ее из себя.

И вот теперь Павлик сидел перед ней за завтраком, небритый, невыспавшийся, и на кисти его левой руки красовался кусок пластыря с зачерневшими краями. Нина первой нарушила молчание, обоюдотупое, как кухонный нож, которым она пыталась покромсать сыр.

— Что с рукой?

— Ничего страшного. Царапина.

— Ты порезался? Чем?

— Какая разница?

— Ты порезался, когда расчленял этого долбаного мангуста, да?

— Я его не расчленял. Я снимал шкуру. Обычная препараторская работа.

— Всё, можешь мне больше ничего не говорить.

Нина отложила нож. Лицо Павлика было безмятежным, как ромашка.

— Сушил бы ты черепашек, Паша. Морских звездочек бы сушил, лаком покрывал, ракушечки собирал. Как все. Ну змейки там, ладно, — помнишь, какой ты мне поясок сделал из змеиной кожи?

Павлик не отвечал. Он давно стал скупым на слова и на ласку, и сам не знал, откуда в нем взялась эта бесконтрольная скупость.

С тех пор как окончились бои за спальню и Нина капитулировала, у его жизни словно появилось второе дно. На поверхности всё было как у людей: семья, работа, друзья, но невидимые свинцовые грузила неизменно уводили его в им одним обитаемую глубину, к чучелам и рому, туда, куда не проникали лучи вездесущего карибского солнца. И это мучительное раздвоение Павлик воспринимал как плод некой ошибки, совершенной давным-давно. Все самые главные развилки попадаются нам на пути в том возрасте, когда большинство из нас неспособно сделать правильный выбор, думал Павлик. Сделать таксидермию делом своей жизни, не идти на поводу у условностей и обстоятельств — вот это был бы поступок, достойный настоящего мужчины. Сиди он сейчас в Москве или Ленинграде за оформлением чужих охотничьих трофеев, при каком-нибудь музее или институте, бобылем, без жены и дочери, он не был бы более одинок и менее счастлив, это уж точно. А вот Нине не пришлось бы страдать от его холодности. Впрочем, она знала, на что шла.

Но нет, Нина не знала. Конечно, ей было известно об увлечении Павлика с самого начала, но, выходя замуж, она не предполагала, что де-

ло может принять такой крутой оборот. У нее в голове словно существовали две схемы: одна — с идеальным уложением ее будущей жизни, а вторая — с реальным положением вещей. Нина совмещала их, накладывая одну на другую, и мысленно прикидывала, что можно будет подредактировать, вырезать, стереть и прибавить. Плюс ребенок, минус чучела, плюс автомобиль, минус родительская опека — Нина считала, что при достаточном упорстве и трудолюбии картинки рано или поздно совпадут. Она собиралась со временем переделать Павлика, адаптировать его для себя; точнее, ей казалось возможным внести необратимые изменения в его жизнь одним своим присутствием.

Агния рассказывает мне про Кубу — не в первый раз. Она и раньше частенько сама заводила эти разговоры — как Правило, когда мы с ней уже были не первой трезвости, во время наших дальних ночных прогулок. Порою на летнем рассвете, после пары литров дешевого вина мы ловили такси и беспечно советовали водителю везти нас на берег, а то и на кладбище, если была такая блажь, заранее предупредив, что денег нет. По дороге Агния говорила о Кубе, с жаром, и жар этот был тем сильнее, что никакого внят-

ного рассказа у нее не получалось. Она хотела бы несколькими сочными мазками нарисовать передо мной кубинскую панораму, разверзнуть портал в восемьдесят пятый год, чтобы я хоть одним глазком! — но тщетно. То есть, конечно, я как-то представляла себе Гавану, Малекон, репарто Флорес, где жили советские специалисты. Представляла утреннюю дорогу в школу на автобусе-«кукараче» и саму школу — просторное монастырское строение колониальной архитектуры с двумя внутренними двориками, фонтаном и решетками на стрельчатых окнах. Но все это как-то не проникало так глубоко и точно в мое сердце, как хотела Агния. Ее рассказ был для меня ворохом цветной бумаги, накрученной на крошечную коробочку, в которую позабыли положить драгоценный подарок. Закатав джинсы, мы входили по колено в ледяную обскую воду. Агнеся грезила гаванскими восходами, а я никак не могла их с нею разделить. Однажды мы поедем в Гавану, говорила она, там на Пятой авениде мы с одной моей подруженцией закопали нашу школьную переписку — я точно помню где. Надо ее выкопать, говорила. Я брала ее круглое лицо в ладони и целовала, любила ее покорность.

Не знаю, где проходил этот невидимый водо-

раздел нашей любви и приязни. Мы так много и жадно разговаривали с нею о каких-то очень понятных обеим вещах — казалось, самый опыт смешивался в нас. Но вдруг Агния начинала хмуриться, например, когда я увлеченно пересказывала ей сюжет какого-нибудь романа. Ей мнилось, даже содержание прочитанных мною книг отдаляет меня от нее, и для того, чтобы в будущем понимать все, что я говорю, ей нужно это расстояние сократить. И покупались книги. Нет, мы не искали тождества, мы лишь смутно тяготились невозможностью его существования.

Вечные кубинские каникулы, яркое пахучее море, лимонад за двадцать сентаво, perro caliente[2] и ворованный лед для коктейлей — это только твое, Агнеся, как бы ты ни хотела поделиться всем со мной. Давай же, помаши мне рукой из окна отеля, где вы с подругой, одни, без родителей, встречали Новый год, дивясь чудным итальянцам, выбрасывающим стулья с балкона. Помаши, а я помашу в ответ, как машет мать кружащемуся на карусели ребенку.

Я не прерываю Агнию. Впрочем, было ясно с самого начала, что та Куба, о которой она говорит,

---

[2] notes: 2
Сосиска в тесте, хот-дог *(исп.)*.

не имеет ничего общего с островом, на котором росла Матильда. Я могу собрать кучу информации, в деталях изучить тогдашний уклад жизни советских семей — мне это не поможет. Я там, откуда я пишу, в моей собственной временной тюрьме, и моя битва за достоверность уже проиграна. Мне уже известно, что при том режиме советским специалистам было «не рекомендовано» передвигаться по городу в одиночку, а поездка в другой конец острова могла состояться только в составе группы. Что автомобили были служебными. Что никакой русский чучельник не мог бы заниматься на Кубе своим ремеслом. И если я хотела быть достоверной, мне следовало писáть не так и не о тех.

Разыскивая материал, я много общалась с теми, чье детство прошло на Кубе. Мне казалось, должны быть в тексте какие-то маячки, расставленные там и тут, обозначающие место и время действия, флажки достоверности, вроде марок товаров, названий растений и блюд. Я собиралась предъявлять эти крошечные детали в доказательство того, как ответственно я отнеслась к своей работе. Некоторые из моих собеседников скептически сравнивали мое намерение с намерением человека, никогда не подходившего

к кухонной плите, написать поваренную книгу Бессмысленно и пытаться, говорили они, если вас не было на острове в восемьдесят пятом году. А я смотрела на них и видела людей, в жизни которых с тех пор так и не произошло ничего интересного. Им осталось лишь смаковать собственные воспоминания о годах, когда их имена что-то значили, когда у их отцов были негры в подчинении, были роскошные бежевые «Волги» и касы с бассейнами. Белая кость, голубая кровь, высшая каста, жрецы коммунизма — вот кто они были двадцать лет назад. Они желали, чтобы я в подробностях воскрешала их быт, не отступая ни на шаг от этих долбаных маячков достоверности, подчинив им все повествование.

А как Флобер писал «Саламбо» — он что, был там, в Карфагене?! Как Пушкин писал «Полтаву»?! Если у Вирджинии Вулф в «Орландо» русская княжна Маруся Наташа Лиана Дагмар-Станиловска гложет сальные свечки, роман от этого хуже становится? Есть зрители, что с ненавистной въедливостью пересматривают по многу раз «Семнадцать мгновений весны», чтобы перечислить сценарные и режиссерские огрехи, не понимая, что если автор не позаботился о достоверности, то лишь потому, что писал не

про то, про что они читают. Привередлив тот, кто мелочен. Как бы там ни было, Матильда и ее родители, Павел и Нина Палс, будут жить на Кубе в восемьдесят пятом году, они уже поселены туда мной — окончательно и неизменно.

Несмотря на свои отгулы, ехать к Луговым Павлик отказался. Нет, он совсем не против был повидаться с друзьями, просто что-то держало его дома. Что-то, о чем он не хотел рассказывать ни жене, ни дочери. Ну, может быть, пока не хотел. В конце концов, не любовница, да и ладно, рассудила Нина. В этом смысле она на его счет не волновалась. Пока Павлику было чем заняться в его мастерской, все женщины Сьенфуэгоса могли спать спокойно.

Было решено, что Матильда и Нина отправятся в Гавану одни, на междугородном автобусе. Строго говоря, необходимости в этом не было, зато была обоюдная выгода: Павлик мог наконец вдохнуть полной грудью без контроля со стороны Нины, а Нина могла сколько ей вздумается ходить по столичным магазинам и болтать с подругой, перемывая кости всем общим знакомым.

Леонид Луговой был журналистом из АПН[3] и

[3] notes: 3
Агентство печати «Новости».

старым Павликиным заказчиком. В бытность в Москве он много и страстно охотился, а Павлик неизменно заботился о его трофеях. Получив назначение на Кубу, где тогда служил Луговой, Павлик разыскал его в Гаване, чтобы не терять прежних связей. Охотиться на Кубе Луговому было особо не на кого; здесь он слыл светским персонажем и от скуки приволакивался за юбками, чтобы хоть как-то поддерживать охотничий тонус.

Самым примечательным в Луговом была его жена Елена. Миниатюрная и резвая, с экзотической внешностью и тонким вкусом, она напоминала колибри. Тетю Лену Матильда обожала за то, что та была неизменно ласкова, остра на язык и смешлива, а уж когда она смеялась, не рассмеяться вместе с ней было просто невозможно. Тетя Лена обладала звонким и чистым голосом и все время напевала или насвистывала, своих и чужих детей тискала без разбору и кормила сластями, а когда курила свои тонкие и ароматные сигаретки, делала до того мечтательное лицо, что у Матильды руки сами тянулись к сигаретам.

Сложно сказать, что общего было у Нины и Елены. Скорее всего, Луговая просто не привыкла отказывать в своем обществе тем, кто его искал,

а Нину дружба с женой работника АПН, хоть Леонид и был в агентстве мелкой сошкой, возвышала в собственных глазах.

Луговые жили в апартаментах отеля Фокса, занимая сразу два смежных номера. В тот вечер после ужина Луговые и их гостьи долго сидели в лобби отеля. Мати пробовала завести беседу со старшей дочерью Луговых, Сашей, но восьмиклассница Саша откровенно скучала. Она постреливала глазами по сторонам: молодые люди интересовали ее гораздо больше, чем малявка Палс. Потом за Сашей зашла ее подруга Агния, и девушки ушли гулять. Внимание Матильды переключилось на взрослых. Женщины тянули коктейли; подогретый коньяком Луговой, подрагивая щегольскими Усами, рассказывал о своем первом опыте подводной охоты.

— Вот это я называю настоящим драйвом, Ниночка!

Мать как-то странно взглянула на Лугового, словно только что пропустила мимо ушей весь его рассказ. Тетя Лена похохатывала, не снимая руки с колена мужа.

— Вам известно понятие «драйв»? — Луговой подался вперед.

Нина покачала головой.

— Музыку любите?.. Вот исполнение бывает драйвовое или недрайвовое. Любой человек, даже не меломан, сразу отличит одно от другого. Но в чем заключается драйв, понимают немногие. Могу объяснить.

Тетя Лена со вздохом закатила глаза:

— Лёнь, не тирань Нину. Думаешь, ей интересно?

— Подожди, — отмахнулся Луговой. Нина же и вовсе не повела ухом. Леонид продолжал: — Музыка — она же состоит из времени.

— А я думала, из звуков, — робко возразила Нина.

— Да, но эти звуки имеют протяженность. Музыка существует, пока звучит. Так вот, если ты чувствуешь, как это время проходит сквозь тебя, значит, драйв есть. И наоборот.

Тетя Лена зевнула и закурила. Нина нахально посмотрела на Лугового поверх коктейля. Первый раз в компании тети Лены Матильда чувствовала себя не в своей тарелке, но в чем было дело, она не понимала. Ей не нравилось, как черные усы Лугового шевелятся вместе с его верхней губой. Не нравилось, как он смотрит на мать. Особенно не нравилось, как мать смотрит на него. А еще не нравилось, что в этой неловкой сцене опреде-

ленно был драйв, потому что паузы в разговоре взрослых — промежутки времени разной протяженности, заполненные многозначительной тишиной, — ощутимо проходили сквозь нее, прерываемые ритмичным и бесцельным щелканьем тети-Лениной зажигалки.

К вечеру небо поросло тучами. Поднялся ветер, и кроны деревьев, казалось, не шелестели, а громыхали, как кровельное железо. Мати вышла из ванной в футболке и трусиках, с полотенцем на плечах. В коридоре стоял Павлик. Он приложил палец к губам, взял ее за руку и потянул в свою комнату.

В комнате горел торшер. Павлик осторожно прикрыл за собой дверь и кивком указал на рабочий стол. На столе, покрытом газетой, стояло на подставке чучело непонятного существа. Матильда замерла. У существа были тело мангуста и змеиный хвост, а из лопаток росли птичьи крылья — ярко-синие, распахнутые. Чудовище заняло боевую стойку, его пасть была оскалена, желтые глаза пылали, хвост изгибался прихотливой волной. Оно спустилось с неба, чтобы сражаться — с кем? За кого? Матильда почувствовала, как из живота поднимается холод и рассыпается по коже игольчатым зерном. Это был

не ужас, это был странный леденящий трепет. Она подошла ближе. На маленькой виверровой мордочке существа читались ярость и отвага; мех был вздыблен, грозные лазоревые крылья возносились, как знамена.

— Кто это? — почти шепотом спросила Матильда.

— Serpapagosta, — сурово и торжественно ответил Павлик, — ты можешь его потрогать.

Трогать чудовище Матильде не хотелось, несмотря на всю его притягательность. От него еще пахло химикатами, слабо, но ощутимо. Мати попятилась и забралась с ногами на тахту. Она сидела, переводя взгляд с отца на чучело и обратно; отец достал из-под стола бутылку с надписью HAVANA CLUB и плеснул себе в стакан.

Это сейчас Матильда понимает, что заворожившее ее имя Serpapagosta складывалось из испанских serpiente, papagayo и mangosta. А в тот вечер детское восприятие вычленило из него английское «сэр»: уважительное обращение так шло к Мистеру Папагосте.

— На свете есть много удивительных существ, Матюша, которых мы никогда не увидим. Есть желтоперый царёк-василиск — у него хвост змеи и петушиное тело на четырех лапах. Есть грифон

— спереди он орел, а сзади лев. Есть мантикора с львиным телом, человечьим лицом и жалом скорпиона. Они живут там, куда нам с тобой входа нет. Но я мог бы сделать их для тебя, понимаешь?.. Я бы мог.

Павлик раскачивался в кресле-качалке. Его стакан опять был пуст.

— А почему?.. Почему мы не можем попасть туда, где живет чудесное зверье?

— Потому что мы в тюрьме, дочка. Время — наша тюрьма.

На глаза Павлика навернулись пьяные слезы. В моменты алкогольного озарения он особенно ясно видел временны́е границы, в которые он заточен. Вот здесь — рождение, там — смерть, а все, что между, — это путь от стены до стены, и когда ты узнаешь, сколько шагов в длину твоя тюремная камера, тебя не станет.

Он мог бы заняться фотографией, или живописью, или бальзамированием трупов — суть одна: получить иллюзию пусть крохотной, но все же власти над временем. Останавливать, замораживать течение жизни. Да, женщина, которую ты сфотографировал, состарится и умрет; дом, запечатленный тобой на городской акварели, разрушится, и на его месте выстроят новый; че-

ловеческие останки рано или поздно обратятся в прах. Но снимок, и картина, и мумия попадают в будущее, в котором уже нет оригинала. И рыжая лисица, язык пушистого пламени, все длит и длит свою последнюю охоту, пока ее душа одолевает вплавь безбрежный лисий Стикс.

Путешественники былых времен не приврали ни на йоту, описывая чудищ, которых в нашем мире нет. Наш мир настоящее, и еще чуть-чуть до и чуть-чуть после. Нам никогда не повстречать Левиафана, потому что никому не под силу оказаться в соседней камере чужого времени, откуда нам отправили весть о Левиафане.

За окном лил дождь, с подоконников текло. Павлик плакал. Мати сидела у него на коленях, обняв за шею. Сэр Папагоста, презревший границы времени, сражался с невидимым врагом за их свободу, и они были близки, как никогда. Все трое.

Мама Нина, лежа в постели, мастурбировала, держа в свободной руке книгу — на случай, если в комнату заглянет Матильда.

Наутро было воскресенье. Небо расчистилось, и в манговой роще кричали птицы. Проснувшись, Матильда первым делом направилась в мастерскую. Отец был ровно на том месте, где она его

оставила накануне: лежал на тахте, накрытый цветным пододеяльником. Выглядел он неважно. Мати налила в стакан воды из бутылки. Павлик выпил и закашлялся. Мати прижалась губами к его лбу.

— Павлик, у тебя жар. Ты болен?

— Ерунда, детка. Это просто похмелье. А впрочем, ты права, я болен. Только матери не говори, хорошо?

— Ты пойдешь к доктору?

— Сегодня воскресенье. Я полежу, а если не пройдет, завтра же отправлюсь к доктору.

— А что сказать маме?

— Скажи, что я занят. Покрываю лаком сушеную морскую звезду.

Матильда медлила у двери.

— Пап… Вы с мамой больше совсем не хотите быть друзьями?

— Ну что ты, детка. Хотим. Просто мама никак не может решить, что для нее важнее: чтобы я был ее другом или чтобы я перестал возиться с чучелами. И я жду, когда она определится.

— Но ты-то уже решил, что лучше возиться с чучелами, чем быть ее другом. Беда с вами. Ладно, поправляйся. Мистер Папагоста присмотрит за тобой.

Когда дверь за дочерью затворилась, Павлик закрыл глаза ладонью. Он был готов провалиться сквозь землю.

Матильда вышла во двор. Ее всегдашний дружбан Костя Храмцов сидел на скамейке, лениво остругивая палочку перочинным ножом. При виде Матильды он оживился.

— О, Матюха, привет! Пойдешь со мной за мороженым? Мне мама денег дала, только мне одному неохота.

— Нет, не пойду.

Матильда чинно присела рядом с Костей, сложив руки на коленях. Костя недоверчиво покосился на нее.

— Почему?

— У меня папа болеет.

— А что, мамы дома нет?

— Есть. Но мы решили ей не говорить, чтоб не волновалась.

— Понятно. Нам когда бабушка звонит, мы тоже ей не говорим, если кто-то болеет. У нее сердце слабое. У твоей мамы слабое сердце?

— Нет. Просто, когда она волнуется, то всегда на нас кричит.

— А чем твой папа болеет?

— Не знаю. У него температура.

— Это потому, что он мертвых зверьков трогал.

— Иди в жопу.

Матильда поднялась со скамейки и пошла к дому.

— Мотя, подожди! Ну хочешь, я один за мороженым схожу и тебе принесу? — кричал вслед Костя. Матильда не хотела.

Войдя в квартиру, она скинула шлепанцы и проскользнула мимо кухни, где мать мыла размороженный холодильник. Ей хотелось как-нибудь помочь Павлику, и для начала она решила раздобыть для него термометр. Аптечка лежала в тумбочке под маминым трюмо, и Матильда надеялась выкрасть ее незаметно. Но в тот момент, когда она, стараясь не греметь пузырьками, выносила аптечку из комнаты, на пороге возникла Нина.

— Ты же пошла во двор?

— Там никого не было из ребят, и я вернулась.

— А лекарства куда потащила?

— У меня кукла заболела, надо ее полечить. Я в больницу играю.

— Кукла? Ты сказала — кукла?

Нина выдернула аптечку из рук дочери. У Матильды, как у любой девчонки, были куклы, но играть с ними она не любила, предпочитая

носиться во дворе с соседскими детьми или рисовать.

— Ну-ка, стой. Тебя отец послал?

— Папа не посылал меня.

— Я сейчас разберусь, кто у нас тут в больницу играет.

Нина скорым шагом прошла по коридору и резко толкнула дверь в мастерскую. Павлик дремал, натянув пододеяльник до подбородка. Его встрепанные светлые волосы слиплись от пота. Нина почувствовала укол нежности и раскаяния, но это ее не остановило. Ей нравилось думать о себе как о волевой женщине.

— Павел, ты вставать не надумал?

— Нет, не надумал. — Павлик нехотя открыл глаза. Нина наклонилась и до-тронулась ладонью до его лба.

— Так, всё понятно. Я иду и вызываю тебе «скоряк».

— Это еще зачем?

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты мангустом порезался? Три недели? Отлично. Самый что ни на есть инкубационный период.

— Нина, уймись, это не бешенство. При бешенстве жара нет.

— Рассказывай мне! Да мне все равно, честно

говоря, что ты от него подхватил, бешенство или сифилис. Не будешь ты у меня тут заразный дома лежать. Думаешь, ты Евгений Базаров, да? Сдам тебя на хрен в госпиталь, а пока тебя будут там лечить, всю эту твою адскую лавочку с землей сровняю и негашеной известью засыплю.

Для наглядности Нина подошла к полке и сбросила на пол несколько банок. Одна из них разбилась, и в воздух поднялось алебастровое облачко. Павлик вскочил с тахты. Нина метнулась к столу, чтобы схватить ненавистное чучело. В этот момент ее гнев был сильнее, чем страх перед заразой. Но Павлик ее опередил, загородив чучело своей широкой костистой спиной.

— Нина, если ты тронешь этого зверя, я оторву твою голову и сделаю из нее экспонат. Медузу Горгону сделаю. Обошью змеями и прибью над тахтой.

Какое-то время Нина сверлила мужа глазами, но каменеть от ее взгляда он пока не собирался.

— Да и черт с тобой. — Нина вышла из мастерской; через несколько секунд хлопнула дверь ванной и зашумела вода. То, что Нина пошла плакать, еще не означало, что инцидент исчерпан, и Павлику было заранее себя жаль.

Обычно Мати засыпала раньше, чем голова

коснется подушки. Но в тот вечер сон долго не шел к ней. Она не могла отвлечься от мыслей о Павлике; ее будоражила эта внезапно открывшаяся близость, как если бы она вдруг обнаружила место, где подземный ручей его тайной, внутренней жизни выходит на поверхность. Матильда предвкушала свою грядущую вхожесть в эту жизнь, словно маленький паж, только что получивший место при дворе. Она воображала себя хранительницей тайного сада, населенного фантастическими существами — разве отец не сказал, что мог бы сделать их *для нее?* Это была не та вещь, которой хотелось бы хвастаться перед школьными приятелями, это было что-то эксклюзивное, что она могла разделить только с Павликом и, как знать, может, с матерью, если бы мать вдруг захотела принять участие в этой тайне.

Углубленная в фантазии, Матильда начала было подремывать, но вдруг темный квадрат окна озарился горячим и почему-то шумным светом. Почти сразу волна света отхлынула; Мати вылезла из постели, подошла к окну и выглянула во двор. Там пылал дымный костерок; рядом никого не было. Завороженная пламенем, Матильда стояла у окна, пока огонь не погас сам собой, и

только тогда решительно направилась в комнату матери.

Нина в халате сидела на диване. Ее безбровое лицо было вымазано сметаной. Лоб Нины обрамлял венчик опаленных волос. Видимо, она переборщила с бензином, и оттого взрыв получился слишком сильным. Когда на пороге возникла Матильда, Нина привычно буркнула:

— Чего бродишь? Тебе давно спать пора, — но тут же осеклась. Дочь смотрела на нее исподлобья, пристально и яростно, так, как один Павлик умел смотреть, и от этого взгляда Нина почувствовала, как под слоем сметаны на лбу проступает пот. Неистовая красота Матильды, недетская, нездешняя красота, на которую Нина давно перестала обращать внимание, вдруг явилась ей так ясно, словно самый воздух вокруг стал вдвое прозрачнее. Нина рефлекторно вся поджалась; острое ощущение собственного несовершенства, чувство вины, внезапное осознание своего убожества и неотвратимости поражения навалились на нее с такой силой, что она не могла пошевелиться. Матильда, плоть от плоти ее, стояла перед ней, как разгневанный маленький ангел, над которым у Нины не было ни малейшей власти.

— Нина, вы сожгли Сэра Папагосту.

— О чем ты, дочка, по какому погосту?.. Он был заразный, ты же сама видишь.

В этот момент огромное чучело бурого медведя, стоящего на задних лапах, склонилось над Ниной и бесшумно срезало ее голову двумя рядами крепких желтых зубов. Черные губы, испачканные сметаной, растянулись в ухмылке. Комната накренилась; по наклонному полу покатились клубки ежей. Лакированный краб взбирался по чьей-то ноге. С потолка посыпались почтовые открытки. Потом всё погасло.

Судорожные припадки у Матильды никогда больше не повторялись.

Милая, милая доктор Агния. Будь проклята эта «Река Найкеле». Когда я писала ее, нет, когда я питала ее, когда я входила в нее по колено, по бедро, по ребро, когда золотые уста мои отверзались, чтобы выплюнуть серебро, чтобы выкрошить прямо с зубами мою неуклюжую жизнь, я не знала, чем может кончиться весь этот душевный стриптиз. Хотя кому было знать, как не мне, столько раз повторявшей, что материей движут слова. Мне, столько раз убеждавшейся в этом воочию — да что там, не только слова, даже точки и многоточия. И какой же паршивый лукавец, какой изворотливый бес нашептал мне

закончить книгу, и как он в нее пролез? Это он, больше было некому, взял перо и, пока я сплю, на самой последней строчке после слова «люблю» поставил жирную точку.

А теперь по реке Найкеле, по холодной ее воде уплыла любовь моя, Агния, далеко, в никуда, в нигде. Это point of no return, мой невозвратный предел, и, наверное, наступило время серьезных дел.

(Здесь идет гитарное соло.)

Я должна написать настоящий роман, большой и связный, местами загадочный, но в целом понятный; для себя, для тебя, для всех, я не могу идти на попятный. Это было б не по-самурайски, это как обмануть ожидания, ты ведь знаешь, я не умею выдумывать себе оправдания. Да, я не чувствую смелости, только слабость и дрожь, я боюсь не поймать чего-то там, где кончается рожь и начинается пропасть, выронить все слова, но я буду пытаться, покуда буду жива. И прости мне античный пафос, моя дорогая док, мы же неисправимы, вспомни: наши парни играли рок.

Это песня, которую я не спою Агнии. Я всё никак не решусь ей сказать, что моя love story окончена. У меня есть на это причины. Мы сидим на ее продавленном диване, а между нами на подносе

— угощение, всё как мы любим. Коньяк «Черный аист» в китайских фарфоровых чашечках, мясная нарезка, лепешка с кунжутом и терпкий голубой сыр. Я говорю о Матильде, о Книге Блаженств, о ромовых снах.

— Кстати, как там Йоши? — спрашивает Агния.

Тогда Йоши забрал меня у подруги на Авиамоторной, я сама попросила его об этом: была пьяна в дым, и Игорь сказал мне по телефону, что не хочет меня видеть. Можно было остаться у подруги, но это было бы ей в тягость, и Йоши приехал за мной. Москва прощалась с первым президентом, гостиницы были переполнены. Мы ездили от отеля к отелю, нигде не находя места, как в старые добрые времена. В одном из них отыскался незанятый люкс, и я с готовностью вывалила на ресепшен все наличные деньги.

Я заказала в номер какую-то еду; Йоши отказался от ужина и надолго заперся в ванной. Когда он вернулся, я уже спала, неловко свернувшись на диване в гостиной. Он подхватил меня на руки и отнес в спальню.

Наверное, ради этого всё и затевалось. Я знала, что прошлое обязательно обнаружит себя в Йоши, выдаст себя — жестом ли, словом, — и

ждала этого. Чтобы именно так, легко и осторожно, стараясь не разбудить, он поднял меня, как поднимал сотни раз за те десять лет, что мы были вместе. Не для физической близости мы искали эту гостиницу, но для чего-то гораздо более интимного, бессловесного, нашего, чего-то, о чем тоскуешь наедине с новым любовником. Простыни были свежими, белыми и мягкими, как французская булка на сломе; поверх громоздились целые горы душистых подушек. Мы спихнули их на пол и зарылись друг в друга — я думала, до утра.

Проснувшись, я обнаружила, что Йоши уже нет рядом: к тому времени он уже выскользнул из постели и сидел в гостиной, тихонько играя на гитаре. Вспомнилось, что всякий раз, когда мне случалось ему звонить ночью или под утро, он говорил: «Ты же знаешь, я никогда не сплю».

Мы спустились к завтраку. Йоши был весел и голоден, я — слаба и похмельна. С какой-то печальной отстраненностью я наблюдала, как он накладывает для себя кушанья: вместо одной столовой тарелки он выбрал две пирожковые, и еда не умещалась на них. Считать ли изменой нашим новым возлюбленным то, что происходило между нами той ночью — и позже, в других

отелях?.. Не было секса, была циркуляция теплых токов, восполняющих некие страшные потери. Будто, разорвав любовную связь, вдруг ставшую мучительной, мы стали уязвимы, и проницаемы, и открыты для любого вреда и ущерба. В нас разверзлись огромные бреши — и тепло, кровь, самая жизнь покидали наши тела. Нам нужны были эти краткие воссоединения, по крайней мере до тех пор, пока мы не научились жить порознь. Не пленниками, нет, — пациентами отелей мы стали той весной.

Странное дело, но я повсюду нахожу себе войну. Извергая из себя текст, тот самый, который стал потом «Рекой», я не просто излагала историю нашей любви. Я вела отчаянную битву за красоту, утверждала ее власть в каждом мгновении своей жизни. Позволяя всему больному — болеть, всему жалкому — взывать к состраданию, всему возвышенному — парить на недосягаемой высоте, красота упорядочивала мой мир и усмиряла сердце. Мне казалось, вот теперь, когда составлена дивно подробная карта моего чувства к Йоши, я смогу держать по ней путь комфортно и плавно, и вечно, как собиралась.

Но пути больше не было. Мы расстались прежде, чем книга пошла в печать, и, не находя иных

причин, я списала любовное поражение на действие неких магических сил, запушенных моим текстом. Когда поставлена последняя точка в истории, рассказанной от первого лица, рассказчик исчезает вместе с реальностью самой истории. Даже если после этого он продолжает сидеть против вас, глядя вам в глаза, готовый ответить на ваши вопросы, подтвердить или опровергнуть ваши догадки. Это уже не тот человек, с которым все случилось: огонь потушен, схлынула вода и отгремели медные трубы, а вот он новенький, обтесанный, умудренный. Как знать, может, для Йоши я просто больше не была той же самой. Он перестал узнавать меня, взглянув на нашу любовь моими глазами.

Если спросить Матильду, какой день рождения запомнился ей больше всего, она не задумываясь ответит: двенадцатилетие. Впрочем, по порядку. Хотя в этой истории хронологическая последовательность только все осложняет.

Семья Матильды вернулась в Союз в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, проведя на Кубе три с половиной года. Матильде не было грустно уезжать. Скорее, ей было любопытно. Воспоминания о Москве, о старых друзьях со временем вытерлись, потускнели, и ей хотелось

их обновить. Она представляла, как возвратится в прежнюю школу, встретится с одноклассниками, — наверное, они выросли так, что их не узнать. Мати не думала о том, что, скорее всего, уже никогда не сможет вернуться на Кубу, потому что отец выполнил всю свою работу на строительстве атомной электростанции в Сьенфуэгосе, и двери в вечное карибское лето закроются за ними, как только их самолет покинет аэропорт Хосе Марти. Смутная догадка, мимолетное беспокойство посетили ее только тогда, когда во время пересадки в Шенноне одна из советских семей не явилась на борт. Это была семья ее приятеля Кости Храмцова. Был скандал, рейс задержали, но найти беглецов по горячим следам не удалось, и самолет улетел без них. Всю дорогу до Москвы пассажиры обсуждали происшествие: слыханное ли дело, измена Родине! За это по закону вроде полагался расстрел. Но Матильде казалось, что все эти взрослые люди не слишком уверены в своей правоте. Она почему-то была спокойна за Костю, его родителей и брата. Жить там, где хочется, — это нормально, думала она. Если они вдруг расхотели возвращаться в Москву, в чем же предательство? Люди часто переезжают из дома в дом, из города в город. Почему бы не Шеннон,

не Гавана?

Нина не принимала участия в обсуждении. Она, откинувшись, лежала в кресле и делала вид, будто спит, а на самом деле отчаянно боролась с душившими ее слезами. Это были слезы жгучей зависти. Она завидовала не тому, что Храмцовы, получив политическое убежище где-нибудь на Западе, обретут свободу и заживут райской жизнью в мире капитала. Нина завидовала Костиной матери, ее счастью быть женой настоящего мужчины, смелого до безрассудства, решительного, честного и отважного. Героя, о каком Нина могла только мечтать. И еще — той степени близости и доверия, которая существовала между супругами. Они ведь были как Бонни и Клайд, одни против всех, совершенно уверенные друг в друге. Вместе, ради счастья семьи, они могли предать Родину, но друг друга — никогда.

Павлик склонился над Ниной, чтобы спросить, как она себя чувствует. Нина дернула головой и уставилась в окно, в комковатую гущу облаков. В эту минуту она ненавидела Павлика — самой настоящей, беспримесной ненавистью. То было ее педагогическое фиаско. Впервые за тринадцать лет совместной жизни она поняла, что никогда не сумеет переделать мужа, уже не сумела. Ей

придется расстаться с ним — или принять таким, каков он есть, с пивом, с чучелами, с молчанием, с необъяснимыми приступами бешенства или — более редкими — нежности. Придется смириться раз и навсегда, принять в свою жизнь всё, Что он тащит с собой и от чего она так настойчиво хотела избавиться.

Но страшнее всего было продолжение этой мысли. По праву матери она могла требовать от Мати послушания, уважения, внимания — а Мати могла ей во всем этом отказать. По праву свободного человека. Нине невыносимо было думать, что в голове дочки варятся свои собственные мысли, что она вынашивает свои собственные планы, с самого начала, может даже с того дня, когда Нина произвела ее на свет, и эта внутренняя жизнь Матильды ей неподвластна.

Нина порывисто обняла Матильду; никогда прежде она не делала этого с такой страстью и с такой мукой. Малышка, сокровище, аленький мой цветочек, думала Нина, ты всегда будешь только моя, — бессильное, отчаянное упрямство. Однажды, придя домой, она застанет там чужую девушку, отзывающуюся на сладкое имя ее дочери, девушку с остро-синими Павликиными глазами, с его худобой, его картавым «р» — и

окончательно утратит еще одну иллюзию.

Пятый «Б» принял Матильду холодно. Не помогли ни кубинские ракушки, ни ирландские жвачки, щедро раздариваемые на переменах. Вместо непоседы Матюшки Палс со смешными белобрысыми косичками в класс вернулась длинноногая независимая девица, чьей снисходительности никто не хотел искать. Одноклассницы косо смотрели на ее сиреневое шерстяное платье, которое она носила вместо обычного форменного, а рассказы о Кубе слушали с недоверием. Успеваемостью Матильда не блистала: на острове детей не особо принуждали к учебе; тамошний климат больше располагал к морским прогулкам, шумным играм по вечерам и сонной лени в часы сиесты. Заискивать перед ребятами или учителями, добиваясь их расположения, она и не подумала. Самовольно уселась за последнюю парту и рисовала в кубинском блокноте все, что придет в голову, пока блокнот не отбирали.

Так кончились вторая четверть и скучные зимние каникулы. Мати одна ходила в кино по детскому абонементу, смотрела все подряд: «Приключения Рыжего Майкла», «Таро — сын дракона» и бог весть что еще. Тогда дети поголовно были увлечены перепиской с зарубежными

сверстниками из социалистических стран. Одноклассницам шли письма от незнакомых девчонок из Чехословакии, Югославии и ГДР, письма в пухлых конвертах с конфетными фантиками, открытками, переводными картинками и прочим импортным мусором. Матильде было жаль, что Костя Храмцов не слал ей писем, а переписываться с кем попало ей не хотелось.

Однажды Нину вызвала для беседы классная руководительница. Нина приготовилась к тому, что речь пойдет об отметках, которые становились все хуже. Но учительницу, как оказалось, больше беспокоило то, что Мати совсем не общается с другими детьми. Ее не травили, не устраивали ей бойкотов, но и друзей у нее не было.

— Но ведь она не страдает от этого, — пожала плечами Нина.

— Может быть, она просто скрывает это? — предположила преподавательница.

Тогда-то Нина и затеяла ту злополучную вечеринку в честь двенадцатилетия Матильды. Предполагалось, что это будет грандиозный детский праздник. С морем воздушных шаров, пепси-колой, огромным заказным тортом из кондитерской ресторана «Прага», пиццей по кубинскому рецепту, танцами под кассетный

магнитофон, игрой в фанты, и что уж еще они сумеют придумать. Приглашения для всех без исключения одноклассников Мати изготовила сама, вырезала из плотной бумаги и разрисовала цветными фломастерами. По правде сказать, некоторых она совсем не хотела видеть в своем доме в качестве гостей, но мать настояла.

Приглашения были вежливо приняты. Восемнадцатое марта в тот год пришлось на пятницу; отмечать день рождения было решено в воскресенье. В два часа дня Матильда в наимоднейшем голубом платье с рукавом «летучая мышь», с водопадом локонов на голове, побаливающей от сна на бигуди, бесцельно слонялась по квартире. На ее руке тикали подаренные родителями часики: на циферблате львенок из мультика ловил сачком механическую бабочку. Бабочка трепыхала крыльями. Заказной торт оплывал шоколадом. На сервировочном столике высилась гора тарелок, подоконник был уставлен бутылками с газировкой. Павлик ушел к приятелю, чтобы не смущать гостей дочери, предварительно заперев на ключ дверь в свою мастерскую.

Часики всё тикали; мать отгоняла Матильду от пиццы, веля дождаться гостей, но гости никак не шли. В четыре раздался звонок в дверь, Мати

бросилась в прихожую. На пороге стояла Лёка Михельсон с букетом тюльпанов. Матильда скисла, но виду не подала.

Странная особа была Лёка Михельсон. Как и Матильда, в классе она была новенькая. Лёку воспитывала бабушка, наверное, поэтому в ее поведении сквозило что-то старушечье. Она укладывала волосы в пучок на затылке, всегда была аккуратно одета и вежлива, носила большие очки и училась на пятерки. Лёку ставила в пример учительница русского языка: в ее тетрадях не было ни одной помарки, но самым удивительным был ее почерк. Размашистый, округлый, абсолютно взрослый почерк. Михельсон мастерски подделывала любые подписи и за небольшое вознаграждение могла черкнуть «записку от родителей» в случае прогула. Ее никогда не интересовали предметы повальных увлечений сверстниц, будь то записи «итальянцев», анкеты или Андрюшка Аксенов из параллельного класса. Она подкармливала голубей и бродячих котов и вязала крючком воротнички для школьного платья, к которому прикалывала дурацкую брошь с камнем.

Пройдя в гостиную, Лёка чинно уселась на диван. Нина помчалась ставить цветы в вазу и в

пятый раз кипятить остывший чайник, а Матильда стала хвастаться подарком. Лёка посмотрела на нее поверх очков и спросила:

— Ну а ты? Что ты мне подаришь?

— Я?! — Матильда растерялась.

— Да, ты. У меня ведь тоже день рождения восемнадцатого марта.

— Прости, я не знала! Подожди минутку.

Матильда метнулась в свою комнату, чтобы извлечь из коробки какую-нибудь кубинскую безделицу, вроде кулона из скорлупы кокосового ореха, и в прихожей налетела на мать.

— Лёка-то, оказывается, тоже именинница! А подарок я не приготовила.

— Подожди, сейчас что-нибудь придумаем.

Нина вернулась в гостиную и открыла антресоль мебельной стенки. Там, среди полотенец и постельного белья, она прятала разные вещицы специально для таких случаев. На глаза ей попалась дефицитная двадцатичетырехцветная упаковка фломастеров, но когда Нина потянула ее, из антресоли выпал цветастый шерстяной платок — идиотский презент свекрови.

— Оленька, посмотри-ка! — Нина, сияя, помахала фломастерами перед бесстрастным лицом Михельсон. Лёка помотала головой:

— Благодарю вас, Нина Даниловна. Я не рисую фломастерами. Матюше пригодятся, — и добавила примирительно: — Подарите мне лучше платок.

— Но… Девочки не носят такие платки.

— Плевать, что они там носят, эти девочки. Главное, чтобы мне нравилось.

— Пожалуйста. — Нина растерянно подняла с пола платок и подала Лёке. Та невозмутимо сняла очки и протерла краем платка.

— Спасибо огромное!

В тот день никто из гостей больше не появился. Матильда была расстроена. Не тем, что веселой вечеринки не получилось, а самим фактом своего поражения. Получается, никому, кроме очкастой Михельсон, она неинтересна? Маги отказывалась в это верить. Она выскользнула из-за стола, оставив маму с Лёкой у телевизора, и закрылась в своей комнате. Она размышляла, не стоял ли за таким поведением одноклассников какой-нибудь заговор и что ждет ее завтра в школе. Так называемые *бойкоты* были в большой моде: обычно неформальная лидерша класса выбирала себе жертву и проводила с приближенными разъяснительную беседу, в ходе которой жертва заочно обвинялась в чем-нибудь неблаговидном.

Приближенные, которым льстила эксклюзивная монаршая откровенность, выражали готовность проучить зарвавшуюся жертву, и начиналась травля. Все, кто не входил в круг приближенных, оповещались о готовящейся расправе письменно. На меньшинство, отказавшееся принять участие в издевательствах, также распространялся *бойкот,* так что смелых обычно не находилось.

В один прекрасный день с ребенком, избранным в качестве жертвы, вдруг переставал разговаривать весь класс. Но это было забавно лишь до тех пор, пока жертва искала общения. Когда она замыкалась, нужно было придумывать что-то новенькое. Например, исписать обидными надписями все стены в раздевалке или подъезде дома. Проводить жертву домой всем классом, угрожающе безмолвно следуя за ней по пятам. Караулить ее у подъезда, а потом, когда она выйдет в магазин или библиотеку, начать свистеть и матерно ругаться. Матильда мысленно готовилась к чему-то подобному, когда в комнате возникла Лёка Михельсон.

Лёка уселась на диван рядом с Матильдой и закинула ногу на ногу. Мати отметила, что вместо колготок на ней чулки с подвязками, вроде тех, что носила бабушка.

— Горюешь, что никто не пришел?

— Да не особо. Ты же пришла.

— Я подумала, раз уж мы родились в один день…

Михельсон внезапно замолчала, будто вдохнула немоты. Матильда с удивлением разглядывала ее не по-детски усталое лицо, большие и горькие темные глаза. «Наверное, она такая грустная, потому что у нее нет папы с мамой. Должно быть, у них с бабушкой не очень-то счастливая жизнь», — подумала Матильда. Кто бы знал, как она была права.

— Ненавижу восемнадцатое марта, — сказала Лёка.

— Почему?

Лёка пристально взглянула на Мати.

— Послушай, Матильда, давным-давно никому не говорила, но тебе я скажу. Не спрашивай, почему именно тебе. Мне кажется, тебе нужно это знать. Ты когда-нибудь слышала о контрамотах?..

Так Матильда узнала об Идущих Вспять — людях, проживающих жизнь в обратном направлении, от старости к детству. Контрамотам неведомо, где, когда и при каких обстоятельствах они родились. Зато им доподлинно известны год

и день их собственной смерти. В пожилом возрасте они неопытны и оттого беспомощны, но это не бросается окружающим в глаза: все считают, что старики просто впали в детство. Потом они молодеют и вступают в пору зрелости, будучи при этом юны душой и жадны до новизны. Когда приходит молодость, а за ней — юность, они — воплощенный опыт. Продолжая стремительно молодеть, Идущие Вспять превращаются в усталых и мудрых детей, затем в младенцев, и наконец, умирают.

— Восемнадцатое марта — это не день моего рождения. Это день моей смерти, — призналась Лёка.

— Так что получается…

— Получается, что мне осталось жить двенадцать лет без двух дней, моя дорогая Матильда. И если уж кому и грустить в этот день, то явно не тебе.

Матильда рассмеялась:

— По крайней мере, если завтра по дороге в школу кто-то попадет под автомобиль, то явно не ты, моя дорогая Михельсон.

— Я не буду просить тебя сохранить в секрете то, что ты обо мне знаешь, хотя бы в ближайшие двенадцать лет. Ты просто знай, что, если про-

болтаешься, у меня и у Альбины будут большие проблемы. Особенно у Альбины. — Лёка чистила мандарин, не поднимая на Матильду глаз.

— Альбина — это твоя бабушка?

— Ну как тебе сказать. Бабушка — это ее роль. Вообще, она моя подруга. Говорят, родителей не выбирают. Но мы, Идущие Вспять, можем сами выбрать тех людей, которые будут с нами до самого конца. Ну, до того конца, где у вас — начало. Обычно это наши друзья. Понимаешь, когда я стану совсем крошечной, разучусь разговаривать и ходить, обо мне должен будет кто-то заботиться. Кормить из бутылочки, менять пеленки. Альбина согласна сделать это для меня. А потом, дойдя до состояния эмбриона, без пуповины, связывающей меня с матерью, я умру, и она меня похоронит.

— Так ты не знаешь, кто были твои настоящие родители?

— Я начала свой путь в одиночестве, если ты это имеешь в виду.

— А кто в таком случае дал тебе имя?

— Добрые люди, которые нашли и подобрали меня у завода Михельсона. Того самого, где Фанни Каплан в Ленина стреляла. А Ольгой назвали по святцам, потому что сама я, сколько они ни выпытывали, свое имя сказать не могла. Я тогда

говорить еще не умела. Всё это я потом от них узнала. Ты вот, к примеру, много помнишь из того, что с тобой было в первые три года твоей жизни?

— Да практически ничего.

— Вот и я — ничего, — вздохнула Михельсон, — года до тысяча девятьсот двадцать третьего.

— Ни фига себе! — присвистнула Матильда. — Так ты уже такая старая?!

Лёка усмехнулась:

— Не очень-то учтиво с твоей стороны.

— Прости, пожалуйста, я больше не буду! А что было в двадцать третьем? — От любопытства Матильда едва из тапочек не выпрыгивала. Но Лёка схватила ее за руку и посмотрела на часы с львенком.

— Мне пора. Альбина будет волноваться. Я тебе потом всё расскажу.

На следующий день в классе Михельсон демонстративно пересела к Матильде за последнюю парту. Одноклассники предваряли *бойкот* шепотками: никто не ожидал, что Лёка возьмет сторону Мати, и теперь не могли решить, как с ней себя вести. Лёка поправила на плечах подаренный Ниной платок и громко сказала, ни к кому особенно не обращаясь:

— Зря вы вчера к нам на день рождения не пришли. Классно было. Мы даже видео смотрели.

— Да ладно? — не выдержал один из мальчишек. — А какой фильм?

— «Полицейскую академию», — храбро соврала Лёка. Идейно нестойкие завистливо загудели. Им расхотелось бойкотировать Матильду, в чьем распоряжении был видеомагнитофон.

На самом деле никакого видеомагнитофона, конечно, не было. Но уличить Матильду во лжи никто из одноклассников так и не смог. Больше она не звала их в гости.

На время их недолгой дружбы секрет Лёки потеснил в сердце Матильды все секреты Павликиной мастерской. Она, затаив дыхание, слушала рассказы подруги о прошлом, о тех временах, когда не было на свете ни Мати, ни ее родителей, но многие вещи просто не укладывались у нее в голове. Однажды она спросила:

— Лёка, тебя можно убить?

— Нет, Матюша, нельзя. Как ты это себе представляешь? Прервать мою жизнь — значит изменить дату смерти. Но ее нельзя изменить. Там, в будущем, она уже существует. Мы ведь не можем изменить дату твоего рождения?

— Не можем.

— То-то и оно.

— Но что-то не сходится! Как так?! Вот если я сейчас возьму камень и дам тебе по башке, тебе что, ничего не будет?

— А ты попробуй.

Теперь Матильда может вспоминать все это с улыбкой. Но тогда ей было не до смеха. Конечно же она не могла и не собиралась убивать Лёку Михельсон, но не попытаться убить ее означало отказаться от возможности поставить величайший естественнонаучный эксперимент. Матильда даже пробовала внушать себе, что Лёка — всего лишь странная девочка с больной фантазией, прочитавшая слишком много книг, и если, скажем, задушить ее, она просто так и умрет, как самая обычная странная девочка, а Мати отправится в тюрьму, как самая обычная девочка-убийца. Это отрезвляло. Но ненадолго.

Если Лёка говорила правду, выходило, что всё, куда ни плюнь, предопределено, окончательно и неизменно. На камеру временной тюрьмы сверху падал потолок, и она становилась совершенно плоской. Матильда извивалась под этим потолком, задавая себе все новые и новые вопросы: может ли убить Лёку другой контрамот, отняв у нее не конец, а начало жизни? Куда в этом случае

исчезнут воспоминания о Лёке других людей, знавших ее совсем старой?.. Разумеется, ответов на них она так и не получила, а величайший эксперимент не состоялся. Просто Матильде пришлось смириться с существованием непостижимых вещей.

Мне думается, смириться с непостижимостью — это не значит признать бессилие своего разума. Это акт доверия Богу, Которому одному ведомы все причины и следствия.

Как-то раз, выйдя после занятий из школы, Лёка и Мати остановились на крылечке поболтать. Неподалеку затормозил автомобиль; из автомобиля вышел высокий молодой мужчина в вельветовом пиджаке. Мужчина наклонился и протянул руки навстречу сбегающей по ступенькам первоклашке с огромным бантом. Лёка, застыв, секунду смотрела на него, потом резко повернулась спиной и нахмурилась.

— Не хочешь, чтобы он тебя видел? — спросила Матильда. — Ты знаешь его?

— Мой бывший любовник. Встречалась с ним, когда мне было семнадцать. Всё удивлялся, какая я опытная, — фыркнула Михельсон. Мати остолбенела. До этого ей как-то не приходило в голову,

что у Лёки были любовники.

Однажды Костя притащил во двор порнографические карты, всего несколько штук. Собственно, это были черно-белые фотографии очень плохого качества, мятые и замусоленные. Он сказал, что нашел их у старшего брата. Рассматривая нелепые переплетения голых некрасивых тел, Мати поинтересовалась, чем заняты эти люди.

— Как чем?! Они делают *это самое.* — Костя для наглядности сомкнул в кольцо пальцы левой руки и потыкал в него указательным правой. По тому, как рассеянно кивнула Матильда, он догадался, что она вообще не представляет, о чем речь. — Понимаешь, когда делают *это самое,* мужчина ложится на женщину и засовывает свое кое-что в ее кое-что. Потом у них от этого бывают дети.

— Подожди, ты что, хочешь сказать, что наши родители, чтобы нас завести, делали *это самое?*

— Ну нет! — замахал руками Костя. — Родители — это же совсем другое дело. Приличные люди такими глупостями не занимаются. Приличные люди женятся и потом спят в одной постели. От этого у них дети. А *это самое…* В общем, нельзя это делать. Плохие люди это делают. И называются они плохими словами, которые нельзя вслух

произносить. Особенно при взрослых.

Матильда отложила карты. Ей стало противно, как будто она увидела жирного белого паука.

— Что за слова-то? — недоверчиво спросила она.

— Женщина, которая делает *это самое,* называется проститутка.

— А мужчина?

Костя неуверенно помолчал, а затем важно изрек:

— Пидарас!

И добавил:

— Только никому не говори, что от меня узнала.

К тому времени, когда Матильда познакомилась с Лёкой, ей уже было известно, как жестоко ее надул Костя Храмцов. Но каким образом всё прояснилось, она бы предпочла не вспоминать.

В те дни Павлик совсем не появлялся дома. После того как Нина погубила Мистера Папагосту, он переселился в бытовку на стройке. Его недомогание, к счастью, не обернулось ничем серьезным. Уходя, Павлик грустно потрепал Матильду по волосам и даже не стал запирать мастерскую: ему уже было все равно, разгромит ее Нина, как обещала, или нет. Нина боялась, что

он запьет и его прогонят с работы, но и к спиртному он охладел.

Теперь Мати, оставаясь дома одна, могла проводить время в комнате Павлика. Напуганная поведением мужа, Нина не решилась привести угрозу в исполнение, и в мастерской всё оставалось на своих местах. Перед Матильдой она тоже как будто робела и притворялась, что не замечает визитов дочери в бывшую спальню. Еще бы ей не робеть: вид собственного ребенка в состоянии, зловеще именуемом «grand mal»[4], надолго и прочно впечатывается в память. Мати наслаждалась нежданной свободой; не приближаясь к матери, она чувствовала себя гораздо лучше.

Стоял славный февральский денек. Матильда возвращалась из школы, предвкушая часы уединения с книжкой на Павликиной тахте. Последний урок отменили: учительница узнала, что у нее только что ощенилась собака, и помчалась домой. По этому поводу Костя с другими мальчишками отправился играть в футбол, и теперь Маги шла через рощу одна, лениво пиная пакет с физкультурной формой. Подойдя к подъезду, она увидела машину Луговых и радостно взлетела на

---

[4] notes: 4
Большой судорожный припадок; букв.: великий недуг *(фр.).*

второй этаж.

Если бы Леонида Лугового спросили, за каким лешим в тот день он отправился в Сьенфуэгос, пожалуй, он не смог бы ответить хоть сколько-нибудь вразумительно. Еще накануне он сказался на службе больным, а своей жене Елене наврал что-то про очень важное интервью. Изначально он планировал провести время где-нибудь поближе к Варадеро, в одиночестве валяясь на пляже, как делал всегда, когда чувствовал себя смертельно уставшим от семьи и работы. Но вместо этого рванул за триста километров от Гаваны, проклиная собственное любопытство, и к полудню прибавил к списку третью ложь, заявив Нине Палс, что случайно оказался в Сьенфуэгосе по делам и зашел на минутку засвидетельствовать свое почтение. На самом деле ему хотелось проверить, действительно ли то, что он уловил в их предыдущую встречу, было огоньком обоюдного желания, или ему просто показалось.

Увидев на пороге Лугового, Нина зарделась. Она как раз собиралась травить обосновавшихся на кухне муравьев, и на ней были клеенчатый передник поверх домашнего платья и желтые резиновые перчатки. Налив нежданному гостю лимонада, Нина удалилась, чтобы привести себя

в порядок, а когда вернулась, в кухне Леонида не было. Она нашла его в комнате Павлика, задумчиво рассматривающим выделанную шкурку хутии. Заметив Нину, Луговой отставил стакан и перевел на нее рассеянный взгляд, не меняя выражения лица, так, словно оценивал качество меха. Видимо, состояние шкурки Нины его вполне удовлетворило, потому что в следующую секунду он протянул к ней обе руки.

Недреманный призрак *седьмого блаженства,* как это не раз случалось с нею раньше, явился Нине в виде яркого аромата спелых яблок. В короткой схватке между живущими в ней волевой женщиной и бешеным огурцом победил бешеный огурец. Через две минуты Нина уже лежала на тахте, придавленная сверху могучим телом Лугового. Запах яблок мешался с запахом едкого мужского йота и всеми бесчисленными запахами мастерской чучельника.

Когда Мати вошла в квартиру, ее обволокла подозрительная тишина. Она прислушалась, надеясь различить в глубине дома хрустальный голос тети Лены и обеденный перестук тарелок, но вместо этого услышала странный скрип и похрюкиванье. Матильда осторожно опустила на пол ранец и пакет и пошла на звук. То, что

она увидела за приоткрытой дверью мастерской, снова заставило вспомнить ее о жирном белом пауке. У паука, как полагается, было восемь конечностей, четыре из которых принадлежали ее матери. Мати тихо попятилась, зажав рот ладошкой. Сомнений не было: мама Нина и Луговой делали *это самое.*

Матильда ушла в свою комнату и горько разрыдалась. Единственным утешением в этой ситуации было то, что пидарасом оказался не Павлик, а мерзкий усатый Луговой. Немного успокоившись, она пришла к выводу, что именно он во всем и виноват, а Нина стала проституткой по неведению и с его подачи. Волны жгучего стыда окатывали Матильду, так что под форменной белой рубашкой она взмокла как мышь. Острая жалость к матери, павшей жертвой пидараса Лугового, мешалась в ней со страхом перед неминуемым появлением ребенка. Мати представляла надменное усатое дитя, которое наивный Павлик наверняка признает своим, и мысленно клялась унести постыдную тайну с собой в могилу.

Тайна чуть было не стала явью, когда Луговые прислали Палсам приглашение отпраздновать годовщину их свадьбы в отеле Фокса. В семье к тому времени уже установилось прочное переми-

рие, и Павлик вернулся домой. Нина заискивала перед мужем и дочерью, позабыв свои прежние командирские замашки. Если бы она знала, что Матильда была свидетельницей ее грехопадения, ей наверняка пришлось бы еще солонее: все-таки надо признать, что от природы бессовестной она не была.

Подарок уже был куплен, и наряды выбраны, как вдруг Мати заартачилась. Такого поведения Нина от дочери никак не ожидала. На всякий случай она напомнила Матильде, какой доброй была к ней тетя Лена и с каким удовольствием раньше она ездила в гости к Луговым. Мати только упрямилась и дула губы, сверля Нину фирменным Павликиным взглядом. Нина на время отступилась: оставить десятилетнюю девочку на два дня все равно было не с кем, и она надеялась, что Мати рано или поздно сама осознает всю безвыходность положения. Но и в день отъезда дочь наотрез отказалась спускаться к машине. Мать препоручила миссию Павлику; каково же было его удивление, когда одетая в выходное платье Матильда расплакалась и заявила, что нипочем не поедет в Гавану, потому что Луговой — пидарас. Впрочем, Мати вовремя прикусила язык и от дальнейших объяснений отказалась. Справед-

ливо получив от Павлика по губам, она все-таки позволила усадить себя в машину и за всю дорогу до отеля Фокса не проронила ни слова.

Только там, укрывшись от родительских глаз наедине с Сашей Луговой, она получила все необходимые разъяснения. Предварительно насмеявшись до слез, Саша, которой уже сравнялось четырнадцать, рассказала Мати, кто такие на самом деле проститутки и пидарасы. Рассказала также, что *это самое* делают все взрослые, а не только злодеи, и называется это «заниматься любовью», и что все пары зачинают детей одинаково, независимо от того, состоят они в браке или нет. Слово «любовники», такое приятное на слух, почти полностью примирило Матильду с тем, что открылось ей в тот день в мастерской отца. И все же, вспоминая эту историю двадцать два года спустя, она не находит в себе и десятой доли того истинно детского великодушия.

Что-то кончается, в точности не знаю что. Но оно кончается, потому что в воздухе разлита сиюминутность; мой город непрочен, мой мир непрочен, и там, где сегодня в реке отражаются фонари, завтра только дрожащая чернота; и вот сейчас одиночный выстрел, не такой уж и громкий, чуть громче шампанской пробки, разом

оборвет все аккордеоны во всех кафешантанах. Может, это мой сладкий двадцатый век навсегда уплывает от меня вон на той барже и вместе с ним — все прекрасные невстреченные мужчины с усталыми глазами, мужчины, которые не улыбаются, произнося «люблю тебя», потому что в любви нет ничего веселого и смешного, это очень серьезное дело, это как хирургическое вмешательство, тут нужна молитва и легкая рука, чтобы история была совершенной. А двадцать первый мне узок, он мелок мне, в нем так мало романтики, так мало тайн, он какой-то нервный, какой-то неискренний, всё прослушивается, уберите вспышку, и не надо так надо мной ржать, я вам не клоун.

«Умирать приходится так часто, а жить так редко». Наверное, что-то уходит, раз на мой номер пришло такое сообщение, незамысловатый привет из приемной Вечности, раз каждое мое утро начинается с мысли о неоконченных делах. Надо закончить, обязательно все закончить, надо быть внимательной ко всем и ничего не перепутать, потому что внутри какая-то пружина, готовая со звоном лопнуть, ну ладно, не у меня, у кого угодно, это не меняет сути, потому что вот сейчас я опущу глаза, и, Боже, Боже, мне ка-

жется, я больше никогда ничего не увижу, кроме стелющейся под ветром травы. Кому в этом веке понятны мои шелковые чулки, мои вуалетки, жемчуга и перья; у меня ведь не бывает стрессов и ПМС, а лишь «высокая тоска, не объяснимая словами». Я чувствую, на той барже уплывают от меня целые аллеи пирамидальных тополей, старые неуклюжие автомобили, бесфильтровые сигареты в пахучих мундштуках, военные мундиры, чековые книжки, флаконы с пенициллином под серыми резиновыми крышками, эбонитовые уличные таксофоны, а самое главное — предчувствие великолепных, волнующих перемен. Я и не думала, что однажды моя жизнь покажется мне такой необозримо долгой, такой исполненной смысла и чувства, такой печально, но неизбежно конечной, такой внезапно желанной и призрачно ускользающей. Как будто близится к финалу последний акт генеральной репетиции, и ты играешь, словно на раскаленной проволоке танцуешь, не сбиваясь с дыхания: паузы, реплики, мизансцены, отточенно, вдохновенно, а все потому, что знаешь, уже знаешь — премьеры не будет, не будет зрителей с изумленными и влажными глазами, цветов, поклонов и поклонников, ничего. Всё только сейчас, а потом — встречные

пожары, пожирающие Лос-Анджелес, и черная саранча, на бреющем полете срезающая Москву. Мнится, еще немного, и зеркальные вавилонские башни перестанут отражаться в моих зрачках, и манекены в платьях от Готье возденут к небу гладкие белые ноги, и я поймаю всем сердцем Господень взгляд, полный бескрайней, испепеляющей нежности.

Я не хочу, не хочу, мне рано, я еще успею догнать ту баржу вплавь, дайте мне петь блюз в Мемфисе, шансон в Париже, нюхать кокаин в Нью-Йорке Баскии и Уорхола, дайте мне студенческую революцию, дайте родить ребенка в двадцать два года, не спать за рулем до самого океана; двадцатый век должен быть моим, а вот это «одна нога здесь, другая там» меня раздражает. Да, разумеется, а вы как думали, даже кликушествуя, я не перестаю думать о блаженствах, и мне, конечно же, хочется еще вина и еще секса, нелепого, отчаянного и беспощадного, как это бывает у живых, хочется людских радостей и иллюзий, но меня не покидает ощущение, что водички в верхней части клепсидры осталось куда как меньше, чем стекло вниз, а переворачивать ее никто не собирается. И значит, нужно пригасить свою истерику, сидеть одним аккуратным плевком и просто заняться

неоконченными делами.

Агния сидит, запершись в своей комнате, и слушает музыку Кропотливо скачивая из сети файл за файлом, она слушает фаду и танго, «Джамайку» и «Гимн чилийских патриотов», и ее сердце наполняется бессильной злобой. Агния чувствует себя обманутой, она чувствует себя преданной. Где все эти славные красотки, гуантанамеры и девочки из Ипанимы, где их жаркие локоны, пронизанные солнцем, где персиковые бедра под крахмальными слоистыми облаками нижних юбок? Где парни, знавшие толк в обращении с опасной бритвой? Все мертвы, все истлели, только их сумрачные голоса звучат из динамиков пополам с аналоговым шумом. Сухой треск винила, патина и кракелюр, плесень и моль. Куда ни кинь ищущий взгляд — они повсюду, прекрасные покойники Агнии. Книжные полки, полка с дисками, видеотека, даже ее собственное сердце — все сплошь пыльные камеры склепа, имя которому Двадцатый Век.

Как обычно по вечерам, Агния пьяна, да какое там, всего-то пара пива, и она тянется, чтобы открыть четвертую. Самое главное — доползти до подушки и успеть заснуть прежде, чем еще один призрачный голос, голос Жени, позовет ее:

Агнешка, Агнеся моя, и золотой его смех зазвучит откуда-то с неба или из преисподней. Вот кто ее главный предатель, это по его вине изнемогает она под бессмысленной тяжестью одиночества. Это он забрал с собой все ее праздники и оставил ей только будни, неотличимые друг от друга, как серая речная галька. «Ты будешь гореть в аду», — шепчет Агния, и сама себе не верит: нет для нее ни ада, ни рая, ни Стикса, ни Леты. Есть сырая земля, бесстрастная и жирная, жадная и холодная — чтобы согреть ее и насытить, не хватит сотни тысяч таких, как Женя, а у Агнии он был один.

О нетрудная и сладкая любовь, такая долгая, почти вечная, когда плывешь между ее кисельных берегов. В памяти Агнии Женя всегда одинаков — высокий и тонкий юноша с косым крылом каштановых волос, с надменным и острым профилем, осанкой белогвардейского офицера и сигаретой в углу бледного рта. Таким однажды он ждал ее у школы, в ранней декабрьской темноте, и его ореховые глаза обещали ей одно: пойдем со мной, детка, не пожалеешь; там, где я, всегда умопомрачительная вечеринка, просто веселись и ни о чем не беспокойся. И она пошла, и веселилась от души, все отпущенные им тринадцать лет, пока вечеринка не кончилась ударом под дых, разом

выбившим из легких весь воздух. Странное дело, но тот удар длится по сей день, не оставляя ей места для нового вдоха.

Агнеся бедна, как церковная мышь. Жалованья ей никогда не хватает на месяц. На работу и обратно она ходит пешком, покупая по пути в киоске пакетики с растворимым кофе, вермишелью и семечками. На любую вещь ей приходится копить. В больнице она донашивает халаты, привезенные матерью с Кубы.

— Почему ты не уволишься из своего дурдома?

— Не хочу. Мне там нравится. Когда я туда прихожу, все мои проблемы уже не кажутся мне значительными. Там я всегда знаю, что мне делать. И потом, я больше ничего не умею. Только лечить своих больных.

Женя не понимает, почему Агния не может позволить себе опоздать на работу.

— Послушай, еще только половина седьмого! Не будь жестокой, не выгоняй меня в такую рань. Давай позвоним тебе в отделение и скажем, что ты задерживаешься. В конце концов, у меня тоже бывает работа.

— Нет. У тебя работа, а у меня *работа.*

Голая по пояс Агния выставляет на табуретку завтрак для Жени: сладкий чай и жареный хлеб,

густо посыпанный карри. У нее красивая пышная грудь, как две головки розового зефира. Или, прости, Господи, как позолоченные купола собора. Женя притягивает Агнию и зарывается в ее груди лицом, проводит носом снизу вверх по душистой цезуре, втягивая тонкий молочный запах, будто внюхивает дорожку. Валит ее на постель, сминает, словно шелковую бумагу. Ее милое округлое личико кривится от желания. Он любит ее вот такую расквашенную, податливую, слезливую, как губка. Любит свою радость узнавания. Агнеся самая верная, Агнеся одна такая, Агнеся будет всегда.

Конечно, потом она вскакивает и строжится, ищет его носки, причесывается наспех. Ей нельзя опоздать, ведь она сторожит границу между двумя мирами. Ее ждут те, кто на той стороне, их больные глаза, и выкипающие мозги, и порожденные ими страхи, и исторгнутые ими чудовища мечутся в шатких клетках в ожидании Агнии. Им тревожно, они слюнявят прутья, они вырвутся на волю и заполнят город, если Агния не придет. Может быть, это просто ее героическая выдумка, но ей так хорошо, так светло и покойно, когда она облачается в белый кубинский халат. Она хозяйка и фея здешних мест, она усыпит

всех монстров, затворит раны и остудит боль, раздаст волшебные пилюли, и граница останется нерушимой.

А джанки получился из него отменный: бессовестный, худой и сонный. Небрежный; гитара болталась у самых колен. Жена наконец-то выгнала его из дома, и он мог бы прийти к Агнии, но в те времена ему было не до нее. Где его носило, по каким флэтам он прятался от солнечного света, она не знала. Просто смирно ждала, и когда ей уже начинало казаться, что Женя разлюбил ее и больше не появится, он возникал у нее на пороге. Влажно улыбался, и по сезону от него пахло снегом или перегретым асфальтом. Обнимая, он придерживал голову Агнии, точно она была младенцем, и тихо раскачивался.

— Знаешь, я прочел у одного шведа, что даже ангелы в раю время от времени обламываются. Так нужно, чтобы им не прискучила божественная любовь[5].

Но нет, что угодно, кроме скуки, чувствовала Агния в его присутствии. Даже молча сидеть на скамейке, когда нет ни денег, ни сигарет и некуда

---

[5] notes: 5

Имеется в виду сочинение Эммануила Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде».

податься, было совсем не скучно. Что уж говорить о репетициях в заплеванных подвалах и на протекающих чердаках, о пьяных рок-шабашах в клубах, о встречах с барыгами в грязных парадняках! Они бродили по улицам, и Женя постоянно что-то говорил, как радио, в основном чтобы развлечься самому. Его речь стала невнятной и гнусавой, как у всех опиушников, Агния почти не следила за ходом его мыслей. В этом речевом потоке ее сознание вертелось как щепка. Женя видел внимательное выражение ее лица и думал, что она его слушает; на самом деле она лишь искала глазами любимые черты, испытывала радость узнавания и искала вновь. Будто играла в сквош. Радость узнавания была главной радостью их любви, самой стабильной и безопасной.

Она так скромно и трогательно не желала другого счастья, так охотно соглашалась на ожидание, что порой на ее фоне Женя выглядел настоящим мерзавцем. Будто дикий зверь, прикопавший добычу в лесу, он возвращался проверить, на месте ли Агния, и ликовал, находя ее прежней.

Лидия, мать Агнии, работала в той же больнице, в соседнем отделении. Седая, одышливая, отяжелевшая, оплывшая жиром прожитых лет. Агнии нравилось рассматривать ее старые фо-

то, она показывала их друзьям: «Смотри, какая красавица, это что-то! У нее глаза удивительные, темно-зеленые, но тут не видно». На самом деле удивительные глаза были у самой Агнии, такую оптику редко встретишь. Так же, как в иссохшем от джанка Жене она видела героя своих девичьих грез, в облике матери ей удавалось разглядеть зеленоглазую красавицу былых времен. Лидия отчитывала ее:

— Агнеся, ты слишком много пьешь. Где ты болтаешься по ночам? Опять со своим наркоманом?

— Мама, успокойся, все в порядке. Кто сказал тебе, что он наркоман?

— Не пудри мне мозги, я весь его хабитус вижу!

Агния психовала, но виду не показывала. Не хуже, чем Лидии, ей было известно, что Женя болен. В ней преступно столкнулись желание принять Женю целиком и полностью — и очевидная медицинская необходимость вычесть из его жизни наркотик. Измотанная этой внутренней борьбой, Агния сделалась пассивна. Она придумывала вялые оправдания своему бездействию. На самом деле ей просто нравилось быть ведомой всеохватной волей мужчины.

Когда Агния впервые увидала клип на песню

«Summer Son», из ее глаз сами собой хлынули слезы. Сын Лета на экране щетинисто сиял белым светом, «he burns my skin»[6], — свидетельствовала героиня. Многие сотни игл должны были пронизать это необыкновенное существо, чтобы свет вырвался наружу. И Женя, хотелось верить Агнесе, прокалывал раз за разом свое тело не для того, чтобы вогнать кайф, а для того, чтобы выпустить свет — не желая держать его внутри, а может, от невозможности терпеть его избыток.

В конце концов, что могла сделать Агния с его болезнью? Она не хозяйка была его телу. Гладкое, поджарое, щедро обсыпанное родинками, Женино тело оказалось живучим. Все, с кем он начинал, уже лежали в могиле, а его самого смерть оставляла на сладкое. Так же, как Йоши.

Некоторым образом Йоши для меня мертв уже давно. Роль покойника я примеряла на него с тех самых пор, когда меня впервые ужаснула мысль о том, что я могу его потерять. Помню, когда он уже жил со мной, я все прикидывала, позволят ли мне его родные похоронить его самой. Я с ума сходила, представляя, что мне придется отдать его тело жене и приходить с ним проститься в

---

[6] notes: 6
Он обжигает мою кожу *(англ.)*.

чужой дом. Обладать мертвым телом любимого казалось мне намного более почетным, чем обладать им живым. Я боялась, что смерть застигнет его на чужбине, во время гастролей, что некому будет сообщить мне и его похоронят без меня.

Я думала, мне придется извещать о его кончине его мать. Воображала, как она приедет ко мне, чтобы его оплакать, — сухая моложавая женщина с брезгливым усталым лицом, которую я видела только однажды. (Я хранила в памяти ее адрес: он всегда забывал поздравить ее с днем рождения и Новым годом, а я помнила и слала телеграммы от его имени. Пока однажды из тщеславия не приписала рядом и свое. Был скандал. Оказывается, несколько лет он скрывал от матери, что мы вместе.) Хотела возвыситься над ней, над ними всеми, потому что парадоксальным образом только в смерти он представлялся мне безраздельно моим. Милостиво впускать его женщин в свой дом, где он лежал бы в купленном мною гробу, чтобы они поняли, как опоздали со своей любовью, — вот о чем я мечтала. И знала — все они, каждая, примеряют на него его смерть.

Он словно был создан для смерти — желанная, идеальная добыча. После того как среди общих знакомых открылся сезон героиновых похо-

рон, на него не уставали показывать пальцем: он будет следующим. А он всё жил и жил, ему не нравилась сама идея умирать молодым. Он любил жизнь, ненавидел нытиков и никогда, никогда не пытался покончить с собой даже в шутку. Когда умирали друзья, он злился на них за неосторожность.

Он поклялся, что наркотики не убьют его. Он занимался спортом, ел здоровую пищу и употреблял витамины все только для того, чтобы его тело было в состоянии принимать наркотики. Его зависимость можно было сравнить с паразитом, растущим в его нутре, паразитом, которого он обслуживал, поставив своей целью продлить его жизнь насколько возможно.

Я опять пишу о нем в прошедшем времени, потому что уже не хочу, чтобы он был жив здесь и сейчас. Я отплакала по нему, и мне приятнее чувствовать себя честной вдовой, чем раз за разом отрывать от сердца его цепкие кровососущие корешки. Наверное, это извращенно, но теперь, когда я утратила всяческие права на его мертвое тело и не могу владеть телом живым, я предпочла бы знать, что случилось то, чего я боялась раньше: что он умер и похоронен далеко отсюда, без моего участия. Прости меня, Йоши, читающий

эти строки, живой и, надеюсь, благополучный. Я измучена этой бесконечной любовью.

Женя кололся в пах: вены ушли, и больше уже было некуда. Однажды он явился к Агнии в лихорадке, с огромным, как у Приапа, стоящим членом, и ей пришлось отправить его в больницу. У него начался сепсис; бактерия с нежным именем золотистый стафилококк завладела его кровотоком. Никто особенно не волновался но этому поводу, даже шутили: «Говорят, у Печерского хуй почернел. Извините за слово *почернел*». Все думали, раз Женю не убил героин, золотистый стафилококк не убьет и подавно. Агния навещала его — он лежал, желтушный, отекший, обсаженный капельницами, не в силах пошевелиться. Но его лицо не было страдальческим, оно было обиженным и гордым, как у подростка, что на ножах со всем миром. Когда-то в юности он полагал, что двадцати семи лет ему будет вполне достаточно для жизни, как его тогдашним рок-идолам. Тридцатник маячил где-то на убийственной высоте, как белоснежная памирская вершина. Теперь ему был тридцать один год, и он бы посмеялся над былым собой, если бы внезапно это не оказалось так болезненно. Женя не ожидал от своего организма такого подвоха. Он был обижен не

на врачей и уж тем более не на Агнию. Он был обижен, и точка. Все это было слишком нелепо и несправедливо, слишком банально и неинтересно, чтобы случиться именно с ним.

Что-то пошло не так, говорила мне Агнеся. На дворе две тысячи первый год, заражение крови лечат, но что-то пошло не так, и Жене все хуже. Мы сидели с ней на площади у театра и глушили пиво. Агния старалась говорить будничным тоном, но в ее глазах болотом цвела тоска. Она все шарила взглядом где-то помимо моего лица, словно надеясь за что-то зацепиться, остановиться и отдохнуть от страдания. Она не плакала, а только часто сглатывала. Мне было жаль ее, жаль их обоих, однако от этой жалости мое сердце только ожесточалось. Казалось, невидимые всё тычут и тычут в меня пальцами: твой будет следующим, ты будешь следующей.

В последний раз я видела Женю живым в мой собственный день рождения, весной. Он выкрасил волосы в блонд и в целом выглядел неплохо. Они сердечно поздравляли меня, Женя и жмущаяся к нему покорная улыбчивая Агнеся. В начале лета он умер.

Я ехала на похороны по-офисному упакованная, в траурных темных очках, которые в те годы

надевала часто. Потерянная Агнеся стояла у гроба с расплывшимся, бесцветным лицом, оттираемая в стороны родными и близкими. Женя казался незнакомым, непомерно взрослым. Прежде мне однажды доводилось видеть девушку, хоронившую возлюбленного. Она была молода и в горе своем не знала меры и удержу, беспрестанно падала в обморок и вскоре покончила с собой. Но Агния не могла себе ничего такого позволить — ни броситься, рыдая, к мертвому при вдове и дочери, ни даже помыслить о самоубийстве. Отягощенная медицинским дипломом, она равно жестоко сомневалась в существовании посмертия и в его отсутствии.

Как знать, ждал ли ее Женя за тайными тронами смерти, мусоля в углу рта свою нахальную сигаретку. Агния не выгадывала, она просто находилась в безвыходном замешательстве. Искать его объятий за гранями мира значило расточительно оставить всякую надежду по эту сторону. Поэтому она просто стояла, глядя на острый желтоватый профиль, обложенный восковым налетом, и даже не пыталась найти в нем любимые черты. Ее игра в сквош закончилась. Теперь на долгие годы, может, навсегда, ей предстояло другое занятие: воссоздавать образ возлюбленного,

вылепливать из воздуха, собирать по молекулам, удерживать волей и бессильно наблюдать, как он рушится от подземных толчков времени.

Так Агния застряла на стыке веков. Словно механизм перекидного календаря заклинило в той точке, откуда она оглядывалась на возраст своего счастья. Горе, как наполненный гелием воздушный шар в ее руке, сделало ее вдвое легче, возвысив над окружающим пейзажем, и она не находила в себе мужества выпустить из пальцев веревку и покинуть высоту своей любовной отваги, согнувшись под грузом прозы, как делаем мы все. Отщелкивая минуты вхолостую, двадцатый век длился для нее одной.

Уже не по чину ей было шататься по гаражам и подвалам, где новое поколение мурыжило грязные струны и трескалось самоварным винтом. Лоботомированный новосибирский рок вызывал у меня глухое, презрительное раздражение. Все, кто что-то мог, уже были мертвы или жирели в Москве, но Агния при встречах продолжала сыпать новыми именами. Она мучительно искала соответствия. Случалось, кто-то из юных знакомцев напоминал ей Женю — бровной дугой, поворотом головы, тонкой кистью, — Агния холодела и вытягивалась, как сеттер в стойке.

Легкая на подъем, она преследовала жертву, пока окончательно не убеждалась, что обманута.

Иногда за Агнией приволакивались благополучные, взрослые и успешные — она бежала ухаживаний, как нимфа, спасающаяся от сатира. Ее интересовали лишь нищие и бесстрашные, такие, как она сама, какими были мы все в начале девяностых. Даже не интересовали, так, занимали внимание, подпадая под ее беспокойный, тоскливый болотный взгляд, высматривающий в атмосфере знакомые атомы, из которых прежде состоял Женя. Затерявшись в восходящих временны́х потоках, Агния превратилась в Питера Пэна, в мимикрирующего темпорального хамелеона. Она утратила связь с той частью своего настоящего, из которой вьется паутина грядущего. Не смущаясь, она могла назвать стариком тридцатипятилетнего цветущего мужчину. Она позабыла о своих тридцати пяти — и о моих тоже. Она привязалась ко мне как к человеку, составлявшему часть ее великолепного прошлого.

Йоши и Женя, одиночки по сути, не были друзьями и редко играли вместе. Но Йоши, как и другие осколки былого, для Агнии имел особый вес и ценность. Он принадлежал когорте исполинов, существовавших до наступления водянистой

эры безвременья. Я и он, атлант и кариатида, поддерживающие зыбкий мир Агнесиных иллюзий. Вот почему я не могу признаться ей, что мы больше не вместе, что благоуханный труп нашей любви давно сплавлен по реке Найкеле.

Можно подумать, будто мне нравится писать про мертвых джанки. Черта с два, они и живые мне не больно-то симпатичны, но что поделать, если этой снулой рыбой кишат реки моего прошлого. Прости меня, Агния, читающая эти строки. За то, что я так извратила твою историю, роя с ее помощью ловушку для демона своего личного, персонального времени. Мое зрение, вечно обращенное внутрь, просто не в состоянии развернуть передо мной картину чьей-либо жизни, кроме моей собственной. Засим я вкладываю свой бред в твои безвинные уста. Mea culpa, mea maxima culpa.

Il était plein de tatouages
Que j'ai jamais trils bien compris.
Son cou portait: «Pas vu, pas pris».
Sur son csur on lisait: «Personne».

Sur son bras droit un mot: «Raisonne»[7].

У Жени была машинка для татуировки, сделанная из басовой струны. Он тренировался на себе, для начала покрыв рисунками «центра́»: испещренные старыми шрамами, они больше не годились для инъекций. На локтевом сгибе левой руки клубились лиловые хризантемы, лишенные стеблей и листьев; они будто вершили траурный путь вдоль его скрученных вен, да так и застряли в пересохшем русле. Агнеся нюхала хризантемы. Рука Жени покоилась под ее головой. Цветы были близко и пахли Женей. Все так мешалось, так сливалось, так соблазняло заменой в этой полудреме — Агния не чаяла, что запах Жени с этих пор станет для нее запахом скорби, а хризантемы приобретут аромат телесной близости. Она просто дышала внутри долгого мгновения, чувствуя плотный *драйв* летней ночи, — время любви шло сквозь нее.

Агнеся провела пальцем по лиловой коже. Же-

---

[7] notes: 7

В чем смысл этих надписей, я до сих пор,
Увы, не сумела понять.
На шее наколка: «Не пойман — не вор».
На правой руке: «Думай, прежде чем брать».
У сердца читалось: «Ничьё».

Реймон Ассо «Мой солдат» (перевод с фр. автора).

ня вздрогнул: щекотно.

— Так красиво. Больно было?

— Терпимо.

— А рисунок сам придумал?

— Сам. Кто ж еще. Хочешь, тебе придумаем?

— Даже не знаю.

Вообразив, как Женя процарапает иглой на ее теле только им двоим понятные письмена, Агния исполнилась трепета. Если сердцу женщины находится господин, она никогда не откажется носить его клеймо. Пояса верности, ошейники, вериги и шрамы, да хоть скотское тавро во лбу — на все готова влюбленная, всему рада, всем горда, как горд вассал, встающий под знамена непобедимого сюзерена. И те из женщин, кто веками восстает против мужской воли клеймить их, отвергая маленькие насильственные знаки внимания, на самом деле остро страдают от внутренней нехватки любви. (Так у одних рожениц полные груди щедро текут молоком, другим приходится сцеживать по капле.) Хочешь узнать, как глубока твоя любовь, — представь, что твой мужчина, выделив тебя среди прочих, пометил вечной метой.

Так рассуждала Агния, не мудрствуя в выборе рисунка. Женя предлагал наколоть ей мандалу

между лопаток, стрижа на плече, иероглиф под ключицей, но все эти варианты она отклонила. Ей не нужны были украшения, ни символы, ни приметы уникальности: она желала лишь носить знак принадлежности любимому, его герб, его экслибрис. Женя мог бы попросту вырезать на ней ножом свои инициалы, как на скамейке, и этого ей было бы довольно. Она затребовала себе такую же хризантему, как те, что цвели на его предплечье, — только на лодыжке. Женя предупредил, что на лодыжке будет больно; Агния просияла согласной улыбкой.

— Твоя будет даже лучше. Мой приятель-байкер — тот, что из Таллинна приезжал, помнишь? — продал мне голландские краски. Говорит, чудо какие яркие.

Тонкая работа отняла почти три часа. Млея от режущей боли, Агния думала примерно следующее: *«Пусть больше никогда мы не разделим ложе, я буду каждый день носить тебя под кожей».* Было действительно много больнее, чем она ожидала, но результат того стоил. Как будто сам Обри Бердслей старательным пером вывел каждый лепесток. Женя придирчиво оглядел картинку, отер вазелин с Агнесиной ноги и с хрустом снял перчатки.

— Будешь промывать каждый день с мылом и смазывать мазью от ожогов. «Спасатель» не бери — краску вытянет.

Краска вышла наружу сама. Заезжий байкер, у которого Женя приобрел пигмент, то ли бессовестно надул покупателя, то ли сам был обманут, только чернила оказались явно не предназначенными для татуировки. Агнесино тело отторгло их; хризантема выгнила по контуру и мучительно заживала полтора месяца. Лодыжку Агнии украсил причудливый пепельный рубец в форме цветка, подаренный ей Сыном Лета.

Когда я впервые увидела Игоря, я поразилась тому, насколько счастливым он казался. Почти никогда его лицо не омрачала гримаса неудовольствия. Он и сам часто повторял, что совершенно счастлив. Я искала подвоха. Для меня с моими антителами к счастью и вечным отягощением телесностью такое упоение земной жизнью было странно. С одной стороны, атеизм Игоря снисходительно воспринимался мной как легкое увечье. С другой — наличные признаки безоблачного счастья вызывали зависть. Мне хотелось по возможности привести к общему знаменателю наши представления о том, *как должно быть*,

чтобы было хорошо, — но это давалось мне с большим трудом. Мое счастье лежало в плоскости условного наклонения. Я вечно мечтала о рае, куда, наверное, однажды могла бы попасть. В моем раю не было времени, а значит, не было скуки и пресыщения. Все, что доставляло мне удовольствие, существовало там одномоментно и вечно.

— Тебе нравятся шмели? — приставала я к Игорю.

— Шмели?.. Ну, в общем, да, они симпатичные.

— В раю непременно будут шмели. И котята. Котята не станут гам вырастать, они навсегда останутся маленькими.

Лицо Игоря делалось непроницаемым. Если бы он любил котят, он окружил бы себя ими, не дожидаясь смерти, это несомненно. И безропотно принимал как данность тот факт, что котята — вырастают. Ему недоступна была моя меланхолия по поводу неизбывного взросления котят. Внутри меня же она поднывала, как больной зуб, требуя, чтобы котята были изъяты из рамок отягощающей телесности и помещены во вневременные эмпиреи. Я размышляла о христианах, приходящих в оправданный ужас при мысли о вечности в раю. Бедные, они не в силах вообра-

зить вечность иначе как нескончаемый отрезок времени! В таком раю спустя сотню лет человек с неизбежностью начал бы пинать котят и давить шмелей, сатанея от скуки в лучах божественной благодати. Но я, я-то знаю, как должно быть, чтобы было хорошо! Смерть — бегство от времени, прыжок в бестелесное, избавление от приступов уныния, приключающихся со мной всякий раз на пике любого из блаженств.

В то время как для меня все истинные, незамутненные блаженства только начинались где-то за порогом смерти, виясь мощеной дорожкой среди укрытых туманом лавандовых полей воображаемого рая, для Игоря примерно там же они заканчивались. Просто обрывались, как кинопленка, и дальше проектор стрекотал вхолостую. Смерть страшила его, счастливого обычным земным счастьем. Да у него просто на лбу было написано: куплю философский камень! Сотворить его сам он и не надеялся, трезво оценивая собственные силы и возможности. Вот почему он так ухватился за меня. Где-то в разнородной массе моих текстов ему почудился намек на некое знание, нет, не знание — нюх на бессмертие. Разубеждать его было бесполезно.

Разумеется, никакого такого нюха у меня нико-

гда не было. Была только уверенность: я знаю, как должно быть, чтобы было хорошо, и знаю, что для этого нужно сделать. Избавиться от пожирающего нас времени, которое одно есть безосновное зло, противовес вечности и наша единственная реальность. Но к тому ли сводится смысл моей земной жизни, чтобы прожить ее, превозмогая страсть к развоплощению, прожить через силу — в частности, через силу земного тяготения?.. Вынужденно мирясь с взрослением котят, старением себя, с тем, что время отнимает у меня всех, кого я люблю?.. Восставая против власти времени, человек восстает против собственной среды обитания. С этого момента он — атипичная клетка, а все, что он предпринимает, — аутоиммунная деятельность, стихийный бунт, отторжение действительности.

Игорь уверовал в успех моей новой военной кампании и был готов платить любую цену, чтобы иметь возможность разделить со мной плоды моей призрачной победы. Порой меня брала паранойя: мне начинало казаться, что он не любит, никогда не любил меня, он просто взял меня себе в расчете на свой глоток aurum potabile[8]. Тогда я

---

[8] notes: 8
Питьевое золото *(лат.);* жизненный эликсир алхимиков.

бывала оскорблена своим же бредом до глубины души. Я садилась за новый текст, мстительно вживляя в него облик Игоря, не целостный — чванливый и неверный: получи, получи свои крохи, недостойный! Я бесновалась оттого, что не могла взять его любовь, вынуть, как моллюска из раковины, качать у теплой груди. Мне нужна была новая любовь, а он использовал меня как ищейку, взявшую для него след вечности. Так мнилось мне, и все сильнее охлаждался воздух, охлаждался мир вокруг меня.

О да, думала я, я утоплю это долбаное повествование в какофонии временных потоков! Я останусь в точке покоя, зрачком в глазу бури, тогда как концентрические волны безумия будут бушевать вокруг. Слышишь, что сделаю я своею властью из-за того, что ты не дал мне любви?! И тебе — там — в сладких объятиях вечности — не будет места рядом со мной!

Когда закончился учебный год, «бабушка» Лёки Альбина перевезла ее в другой город, чтобы отдать в четвертый класс. Они кочевали так уже давно: Лёка не могла задерживаться в одной школе более чем на год. В то время как одноклассницы вырастали из школьных платьев, ее

собственные становились всё длиннее, а обувь — всё свободнее, и в конце концов перемены в облике Лёки начали бы бросаться в глаза.

Они повстречались в 1962 году в санатории под Алуштой. Альбине было тридцать от рождения, а Лёке — тридцать восемь до смерти. То были счастливые времена, когда реальный возраст Лёки совпадал с физическим, то был зенит ее жизни. Середина, которую никто из живущих в обычном направлении не может обозначить. Лёка не сразу посвятила Альбину в свою тайну, но когда это произошло, та словно не удивилась. Наверное, вымышленная Лёкой биография-легенда выглядела не слишком убедительно. После этого Альбина всегда относилась к Лёке так, словно та была проклятым гением, словно поклялась делить все тяготы Лёкиной жизни ради грядущего счастья человечества, отвергнувшего Лёку по скудоумию. Это было верное и безупречное служение, и сначала Лёка часто задавалась вопросом, ради чего Альбина взвалила на себя эту ношу. Но потом, как это бывает с поистине близкими людьми, они вросли друг в друга так глубоко, что никаким вопросам уже не было места: на этой глубине близости вопросы просто задыхались. Альбина увядала бок о бок с день ото

дня молодеющей Лёкой, но никогда не жаловалась. Лишь иногда Лёка ловила на себе долгие взгляды подруги, полные горького недоумения.

Альбина даже не пыталась заводить серьезные отношения с мужчинами. Вся ее жизнь была посвящена Лёке: так близкие одаренных писателей, художников или музыкантов ставят на себе крест, жертвуя всем, лишь бы иметь возможность ежедневно причащаться божественной благодати чужого таланта. В те дни, когда Мати водила дружбу с Идущей Вспять, Альбина выглядела рядом с Лёкой как бабушка, слепо обожающая внучку, и лучше прикрытия нельзя было придумать. Но внутреннее чутье Матильды обоняло в Альбине сторожевого пса, спящего вполглаза, и от этого ей было не по себе.

Лёка уехала, не оставив адреса, но несколько раз Мати получала от нее письма. Последнее пришло в девяносто первом. Оно было длинным, в несколько двойных тетрадных листов, и написанным явно не за один присест. Прекрасный Лёкин почерк испортился: возраст давал о себе знать, мелкая моторика стала уже не та. Лёке было девять до смерти. Матильда сохранила это письмо. Вот оно:

г. Свердловск, 6 августа 1991 г.

Здравствуй, друг мой Матильда.

Новостей у меня мало, и все они неинтересные. Пишу тебе не затем, чтобы ими поделиться, и не затем, чтобы напомнить о себе: уверена, что ты помнишь. Мы ведь с тобой не из тех, кого забывают. Просто хочу рассказать тебе одну историю. Могла бы сделать это и раньше, но мне казалось, прости уж, что ты еще слишком юна.

В тридцать шестом году я работала вахтершей в школе рабочей молодежи (тогда она называлась школа взрослых повышенного типа). Учился у нас один парень, молодой токарь с завода «Серп и молот». Звали его Павел, как твоего отца, и было ему лет двадцать. А я была шестнадцати — летней девчонкой в теле шестидесятичетырехлетней старухи, и угораздило меня влюбиться в него без памяти. Знаешь, как это бывает в таком возрасте (а может, еще и не знаешь), что называется на ровном месте. Просто любви внутри у юной девушки столько, что она прорывается наружу на кого Бог пошлет. И ничего-то тебе об этом чело-

веке не известно, кроме того, что улыбка у него ярче солнца и глаза ясные, но тебе достаточно. И вот представь, Матюша, сидела я на этой своей вахте и грезила. Все ждала, когда же мой Павлик мимо пройдет. Он проходил — здоровался, уходил — прощался. Иногда на переменке его видела. И все. Не заговаривал он со мной. А чего ему со мной, с бабкой, заговаривать?.. Думала я тогда, несчастней меня нет на белом свете. Господа Бога кляла на все корки за то, что он меня сделал не такой, как все. Могла бы — руки на себя наложила бы. То есть я тогда даже не представляла, сколько таких молодых парней мимо меня пройдет, прежде чем я сама помолодею. Мне ведь казалось, кроме Павлика, я никогда никого не полюблю.

А потом у него зазноба появилась, Валя, штукатуром работала. Бойкая была бабенка, палец в рот не клади. Вот с ней мы, бывало, болтали о том о сем. И наверное, от осознания безнадежности своего положения у меня даже ревности никакой не было, ну вот ни грамма. Мне только хо-

телось разузнать у нее хоть что-нибудь про Павлика, но спрашивать я стеснялась, а сама она не рассказывала. Помню, выходят они вместе после занятий, он ее за локоток держит, веселые оба: «До свидания, Ольга Яковлевна!» А я чуть не в слезы. Смотрю на Вальку, какая она молодая, фигурка ладная, ноги крепкие, зубов полный рот. Трагедия, да и только.

И стала я к Валентине в подружки набиваться. Она идет мимо — я ее словом зацеплю, подойдет, побеседуем. Пироги, шаньги ей носила, говорила, сама пекла, а на самом деле в палатке покупала. Както раз она меня спросила, не знаю ли я хорошей портнихи, чтобы брала недорого. Павел ей предложение сделал, и она хотела заказать свадебное платье. Я тогда возьми и брякни, мол, давай я тебе бесплатно сошью, я ведь бывшая портниха. Валька обрадовалась, а я пришла домой и с горя заболела. Слегла с горячкой в мае месяце, всю неделю в школе не появлялась. А в воскресенье Валентина пришла меня проведать. Не поленилась, в секретариате адрес узнала. Изюму мне

кулёк принесла. Мы долго с ней тогда говорили, хорошая она была девушка, и если бы могла, я бы за них с Павликом порадовалась. Но пока о свадьбе речь не шла, я, знаешь ли, себе представляла по дурости, как лет через тридцать смогу ему открыться — ну мало ли, некоторые до почтенных лет холостяками доживают. А тут — всё, конец.

Валя купила отрез кремового жоржета на платье, я взяла в библиотеке руководство по кройке и шитью. Потом у соседки по коммунальной квартире выпросила швейную машинку и пошла к Вале в общежитие мерки снимать. Могла бы и у себя дома, но больно уж мне хотелось посмотреть, как они с Павлом живут. Не стану пересказывать, как я Валькин жоржет испортила, — отдала ей деньги потом, повинилась, неудачу на старость списала, мол, вижу плохо совсем. Стала в гости к ним захаживать; помню, сидим мы с ней, чай пьем, Павлик тут же в кресле газету читает, а я как в тумане плыву.

До свадьбы дело у них так и не дошло.

Времена были лихие. На фабрике, где Валькины родители работали, стукачок завелся. Сначала их забрали, по обвинению в шпионаже, а потом и за Валентиной пришли. Вот тут-то я и поняла, что настал мой звездный час. Стыдно теперь вспоминать, но… В общем, я предложила Павлику у меня укрыться на какое-то время. А стыд в том, что я не столько хотела, чтобы он был в безопасности, сколько чтобы рядом со мной.

Пробыл он у меня недолго, пару недель всего. Соседям я сказала, что племянник погостить приехал. Постелила ему за ширмочкой, конспирацию соблюдала будь здоров. Только радости мне никакой не было. По ночам глаз сомкнуть не могла. Все лежала, думала свои мысли невеселые. Слышала, как он ворочается за ширмой: тосковал он. Ничего мы больше про Валю не слышали, видно, так она и сгинула в лагерях. А он любил ее. У него даже наколка с ее именем была на руке. Да не просто написано, а вроде как из кирпичей сложено: ВАЛЯ. Руки у него были большие, рабочие, и вот этот его пудовый

кулак с наколкой выглядел так, будто он ее именем собирался кирпичные стены крушить, все, какие на пути попадутся. Только те стены, за которыми от него любимую спрятали, никакими кулаками не разбить было.

Однажды я пришла с работы вечером, а Павлуша сидит с котомочкой: уходить собрался. Сказал, поедет к родным в Псков. Я ему в дорогу провизию собираю, а саму просто на части рвет. Так я ничего Павлику и не сказала. Он обещал мне весточку прислать, но не прислал. Видно, не до того было.

Наверное, это была самая чистая любовь в моей жизни Я же его как мужчину не желала даже, никакого плотского соблазна не испытывала. У меня ведь, если откровенно, до тридцати лет по-вашему и месячных-то не было.

Встретились мы с Павликом через сорок четыре года, летом, в Москве. Тогда была Олимпиада, и мне было двадцать до смерти. Хороша я была, как картинка, — высокая, стройная, кудри черные до плеч. Ехала в трамвае, как сейчас помню,

на свидание с кавалером. И тут входит старик с маленькой девочкой — крепкий, сухой, осанистый. Я им место уступила, он мне спасибо сказал. Посадил малышку на колени, она лопочет что-то, он ее по волосам гладит. А на руке у него наколка та самая. Синяя, поплывшая, но я-то ее ни с чем не перепутаю. Я тогда свою остановку проехала, глаз от них отвести не могла. Все смотрела, смотрела, и на душе у меня так хорошо было.

Так вот, фамилия его была — Палс. Павел Сергеевич Палс. А та девочка — это была ты, Матильда.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотела тебе рассказать.

Всем сердцем с тобой,
Ольга Михельсон.

Дед умер, когда Матильде было восемь, перед самым отъездом на Кубу. Неизвестно, знала ли об этом Лёка. Матильда хорошо помнила эту татуировку. Бабушку тоже звали Валентиной, и для Мати само собой разумелось, что именно ее имя было наколото на руке у деда.

Раньше, когда мне было лет четырнадцать

или даже восемнадцать, я любила представлять, каков станет мир, когда я его покину. Понятно, что ничего не изменится, но вот все равно — на месте, где раньше была я, скорее всего, возникнет некая размытость, некая пустотность, мутное облачко, битые пиксели, и заметить это смогут только те, кто будет меня помнить. Иногда, вдруг, периферийным зрением. После каждого из людей остаются такие крохотные лакуны, оспинки, но поскольку они заметны не всем, мир еще не превратился в сплошную сырную дырку. И, следуя внутренним взором за перемещениями воображаемой туманности, обозначающей мое отсутствие в мире живых, я начинала остро до приторности жалеть себя, молодую, красивую и мертвую, не видавшую ни Венеции, ни Токио, ни Гаваны, не прожившую до конца ни одной из тысячи таких желанных жизней.

А ныне, когда мне внезапно стали доступны путешествия, я нахожу особую злую радость в мысли о том, что мир необъятен, а жизнь коротка. После стольких лет восторженных замираний над картой полушарий мне хочется схватить опасную бритву и с наслаждением покромсать ее в лапшу по два килобайта. Но Матильде — ей как воздух нужны пути для неостановимого бегства,

теперешней моей Матильде. Той самой, которая стоит в сияющей ванной комнате отеля и держит в узких, чуть костлявых пальцах стакан с жидкостью цвета мореного дуба.

В путешествиях самое важное — это отели. Плохие, хорошие, дорогие, дешевые — это все не главное. Главное — это ты приходишь в отель с невеликим своим багажом. Ранним утром, до рассвета, пешком с вокзала, перешагиваешь в парадном через спящего бомжа, будишь охрану, звонишь снизу, поднимаешься по узкой белой лестнице на пятый этаж. Консьержка со сна помятая, в майке и трениках, с огромной уютной грудью и недовольным прищуром. Она смотрит в монитор две, три минуты, потом говорит: вашей брони нет в списке. Ну конечно, ведь в Петербурге не принято нумеровать все дома подряд, а что там на вывеске, ты и не удосужилась прочесть.

Или так: ранним утром, до рассвета, в междугородном автобусе тебя с сожалением будит водитель и извиняется: пани, мы уже сорок минут как в Харькове. И с невеликим своим багажом ты пересаживаешься в первое попавшееся такси и просишь: в недорогую гостиницу посимпатичнее. Тогда тебя привозят за кладбище в мотель с

названием «Дружба», простоватым, как сырок, и честным, как бензопила. Там номер с видом на озеро, августовские звезды, яблоневый сад, выпрыгивающие из воды рыбы — и ты понимаешь, что отныне здесь будет твоя тайная резиденция. Что именно здесь никому не придет в голову искать тебя, упивающуюся уединением, как бабочка нектаром.

Или так: поздней ночью, с невеликим своим багажом, выходишь из автомобиля, и тебя встречает портье, ничуть не заспанный, бодрый и шипучий, как кофе с кока-колой. Он вручает тебе эти понтовые электронные ключи, приглашения на coupe de bienvenu, и махом блокирует на твоем счету тысячу евро на случай, если ты удерешь, забрав с собой все пойло из мини-бара, халаты и пушистые тапочки. Там, в холле, за стеклом чучела Dior и Balenciaga скалятся льдистыми стразами и кровавые, мясистые, будто бифштексы, амариллисы тянут жирные шеи.

Но весь смысл в той кровати, которая ждет тебя, безликая, свежая и покойная. Ты ложишься навзничь — и вдруг понимаешь, что устала, смертельно, равнодушно, на веки вечные. И только в отеле, в одиночном номере, тебе уготовано совершенное и полное отдохновение. Что вот

сейчас ты повесишь на дверь табличку «Не беспокоить», опустишь пудовые шторы и уснешь. Перед тобой распахнется могучий океан сна, для тебя одной, свободного, роскошного, бестревожного, безмятежного сна. И в сущности, неважно, что за город за стенами гостиницы, довольно ли в ванной душистых шампуней и что будет на завтрак. Потому что сейчас это единственное место на земле, где ты гарантированно можешь побыть один на один сама с собой и отдохнуть, черт возьми, так, как ты мечтаешь отдохнуть после смерти. И в любом номере ты засыпаешь, не мучаясь, не тоскуя, не угрызаясь, мгновенно. Успев подумать две несложные мысли: отель — это рай. И еще: должно быть, Рай — это отель.

Должно быть. Рай — это отель, похожий на гигантские белые соты, где в каждой ячейке спят вечным медовым сном одинокие анонимные постояльцы, убаюканные светом божественной любви. Там нет больше этого убивающего, монотонного, насекомого, бессмысленного и страстного биения земной жизни. Там. Наконец-то. Всего этого. Больше. Нет.

Так почему бы не «Деи Доджи», не Венеция, коль скоро всё так удачно сложилось и мы с Игорем едем в путешествие.

На этот раз улизнуть не вышло. Матильда приехала в Венецию одна, ей не хотелось делить этот город ни с кем. Впрочем, с самого начала было ясно, что на открытии биеннале будет слишком много русских, что трижды в день ей придется то тут то там встречать знакомых, топчущих всё те же туристские тропы. Раскланиваться с ними, осовевшими от жары и вина, сплетничать и получать приглашения на вечеринки. Но все остальное время должно было без остатка принадлежать ей одной: она готова была даже не считаться с тратами.

О, как безрадостно быть нищим в Венеции в разгар сезона! Хуже, чем в Москве, и уж конечно несравнимо хуже, чем в Париже. Как утомительно петлять по городу узкими улочками в поисках пешего маршрута, когда мимо богатенькое турьё проносится в сияющих моторных лодках, вспенивая затхлые воды каналов. А там, у большой воды, убийственно элегантная «Ecstasea», королева всех яхт; в ней столько достоинства, что никто не решается возжелать ее, — она скорее бросится грудью на скалы, чем изменит своему владельцу. Тем более безрадостно быть нищим в Венеции, что в разгар сезона свободных мест в дешевых отелях не сыскать, и Мати снимает номер в пя-

тизвездочном «Деи Доджи», что поблизости от лагуны, страдая от собственной расточительности. Именно там ее застает телефонный звонок — в тот самый миг, когда она, отставив стакан с ромом, разглядывает в зеркале крошечные морщинки на загорелом лице.

— Я окончил дела раньше, чем предполагал, и смогу быть в Венеции уже завтра. Где ты остановилась?

За годы их знакомства Матильде так и не удалось привыкнуть к нарочито безразличному тону, каким Юлий разговаривал с нею но телефону. Меньше всего она ждала его на биеннале, а он говорил так, словно делал ей одолжение. На самом деле, наверное, говорил Юлий нормально, просто он был Матильде в тягость, и она раздражалась но пустякам. Запретить ему приехать она не могла, но перспектива того, что большую часть расходов Юлий возьмет на себя, смягчила ее сердце.

Говорят, этот город хорош для расставаний. Этот город хорош для того, чтобы думать о времени, обращающем в прах все, чем живут живые. Венеция, причудливо изъеденная временем, цветущая плесенью, беззубо крошащаяся под ногами, призрачная, шепчущая, — она лишает

воли. Так зачем же длить эту модерную, ни к чему не обязывающую связь в лучших традициях нового века, когда никто никому ничем не обязан, волен и неверен?.. Прах, Матильда. Возьми в свидетели свистящую воду, страдающее бельканто, и все эти ужасные инфекции, что тлеют столетиями в глубинах каналов, как пепельные розы под седой золой. Здесь рушится все, и нет исключений — еще немного, и хромированное нутро яхты «Ecstasea» заполнят чумные венецианские крысы и тонкий запах разложения смешается с ароматами высоких марок.

Пожалуй, не надо будет даже набираться особой смелости, чтобы наконец сказать Юлию, насколько все кончено. Она просто отпустит свой взгляд откуда-нибудь с моста Риальто вдаль, и все прозвучит само собой, одной нетрудной нотой.

Наверное, думами о смерти, неизбежно посещающими всех путешествующих по Венеции, город обязан своим гондолам. Мы с Игорем укладываемся в остроносую ладью, плавучий катафалк, черный с золотом, шнурами, искусственными цветами. Я чувствую себя героем фильма «Мертвец», отправляющимся в свое последнее плавание. Где-то над головой Харон-проводник на ломаном английском рассказывает о наводнени-

ях, о брошенных дворцах, о славных покойниках и последних дожах, о запустении, о гниении, о распаде. Он рассказывает о своей прекрасной гондоле, лучшей в городе, всё хэнд-мейд, я сам чищу до блеска олль зе декорейшанз; гондола живет сорок лет, и гондольеру хватает ее ровно на одну жизнь. Его зовут Анджело, и он заплатил за лодку тридцать пять тысяч евро, чтобы плавать на ней до конца своих дней, изо дня в день, каждый день, по одним и тем же каналам, стоя на корме, нагибаясь под одними и теми же низкими мостами, как плавали его отец, дед и прадед. А мы лежим на скамье, взявшись за руки, каждый со своими мыслями о смерти, примеряем деревянное платье, и так топко, так ласково покачивается под нами черная колыбель.

Я устала, устала, можно я больше не буду вставать, можно я больше не открою глаз, не разомкну уст. Просто проводи меня до океана, держа за руку, я больше не хочу. Но океан не ждет меня, моя война еще не окончена, поэтому не сейчас. Меня тошнит от войны, от вида крови, своей и чужой, и я все чаще не помню, в чем же был смысл, и маленькие победы даются все тяжелее, радуют все меньше, но гондола причаливает — грацие, Анджело, — и мы сходим на берег. Венеция дразнит

легкой смертью, скорой и безболезненной, смесь опия с дигиталисом, там всё уже готово к похоронам: флаги, факелы и венки; и сладкий, острый запах стелется над замшелыми мостовыми, обними меня, прекрасная утопленница. Обними нас всех, ты одна знаешь, как мы устали.

Венеция — музыкальная шкатулка, гипнотические колокольцы и взрезанный бархат, и треснувший лак, и пестрые муранские стеклышки. Я не знаю, что здесь делать влюбленным, только молчать, только мириться с конечностью чувства, только пробовать вкус отчуждения, склеиваясь влажной кожей.

Я говорила что-то о войне?.. Да, наверное; мы сидим в ресторанчике за полбутылкой белого, как объяснить тебе, с кем и за что я воюю?.. Вместо этого я говорю:

— Завтра приедет Локис.

— Он рассказал тебе то, что ты хотела знать о Кубе?

— Нет. Я не стала его расспрашивать. Он был там, но не в восемьдесят пятом году, а, значит, смысла нет. Сегодняшняя Куба — не та Куба, что нужна мне для романа.

— Что вы будете делать?

— Не знаю. Выпивать. Гулять.

— Я не хотел бы мешать вам.

— Прекрасно. Твои знакомые мне тоже порядком надоели.

Игорь не отвечает. Тогда я добавляю:

— Между прочим, он прислал мне самое лучшее поздравление в день моего рождения.

— Что же в нем было?

— «Удачи в твоих боях, девочка-воин, расскажешь о них потом, на одном из пиров в Вальхалле». Он считает меня воином.

Игорь молчит. Тогда я добавляю важно:

— Многие мужчины считают меня воином.

Игорь смеется:

— Ну какой же ты воин, киска?

— Ты читал Кастанеду?

— По-моему, ты знаешь ответ на этот вопрос.

— Так вот, однажды Дон Хуан спросил у Карлоса: «Как ты думаешь, мы равны?» Карлос подумал: «Я студент факультета антропологии, образованный, социально адаптированный человек, а Дон Хуан — бедный полуграмотный индеец, какое тут может быть равенство». Но из уважения к Дону Хуану сказал: «Конечно, равны». Дон Хуан ответил ему: «Черта с два. Я — охотник и воин, а ты — паразит».

Игорь снова смеется, долго и заливисто. Как я

завидую его уверенности в себе.

По чести говоря, мне было боязно отправлять Матильду на биеннале. Хотя я и пришла к выводу, что наши миры не пересекаются, я чувствовала исходящую от нее смутную угрозу. Я боялась, что мои расчеты неверны, что интервал между временем, в котором существую я, и временем, в котором существует она, небезопасен. Боялась столкнуться с ней лицом к лицу на одной из узких венецианских улочек, в сувенирной лавке, в выставочном павильоне. Боялась узнать ее в одной из узколицых загорелых туристок за столиком кафе. Это было бы почти так же жутко, как отправиться на машине времени куда-нибудь в будущее — и столкнуться там с самой собой.

Я говорю об этом Игорю, когда мы лежим в номере отеля на огромной низкой кровати, в полнейшей темноте: крошечное окно наглухо закрыто плотными шторами. Мне кажется, он не вполне понимает, о чем речь. Я объясняю, что тексты — это информация, под которую материя имеет свойство подстраиваться.

— Создавая эту информацию, ты берешь на себя ответственность за изменения в материальном мире. А если ты задумал написать роман об ускользающем времени… вообще о времени…

страшно подумать, что может произойти. Ведь время — это очень важно? — Я сама уже начинаю запутываться.

— Это самое важное. lie нужно ничего бояться, ни на что оглядываться. Просто пиши. В конце концов, разве ты пишешь не для того, чтобы что-то изменить?

Кровать так велика, что я даже не чувствую тепла его тела. Я говорю с темнотой. Темнота придвигается ближе и кладет руку мне на живот. Я знаю эту руку, красивую, мягкую и вялую, как срезанный со стебля цветок. Знаю, что, если я протяну свою и нащупаю в темноте волосы Игоря, мои пальцы войдут в них, как в воду. Знаю, что, если сделаю встречное движение, темнота станет горячей и тяжелой. Знаю, как она будет дышать и какой у нее будет язык. Я знаю всё в этой темноте, но Игоря — его я не знаю.

Всё дело в том, что мы слишком долго жили друг без друга. Он прожил без меня почти сорок лет, и это время никогда не станет моим. Вряд ли мы, закостеневшие в своих собственных привычках, успеем нажить общие. Нашего общего будущего настолько очевидно меньше, чем раздельного прошлого, что я не хочу об этом думать. Мне будет непросто примириться с тем, что на меня

он никогда не сможет потратить того количества своего личного времени, которое уже потратил на других — всех тех, кто окружал его эти сорок лет. С тем, что он не познает меня так глубоко, как мне бы того хотелось, — с возрастом он потерял интерес к познанию женщин, и это нормально. С тем, что я не познаю его так глубоко, как хотелось бы мне, — ведь это обоюдный процесс. Мне будет непросто. Нет, не так. Мне будет невыносимо.

А может, я просто не признаюсь себе в том, что после десяти лет яростного обоюдного познания с Йоши во мне не осталось смелости на познание кого-то еще. Я лишь тоскую об изведанной мной глубине близости, не решаясь бросить остаток сил на новую попытку.

И вот эти сорок лет его жизни без меня и тридцать четыре года моей жизни без него превращают нас друг для друга в непознаваемые объекты. Прошлое облекает нас темнотой, еще более непроницаемой, чем та, что царит в номере отеля «Деи Доджи». Когда мы начинаем привычную любовную игру, темнота все еще при нас: это как заниматься любовью в скафандре.

А потом я плачу, но не от избытка эмоций, а от бессилия, оттого, что начатое мной дело слишком велико для меня, оно не двигается ни туда ни сю-

да, и я думаю о нем даже сейчас, обнимая за шею горячий сгусток темноты. О Матильде, о книге, о главной для меня битве: битве за власть над ускользающим временем, битве, которой мне не выиграть, но пусть никто не скажет, что я даже не попыталась. Эта дума застряла у меня в голове поперек, намертво, и пока не додумаю, пока не доделаю, не подгоню, не отскоблю, не отполирую, покоя не будет.

В тот день Матильда и Юлий отправились в «Корниче» взглянуть на арт-ярмарку, но попали в технический перерыв. Хотелось кофе, однако поблизости не было ничего, кроме автовокзала и бесконечных паркингов. Расположившись в закусочной рядом с вокзальным туалетом, Матильда потягивала дрянной лунго, рассматривая публику. Кто-то опохмелялся красным вином, кто-то с жадностью поедал бледные сандвичи длиной в локоть, натягиваясь на них, как змея-яйцеедка. Над столами кружили мухи. За спиной говорили о Мэтью Барни. О нет, этот парень не кажется здоровым, он больной на всю голову, он каплет повсюду китовым жиром, у него внутри киты, и киты, и подгнившие сатиры, душащие друг друга в объятиях, и ласковые белые меха, политые скользким пластиком. Матильда усмехнулась.

Юл сделал неопределенное движение головой, означающее: чему ты смеешься? Матильда сделала еще более неопределенное движение головой, означающее: забудь, не стоит упоминания. И отвела взгляд, успев, впрочем, заметить, как в глазах Юлия мелькнула досада — всплыла и тут же утонула.

Он хочет, непременно хочет знать, чему она смеется, отчего грустит, о чем думает. Ему нужно знать о ней как можно больше, чтобы это знание, эта информация, имеющаяся в его распоряжении, связывала Матильду по рукам и ногам. Чтобы Матильда наконец-то потеряла маневренность, свое основное преимущество. Какая скука. Матильда смотрит на экран мобильного, заменяющий ей часы:

— On y va?..[9]

На стенде — ее работа, хорошая, причесанная, но не излишне, остроумная, но не шокирующая, идеальная для продажи. Юлий тянет Матильду к стенду, но она сопротивляется. Ей не хочется встречать знакомых, не хочется вести пустые разговоры, расточать улыбки. Почти силой она вырывает руку из руки Юлия и переходит на дру-

---

[9] notes: 9
Идем?.. *(фр.)*

гую сторону павильона. Матильда раздражена и перемещается от одного объекта к другому, не видя их. Чуть поодаль какой-то блондин в белой рубашке навыпуск фотографирует картины маленькой цифровой камерой. Блондин убирает камеру от лица, и Матильда узнает коллекционера М. На биеннале слишком много москвичей. М. по-детски лучезарно улыбается, демонстрируя кривоватые резцы. Матильда улыбается в ответ. При том количестве денег, которое М. тратит, покупая предметы искусства, он мог бы иметь идеально ровные зубы, белоснежные, как снега Килиманджаро, чтобы сверкать ими нью-йоркским дилерам и хватать за горло московских конкурентов. Матильда обезоружена несовершенством его зубов и искренностью улыбки. Она делает шаг навстречу.

Спустя несколько минут ничего не значащей и ни к чему не обязывающей беседы М. рассматривает на стенде работу Матильды. Это объект, что-то вроде кофейной мельницы в виде женской фигурки. Дама в барочном наряде стоит в позе борца сумо. Ее фарфоровая головка с высокой прической насажена на ось рукояти и вращается вместе с ней. Между ножек дамы, затянутых в белые чулочки, — грубая навинчивающаяся

решетка от мясорубки, а под ней выдвижной ящичек, в который обычно высыпается свежемолотый кофе. Но вместо кофе на дне ящичка — полфунта омерзительно натурального на вид сырого фарша. Фарш, конечно, не настоящий — Матильда долго экспериментировала с массой для моделирования.

— Как называется эта работа? — спрашивает М.

— «Блаженства», — отвечает Мати. — Жернова блаженств перемалывают даму изнутри, превращая в фарш, пока от нее не останется одна пустая оболочка.

— Вы много об этом знаете?

Отступая, Матильда идет по кругу. М. осторожно, чтобы не спугнуть, следует за ней. Мати перечисляет:

— Есть семь смертных блаженств. Сон после рассвета, вино до заката, возвышение над равным, украшение себя, обладание вещами и волшебные порошки.

— По-моему, вы забыли *седьмое блаженство.*

— Я никогда о нем не забываю.

Иногда Матильде кажется, что она напрасно преувеличивает свою сексуальность. По большому счету, секс имеет смысл только в двух случаях:

для того, чтобы зачать ребенка, и по любви, когда без этого просто никак. Но таковы уж правила игры, ею же самой и установленные. Пусть М. думает о ней как о женщине, одержимой сексом. Это лучше, чем если он не будет думать о ней совсем. Матильда ищет подтверждений своего существования, Матильда утверждает свое бытие в чужих мыслях, ей необходима эта работа.

А когда мы логинились на этом свете, все ставили флажок напротив «помнить меня». Хочется быть незабвенной, просто из кожи вон лезешь, а ведь наверняка окружающим запоминаются совсем не те вещи, которые ты им навязываешь, не те жесты и словечки и цветовые акценты и голосовые модуляции, которыми ты обозначаешь территорию своей непохожести. И пока ты храбро врешь, что твой дедушка был княжеского рода, собеседник видит только шпинат, застрявший у тебя в зубах. И ты никогда, скорее всего, не узнаешь о том, что мальчик, подглядывавший за тобой из соседнего окна, пока ты курила на балконе, всю жизнь будет стряхивать пепел с сигареты безымянным пальцем. Чужие воспоминания о твоей собственной персоне, чужие сны о тебе — вот что не дает тебе покоя. Все оттого, что твоя уникальность для тебя самой слишком

естественна и потому парадоксально необнаружима, и ты тратишь время в поиске подтверждений. И зачем лезть в чужую голову, зачем быть Джоном Малковичем, зачем смотреть на мир чужими глазами, если в поле зрения не будет тебя самой? Ты так придирчива к портретам, и фотографиям, и текстам, описывающим тебя, и диктофонным записям собственного голоса, даже к отражениям в зеркалах: может быть, они хороши, но насколько близки к оригиналу? Ты желаешь познавать себя как объект, тебе прискучила субъективность. Ты размышляешь, какова ты в постели, насколько искренней выглядит твоя улыбка, надеясь однажды выхватить ясным взором свой образ и очароваться им. Но как избавиться от мыслей о том, что кто-то вспоминает о тебе с отвращением? Например, тот, кого соблазнила по пьяни, да так и уснула под ним, дыша перегаром и, возможно, храпя. А может, остаток ночи он потратил на то, чтоб смотреть, умиляясь, на пьяное дитя с нежной грудью и пухлым ртом. А может, он просто забыл о тебе, как лампочку выключил, и в его вселенной ты навсегда захлебнулась абсолютным небытием. А может, кто-то, о ком совершенно позабыла ты, думает о тебе как о прекрасной и

редкой комете и пытается угадать, каким он тебе запомнился. А может, начхать и бросить эту головоломку, этот нерешаемый пазл из мнимых отражений, над которым ты бьешься и бьешься лишь потому, что не можешь, не умеешь, никак не научишься любить себя.

Когда Юлий наконец-то нагнал Матильду, в ее руке был продолговатый черный конверт.

— Что это?

— М. дал мне приглашение на ужин, который устраивает Х. в Палаццо Лоредан. Будет большая тусовка.

— Ты идешь с ним?..

— Зачем же. Приглашение на два лица. Я иду с тобой. Сегодня в десять.

Эта досада в глазах Юлия, всплывающая и тут же уходящая на дно, как поплавок. Как будто нетерпеливая рыба внутри него тянет и дергает приманку, насаженную Матильдой на крючок. Матильде не нужна эта рыба. Для Матильды она несъедобна. Матильда всегда отпускает рыбу обратно. Но рыба-Юлий все возвращается и возвращается, какими бы долгими ни были промежутки между этими возвращениями. Если бы не секс, это тянуло бы на добрую дружбу, ведь так или иначе они вместе уже десять лет. К радости

Юлия и горькому сожалению Мати, отказаться от секса друг с другом им не под силу, и наверное, пора объяснить, почему.

Будущее для Матильды всегда обладало преувеличенной притягательностью. Она словно страдала временной дальнозоркостью, порой почти не различая того, что происходит с нею здесь и сейчас. Где-то там, в будущем, существовали волшебные двери, за которыми было заперто от нее все самое интересное. И она бежала, бежала, не переводя дыхание, а будущее, как ему и подобало, все отодвигалось от нее. Завтрашний день всегда оставался завтрашним, а блеклое, невыразительное сегодня продолжало обступать ее со всех сторон.

В то время как сверстницы Матильды вовсю влюблялись в одноклассников и соседей по двору, переживали все свойственные возрасту любовные коллизии, плели интриги и претерпевали крушения иллюзий, Мати оставалась холодна. Ее любовь, как ей представлялось, ждала где-то за поворотом, до которого всегда оставалось еще несколько шагов. На самом деле, она так быстро бежала по направлению к своему упоительному будущему, что любовь просто не могла за ней угнаться. Многие из ее подруг уже успели вый-

ти замуж и даже развестись, а сама Матильда была близка к отчаянию, когда первая любовь наконец настигла ее. Должно быть, устав, Мати потеряла бдительность, замедлила бег и вдруг обнаружила, что тот самый поворот, за который ей так не терпелось заглянуть, находится прямо у нее перед носом. Не сбавь она скорость, так и проскочила бы его, не заметив.

Особенно поучительно было то, что нагнавшая Матильду любовь преподнесла ей в качестве объекта не загадочного незнакомца, встречу с которым Мати предвкушала, торопясь в будущее. Объектом оказался тот, с кем она к тому времени пять лет проучилась на одном курсе архитектурного института.

Шел девяносто восьмой год. После дефолта, в самом начале предпоследнего семестра, хозяйка квартиры, которую Мати снимала пополам с подругой, вдвое подняла арендную плату. Платить столько они не могли, и подруга перебралась к родственникам в Чертаново. Матильда перевезла вещи к родителям, но скорее бы отгрызла себе руку, чем вернулась к ним жить. Ее отношения с мамой Ниной переживали не лучшие времена. Погруженная в невеселые думы, она сидела в кафе над чашкой стремительно остывающего

кофе. Кай расположился за столиком напротив с бутылкой болгарского вина; он бросал на Мати короткие беспокойные взгляды. Так прошло минут двадцать или тридцать, обоим было скучно и одиноко. Когда заходишь в кафе с единственной целью убить время, нужно быть готовым к тому, что схватка предстоит нешуточная. Чувствуя угрозу, время меняет агрегатное состояние. Оно становится вязким и клейким, облепляет тебя, лишая доступа кислорода, и начинает течь втрое медленнее.

Кай и Мати знали друг друга в лицо: очень уж приметная внешность была у обоих. Имена тоже были приметные, но, как оказалось, имени Матильды Кай не помнил. Он подошел к ее столику, поклонился и вежливо спросил, не составит ли она ему компанию. Мати согласилась от нечего делать. Ей всегда казалось, что Кай смотрит на всех свысока, а спесивых она не любила. Но это впечатление оказалось поверхностным. Кай был почти застенчив, много улыбался, и на всем, что он говорил, словно лежал особый отсвет искренности.

— Прости, я не знаю, как тебя зовут.

— Матильда. Как же ты за столько лет не запомнил моего имени?

— Не знаю. Наверное, мне было не нужно. Мысленно я называл тебя Beauty[10].

Они допили вино и заказали еще бутылку. Потом Кай вызвался проводить Мати, но оказалось, что провожать ее особо некуда. Тогда, остановившись посреди улицы, он волевым решением затолкал девушку в такси и повез к себе домой, где обещал выделить ей комнату на то время, пока не разрешатся ее жилищные проблемы. Пьяненькая Мати, в общем, не против была заплатить подразумеваемую цену, но Кай ни единым намеком ее не обозначил. Просто перетащил кое-что из своих вещей в комнату брата, выдал Матильде простыни и полотенца и целомудренно поцеловал ее в лоб.

Юлий был близнецом Кая. Большая двухкомнатная квартира осталась братьям от матери. Их отец умер, а мать уехала работать за границу — преподавать русский язык в Марселе. Там она вышла замуж за француза, на десять лет моложе себя, и родила третьего сына, которого, как нетрудно догадаться, назвали Сезаром. В этой квартире Мати прожила три месяца, хотя уже через три дня однокурсницы помогли ей выхло-

---

[10] notes: 10
Красавица *(англ.)*.

потать место в общежитии.

Сначала Матильда чувствовала себя благодарной Каю — за то, что он ее приютил, за то, что не приставал с советами и расспросами, а особенно за то, что он ее не домогался. Потом ей стало казаться странным, что их отношения не развиваются по расхожему и в целом логичному сценарию. Она была уязвлена тем, что Кай совершенно не выказывает к ней ни малейшего сексуального интереса, и мало-помалу начала провоцировать его сама. Кай не реагировал, Матильда злилась и распалялась и в конце концов поймала себя на том, что желает его сама. Но испугало ее не это. К чувствам, которые она испытывала к Каю, помимо благодарности, симпатии и зарождающегося желания примешивалось какое-то хрупкое, головокружительное, ни на чем не основанное восхищение.

Впервые за много лет Мати никуда не торопилась. Ей вдруг расхотелось бежать; будущее утратило былую привлекательность. Кай, существующий рядом с ней в настоящем, внезапно сфокусировал на себе все ее зрение, все мысли и весь интерес. Бескорыстное восхищение самим фактом существования Кая захватило Матильду, и это чувство было таким новым и ярким, что

в каждом его мгновении ей хотелось застыть навечно.

Кай как объект любви бесконечно рос в ее глазах: каждая вновь открытая в нем черточка дополняла общую картину, облекала новыми смыслами. Ее любовь была как сокровищница, к которой ежедневно что-то прибавлялось. Матильда богатела и чахла над своим златом, не видя ему применения и не желая с ним расставаться. Преображение Кая и ее самой было для Мати настолько очевидным, что ей даже не приходило в голову рассказать Каю о своей любви. Ей думалось, он знает все с первой минуты и принимает естественно, как должное; в этом было что-то царственное — и конечно же восхитительное. Иногда за чаем, не смущаясь присутствием Юлия, Мати склонялась лицом к столу, чтобы поцеловать руку Кая, потому что этого требовало растущее в ней восхищение.

Наверное, если бы сейчас Матильда могла увидеть эту картину со стороны, она бы поразилась тогдашней своей слепоте. Но в те дни даже легкая брезгливость, рябью пробегавшая по лицу Кая от ее поцелуев, казалась ей прекрасной.

Кай был добр и действительно искренен, и как друг он был безупречен. Просто он не любил ее.

Иногда Мати думала, что это и к лучшему: если бы любовь была взаимной, от избытка счастья ее бы просто разорвало. По ночам, лежа в комнате Кая, на его простынях, она не переставала видеть внутренним взором его улыбающиеся глаза, крошечный шрам над верхней губой, удивленно изогнутые брови. И руки, особенно руки, словно сделанные на прихотливый заказ. Каждый раз, когда рукам Кая случалось дотронуться до нее, она чувствовала мгновенный ожог, будто ядовитая медуза стрекала ее своими щупальцами. Матильда не могла вообразить себе ни его ласк, ни его наготы: представляя руки Кая, она вмиг оказывалась на пике возбуждения, терпеть которое было слишком тяжело.

Кай и Мати проводили вместе много времени. Стояла холодная промозглая осень, и по вечерам они редко выбирались из дома. Выходить Кай предпочитал в одиночку, куда шел и чем там занимался, сам не рассказывал, а Матильда не спрашивала. В институте они делали вид, что едва знакомы: на этом настоял Кай, якобы для того, чтобы избежать ненужных сплетен и пересудов. Но теперь Матильде помнилось, что вечеров, проведенных с ним наедине, было множество, почти бесконечная череда. Кай любил выпить, и Мати

варила глинтвейн из дешевого вина и апельсиновых корок. Они валялись на диване в комнате Юла, бывшей по совместительству гостиной, слушали музыку и болтали. Юл, уже окончивший журфак, часто ездил в командировки или допоздна засиживался в редакции. Иногда, возвращаясь за полночь домой, он обнаруживал их уснувшими рядком перед телевизором.

Кай был прожектером. Собственно, Матильда понимала его как никто другой: все его мысли так или иначе крутились вокруг будущего. Способный, но ленивый мальчишка с упоением мечтал о том, какой успех его ждет. Он намеревался стать великим архитектором и в деталях рассказывал, что и где собирается построить и как изменится мир, когда узнает о Кае. Дальше разговоров дело не шло. В то время как однокурсники подыскивали себе приработки в дизайн-студиях и конструкторских бюро, Кай пальцем о палец ударить не хотел. Матильде это было только на руку: для нее это означало лишние часы вдвоем с возлюбленным.

Одержимость Матильды Каем доходила до странностей. Например, она перестала опускать сиденье, прежде чем воспользоваться унитазом. Порой втихаря чистила зубы его зубной щеткой,

испытывая неземное наслаждение, или вскакивала с места, когда он выходил из комнаты, чтобы прикоснуться губами к дверной ручке, которой только что касалась его рука. Особо пристальным вниманием пользовались стаканы с недопитой Каем водой: Мати буквально охотилась за ними, словно надеялась подцепить с них какую-то блаженную заразу, которая соединит их крепче, чем кровные узы. Однажды Юлий застал ее, допивающую за Каем остатки холодного чая с выражением изумленного сладострастия на лице. Юлий схватил ее за руку и прошипел:

— А ну, поставь на место.

— Но это всего лишь чай! — защищалась Матильда.

— Думаешь, ни я, ни он ничего не замечаем?.. Менада чертова. Смотреть на тебя противно.

Юл уже вышел из кухни, но вдруг вернулся и добавил:

— Кстати, когда ты дрочишь, ты ухаешь как сова.

Матильда закрылась в комнате и залилась слезами. Было совершенно ясно, что оставаться в доме у братьев больше нельзя, но покинуть этот дом у нее не было сил. Мати собрала всю свою гордость и засунула поглубже в задницу. Это ока-

залось легко. Все самые трудные вещи становятся намного проще, если творить их именем любви.

Тем стылым декабрьским вечером Кай пришел домой поздно. Точнее, даже не пришел, а почти приполз: он был мертвецки пьян. Не раздеваясь, он ввалился в комнату, которую делил с Юлием, и рухнул на разобранный диван. Матильда стащила с него ботинки и куртку. Кай нежно и глумливо улыбнулся и потрепал ее за ухом:

— Хорошая девочка.

— Что у нас сегодня за праздник? — поинтересовалась Мати, хотя прекрасно видела, что напился Кай вовсе не от радости.

— Я поссорился с одним человеком.

— А надрался так, словно со всем миром.

— А может, этот человек и был для меня весь мир.

Матильда осторожно прилегла рядом и обняла Кая за шею. Он откинул ее руку и завозился: ему было нехорошо. Она спросила:

— Ты поссорился со своей девушкой?.. Могу я тебя утешить?

— Нет, Beauty, не в этот раз.

— А мне кажется, могу, — настаивала Мати.

Кай прикрыл глаза, и несколько секунд она любовалась его красивым мальчишеским лицом,

так остро переживая эту красоту, будто знала, что это последнее, что ей довелось увидеть перед смертью. И в этот момент ее сокровищница переполнилась. Жемчуг и бриллианты потекли из ее глаз и лона, золото закапало с губ; она легла на Кая сверху, придавив его своим телом, и прижалась щекой к его лицу. Из ее груди рвался какой-то хриплый и нежный клокочущий звук, не людской, скорее птичий. Кай стонал, вырываясь из ее объятий, он не хотел утешения, не хотел утешать Матильду и особенно яростно не хотел ее любви.

Мати сдалась и отползла. Саднящая боль наполняла ее всю; это была адская смесь унижения, неутоленного желания, безнадежности, бешеной злости и обожания. Освободившись от пут Матильдиной ласки, Кай мгновенно уснул. Мати сидела на другом конце дивана, обхватив колени руками, и до ее ноздрей долетало дыхание Кая — чистый спирт пополам с грейпфрутами. Больше, чем любви Кая, ей в тот миг хотелось его исчезновения. Мысленно она воспламеняла взглядом исходящие от него алкогольные испарения; Кай вспыхивал синим огнем и мгновенно сгорал, не оставив даже золы. Но в момент, когда от него ничего не оставалось, Матильде начинало его не

хватать, и она материализовала его снова и снова. В конце концов, повинуясь внезапно возникшему императиву необъяснимого бесстыдства, Матильда разделась донага и легла рядом с Каем, не прикасаясь к нему. За ее крестцом и между бедер залегла свинцовая тяжесть, словно она была беременна пушечным ядром. Она боролась с искушением опустить руку к своему межножью. И тут хлопнула входная дверь, и вошел Юлий.

Юлий походил на пересвеченный фотоснимок своего брата. Все в нем было на тон бледнее: цвет лица, голос, улыбка, пластика. Но, несомненно, они были очень похожи, как и полагается близнецам. Какой-то непостижимо долгий отрезок времени Матильда и Юлий, застыв, смотрели друг на друга. Матильда ожидала его гнева, чувствуя себя совершенно беззащитной. Она была как рыжая лисица на белом снегу под арбалетным прицелом. Но Юл почему-то не гневался. По его лицу вообще невозможно было определить, какие чувства он испытывал. И тогда Матильда протянула руки ему навстречу.

Можно подумать, это был чисто покерный жест бесшабашного риска. На самом деле то, что руководило Матильдой, было чем-то очень древним, поднявшимся из непроглядных глубин подсо-

знания. Юл почувствовал честность, с которой Матильда предлагала ему себя, почувствовал сокрушительную силу ее женственности, как лазерный пучок, пробивающий громадную дыру в его защите, и упал перед ней на колени.

Это не было похоже ни на один секс в ее жизни. Затяжные, мучительные оргазмы накрывали ее один за другим, сменяясь, как времена года. Матильда оглохла; в ее ушах стоял непрерывный звон, точно сгорала вольфрамовая нить. Открывая глаза, чтобы хлебнуть ими красоты Юла, она видела перед собой лицо Кая, незнакомое, жестокое и жаркое. Они оба будто испытывали новое оружие небывалой мощи; это была всасывающая, бессмысленная страсть, начисто лишенная даже проблеска разумного.

Когда все закончилось, Матильда молча спрыгнула с дивана и направилась в ванную. За время соития боль и тяжесть ушли из нее, и теперь она чувствовала только опустошение и зверский голод.

Юл ждал ее на кухне. На нем был полосатый махровый халат. Юл поймал Матильду за край футболки и, любуясь, процитировал:

Лишь бледной струйкой Млечный путь

Стекает по бедру.

Но ты умрешь когда-нибудь.

И даже я — умру.

Не глядя на него, Мати открыла холодильник и зашуршала пакетами. Юлий сказал:

— Кай мне сегодня звонил. Они с Ильей расстались.

Илью Матильда видела пару раз: он заходил в гости. Худой высокий юноша с кривоватой ухмылкой и насмешливыми колючими глазами.

— В каком смысле расстались?

— Мой брат — пед. Ты не знала?

Матильда замерла с куском колбасы в одной руке и апельсином — в другой.

— Мотя, окстись. Он же «голубой», как майское небо.

В этот момент у Матильды внутри происходило что-то вроде тектонического сдвига. Она несколько раз открыла и закрыла рот, как рыба. Потом произнесла:

— Ты лжешь, потому что ненавидишь меня.

Юлий только рассмеялся. Он не лгал и не ненавидел.

Кай появился на пороге бесшумно, что было удивительно, если учитывать его состояние.

Он был полностью одет и обут. Юлий не успел спросить его, куда он собрался. Кай подошел к Матильде, взял ее за подбородок и повертел. Ее руки все еще были заняты апельсином и колбасой. Кай прищурился:

— Я все видел и все слышал, голуби сизые. Я сейчас уеду по делам, а ты, — он обращался к Матильде, — ты в это время соберешь вещички и тихо умотаешь в свою общагу.

— Кай, ты не можешь… — начал было Юлий. Кай хмыкнул.

— Нет, Юл, это она не может.

Мати швырнула еду на стол.

— Чего? Чего я не могу?! С братом твоим спать не могу? Почему это, скажи на милость?.. Потому что ты — как собака на сене, да?!

— Нет, дура. Потому что он любит тебя! А ты его — нет! Ты, дура, меня любишь! А спишь — с ним! Вот так все просто. Что тебе еще объяснить? Почему я не хочу, чтобы ты вытирала ноги о моего брата?

Кай помедлил. Потом добавил, почти спокойно:

— И да, Юлик сказал правду. Я действительно га-лу-бой. И я поехал мириться со своим лавером.

Юлий вскочил:

— Ты не должен садиться за руль! Давай я тебя отвезу.

— Иди к черту. Без сопливых скользко. Помоги барышне собраться.

— Кай, ты пьян. Обещай, что возьмешь такси.

— Обещаю.

Когда дверь за Каем захлопнулась, Юлий подошел к окну и стал ждать. Послышался писк сигнализации, потом заурчал мотор.

— Проклятье! — Юлий вскочил на подоконник и высунулся в форточку. — Кааай!

Ветер унес его голос в дымную черноту над Москвой.

Мати действительно переехала в общежитие. Единственное, о чем она жалела, — что не сделала этого раньше. Кай лежал в больнице, и теперь оставаться в одной квартире с Юлием было действительно неудобно. Пару раз она даже приходила навестить Кая в палате, но он на нее не реагировал. Просто лежал, скрытый от нее своими повязками, молчаливый и безучастный. Травмы были не очень тяжелыми, но все лицо Кая прошило, как метеоритным дождем, осколками лобового стекла, и левый глаз спасти не удалось.

В институте он появился только в начале сле-

дующего семестра. Повязка на глазу, трость, на которую он опирался, и свежие шрамы на лбу и щеках взволновали Матильду. Это были несомненные приметы мужественности, они украшали Кая. И в то же время Мати узнавала его родное, любимое лицо, изученное ею до последней черточки, лицо, по которому она так тосковала и сходства с которым неустанно искала в облике Юлия. Известие о том, что Кай гомосексуален, никак не отразилось на чувствах Матильды. Просто ее любовь стала чуть горче, словно в нее долили морской воды.

Кай защитил диплом едва на тройку. Вскоре Илья увез его в Америку, к своим родным. Он так и не заговорил больше с Матильдой. Спустя некоторое время Юлий рассказал, что в Америке Кай устроился в книжное издательство дизайнером-иллюстратором. Место было не ахти, но менять его Кай не торопился. Теперь ему было удобно оправдывать свое бездействие отсутствием глаза, в потере которого он почему-то винил Матильду.

Отношения Матильды и Юлия сложно было назвать здоровыми. Они оба лишились Кая, и это сблизило их. Они могли бы остаться друзьями, но исключить из жизни секс друг с другом было выше их возможностей. Слишком сильна была

инерция той первой ночи, как если бы нескончаемая взрывная волна продолжала катиться сквозь годы. Это был вечный двигатель: Матильда не могла забыть Кая и потому отдавалась Юлию; Матильда раз за разом отдавалась Юлию и потому не имела шансов забыть Кая. Кай всё длился, всё продолжался в своем брате: прежний Кай, с двумя смеющимися глазами и одним крохотным шрамиком над верхней губой, который Мати в минуты близости мысленно дорисовывала Юлу.

А Юл никогда не говорил Матильде о любви, но это не означает, что он ее не любил. Вообще ничто ничего не означает. Его любовь не была похожа на «здесь-и-сейчас-любовь» Мати в те времена, когда Кай еще был с ними обоими. Это была любовь-ожидание. Ожидание того дня, притаившегося где-то за грядущим поворотом, когда взгляд Матильды наконец перестанет разыскивать в его наружности черты Кая и различит его собственные.

В этом ожидании Юл провел десять лет и пережил множество больших и малых увлечений Матильды без особого напряжения и ревности. Он знал, что сам он всегда будет лежать у Мати на отдельной полочке, вне любых сравнений с кем бы то ни было, кроме Кая.

И вот в лице коллекционера М. он вдруг почувствовал угрозу и был неприятно этим удивлен.

Ужин в Палаццо Лоредан затягивается допоздна. Матильда выходит на балкон и закуривает сигарету. Каменные перила уставлены плошками с огнем: так злые венецианские комары меньше беспокоят гостей. Мрачная роскошь звездной ночи бросается Матильде в глаза. М., стоящий к ней спиной, оборачивается.

— За каким столом вы сидите?

— «Санкт-Петербург», а вы?

— «Самана».

— «Самана»?

— Видимо, его хотели назвать «Самара», но перепутали буквы.

Волосы М. совсем светлые, того удивительного оттенка, который был бы у волос Матильды, не выкраси она их стойкой краской цвета «сияющий каштан», чтобы наконец перестать быть блондинкой. Широкая переносица и глубоко посаженные темные глаза делают его похожим на полярного медведя. Если бы с М. ваяли скульптуру-аллегорию, она бы называлась «Уверенность». Не та волевая уверенность, которая подразумевает рубленый подбородок и цепкий взгляд. Подбородок как раз слабоват. Скорее, это

вальяжная уверенность сибарита в том, что ему доступны все земные блага. Его взгляд будит в Матильде странные чувства. М. не оценивает Мати, не раздевает ее взглядом, не пытается завладеть ее вниманием. Он смотрит на нее так, словно она уже принадлежит ему. Словно Матильда — красивая и дорогая вещь, возможно лучшая в его коллекции, с которой он один умеет обращаться и владеть которой достоин он один. Словно он уже многажды брал ее, буднично и властно, и им это нравилось обоим. Словно у Матильды никогда не было и не будет повода отказать ему.

И почему-то это льстит ей. Почему-то ей хочется, чтобы это было правдой.

— Ваша работа в «Корниче», — говорит М., — я много думал о ней. Хочу ее приобрести.

— Вы могли бы сделать это в Москве.

— Я успел пожалеть, что был к вам невнимателен.

— Что мешает вам проявить внимание сейчас?

Мати отворачивается и делает вид, будто любуется отражающимся в канале звездным небом. Ей ненавистна игра, в которую она всегда играла с удовольствием. Она чувствует в себе накопленную усталость материала. Чувствует все тридцать с хвостиком, прожитые то ли в погоне

за любовью, то ли в бегстве от нее. Все, что она может сейчас выиграть в этой игре, — пара встреч в дорогом отеле: приумножить его уверенность и свою неприкаянность.

Юлий с бокалом шампанского бесцеремонно протискивается на балкон и кладет Матильде руку на затылок: метит территорию.

— Вы знакомы? — спрашивает Матильда.

— Заочно, — легкомысленно роняет Юлий.

— Нет, — твердо говорит М.

— Юлий Гранич, мой близкий друг. Господин М., коллекционер современного искусства. Интересуется моими «Блаженствами».

— Непременно куплю, — обещает М. — Приятно было познакомиться. Моя спутница, должно быть, заскучала.

М. делает шаг к двери.

— Ваша спутница отправилась в дамскую комнату, — сообщает Юлий. — Ей в декольте только что упал жирный моллюск в сливочном соусе. Бедняжка испортила все платье.

Когда М. уходит, Матильда стряхивает руку Юлия.

— Ты выслеживал его спутницу?

— Там нечего выслеживать. Это самая пьяная гостья на вечеринке.

— Ты злишься.

— А ты зря тратишь свои чары. Если он захочет тебя купить, он тебя купит. Вместе со всеми твоими блаженствами и со всем твоим фаршем.

Юлий и М. находились на разных полюсах Матильды. Юлий, деливший с нею ложе много раз, никогда не посмел бы сказать «она моя». М., не познавший Матильды, утверждал «она моя» всем своим видом. По его мнению, все женщины были более или менее одинаковы, а значит, зная нескольких, он знал их всех. М. называл это *экстраполяцией.* В поведении женщин для него не было никакой загадки. Все они желали удовольствий, нуждались в защите и хотели размножаться. Кроме того, многие из них ценили романтику. Под романтикой женщины подразумевали, что желаемые ими удовольствия мужчина должен доставлять без лишних намеков и напоминаний. На взгляд М., в том, чтобы купить женщине шубу нужного размера да подороже, романтики было ровно столько же, сколько в любой другой честной сделке. Но на взгляд женщины, это, несомненно, был романтический поступок. Однажды М. принял это к сведению, как принимают правила ухода за домашними животными или растениями, и с тех пор не знал

поражений. Женская вселенная изумительно однообразно вращалась вокруг одних и тех же нехитрых вещей. Женщины не любили работать, обожали путешествовать, получать подарки, хвастать и трахаться своим любимым способом. М. не презирал и не осуждал их за это. Просто это было так, и с этим надо было смириться — или забыть о том, чтобы владеть всеми женщинами мира. В том, чтобы соблазнить женщину, не потратив ни копейки, тоже была своя доблесть, но такой сценарий оставлял место для попреков. А попреки М. раздражали.

Купить «Блаженства» М. не смог. В «Корниче» он на час разминулся с Юлием.

Юлий знал, что забрать статуэтку сразу после заключения сделки ему не удастся. До закрытия ярмарки она будет стоять на стенде с пометкой «продано», и только потом ее доставят новому владельцу. Но это знание не избавляло его от легкого привкуса разочарования. Из «Корниче» он отправился шататься по Венеции, знойной, илистой и бесприютной. Когда он приглашал Матильду на биеннале, он представлял себе все совершенно иначе. Юл не ждал, что Матильда будет такой отстраненной, и уж подавно не чаял

никакой помехи в виде М. Беда Юлия была в том, что за годы, проведенные на орбите Матильды, он стал к ней слишком чуток, и его приемник уже не ловил других волн. Внезапный интерес Мати к М. продлевал ожидание Юлия на еще один неопределенный срок.

И впервые за последние десять лет Юл почувствовал, что не может больше ждать. Будущее время, которого всегда было так много, вдруг истончилось и опало. Юл был словно канатоходец, только что шедший по звонкому канату и случайно обнаруживший под ногами моток ветхого кружева, готового распасться в любую минуту. Он испугался, но это не был страх нечаянной смерти. Это был страх провести подле Матильды весь свой век, оставаясь для нее невидимым. Он также понял, что, оставаясь невидимым, «фонил», как источник радиации, отравляющий всех, кто приближался к Мати. Он ни во что не вмешивался, просто существовал, и он был амулетом, хранящим Матильду от любви. Он был ее венцом безбрачия. Напрасно Юлий пытался внушить себе, что дело было не в нем, а в Кае и в том, что Мати продолжала его любить. Это не Кай, а он, Юл, десять лет путался под ногами у Матильды, протягивая руку к ее затылку всякий раз, когда в

поле ее зрения появлялся другой мужчина.

Юлий бродил по Каннареджо, и это не была прогулка праздношатающегося туриста, это была его Via Dolorosa[11], его Терновая Венеция. Вместо того поворота, за которым, как он мечтал, ему предстояло обретение Матильды, он видел перед собой развилку. Ему нужно было выбрать: скрепя сердце продолжить ждать — и в конце концов, быть может, спустить свою и ее жизнь в тартарары бесплодного ожидания — или уйти.

Конечно же, пав жертвой самобичевания, Юлий преувеличил свою роль в незадавшейся личной жизни Мати. Просто после Кая с ней не случалось любви, которая не посчиталась бы ни с чем. Но это не означает, что такая любовь дается человеку только раз. Вообще ничто ничего не означает.

В краю, где звезды плачут молоком,
Тоскуя безвозвратно ни о ком,
Их слезы, как жемчужины, во тьму
Летят, чтоб не достаться никому.

Наше солнце так быстро прошло зенит, словно любовь — бабочка-поденка, проживающая

---

[11] notes: 11
Скорбный путь *(лат.).*

жизнь за световой день. Если продолжать астрономические сравнения, наступили гражданские сумерки, время глубоких теней. Я догадывалась, нет, знала, что этот момент с неизбежностью настанет. Миг, когда я больше не смогу удерживать сдвигающуюся кальку и вынуждена буду признать: это не моя любовная история. Можно длить ее ради Игоря или ради чужих глаз, с ленцой следящих за спектаклем, но невозможно сделать ее своей, врастить ее в себя.

Тело Игоря, большое, крепкое, покрытое сибаритским жирком и гладкой кожей с мальдивским загаром, — да, оно нужно мне, нужно лишь для того, чтобы ночью охладить горящие грудь и живот. Это животная потребность, мучение одиноких, о котором не хочешь знать, с гордостью ложась в пустую постель. Но они горят, и простыни горят под тобой, если нет рядом хоть сколько-нибудь живого тела. В своих бессонных странствиях через ночь я прижимаюсь к его голой спине, раз за разом, внутренне содрогаясь от чистого младенческого запаха, запаха молочного поросенка, источаемого этой неродной спиной. Но, остывая, я не засыпаю, а плачу от подмены, от того, что не Йоши лежит рядом, беспечно доверив мне наготу.

Так зачем, если нет счастья?.. Могу объяснить. Если человеку, к примеру, отрезать руку, он наверняка сможет стать счастливым и с одной рукой. Но никогда — таким счастливым, каким мог бы быть с двумя. Я трачу время моей жизни на Игоря потому, что это — мой способ быть счастливой с одной рукой. Мне просто нужно привыкнуть, и иногда мне это почти удается.

Я снова сделала это; сахарное путешествие завершилось в рекордные три-четыре часа и было предельно информативным. За это время все накопившиеся у меня к тому моменту внутренние проблемы разрешились самым счастливым и неожиданным образом. Самой мучительном из этих проблем была ревность, на которую я по обыкновению своему расходую немыслимое количество душевных сил; она как адская топка, куда я не успеваю подбрасывать поленья. Так вот, я смотрела на Игоря и видела человека, бесконечно устремленного ввысь, чуждого мелочности и суетности. Лишь ту его составляющую, которая не принадлежит быту, никому из женщин, только

Богу и искусству. Это зрелище наполняло и наполняло меня радостью, и вдруг радость превратилась в понимание: то, что нас связывает, то, что может быть у нас общим, — это только жажда познания и красоты. Суть и смысл наших отношений лишь в этом, а не в любовной истории. Если не забывать, зачем мы тут собрались, для ревности не останется повода. По большому счету, его сексуальная жизнь должна меня волновать столь же мало, сколь оная моей сестры, к примеру, или кого-нибудь из друзей. Пресловутая ласка, о которой я столько думала, — факультативна. Это как подарки, которыми мы обмениваемся, желанные, но не обязательные.

Представить себе мою жизнь вне любовной истории невозможно. Но если ее нет у нас с Игорем, это не значит, что ее вовсе нет. Она существует, та же самая, какая была всегда, — история между мной и Йоши, только в другом агрегатном состоянии.

Еще до этого путешествия я часто ловила себя на том, что на мысли о Йоши

может навести меня что угодно. С таким количеством общего прошлого отрешиться от этих мыслей практически невозможно. (Например, я знаю, что мне никогда не пройти спокойно мимо каких-нибудь уличных торговых рядов: когда-то одним из любимых наших развлечений было рассматривать всякую ерунду на прилавках, это нас забавляло. Мы покупали дешевые безделушки и лакомства, преподнося их друг другу.) Каждый раз, когда я вспоминала о нем, я чувствовала нечто вроде укола или легкого толчка в солнечное сплетение и уже привыкла к этим точечным вспышкам. В какой-то момент путешествия я оказалась в просторном выставочном зале. Играла какая-то дивная музыка, и зал я видела как пустую осеннюю аллею. Я шагала по ней, не двигаясь с места, воздух был прозрачным и чуть дымным. И весь этот воздух наполнял собой Йоши, моя бесконечная история. И я шла по аллее в окружении его вневременной любви. В то же время Игорь словно был лишен возможности растворяться и проникать

в моем мире повсюду. Именно в моем, и мне легко было оставить за ним право населять чужие вселенные. Для меня он существовал как цельный объект в поле моего зрения, который невозможно все время там удерживать.

Психонавтика требует внимательного и сосредоточенного отношения. Если относиться к лунному сахару как к веществу познания, все, что с ним связано, облекается особым смыслом. Никогда не устану поражаться глубокой перспективе, присущей любому сахарному переживанию. Причем с каждым разом планка, которую ты берешь, все выше, хотя и находится в некоторой зависимости от чистоты намерения и серьезности подхода. Думаю, уместно было бы предостеречь начинающих психонавтов от употребления лунного сахара с развлекательной целью. Если он попадает кому-то в руки, то попадает не просто так, и глупо пренебрегать возможностями, открывающимися сознанию в путешествии. Отправляясь в путь, лучше делать это в полной концентрации, хорошей ком-

пании и настроившись на восприятие самой важной информации. Обычно первые два-три путешествия уходят на то, чтобы освоиться в Истинном Мире и вычленить и научиться узнавать голос, сообщающий тебе недостающие вещи. Иногда он вступает в контакт через посредника; им может оказаться любой предмет, на котором остановилось внимание. Иногда он воспринимается как чужеродная мысль в собственном мозгу, зачастую невербализованная, но от этого не менее ясная. При употреблении в одиночку путешествие может быть тяжелым и сумбурным; трудно переключиться с одного вида деятельности на другой, возникает зацикленность и тягостная маета от невозможности разделить с кем-либо свои переживания. Чем ближе душевное родство со спутником, тем приятнее дорога и тем полезнее полученное знание для ваших отношений. Но это к слову.

Когда-то в романе Эриксона «Дни между станциями» меня удивила одна деталь. Автор, мастерски владеющий словом, описывал чувство главного героя к девуш-

ке, с которой он вместе вырос и которую безумно любил. Когда герой гулял по саду, ее лицо виделось ему в сплетении ветвей. Мне тогда показалось странным, что Эриксон прибег к такой тяжеловесной, чересчур сентиментальной словесной конструкции. Но лишь войдя в аллею, я поняла, какой точной была эта фигура речи. Образы моего вечного возлюбленного были везде, они были запечатлены в каждой мельчайшей частице материи. Это было совершенное обладание, свободное от страдания, в которое вечно ввергает влюбленных ненасытность. И в этом состоянии, казалось, можно вовсе обойтись без секса, потому что каждый вдох — это полное любовное слияние. Я ни секунды не сомневаюсь в том, что Йоши исключительно талантлив в любви. Наверное, этот талант — в неутолимом интересе, во всепроникающем любопытстве к предмету. Он ищет подобия, максимального количества точек соприкосновения с любимым существом, находя в этом главную радость. И конечный результат идеально исполненной любовной истории — как

раз смена агрегатного состояния. Исчезая из чьей-то жизни, идеальный любовник остается в ней незримо, заставляя человека чувствовать крошечные электрические разряды в солнечном сплетении, напоминая о себе снова и снова. Такое завершение безболезненно, даже если знаешь, что больше никогда не суждено увидеться.

Это абсолютно не значит, что Игорь начисто лишен любовного таланта, просто он лишен возможности проявить его со мной. После всех попыток приручить, прибрать его к рукам как мужчину я вдруг четко осознала, что люблю в нем чистую, гармоничную сущность, его великий комический дар и неукротимую волю к усовершенствованию себя и всего, что его окружает. И теперь мне, как прилежной ученице, нужно что-то делать на практике с этим знанием. Перестать наконец ревновать и выдумывать то, чего нет. Принять ситуацию. Если так можно выразиться, подчиниться своему знанию. Получив это знание, я была на седьмом небе от того, что нерешаемая головолом-

ка наконец-то так удачно сложилась, а вот теперь я наедине с грустными мыслями. Что поделать — во многой мудрости многая печаль.

Прости меня, Игорь, читающий эти строки. Теперь ты знаешь, от чего действительно я плакала по ночам. То, чего мы в наших любовных союзах не подозреваем, чураемся, не желаем знать. Сама возможность этого нас страшит, как затаившаяся в постели змея. Когда мы обнимаем кого-то — со страстью или просто чтобы охладить пылающий живот, — возможно, наш близкий кто-то внутренне плачет от подмены. Его воротит от нашего запаха, но он стоически обнимает нас в ответ, потому что мы — его способ быть счастливым с одной рукой. Это вещи, в которых двое никогда друг другу не признаются, учтиво симулируя обоюдный оргазм. Не из трусости — из чистого гуманизма. Это самые грустные вещи на свете, но стыдный, молчаливый, страдающий гуманизм, с которым берегут друг друга постылые, неродные люди, внушает мне веру в человечество.

Если наш близкий кто-то пойман на слезах подмены, он говорит, что плачет от избытка чувств, даже от счастья. Он говорит: *Потому что я так*

люблю тебя! — но эти слова адресованы не нам. В лучшем случае — Богу.

Юлий иногда, не часто, навещал Кая в Бостоне. Кай всегда был рад брату, но Матильде передавал лишь сухие приветы. Однажды Юлий спросил его:

— Неужели ты все еще на нее злишься?

Кай беспокойно расхаживал по кабинету, опираясь на палку: после аварии он приволакивал ногу. Остановившись, он посмотрел Юлу в глаза и сказал:

— Юлик, эта женщина — Снежная Королева. Она забрала мой глаз и твое сердце. За что мне любить ее?

Он сказал это так твердо, словно заучил фразу, как «Отче наш». Но настоящей уверенности в его голосе не было, и Юл это почувствовал.

В тот раз он привез Мати из Бостона роскошный меховой палантин, как ни нелепо было везти меха в Россию.

— Вот, это послал тебе Кай. В знак примирения.

— Правда? — Мати восхищенно ощупывала подарок.

— Нет.

— Зачем же ты врешь?

— Я не вру. Я создаю информацию, которую хочу облечь материей. Трансформирую действительность, если тебе угодно.

Юлий набросил мех на плечи Матильды и обнял ее сзади.

— Просто я очень устал и хочу, чтобы вы помирились.

Видимо, трюк Юлия сработал, как всегда срабатывают подобные трюки. Не так, не там и не тогда, но они срабатывают, несомненно. Вскоре Мати получила по электронной почте письмо от Кая. Она сохранила его в особой папочке своего почтового ящика. Вот оно:

Дата: 14.12.06 05:31
От кого: Kay Granich
<kay.granich@gmail.com>
Кому: domino@ngs.ru
Тема: Привет
>Здравствуй, Мати.
>
>Твой адрес я узнал от Юлия.
>Наверное, мне следовало
>написать тебе раньше,
>но раньше я
>не мог.
> Наверное, Юл рассказал

>тебе, как я устроился в
>Штатах и чем >живу.
>Черт, как, оказывается,
>трудно писать
>письма. Короче, пусть
>будет не
>очень складно, но ты
>поймешь.
>Примерно через год после
>того, как я сюда приехал,
>мне
>снился странный
>сон. В нем было одно
>короткое, но очень яркое
>переживание.
>Я будто
>брился у зеркала и вдруг
>почувствовал, что у меня
>зачесался
>левый глаз.
>Не то, что от него
>осталось, а сам глаз, и не
>зачесался, а
> как-то
>заворочался, что ли.
>Я снял тогда повязку и

>увидел, что на
>месте
> глаза у
>меня огромная жемчужина.
>Такого размера, какого было
>мое
>собственное
>глазное яблоко. Аккуратно
>так стоит под веками.
>И я видел
>ею, этой
>жемчужиной. Во сне я,
>помню, дико обрадовался.
>Потом, как водится,
>проснулся и огорчился. Вот.
>А после этого стали
>твориться какие-то
>необъяснимые вещи. У меня
>открылось что-то вроде дара
>ясновидения.
>Причем прозревал я только
>будущее. Если силился
>заглянуть
>в чье-нибудь
>прошлое, у меня ничего не
>выходило. А в будущее,

>случалось, заглядывал.
>Сначала меня это
>позабавило.
>Я развлекался.
>Предсказывал на
>работе, что
>произойдет к концу дня.
>Угадал, в какой день
>редакторша
>сообщит шефу,
>что беременна от него,
> потом — кто и когда у нее
> родится.
>Представлял я
>себе это очень ясно, как
>будто к моему воображаемому
>жемчужному глазу
>подносили раскрытый
>календарь с помеченной
>датой. Люди даже
>потихоньку
>от меня шарахаться начали.
>А мне нравилось,
>прикинь?
>Нравилось
>возвышаться над равными.

>И вот однажды я лежал в
>постели. Илька уже спал.
>Я на него
>посмотрел, и
>вдруг мне так страшно
>стало, прямо скрутило
>всего. Не тем
>глазом
>посмотрел. Не обычным, а
>жемчужным. А он лежит,
>желтый весь, как
>восковой, и трубочка из
>носа. И я понимаю, что у
>него рак
>и ему совсем
>худо. И календарь этот
>раскрытый на меня
>надвигается, а я не хочу
>туда
>заглядывать совершенно.
>Зажмуриваюсь, а жемчужный
>глаз — он
>не
>закрывается, понимаешь? Его
>нельзя закрыть, он сквозь
>повязку видит. Я

>заорал как потерпевший.
>Илья проснулся, а я не мог
>ему
>объяснить, что
>произошло.
>Так вот, Мати, испугался я
>тогда очень основательно.
>Что делать, куда
>ломиться? Не в церковь же
>идти, в самом деле, а
>куда?
>К доктору —
>помогите, у меня
>ясновидение? Забавляться
>с этой штукой у
>меня напрочь
>охота пропала. И каждый
>раз, когда начинал на
>горизонте маячить этот
>календарь или
>приходила какая-нибудь
>фантазия о человеке,
>которая могла
>потом правдой оказаться…
>Я, в общем, старался самому
>себе

>вида не
>подавать, будто что-то
>происходит. И преуспел в
>этом. Как будто научился
>какой-то блок ставить.
>Вот календарь,
>а я его не замечаю.
>И даже если
>вижу в нем помеченную дату,
>забываю ее намертво, как и не
>видел. И вот
>эти видения стали все реже,
>реже повторяться. А потом
>вовсе
>пропали.
>Закрылся мой жемчужный
>глаз. Я, что называется,
> перекрестился и зажил
>дальше как обычный человек.
>Я даже не понял толком,
>что это
>было, потому
>что не думал об этом.
>Теперь только подумал,
>через шесть
>лет почти.

>Я ведь все время считал,
>что во всем, что со мной
>происходит, кто-то
>другой виноват. Думал,
>если бы
>я с тобой не поссорился
>из-за Юлика и не
>сел пьяным за руль, моя
>жизнь была бы совсем
>другой.
>На самом деле,
>ничего, кроме собственной
>лени, мне не мешало
>устроить все
>так, как я
>хотел. Ну был бы я
>одноглазым и хромым великим
>архитектором, подумаешь.
>Одного глаза, между прочим,
>вполне достаточно для
>жизни.
>Но не потеряй я
>тогда свой глаз,
>у меня на
>его месте не открылся бы
>жемчужный. И не

>винить мне тебя надо было,
>а благодарить. Потому
>что…
>Это дар был,
>Мати, настоящий дар. Не
>твой, разумеется, —
>Божий, но
>передал-то Он мне
>его через тебя. А я не
>смог с ним жить. Не знал,
>что с ним
>делать, мне
>он был как собаке пятая
>нога. И я его благополучно
>просрал.
>В общем, я хочу, Мати,
>чтобы ты не думала обо мне
>плохо и
>не держала на
>меня зла. Я ни в чем не
>виню тебя. Прости меня,
>Beauty,
>сама знаешь за
>что.
>
>Обнимаю. Кай.

Юлий зашел к Матильде через пару недель после возвращения в Москву. Ее наполовину разобранный чемодан так и стоял в гостиной. Матильда снимала типовую чистенькую двушку в Останкине, с евроремонтом по моде девяностых. Ничто в ее жилище не указывало на артистическую натуру хозяйки. Привыкшая кочевать по съемным квартирам, Матильда старалась привносить в их облик как можно меньше своего, чтобы не приходилось покидать обжитое. Комнаты, в которых она жила, больше напоминали номера отелей: никаких милых сердцу безделушек, фотографий в рамочках, даже любимых книг.

Юл поставил ее перед фактом: ему предложили место собкора в Нью-Йорке, и он его принял. На самом деле это было не совсем так. Место он не принял, а выгрыз зубами из глотки шеф-редактора.

— Ты пришел проститься? — Матильда выглядела усталой.

— Я пришел проститься во всех смыслах этого слова. — Юл помедлил. — Знаешь, Мати, я должен сказать тебе кое-что про ту твою статуэтку, которую я купил в Венеции.

— Это была невероятная глупость с твоей сто-

роны. Зачем ты потратил на нее столько денег? Ты ведь из вредности это сделал, да?

— Да. Мне хотелось дать понять М., что есть вещи, которые он не может купить, потому что они уже принадлежат другому. Но ты, Мати, ты ведь мне не принадлежишь. Честно сказать, я ужасно жалел, что не мог забрать работу прямо со стенда. Я был так зол на вас обоих. Я хотел прийти с нею в «Деи Доджи», чтобы разбить ее у тебя на глазах. Потому что десять лет, Мати, я ждал тебя и не дождался. А он пришел тобой владеть.

— Подожди, Юл, еще никто никуда не идет. С чего ты взял…

— Не перебивай меня, пожалуйста. Так вот, когда я представлял эту сцену своей мести, я понял, в чем суть черной магии. Не знаю, не могу знать, испортил бы я себе посмертие этим поступком или нет. Но то был бы скверный, самый скверный поступок в моей жизни. Я не должен мстить тебе ни за что, кого бы ты ни предпочла мне и как бы ты со мной ни обращалась. Это против моей природы. Если помнишь, в фантастических романах роботов-андроидов часто программируют так, чтобы они не могли причинить вред человеку. Так вот, я запрограммирован таким образом, что не могу причинить вред тому, кого люблю… И

еще я понял, что нахожусь в очень важной точке своего пути. Понимаешь, судьба не так часто дает нам возможность проявить истинное великодушие. И их, эти моменты, ни в коем случае нельзя упускать. Ими нужно пользоваться, их должно проживать в глубоком осознании. Иначе ты — полный неудачник. И с моей стороны будет правильно отпустить тебя, перестать сидеть в засаде, как я все время это делал. Тут даже не особенно важно, будет у тебя что-то с М. или нет. Просто когда-то давно мое время и твое время сцепились в каком-то дурацком клинче, и нам надо освободиться обоим, чтобы жить дальше. Так уж случилось, что я понял это первым. Поэтому я уезжаю. Хотя, видит Бог, мне это тяжело.

К чести Матильды, она не оскорбилась словами «истинное великодушие». Это не было одолжением со стороны Юлия. Это был акт доброй воли. Матильду обескуражила неожиданность принятого Юлием решения. В ее мире что-то менялось, что-то очень важное, что-то, что она полагала неизменным. Юлий всегда стоял у нее за правым плечом, и вот он собирался покинуть это место и оставить по себе пустоту.

Юл чувствовал, что поступил правильно, не дав ей времени на тягостные прощания, не дав шанса

вцепиться в него, как в последнее, что связывало ее с Каем. Он уже стоял на пороге, когда Мати вдруг произнесла:

— Ты мог бы остаться до утра.

— Нет, Матюша, нам не надо больше этого делать. Я хочу, правда, но — не надо.

— Надо. Но если ты уйдешь сейчас, я не смогу объяснить тебе почему.

Воля Юлия в эту минуту была очень велика. Он уступил не по слабости. Чуткий приемник, настроенный на волну Матильды, продолжал работать, и в том, как Мати просила его остаться, Юлий уловил какую-то новую меру искренности.

Поворот, которого так ждал Юлий, находился на пути, навсегда уводившем его от Матильды. Юл повернулся к ней спиной — и морок исчез. Лицо Кая больше не имело над Матильдой власти. Она будто очнулась от долгого сна и увидела перед собой не человека с лицом Кая, нет, она увидела Юлия Гранича, бескорыстно положившего к ее ногам треть своей жизни. Ни с кем из встреченных ею мужчин не было у нее большей близости, а она так мало дорожила его дружбой.

Ее всю залило щенячьей теплотой, как топленым молоком. Она обняла Юлия и расплакалась.

В том, что переживали они оба, было очень много правды, и от этой правды внутри Матильды таяли какие-то необозримые ледяные толщи. Ни он, ни она давно не были более настоящими, более живыми.

Ту ночь Матильда провела с Юлием. Это могло выглядеть как подачка или как жест запоздалого раскаяния. Но конечно, не выглядело, потому что Матильда дарила себя естественно, с достоинством и страстью. И в этом достоинстве, в этой страсти, в каждой реплике любовного диалога Юлий узнавал Матильду, женщину, которую его любовь сделала навсегда отличной от всех остальных женщин этого мира.

Она даже свет не стала гасить: все смотрела на него и удивлялась тому, что прежде было для нее невидимым. Юлий ведь совсем не был похож на Кая, каким она его помнила. Даже если дорисовать шрам над губой.

— Почему ты смеешься? Я смешной?

— Нет, ты не смешной. Я смешная.

И еще, со стоном:

— Юлик мой, Юлик.

Как ребенок в горячке, дурными глазами синими из-под взмокшей, слипшейся челки, знаешь, девочка, я порвал все четки, молясь, чтобы это

случилось, надеясь на Божью милость. Ты засела в моей печенке, как метательная звезда, и не надо ко мне с вопросами, на любой я отвечу «да». Я сломал три железных посоха, три железных хлеба изгрыз, я прошел по воде, как посуху, и прошел бы еще на бис ради этой единственной ночи, чтобы помнить за океанами, как кричала ангелом раненым. Чтобы помнить, как под одеялами ты сияла мне, ты сияла мне, ярче радуги, ярче радия.

Это песня, которую Юлий не споет Матильде. Утром, когда она проснулась, свет уже не горел. Уходя из ее жизни, Юл его погасил.

Шла ли я по ее следу — или это она шла по моему там, в Париже, преступно выдернутая мною из покойного бардо? А может, всему виной был только лунный сахар, он один. Я провалилась в ноябрьский Париж, словно Алиса в кроличью нору, — и да, Матильда была тем самым белым кроликом. Теперь мне кажется, это она меня туда заманила, чтобы встретиться с глазу на глаз, явить себя, еще не вполне плотную, устрашающую, как призрак, и манящую, как прелестное дитя. Это была ее затея, моей полупрозрачной лярвы, моей королевы Мод. Повинуясь, я убедила Игоря, что мне необходим Париж. Хотя

бы на две-три недельки, чтобы работа над книгой сдвинулась с мертвой точки. Игорь, охотно увлекшийся игрой в покровителя измученной отсутствием вдохновения писательницы, легко согласился все устроить, и вскоре я распаковывала багаж в номере отеля поблизости от Opéra.

Да, признаю, я одержима отелями, но разве это не самое подходящее место для тех, кто нигде не бросает якоря? Разве это не естественно для человека — мечтать о доме, всюду, куда бы его ни занесло? Мечтать и знать, что дома у него нет, даже если есть дом и он населен людьми, которых принято называть семьей, и надо выплачивать ипотечный кредит. Дома нет, нигде под луной, просто так устроено, просто у нас внутри живет эта жажда, вечная тоска по дому. Именно гонимые этой жаждой, мы покидаем землю на склоне лет в надежде обрести его за гранью, home, sweet home.

Была бы я одним из этих странных безмолвных существ, выглядящих как юные девочки с такими безупречными телами — сразу видно, что ненастоящие, сплошь разогретый нейлон, платиновые микросхемы, гель, не разлагающийся в природе столетиями. Мне самое место в крошечной красной комнате токийского отеля

будущего, комнатке без окон и часов где-нибудь на сто четвертом этаже, запертой снаружи. На мне длинные белые гольфы и короткое черное платье, которое невозможно снять, только срезать, и при мне нет ничего, кроме препаратов, вызывающих безумие, забвение и стойкое привыкание; ну хорошо, есть еще сигареты, стакан воды и ананас, но нет ножа и зажигалки, потому что так любой дурак сможет. Там, в этом номере, — большая кровать-коробка, в которую страшно лечь, зеркала и тусклые лампы, и велено ждать, но никто не приходит бог знает сколько времени. И неизвестно, что будет, когда кто-то придет, поэтому вот еще револьвер, и в принципе можно не дожидаться. И когда сочтены все пилюли и все револьверные пули и мои золотые глаза закатились куда-то за, что-то лязгнуло в шахте лифта, пол кабины раскрылся и оттуда вырвался свет, полкабины увил виноград, это может быть рай, это может быть ад, я имею полное право не знать, временной перелет, и в тягучем джет-лаге успеваю заметить — о да, приспустили небесные флаги, то ли это почет, то ли траур и скорбь, то ли это течет сквозь меня изумительный бархатный день. Значит, преодолела барьер, значит, я покидаю тюрьму,

или вовсе не значит: кто-то яростно плачет во тьму, кто-то сходит с ума, никогда не узнать по кому. И тогда я очнусь оттого, что в замке повернулся ключ и стоит на пороге кто-то, прямой и белый как луч, кто-то острый и яркий как меч, он достанет меня из кровати, в которую страшно лечь, и разрежет тесное платье, и обнимет, и будет качать, и приложит мне палец к губам, скажет, вот, я пришел, и теперь я тебя не отдам. Заберет револьвер, и очистит ножом ананас, и зажжет для меня сигарету. Это мог бы быть ты, если б только хватило твоей доброты; ну рискни не успеть, знаю, будет пожар и мою винно-красную клеть переполнит удушливый дым, ты устал и пресыщен, и ты НИКОГДА НЕ УМРЕШЬ МОЛОДЫМ.

В тот вечер Париж был влажен и прозрачен, как сырая акварель. Я отперла гостиничный сейф и вытащила завернутый в салфетку кусок сахара. Мне хотелось, чтобы город открылся мне, и кубик рафинада был моей отмычкой. Я запила сахар минеральной водой, превозмогая тошноту, и улеглась на кровать. Нужно было дождаться, пока препарат начнет действовать. Мне не хотелось идти по улице в сахарном продроме, когда от озноба каждый волосок на теле стоит дыбом.

В уме я чертила маршрут: спуститься по улице Риволи к Лувру, выйти на набережную, добраться до острова Сите. Мне казалось, *место силы*, которое я ищу, должно быть именно там, но что это за место — я не знала. Нужно было найти ее, точку, где находится замочная скважина Парижа, точку, откуда я вскрою своим ключом эту чертову бонбоньерку, набитую седым шоколадом и человечьими костями.

По дороге я остановилась во внутреннем дворе Лувра, пустом и гулком. Из окон лился на брусчатку мертвенный свет. Восторг, сопровождающий сахарные путешествия, вызывается странным и чудесным ощущением надмирности — все прежнее вокруг тебя, и ты сам как будто там же, где был вчера, но в какой-то более тонкой реальности. Странный лысый человечек в трико трусцой перебегает площадь. В арке звучит чье-то пение. Этот Лувр — не для туристов, он для меня одной, и лишь со мной разговаривают на языке жестов все эти изваяния, ежесекундно и неуловимо меняющиеся.

Я думала, искомое находится где-то поблизости от собора Парижской Богоматери, и долго сидела напротив, куря сигареты. Собор казался маленьким, вычурным и кривоватым. Я обошла

его с той стороны, где не было забора, и вернулась назад. Нотр-Дам молчал, не давая мне ни единой подсказки. Я повернула к реке и тут увидела ее.

У нее были очень независимый вид и немного развинченная походка. Она была одета в короткую кожаную куртку и узкие джинсы. Черный подшлемник обрамлял очень худое лицо, строгое, почти воинственное — и в то же время скорбное. От нее веяло какой-то высокой непреходящей печалью. Воображение дорисовывало за ее спиной длинные острые крылья воробьиного цвета. Она задержала на мне взгляд, потом отвернулась и стала спускаться к воде. Я последовала за ней. Ее силуэт скрылся в тени моста.

Я не догнала ее, но мне и не хотелось. Под мостом в смердящих кучах тряпья мирно ворочались бродяги. Я осторожно прошла мимо и через какое-то время очутилась под ивами на стрелке острова. Неподалеку целовалась парочка. Еще поодаль визжали и хохотали пьяные в дым школьники. Они пили алкогольную шипучку из банок, словно в Париже было мало вина. Все эти люди мне не мешали, а я не мешала им, наши миры не пересекались. Я опустилась на камни. Внизу чернела Сена, перемалывая оранжевые огни. Под одеждой по моему телу от страха

струился сладкий пот. Что делала Матильда в Париже? Ждала ли она меня? Или я сама привезла ее? Вернется ли она? Будет ли возвращаться? Пока это всё было неважно. Важно было то, что я находилась в искомой точке и к моим ногам река несла все тайны Парижа.

Делать лунный сахар меня научил Йоши. Но сначала он дал мне его попробовать. Это случилось во время рождественских каникул; я бездельничала за компьютером. «Закрой глаза, открой рот», — сказал Йоши и засунул мне в рот кубик рафинада. Я хотела выплюнуть — не люблю сахар, — но он меня остановил.

В течение сорока минут не происходило совсем ничего. Потом что-то случилось с окружающей обстановкой, и с телом, и с восприятием. Комната как-то скруглилась вокруг меня, ноги стали невообразимо длинными, так что до предметов, лежащих на столе, стоя было не дотянуться. Какие-то мелкие, прежде незаметные детальки, звучки и запашки назойливо полезли в глаза, нос и уши. Я взволно-

ванно расхаживала по дому, ощущая странный дискомфорт и расфокусировку. А потом — раз! — словно прорвалась прозрачная пленка, и я очутилась *на той стороне.* То есть я продолжала находиться в том же пространстве, но выглядело оно так, словно из него вычли обычную жесткость конструкции, замыленность и обезличенность. Это был Истинный мир, и мне предстояло его исследовать. Чистая радость охватила меня, и лицо само собой расплылось в улыбке. «Поздравляю тебя», — сказал Йоши.

В последующие шесть часов я не уставала удивляться тому, что творилось вокруг помимо моего участия. Все предметы и даже пустота между ними, оказалось, полны жизни. Стоило остановить взгляд на чем-нибудь одном, как оно тут же начинало наполняться внутренним светом, тайными смыслами, пульсировать и раскачиваться. Божественное присутствие ощущалось во всем. Но при этом Истинный мир не был абсолютно дружелюбным, впрочем, равно он не был и враждебным. Тут не смешивались чер-

ное и белое, добро не сражалось со злом, порок не противостоял добродетели. Этот мир был нейтральным, им не владели страсти, хотя эмоции могли быть очень сильны. Ни вины не существовало в нем, ни ущерба; он был опасен — и предупреждал о своей опасности. Он был упоительно красив — и преподносил свою красоту без нажима. Это был идеальный мир, в котором не было ничего запретного или невозможного, и единственным известным мне способом проникнуть в него, за прозрачную пленку обыденной реальности, являлся лунный сахар, вещество познания.

Природа и назначение каждой вещи раскрывались передо мной как по волшебству, но я чувствовала, что не до конца, не на полную глубину, а лишь в той мере, в которой я была готова воспринимать. Я ставила музыку — пластинку за пластинкой — и с первых аккордов различала, гармонично произведение или уродливо, богато или убого. Каждая партия каждого инструмента словно звучала в отдельном канале. Свет подчинялся

музыке, он играл, волновался, переливался, зависал в воздухе, рассыпался на кванты. Самое мощное клубное лазерное шоу в сравнении с этой световой феерией выглядело бы просто жалко. Затаив дыхание, я следила за нитями и потоками света, танцующими вокруг меня.

Апельсин в моей руке дышал всеми порами; резать его казалось мне преступлением. Йоши очистил его для меня пальцами, и я увидела, как янтарные дольки сияют прозрачным соком. Всё было мне интересно — рисовать, курить сигареты, рассматривать бушующие повсюду крошечные вихри. Никогда прежде я не была такой живой, и никогда прежде Божественный замысел так ясно не являлся мне в своем непостижимом великолепии.

Изготовлялся чудесный сахар до изумления просто. Самые обычные кубики сахара надо было оставить на подоконнике в лунную ночь. Напитавшись светом Луны, они обретали волшебную силу. Готовить их впрок или на продажу было нельзя — только то, что собираешься

съесть сам или подарить близкому другу. В этой простоте мне чудился подвох.

— Йоши, почему же все люди не могут обрести мудрость, покой и счастье, если это ничего не будет им стоить?

— Потому что маловерие их губит. Попробуй рассказать кому-нибудь о лунном сахаре и увидишь: тебя поднимут на смех. Мало кому придет в голову повторить твой опыт, ибо такие манипуляции с кусками сахара кажутся нелепыми. Только очень немногие, те, кто действительно к этому готов, завладеют знанием об Истинном мире.

Я поразмыслила над его словами и пришла к мнению, что это правда.

Париж пах большой рекой и свежим бельем. Только что выстиранным и высушенным на открытом воздухе где-нибудь в лугах, посреди дурнотравья. Для города это неправильный, удивительный запах. Я не столько видела и слышала Париж, сколько обоняла: останавливалась на перекрестках, чтобы принюхаться и поймать аромат свежей выпечки, или чужих духов, или ливанской кухни, или мокрой листвы.

Дни смешались: путаный цветной сон, который невозможно рассказать целиком. С утра до позднего вечера я бродила по улицам, не пользуясь никаким транспортом, и очень редко — картой. Заходила в Центр Помпиду, чтобы не увидеть ни одной картины, а просто пообедать в небе — огромном пустом небе, оглушительно синем, в котором облака полощутся, будто обрывки кружева в медленной воде. Но стоит подойти к краю площадки, и небо обрывается; внизу лежит Париж, великий, древний, неотразимый, лежит и терпеливо ждет, как Сфинкс, загадавший тебе неразрешимую загадку.

Буду строить города, думала я, — никакой штукатурки. Только камень.

Путешествие в Париж — это путешествие в двадцатый век; двадцать первый сюда не добрался. Ни назойливой рекламы сотовых операторов, ни салонов связи на каждом углу, ни платежных терминалов, ни лишней спешки. Этот город стоит здесь две тысячи лет; экономя четверть часа, чувствуешь себя крохобором. Я ловила на мостах сырой ветер, зябла в уличных кафе над остывшим эспрессо, перебирала прелестную рухлядь на блошином рынке. Мое время — сколько его было, я не знаю, не считала, просто пила его, впускала

под ребра, как зверь у водопоя. Не было числа чудесам: чайки, купающиеся в солнечных потоках над Тюильри, покойный камень дворцовых площадей, резные шпили над Сите, Конкорд, утыканная фонарями и обелисками, как подушечка для булавок. Я петляла в темноте, заглядывая во все переулки, совала любопытный нос за каждые ворота, и — о диво — повсюду был Париж.

Как ни странно, больше всего меня раздражала русская речь. Разве не от нее я сюда бежала, я ведь хотела, чтобы меня окружало только призывное мурлыканье, только хриплое французское мяуканье, но увы, всегда и повсюду в Париже слишком много русских. Официанты и таксисты, и даже зеленоглазый албанец, что жарит блинчики у площади Республики, — все торопились выложить передо мной свой нехитрый запас великих, могучих и прекрасных слов.

Я хохотала до слез, заказав в привокзальной тошниловке горячие бутерброды на вынос: их подали на больших пластиковых тарелках, гарнировав лопушками, орехами, консервами и майонезом. Мне, дефилирующей по улице с завернутыми в фольгу тарелками, явно не хватало рушника и кокошника; от смеха я беспрестанно кланялась в пояс прохожим. Пронося добычу в

отель, я прикрыла ее свитером и прошествовала через увитый орхидеями холл с достоинством самурая, несущего свою собственную отрубленную голову. Потом поела, сидя на полу, как собака, завернула объедки в «Геральд трибьюн» и выставила за окно до утра, чтобы их унылый запах не мешал спать.

Ложась в постель, я представляла, что отель — это огромный корабль, который несет меня по темным водам ночи, тихо покачиваясь, и мне слышались дальний собачий плач и женский лай. Чудилось, чрево города клубится туманом, там золото, людская кровь и тайные пороки, там жизнь не останавливается, голоса не смолкают, и где-то в этом журчащем шуме тянется тонкая ниточка моего дыхания, моего пульса.

И вот я на стрелке Сите; возможно, в эту ночь я единственная обладательница ключей от Парижа, возносимая лунным сахаром на высоту, откуда вся его черно-червонная изнанка видна как на ладони. Я ложусь на каменные плиты и заглядываю в воды Сены. Ее гладкая поверхность светлеет. Вот из глубины смотрит на меня незнакомый и страшный витязь. В пальцах он сжимает резной костяной шар, древний, до блеска отполированный прикосновениями рук и

речной волной. Кисти рыцаря покрыты жестким паучьим волосом. Внутри шара сверкает плазменный сгусток. В нем заключено все, что было и есть в этом городе в каждую секунду его двухтысячелетней истории. Плазма движется; концентрическое движение исходит из Сите, колыбели Парижа. Наблюдать за этим движением — восторг и жуть, я отшатываюсь, чувствуя, как воронка света увлекает меня внутрь шара. Рыцарь усмехается и пропадает, но всё виденное непостижимым образом остается во мне. Это похоже на заархивированные данные, мой мозг не в силах отследить молниеносную смену кадров. Полные муки и ужаса вопли узников Консьержери мешаются в моей голове с призывным смехом куртизанок, с печальным звоном колокольни Сен-Жак-де-ла-Бушри, с мушкетными выстрелами и псалмами. Я прозреваю на дне реки мощи святой Женевьевы, шепчущие о прощении, о милосердии к вандалам, о наслаждении свободой и о страдании на пути к ней. Я обладаю Парижем бог знает сколько времени — может, вечность, а может, несколько секунд, и это обладание наполняет и опустошает меня, вливает силы и отнимает силы.

Я сажусь и закуриваю, стряхивая с себя морок

парижских призраков. Я благодарю Господа за щедрость, чувствуя себя обласканной, лелеемой, любимой дочерью.

Чтобы выбраться со стрелки, мне нужно подняться по лестнице. Поднявшись к стене, я замечаю небольшую табличку. На табличке выбито: «В этом месте 18 марта 1314 года был сожжен последний Великий Магистр Ордена Тамплиеров Жак де Моле». Я застываю перед надписью и в этот момент отчетливо слышу женский смешок над ухом. Поблизости никого нет, но мне точно известно, кто смеялся. Матильда, блуждающий огонек, чуткий ангел, существо Истинного мира, мой проводник к месту силы, бывшему местом силы задолго до Жака де Моле. 18 марта — ее день рождения.

В Париже писалось хорошо. Я садилась за работу около десяти часов вечера, когда неугомонные горничные наконец оставляли меня в покое, расстелив постель и подбросив в нее карточку с прогнозом погоды на завтра, который никогда не оправдывался. Единственное, от чего я страдала, — это от ночных приступов голода. Уединенная жизнь сделала меня абсолютно неконтактной, и мне было почти физически тяжело набрать номер гостиничной службы, чтобы

заказать еду. Ложилась я под утро, а вставала около полудня, пропустив изобильный завтрак, подаваемый в ресторане отеля. Весь день, до ломоты в коленях, я бесцельно слонялась по городу.

Начались забастовки. Порой на улицах я встречала пикеты, и это напоминало съемки фильма, действие которого происходит в семидесятые годы двадцатого века. Над пикетчиками раскачивались транспаранты и клубился слезоточивый газ, и во всем этом действе было что-то архаичное и карнавальное. В метро запахло плесенью и мочой. Некоторые ветки были перекрыты, на других ходил один поезд из пяти, и войти туда можно было бесплатно. Только одна ветка, желтая, продолжала функционировать в прежнем режиме: полностью автоматизированные составы управлялись без участия машинистов, и бастовать было некому. Этим обстоятельством и был продиктован мой выбор, когда на очередную прогулку я отправилась в Дефанс.

Выйдя из-под земли, я пошла в сторону Гранд-Арш. Стоял яркий солнечный день. Была суббота, и офисные здания пустовали. Безлюдная Эспланада текла мне под ноги каменной рекой, а ее берега щетинились небоскребами. Непостижи-

мым образом Дефанс висела в воздухе; висели крошечные садики и цветные бассейны, пологие лестницы и немыслимые нагромождения высотных сооружений. Где-то там, внизу, под эстакадами и мостами, сновали автомобили, грохотала железная дорога, но наверху, в Дефанс, было тихо и пусто. Я шагала вдоль Эспланады, чувствуя себя крохотной букашкой в огромном гулком коридоре, полном света и сквозняков. Накануне я разговаривала с Игорем по телефону; он был не в Москве — отлучился на несколько дней по семейным делам в родной город, — и его голос звучал глухо, как из-под земли. Он намекнул, что не прочь приобрести для меня жилье, чтобы мне было куда возвращаться из моих бестолковых странствий, и теперь я оценивающе разглядывала фасады многоквартирных домов.

За Гранд-Арш каменная река внезапно оборвалась водопадом: узкий пешеходный мост ненадежно покоился в пустоте над кладбищем Нейи. За кладбищем простиралась бесконечная панорама парижских предместий. Были они чужими и далекими, как звезды, глядя на которые воображаешь себе какую-то другую жизнь, совершенно не похожую на земную. Были они манящими и недоступными, как давно ушедшие

времена, как времена, которые настанут, когда наши кости истлеют под землей. Лишь один взгляд на дымные трубы Нантерра выбивал жгучую слезу. Словно где-то над ухом зазвучала вдруг полузабытая песня: *это никогда не случится с нами…* А безмолвные, как обелиски, небоскребы бросали густую тень на заросшие цветами могилы: там, под белыми камнями, под черными елями, покоились люди, и над их головами неслись поезда, полыхал неон. Над их головами трепетал на ветру мост, на котором незнакомая им я проживала минуты своей жизни.

Назад я брела постаревшая на несколько лет. Меня не взволновали ни подъем на Арку в прозрачном лифте, ни вид оттуда на Елисейские поля. Я хотела дождаться вечера, чтобы увидеть, как над Эспланадой зажгутся огни. Я хотела, чтобы в честь моей печали погасили это беспощадное солнце и мир погрузился в полнозвучную минуту молчания. Мне вдруг стало очень понятно, что где-то далеко позади за моим Йоши, за моей великой любовью, наглухо закрылись стеклянные двери и никогда, никогда, никогда он не будет стоять со мной на мосту в Дефанс, молодой и красивый, не будет идти по пустынной Эспланаде, обнимая меня за талию. Не выпьет со

мной вина в баре под крышей Арки, не прикурит для меня сигарету на одной из этих скамеек. Что иметь домик в Дефанс — то же самое, что иметь персональную ложу в аду неисполнимых желаний, невосполнимых утрат и непоправимых ошибок. Что однажды, неизбежно, такие же двери с грохотом захлопнутся за Игорем, за всеми, кого мне суждено полюбить. Так мы путешествуем — в одном-единственном направлении, от своего прошлого к своему будущему, и никому не ведомо, как долго нам по пути.

Уттара Бопха плывет по воздуху в плетеной ладье, увитой цветами, и травами, и лозами столь густо, что напоминает цветущий остров. Целые гирлянды длиною в сто локтей свешиваются с ее бортов. Тень от ладьи ползет по земле. Уттара Бопха стоит на носу с жезлом в белых руках. Волосы ее пронизаны светом и сияют, будто солнечная корона. Величественная и грозная, Уттара Бопха окружена котами и кошками всех мастей, числом двести сорок. Коты восседают у нее за спиной, выглядывают из сочных трав и жмурятся в блеске ее лучей. У котов мудрые и отрешенные лица. Люди внизу приветствуют великолепную ладью, они ломают шапки и машут. Ее снимает телевидение; только некоторые женщины, недостойные, при

виде ее бегут без оглядки и в ужасе прячутся в хижинах. Они стенают и плачут, и от страха лезут с головою в сундуки и ныряют в кадки с водой. Уттара Бопха идет вершить праведный суд.

Когда-то ее саму сотворил мудрец-отшельник при помощи молитвы и медитации. Девочка-богиня явилась в мир в цветке лотоса и с тех пор была ему как дочь. Позже он взял ее месячные и сотворил из них кошку — подругу для игр. Все женщины должны помнить об этом и хорошо обращаться с котами, не перешагивать через них. Та же, кто ударит или оскорбит кота или кошку, навлечет на себя гнев богини и будет наказана безумием и бесплодием. Поэтому так боятся Уттару Бопху злые женщины, те, кто бьет и обижает котов и топит котят.

Жила одна женщина, которая держала кота взаперти, не позволяя ему завести подругу. Кот мстил ей и гадил повсюду, отчего в доме царило зловоние. Хозяйка раздражалась все больше и в конце концов решила проучить кота. Когда кот опи́сал ее одежду, она схватила его и сказала, что в отместку описает его рыжую шубку. Так и поступила. С тех пор женщина была безумна, хоть о том никто и не догадывался. Многие мужчины даже женились на ней, но ни одному не принесла

она потомства: Уттара Бопха покарала ее.

Примерно так обрисовала Агнии истинное положение вещей Надежда Ивановна Макарова 1938 г. р. при поступлении в больницу В дополнение к рассказу она сообщила, что почитает Уттару Бопху и повсюду носит с собою фигурку кота.

— Она и сейчас при мне, — доверительно шепнула госпожа Макарова и повертела перед носом Агнии маленькой стеклянной кошкой.

— Как же вы пронесли ее в отделение?

— А вот так. В вагине.

Надежда Ивановна победно сложила руки на груди. Агния вздохнула.

Психбригаду для Макаровой вызвали соседи, давно находящиеся с нею в ссоре. В квартире, где жила дама преклонных лет, обитали двадцать четыре кошки, посвященные богине, и у многих из них был прескверный характер. Любимцы богини часто выходили гулять на балкон, и по первости сердобольные соседи подкармливали их объедками со своего стола, подозревая, что у хозяйки, живущей на одну пенсию, вряд ли довольно еды на всех. До тех пор пока один из котов совершенно не утратил дистанцию. Ять (а все питомцы Надежды Ивановны носили кириллические алфавитные имена) через форточку

стал запрыгивать в соседскую кухню и воровать припасы, за что был бит соседкой, не чтившей Уттары Бопхи. Пожаловаться хозяйке он не мог, да и не хотел по причине гордого нрава. По холодам соседи, как это принято у сибиряков, накрутили впрок множество пельменей и выставили их на балкон, чтобы заморозить, прикрыв пленкой. Заметив это, затаивший злобу Ять прокрался на соседскую территорию, сорвал с пельменей пленку и прицельно описал стряпню. Так маленькие шедевры кулинарного искусства и застыли, покрытые коркой вонючего льда.

Когда госпожу Макарову уводили санитары, коты и кошки подняли такой крик, что сбежался весь подъезд. Жильцы из квартиры этажом ниже одобрительно кивали, мол, давно пора, проссали нам весь потолок. Соседка, оплакавшая гибель трех с половиной сотен пельменей, взяла себе ключи, обещая передать их сыну Надежды Ивановны, который уже был извещен и ехал из другого города, чтобы распорядиться судьбой котов и лечением матери. Много раз любопытство подводило обладательницу ключей к самой двери, но войти и как следует пошарить в чужой квартире она так и не решилась: слишком велик был страх перед ожесточившими свои сердца

котами.

Двое суток до приезда Макарова алфавитное племя провело без пищи и воды и встретило нового хозяина яростным мяуканьем. В растерянности стоял он в прихожей дома, где не был почти пятнадцать лет, не решаясь даже снять пальто и шляпу. Стоял пять минут и десять, потом налил воды в эмалированный таз, поставил его на середину гостиной и спешно ретировался, пока коты жадно лакали, расталкивая друг друга.

Он пришел к школе, той самой, которую когда-то окончил и где вплоть до выхода на пенсию работала его мать. Внешне здание почти не изменилось, если не считать новых пластиковых окон. Кое-где на рамах еще уцелели обрывки упаковочной ленты, белой в красную полоску. Макаров пригляделся и хмыкнул: на ленте стоял знакомый логотип. Фирма, изготовившая оконный профиль, принадлежала самому Макарову и имела весьма неплохой оборот. Был обеденный час, и ученики праздно шатались у крыльца, не торопясь расходиться по домам. Он отловил пару мальчишек, на вид лет девяти-десяти, и быстро с ними о чем-то поговорил. Спустя четверть часа, окруженный огромной ватагой школьников и школьниц, Макаров вернулся в квартиру ма-

тери. Каждый ребенок в придачу к орущему и царапающемуся коту получил от него пятьдесят долларов США одной купюрой и приказ молчать под пытками, буде таковые случатся. Все произошло так быстро, что даже вездесущие соседи не присягнули бы, что действительно видели тридцать человек детей, уносящих в портфелях и под куртками Аза, Буки, Веди и далее по алфавиту.

Оставшись один, заводчик Макаров наконец разделся и тяжело опустился в покрытое слоем кошачьей шерсти кресло. «А ведь в детстве я так хотел котенка», — с грустью подумал он.

Доктор Агния Олеговна Осецкая, исполняющая обязанности зав. отделением, сидела в своем кабинете за компьютером: интерн Ганушкин обучал ее азам работы в программе Adobe Photoshop. Попутно, как водится, они сплетничали. В такие минуты Агнии нравилось воображать себя скучающей королевой, развлекаемой почтительными придворными. Обсуждали поведение доктора В., переведенного в отделение недавно из мужской геронтологии. Ходили слухи, будто бы он вошел в неуставные отношения с пациенткой С., снятой с поезда в состоянии острого психоза. С. провела в больнице уже три недели, но ей так и не удалось припомнить, куда и зачем она ехала в поезде,

следовавшем через Новосибирск. Сестры заметили, что после встреч с доктором В. у пациентки, которую за все три недели никто не навестил, появляются откуда-то шоколадные батончики, жвачка и сигареты. А сам доктор якобы являлся на работу в свой выходной и вызывал ее для беседы — только ее одну.

Ганушкин аккуратно вырезал из фото голову доктора В. и приставил ее к телу Памелы Андерсон, бегущей берегом океана. Агния прыснула. В этот момент в дверь постучали. К больной Макаровой приехал сын.

В Новосибирске Макаров пробыл пять дней, и это был предел. Телефон разрывался от звонков, так что вскоре он его попросту отключил. Но вовсе не спешные дела влекли его обратно, просто этот город нагонял на него жгучую тоску. Остановиться в квартире матери он не захотел: жилище было вчистую разорено котами. Недолго пребывая там, он задыхался, чесался и в прямом смысле не находил себе места, свободного от шерсти и экскрементов, так что пришлось снять номер в гостинице «Сибирь», неподалеку от больницы. Из окна номера открывался вид на безрадостный пейзаж его детства — детства, которое он тем сильнее ненавидел, чем дальше

от него находился. Раньше, когда глобальное потепление еще не было ни для кого проблемой, в конце ноября в Новосибирске всегда стояли ядреные морозы. Город заволакивало дымкой, и на рассвете все бесчисленные трубы густо клубились белым и розовым, точно тюбики взбитых сливок, — впрочем, он тогда и понятия не имел о взбитых сливках. Нынче ноябрь стал слезлив; по набухшим слизистым мостовых, уныло сигналя, влеклись в пробках автомобили.

Все вопросы, связанные с содержанием матери в больнице, Макаров решил в первый же день. Сидеть у ее постели было удовольствием ниже среднего, но он продолжал ежедневно посещать ее — словно пытался наверстать упущенное за пятнадцать лет. По выражению доктора Осецкой, Надежда Ивановна *устаканилась*, и, пожалуй, было странно, что при относительной сохранности основных психических функций она не узнавала собственного сына. Он не пытался разговорить ее, напомнить о себе — просто сидел и смотрел. В его присутствии она обычно дремала или чертила какие-то крохотные значки в большой тетради в картонном переплете. Тетрадь Агния выдала пациентке по ее просьбе: записки и рисунки зачастую помогали докторам судить

о состоянии больных. Макаров подолгу ждал, но мать не обращала на него ни малейшего внимания. В конце концов он сдавался, побежденный скукой и голодом, и шел обедать в один из отвратительных местных ресторанов.

Где-то в других городах он любил подолгу стоять на мостах и смотреть на воду. Много часов он провел, зависнув над Сеной, Москвой, Темзой или Луарой, представляя себя дремлющей в полете чайкой. Но стоять над Обью в полукилометре от берега, глядя в гигантскую полынью, жадную, разверстую, мучаясь изжогой и чувствуя, как на лице тает редкий колючий снег, — в этом он с трудом нашел бы отраду. Искать старых приятелей не хотелось. Более того, его пугала сама мысль о случайной встрече. Неприкаянный, кружил он по плохо освещенным улицам, и его не покидало ощущение, что где-то поблизости находится вход в нижние миры, куда он случайно может забрести. Просто провалиться по грудь в одну из грязных льдистых луж, а выбравшись, понять, что в недавнее уютное прошлое больше нет возврата, что больше никогда не валяться ему под ласковым солнышком на белом песочке, потягивая прохладную пинья-коладу. В нем не было ни малейшей ностальгии по вещам и людям

и безрадостным воспоминаниям, брошенным здесь когда-то, как мешок с несвежим бельем. Его держало только смутное предчувствие утраты.

На пятый день, когда обратный билет уже лежал у него в кармане, он зашел навестить мать — без особой надежды быть узнанным. Вначале ему показалось, что она спит, и какое-то время он раздумывал, не стоит ли разбудить ее, чтобы проститься. Но тут он заметил, что ее веки дрогнули, а по щеке покатилась слеза.

Вид материнских слез парализовал его. Давно, уже очень давно он не видел, как она плачет. Но точно знал, что нет второй такой вещи, которая способна взволновать его так же сильно. Это даже не волнение было — почти припадок. Сначала изнутри его омывала фиолетовая волна сгущающейся печали, словно в вену впрыснули чернил. А потом, вместе с подкожным покалыванием, как от внезапного стыда, вместе с тошнотой подкатывал один и тот же кадр, грубо вытравленный поверх нежного множества других, составляющих прерывистую цепь его памяти о прошлом. Не кислотой, не щелочью, должно быть самими слезами матери — ее силуэт на фоне окна, уставленного цветочными горшками. Он быстро прогонял картинку прочь усилием воли,

но все же за долю секунды успевал считать в мельчайших подробностях: напряженный изгиб шеи, ажурные контуры шали на опущенных плечах, вопрошающий и отчужденный взгляд — и слезинку, нелепо повисшую на кончике тонкого носа.

Он обидел ее тогда, так, как одни лишь дети умеют обижать, — неожиданно, жестоко и незаслуженно. Точнее, она обиделась сама, он в этом был почти уверен. Ему, восьмилетнему, невдомек было, каким смыслом взрослые могут облечь его случайные слова. Наверное, только теперь он начинал понимать, что даже не обидой вспыхнула она тогда. Утопленное ею глубоко неоправданное ожидание благодарности от маленького человека, приведенного ею из-за грани миров, вдруг вырвалось на поверхность.

Ссора была, в общем, пустяковой, но начать надо не с этого.

В то лето заводчик Макаров, тогда просто Гоша, гостил у бабушки в Краснодаре и жил на даче: родители не ленились возить его «погреться». Он добросовестно грелся, целые дни проводя с двоюродным братом и его приятелями на берегу водохранилища. Внезапно открывшееся недомогание бабушка поначалу объяснила солнечным

ударом, но жар не спал и на следующее утро. Аптеки в дачном поселке не было, и старушка, самонадеянно не державшая в доме лекарств, еще полдня пыталась отпаивать внука тепловатым отваром подорожника. Дальнейшее Гоша помнил как долгий глубокий сон без сновидений; на самом деле почти трое суток он провел без сознания. Врачи в местной больнице поставили диагноз «катаральная ангина», и спустя годы это казалось ему подозрительным: он отчетливо помнил, что горло у него не болело. Не болело совсем ничего, он просто был странным образом дезориентирован во времени и пространстве. Впервые выйдя из палаты в туалет, он не смог без посторонней помощи в нее вернуться, а вернувшись, увидел, что на его кровати уже спит другой человек. Ему потребовалось звать сестру, чтобы та указала свободную койку, под которой он с удивлением обнаружил свои сандалии.

Последующие несколько дней были радужно-смазанными от слабости. Брат не навещал его, бабушка приходила раз в день: но его разумению, несправедливо редко. Есть не хотелось, встревать в разговоры он стеснялся. Но когда сосед по палате заявил, что у него два отца и две матери, — тут уж пришлось вмешаться. Счаст-

ливый обладатель двух полных родительских комплектов объяснил, что когда-то имел, как все, одну маму и одного папу, но потом они развелись и каждый обзавелся новой семьей. На словах «отчим» и «мачеха» сосед заводился, злился и настаивал на своем, мол, матери две, просто они по-разному его любят, одна «до дна», а вторая «не до дна». Гоша быстро устал его подначивать, но в болезненной полудреме долго грезил о запасной матери, которая могла бы любить его по-другому, ровно в тех местах, в которых недолюбливала нынешняя.

Эту-то мнимую мать он и помянул в ссоре с настоящей, когда та наотрез отказалась принять в дом котенка, принесенного с улицы.

Котенок был самый обычный, белый с серым, с треугольными ушами и маленькой голодной пастью, которую он разевал почти беззвучно. Должно быть, от долгого крика у него пропал голос. Они с товарищем нашли его за гаражами; товарищ оглядел котенка с сомнением:

— По-моему, он блохастый. Я не возьму — мне мама не позволит.

Тогда Гоша уверенным движением засунул кота за пазуху. Он ни секунды не сомневался в доброте матери. Хотя мать резко пресекала все за-

водимые им разговоры о котятах и щенках, Гоша полагал, что наличный котенок — совсем другое дело. Мать увидит его крошечный дрожащий хвост и непременно растает.

Однако мать была непреклонна. Котенок отправился жить в парадное, с приданым в виде обувной коробки, старого шарфа и надколотого блюдца. Весь остаток дня Гоша просидел на лестнице, поливая горючими слезами кота и гору рыбных консервов, к которым тот так и не притронулся. Вечером, за ужином, когда мать виновато придвинула к нему тарелку с куском пирога, он сказал вдруг, неожиданно для себя самого:

— Ты не моя мама. Ты только притворяешься. Ты чужая мне.

Мать отшатнулась, как от удара в лицо, и он тут же пожалел о сказанном. Справившись с первой болью, мать спросила:

— Ты это из-за кота?..

Гоша молча встал из-за стола и ушел в свою комнату. Он был растерян. Спустя почти час душевных терзаний он решил принести матери свои извинения — и впервые застал ее плачущей. Он был шокирован видом ее слез. До этого случая он владел монополией на слезы; ему даже

по телевизору было странно видеть плачущих взрослых. Они ведь такие большие и сильные — какое горе может быть соразмерно их слезам? И неужели это он сам причинил такое горе своей большой и сильной матери?.. Мать плакала, склонившись над цветочными горшками, где пышно цвели любимые ею фиалки-сенполии.

Через пару дней все фиалки порыжели и умерли. Мать вытряхнула их из горшков вместе с землей в мусорное ведро, а горшки и блюдца стойкой сложила под ванной. Наверное, дело было в каких-то купленных на рынке удобрениях, которые она развела не в той пропорции, но Гоше это не пришло в голову. Тогда он почему-то увидел явную связь между слезами матери и гибелью фиалок, и эта связь его ужаснула. Он чувствовал, что своими неосторожными словами вызвал сход какой-то злой лавины, и теперь несчастливые события будут следовать одно за другим.

Действительно, вскоре куда-то подевался из подъезда злосчастный котенок вместе со всеми своими пожитками. Произошло это после того, как Гоша, желая разнообразить его рацион, выставил ему на площадку второе блюдце — с молоком. Блюдце он взял под ванной, из числа тех, которые прежде мать подставляла под цве-

точные горшки. Должно быть, котенка просто забрал кто-то из жильцов, но у Гоши вызрело другое объяснение. Да, просто, как день: слезы его матери были ядовиты, он читал о подобном где-то, правда, то было о драконах или ведьмах, но не суть. Яд погубил фиалки и просочился в блюдце, куда он опрометчиво налил молока, и вот теперь мертв котенок, и ему даже не придется его похоронить. Наверняка, думал он, уборщица просто выбросила трупик в мусоропровод.

Прошло много лет, прежде чем он научился уживаться со своей ипохондрией. Но в детстве, бесконечном и мучительном, как ночь в лихорадке, любой страх, любое неотчетливое подозрение разрастались в его нутре, не сдерживаемые опытом. Беспокойство становилось настолько сильным, что иногда по ночам его рвало прямо на подушку, но объяснить матери он ничего не мог. Для этого пришлось бы изложить ей всю путаную цепь своих мыслей, поделиться всеми логическими ходами и интуитивными озарениями, а это было безнадежно. Он едва справлялся с собственной фантазией, страдая от нее, как от морской болезни, денно и нощно раскачивающей его разум.

И в юности неоднократно случались с ним бес-

сонные ночи в холодном поту, когда по нескольку раз он вскакивал с постели, зажигал свет и придирчиво осматривал свое тело на предмет сыпи, кляня себя за беспечность после случайной связи. Только зрелость понемногу успокоила его, позволив осознать, что самые страшные вещи давно позади.

Но тогда он едва убедил себя не думать об открывшейся тайне, забыть о ней — и забыл почти совершенно. Лишь раз, перед самым разводом родителей, когда ему уже исполнилось тринадцать, непереваренное переживание детства обнаружило себя.

Отец не бывал дома: он ушел в другую семью, и его новая женщина ждала ребенка. Для матери случившееся было шоком. Она вдруг начала курить и совершенно перестала есть. С сыном она почти не разговаривала; изможденная, замкнутая, вечера напролет просиживала у телевизора с выключенным звуком, следя за передвигающимися на экране фигурками с отрешенной сосредоточенностью кошки, наблюдающей за мухой. Иногда Гоша усаживался рядом с ней, так, словно происходящее в телевизоре его тоже занимало, и молча сидел: это была высшая мера его сочувствия и сострадания, и мать об этом до-

гадывалась. Однажды во время таких посиделок она вдруг разрыдалась прямо посреди фильма «Служебный роман», который всегда находила забавным. Рыдая, она склонилась над чашкой с недопитым чаем, которую сжимала обеими руками, и слезы катились в чай. Гоша не знал, куда себя деть, неловкость его обездвижила. Желая погасить истерику, мать хлебнула из чашки, и в этот момент он внезапно подался вперед и выбил чашку из ее рук. Фарфор звонко ударил по зубам; мать вскинула на сына глаза, полные ядовитых слез. Не зная, как объяснить свое поведение, он сказал:

— Я просто не хочу, чтобы ты умирала, — и выбежал прочь.

Неизвестно, как мать в тот день истолковала его поступок, но что-то переменилось в ней. Мало-помалу она снова начала есть и разговаривать — впрочем, не удостаивая этой чести отца. Когда тот позвонил ей и сообщил, что родилась дочь, она просто бросила трубку.

Теперь мать лежала, укрытая до подбородка серой больничной простыней, и вдоль ее тонкого носа катилась слеза, причиняя ему невыносимое беспокойство. Мать, которую он никогда не любил «до дна», больше не узнавала его, и

это не было обидно. Обидно было видеть закат ее несчастливой жизни — так, словно некогда он обещал ей счастье и не сдержал обещание. Смутно помнил, что все-таки обещал; наверное, еще тогда, когда, улыбаясь, таращился на нее из коляски бессмысленными и ясными глазами.

— Я просто не хочу, чтобы ты умирала, — повторил он и, наклонившись, поцеловал ее в щеку, намеренно, так, чтобы ощутить на губах вкус ее слез. Она потянула воздух забитым носом и хрипло произнесла:

— Гоша.

Он облизал губы. Слезы были самые обычные, соленые. Ничего не произошло.

Ничего не произошло, убеждал он себя, выходя из палаты, чувствуя, как немеет нижняя губа и распухает язык.

Когда Макаров проходил мимо кабинета Агнии, она оторвалась было от бумаг, чтобы перекинуться с ним еще парой слов, но он не обратил на нее внимания. Агния заметила, что его рот был приоткрыт и оттуда уже свисала тонкая ниточка слюны; Макаров прикрыл рот платком и вышел из отделения, звонко хлопнув дверью.

На секунду Агния смутилась. Ей даже пришло в голову, что, возможно, каким-то образом Ма-

каровой удалось припрятать выдаваемые ей лекарства и вот теперь ее сын нашел их и съел, но эта мысль показалась Агнии абсурдной. Вернуться к компьютерным забавам в компании интерна Ганушкина ей уже не пришлось: в отделение доставили старушку, найденную на улице. Старушка просидела на бетонном ограждении у продовольственного магазина семь часов кряду и успела обморозить пальцы на руках. Документов при ней не было, адреса и имени она не помнила, противоправных действий не совершала, а потому сотрудники милиции, как положено в таких случаях, привезли ее к Агнии. Определяя неизвестную в ту самую палату, где лежала Макарова, Агния не могла отделаться от ощущения, что где-то эту старуху она уже видела. Высокая, статная, она казалась еще выше ростом из-за прически: пышные седые косы были уложены венцом вокруг головы. Неизвестная покорно следовала за сестрой но коридору; Агнии была знакома эта покорность, ровня покорности, жившей внутри нее самой. Так смиренно отдаются чужой воле люди, уставшие от взрослой необходимости принимать решения. В руках врачей они становятся кроткими, как тряпичные куклы, как ослабевшие щенки, и иногда Агнии, не по-

знавшей материнства, казалось, что ее редкая и печальная нежность к больным сродни материнским чувствам.

Припомнив, что неизвестная действительно уже поступала к ней однажды, лет семь назад, Агния порылась в базе данных. Альбине Михайловне Аникиной, а именно так звали старуху, тогда было шестьдесят восемь, и в тот раз ее тоже привезли милиционеры. Только обстоятельства были совсем другие. Гражданке Аникиной, находящейся в состоянии реактивного психоза, требовалось экспертное заключение: прокуратура расследовала дело, в котором она оказалась замешана.

Долгие годы Альбина готовила себя к смерти Лёки. План действий был у нее давно готов, и Лёку в этот план она не посвящала. Лёка доверилась ей в этом, как привыкла доверяться во всем остальном, и никаких подробностей они не обсуждали.

18 марта 2000 года в городе Новосибирске в 19.34 по местному времени Идущая Вспять зашлась в недолгом и остром младенческом крике. Ее сморщенное личико побагровело, потом посинело; она затихла, и Альбина высвободила палец из ее крошечного холодеющего кулачка. Альбина с

изумлением рассматривала то, что осталось от ее Лёки, от той, с кем она была неразлучна последние сорок лет своей жизни. Рассматривала то, что так умиляет всех молодых мамаш: пяточки, пальчики, складочки под коленями разведенных ножек, слипшиеся темные ресницы, мягчайший завиток на темени, мокрый и нежный изгиб верхней губы. Своих детей у Альбины никогда не было. Она взяла Лёку на руки, прижала к груди и больше часа простояла не шелохнувшись.

Salve, Albina, седые косы — твоя корона. Ave, Albina, радуйся, дева, славься, мадонна с мертвым младенцем под полотенцем, с плачущим сердцем. Огненный путь свой ты одолела, милю за милей, — белой свечою оледенела в ворохе лилий. Словно гвардеец, взявший оружие на караул. Может, младенец просто недужен, просто заснул?.. Осиротела ли, овдовела — нужного слова нет в языке. Все, что любила, все, что имела, — пеплом в руке вмиг обернулось, прахом в горсти. Полно баюкать мертвое тело, брось, отпусти! Но неподвижна, словно колонна, выпрямив спину, плачет старуха, плачет мадонна, плачет Альбина.

Это песня, которую я не спою Альбине. Она омыла Лёку и обрядила в длинную крестильную

рубашку с кружевами, положила в полиэтиленовый пакет и засунула в морозильную камеру. Альбина хотела дождаться теплых дней, когда оттает земля, чтобы похоронить Лёку без посторонней помощи и лишних глаз.

В это время в Москве Матильда отмечала свой двадцать четвертый день рождения. В одиночестве она стояла на мосту и пила из горлышка коньяк «Черный аист» за упокой души своей подруги Лёки Михельсон, а бешеный мартовский ветер трепал ее волосы, окрашенные стойкой краской цвета «сияющий каштан». На съезде с моста в автомобиле сидел Юл. Он сидел там битый час и недоумевал, почему Мати выбрала такой странный способ праздновать двадцатичетырехлетие. Она могла бы устроить вечеринку или пойти в клуб, вместо того чтобы превращать некруглую, в общем, дату в личную трагедию. Юл побарабанил пальцами по приборной доске и пробормотал: «Причуды… За то и любим».

Настал май. Последние заморозки прошли, но Альбина не торопилась с похоронами. Она старалась как можно реже заглядывать в морозилку, и все же ей было спокойнее от мысли, что Лёка рядом. Соседкам по подъезду, интересовавшимся, куда пропала ее внучка, Альбина сказала, что Лё-

ку забрали родители. После праздников, выбрав погожий денек, она оделась так, как обычно одеваются старушки, отправляясь на дачу. Никакой дачи под Новосибирском, понятно, у Альбины не было, но на случай, если кто-нибудь спросит, у нее имелась очередная легенда, в изобретении которых за сорок лет она изрядно поднаторела. Альбина прихватила с собой лопату в матерчатом чехле и сумку на колесах, где лежали тело Лёки, упакованное в большую обувную коробку, и бутыль с керосином — протравить могилу, чтобы не разорили животные. На вокзале она села в восточную электричку и доехала до платформы Барлак. Отойдя от станции на порядочное расстояние, она остановилась в давно присмотренном местечке недалеко от озера, в светлом березовом лесу. Она расчехлила лопату и, помолясь, взялась за работу.

Альбина копала с ожесточенным усердием; уже через полчаса ломота в пояснице заставила ее остановиться. Она была крепкой и статной женщиной, однако ей было шестьдесят восемь лет, и тяжелая сибирская почва поддавалась с трудом. Альбина воткнула лопату в землю и привалилась к березе, чтобы передохнуть. Она раскрыла сумку и достала бутылку с водой. Невдалеке послышал-

ся собачий лай: сквозь молодые папоротники к ней мчался большой охотничий пес. За псом, окликая его, шел бородатый мужчина в очках и спортивном костюме. Пес со всего маху прыгнул на сумку-тележку, отчего та повалилась набок, и мгновенно запустил в нее нос и обе передние лапы. Альбина похолодела, но виду не подала.

— Фу, Гизер, фу! — закричал бородач. Пес радостно высунулся из сумки и завилял хвостом.

— Бутербродики у вас там, наверное, с колбаской? — Хозяин собаки прищурился.

— Они, родимые, — закивала Альбина.

Бородач схватил пса за ошейник и потрепал его между ушами.

— Что это у нас тут? Тетя ямку роет?

— Ну, допустим, роет. — Эта пара начинала Альбину раздражать своим любопытством. — Это что, запрещено?

Бородач хмыкнул и направился к озеру. Гизер последовал за ним.

Альбина наспех закончила работу. Яма получилась не такой глубокой, как ей бы хотелось, но она опасалась возвращения собаковода и потому торопилась. Коробка с останками Лёки была перевязана бечевкой, чтобы не раскрылась в дороге; теперь Альбина сняла бечевку. Она

сдвинула крышку и поцеловала Лёку в лоб. Тело успело оттаять, и картон начал размокать. Альбина опустила коробку в могилу и бросила первую горсть земли, когда громкий лай возвестил о приближении Гизера и его дотошного хозяина. Альбина схватилась за лопату. Бородач подошел почти вплотную.

— Тетя хоронит бутербродики с колбаской?

— Тетя кота хоронит. Иди своей дорогой, добрый человек.

Не обращая внимания на летящие комья земли, пес сиганул в могилу и яростно заработал лапами.

— Фу, Гизер, ко мне! Там кот, он дохлый, он нам не нужен!

И тут хладнокровие покинуло Альбину. Она прыгнула в яму вслед за Гизером и вцепилась в коробку.

— А ну, пошел вон!

Пес зарычал. Альбина зашлась в рыданиях.

— Оленька, Оленька моя, — шептала она, накрывая телом картонный гроб. Необъятное, невыразимое горе сомкнуло над ней свои темные воды, и там, под толщами этих вод, она не видела и не слышала ничего, что творилось вокруг. Необходимость сохранять тайну больше для

нее не существовала. В глубине разверзшегося перед ней одиночества эту тайну не от кого было хранить. Она даже не заметила, как хозяин пса под мышки выволок ее, прижимающую к груди коробку, из могилы. Не заметила, как пополз раскисший картон, прогибаясь под невеликой тяжестью Лёкиного тела, как Гизер схватился зубами за кружевной край крестильной рубашки. И когда человек с бородой забрал с собой сумку с трупом младенца и ушел в поселок за подмогой, предварительно привязав Альбине бечевкой запястья к лодыжкам, она все еще повторяла: «Оленька, Оленька моя».

Тогда, в двухтысячном, Альбину Аникину признали невменяемой, и четыре месяца она провела на лечении у доктора Осецкой. То, что привело ее в клинику на сей раз, было куда как более прозаично: старческое слабоумие.

В то время как на мобильный Матильды пришло сообщение с нового, нью-йоркского номера Юлия, извещавшее ее о том, что с ним все в порядке, Матильда и М. как раз входили в торговый центр «Европейский». За предстоящим ужином они собирались обсудить покупку М. одной из работ Матильды. Поравнявшись с концертной площадкой, Мати на секунду остановилась. Сце-

на была залита алым светом, как заревом пожара. Сверху, из темноты, по канату спускались танцовщики-акробаты: трое мужчин и одна женщина, в трико и шлемах, увенчанных конскими хвостами. Играла оглушительная музыка. Матильда усмехнулась: вот это работенка у парней, кувыркаться по часам перед ярмарочной публикой.

Они поднялись на третий этаж, в фиш-хаус, и хостесс проводила их за столик у окна, откуда открывался вид на площадь Европы. Пока Мати и М. изучали меню, выступление акробатов закончилось. Трое мужчин и одна женщина сели в лифт, идущий наверх. Они совсем не разговаривали между собой; каждый из них вышел на своем этаже. Каждый из членов террористической группы «Всадники Апокалипсиса». Мати заказала теплый салат из осьминогов с картофелем, М. — черную треску. Взрывчатка была заложена в разных местах торгового центра, но все взрывные устройства должны были сработать одновременно, превратив «Европейский» в братскую могилу класса люкс более чем для двух тысяч человек.

Они и сработали.

По всему периметру здания, сверху донизу, стекла вылетели, словно споры гигантского пе-

резрелого гриба. Перекрытия проломились, и все содержимое шестиэтажного комплекса рухнуло в гигантскую воронку, увлекаемое силой земного притяжения. Это было сокрушительное торжество хаоса: в исполинскую дыру улетали части искореженных человеческих тел, россыпи бриллиантов, цветы в кадках, дамские сумочки, терминалы и банкоматы. Обваливались стопки крахмальных салфеток, проносились начищенное столовое серебро, кровавые австралийские бифштексы, детские головы и безобидные парфюмированные бомбочки для ванн. Лились неплохие белые и красные вина, осыпались вешала с кружевным бельем, летели элитная оптика и тонны косметики в нарядных баночках, порхали стаи банкнот, угрюмо свистели унитазы. Жуткий многоголосый стон взметнулся в безмятежные небесные акварели. Бездны потребительского ада гостеприимно разверзлись под «Европейским». А с шестого этажа, с охраняемой платной парковки, падали автомобили, сопровождая падение обиженным воем сигнализаций.

Часть стены, выходившей на площадь Европы, чудом уцелела. На примыкающем к ней крохотном участке пола незыблемо покоился один-единственный столик, за который Матиль-

да уцепилась обеими руками.

На самом деле, официанты просто предложили гостям отсесть от окна. На площади нашли подозрительный сверток и незамедлительно вызвали саперов. Оцепленного участка даже не видно было из той части зала, где Матильда сидела, обливаясь потом и слезами. М. гладил ее по руке и недоумевал, неужели известие о свертке так ее испугало. Но дело было не в свертке. Ледяная свобода одиночества дохнула Матильде в лицо, и в развернувшейся перспективе она представлялась ей летящим по ветру за ее головой белым призрачным вымпелом. «Как случилось, Боже, как случилось, что в моей жизни так мало любви», — спрашивала Матильда. Где-то на другом конце земли, в невозвратном прошлом были Кай и Юлий. Где-то в безымянном хранилище покоился пепел удивительной Лёки Михельсон. Где-то поблизости был Павлик, с годами ушедший в себя так полно, что превратился в подобие глубоководной рыбы. А больше-то и не было никого. Никого из тех мужчин и женщин, что прошли сквозь Матильду, как сквозь прелестное ничто, безболезненно и бесследно.

М. заказал вина. От неловкости он непрерывно шутил. Как все мужчины на свете, он не любил

женских слез, но к этим почему-то почувствовал вкус и не хотел себе в этом признаваться. Ему нравился вид плачущей Матильды — не потому, что она плакала, а потому, что это была Матильда. Принесли вино, и она пила бокал за бокалом, утоляя необъяснимую, звериную жажду, пока ее лицо не загорелось румянцем, а в голове не разлилась горячая пустота. Тогда Мати посмотрела на М. долгим ласковым взглядом и сонно улыбнулась. Эта улыбка прошила М. точно между ключиц; он потянул себя за узел галстука, будто ему не хватало воздуха: поздно. Колючее семечко уже угнездилось в горле, раскрылось надвое, и шипастый, своевольный росток выстрелил наружу, чтобы больше не оставлять его в покое.

После ужина М. пригласил Матильду к себе домой, понимая, что делать этого не надо. Он сказал, что его семья укатила на каникулы в загородный дом, и эта информация тоже была явно излишней. Проклиная руководившую им инерцию, М. покорно принял отказ Матильды и отвез ее в Останкино.

Дома опустошенная, пьяная и несчастная Матильда ничком бросилась на кровать. Она уже сожалела о том, что не поехала с М., малознакомым и самодовольным, но все же живым

человеком из плоти и крови. Она могла бы разговаривать с ним о чем-нибудь несложном, пить кофе, рассматривать картины, а потом до утра яростно и бездумно набивать им свое лоно, силясь заполнить черную алчущую пустоту.

В путешествиях я умираю от голода. У меня довольно денег и времени, чтобы питаться в ресторанах, но страх натолкнуться на языковой барьер лишает меня воли. Промучившись весь день, вечером я воровато опустошаю минибар, запивая водой арахис и крошечные шоколадки. В Москве меня догоняет гастрит; роскошные тряпки из Парижа и Милана болтаются на мне, как на садовом пугале. Ассистентка Игоря с упорной необъяснимой мстительностью бронирует для меня некурящие номера, и мне приходится курить, высунувшись по пояс в окно, чтобы заглушить досаждающий мне аппетит. Видения гастрономических изысков наполняют меня виной. Мне кажется, сочные куски курицы и карри из креветок способны наглухо забить все чакры, отвечающие за прием и передачу информации, все каналы для связи с космосом. Писательская гордыня отрезает меня от возможности наслаждаться едой.

Хочется впихнуть в роман весь окружающий

мир, все его временны́е слои, скатав его в липкий шар, как батончики цветного пластилина. Я динамлю стрелки, отказываюсь от встреч, малодушно отвираюсь: одержимость писаниной превращает меня в осьминога-ампутанта. Это не обязательно та одержимость, когда лупишь по клавишам, как из пулемета строчишь, захлебываясь внезапно открывшейся вербальной течью. Иногда она бывает вовсе бессловесной: можно часами лежать, уставившись в потолок, не в силах размотать очередной виток сюжета, но при этом где-то в лобной доле неугасимо горит огненный глагол долженствования.

Я упиваюсь уединением, бешено раздражаясь от малейшей помехи, но в конце концов замкнутое сознание начинает пожирать само себя. Гордость и удовлетворение от продвигающейся работы неуклонно сходят на нет. Я открываю созданные файлы один за другим, перечитываю — и моя самоуверенность исчерпывается. Сотни килобайт беспомощного текста корчатся и вянут перед моими глазами. Я ненавижу свое мудацкое ремесло, свой перфекционизм и патологическое недоверие к любой критике. Чем дольше я этим занимаюсь, тем очевиднее для меня моя психологическая инвалидность, приобретенное

уродство: так погнавшийся за мышечной массой не в меру старательный культурист не в силах опустить перекачанные руки. Временами я плачу от того, как сильно мне хочется вернуться в сладкую бездну пьянства и безответственности. Матильда, где ты, ау, дочь моя, моя замена! Вместо меня ты предаешься любви и страданию, а я — лишь хладный манекен, натасканный извергать перетруженную фантазию.

Почему так земля твоя холодна, скажи, королева Мод, так пуста она и обширна за бездной полярных вод? И когда мы рассвет встречаем, смеясь и играя друг с другом, купая ноги в росе, — где-то там, за Полярным кругом, не гаснут ночные звезды в твоей ледяной косе. Вышит стежками вьюги белый бескрайний холст. Птицы кроят ли саван из вышитого холста? О, как снежный покров мягок, пушист и толст! О, как баюкает сладко вечная мерзлота! Спи, королева Мод, ведь блажен, как известно, тот, кто, замерзая насмерть, спит и видит цветные сны. Засыпай, не скорби ни о чем, ты же хочешь дождаться весны, хочешь плыть в скорлупе ореховой по прозрачной глади ручья, укрывшись маковым лепестком, прекрасная и ничья. Слышишь смешливых духов лесных, что зовут тебя в

свой хоровод?.. Спит и видит цветные сны, спит королева Мод.

Это песня, которую Павлик не споет Матильде. Сердце Павлика, разбитое инфарктом, таким предсказуемым для его лет и образа жизни, остановилось в первый день новой зимы.

Никогда еще, ни разу за последние двадцать лет ей так сильно не хотелось вернуться на Кубу. Воображаемую Кубу, райский остров ее детства, откуда зарытыми кладами тайно сияли ей свобода, безмятежность и другие чудесные позабытые вещи. Она представляла, как все могло измениться, пока ее там не было, и приходила к выводу, что это были добрые перемены. Теперь она не упустила бы ни единого из тех удовольствий, что были недоступны ей по малолетству. В ее распоряжении были бы взятый напрокат старинный американский автомобиль, мохито и «Куба либре» в высоких стаканах, ночные прогулки, белозубые ребята, душные клубы, а может, и наркотики. Она мечтала как девчонка обо всей этой цветной белиберде из туристских буклетов и находила в этом отдых. Там, на острове, где правит бессмертный Фидель, смерть и на пушечный выстрел не подпускают к берегу. Там все поют и танцуют под музыку бессмертных парией

из Buena Vista Social Club, целуются и резвятся в море, пьют ром и курят сигары. Калейдоскопические миражи, видения жарких оазисов в ледяной антарктической пустыне горя, одиночества и безлюбовья.

Знакомые Матильды не могли не отметить, что после похорон отца она стала вести себя странно. Тем из них, с кем не виделась годами, вдруг звонила с предложением встречи. Старалась не пропускать ни одной вечеринки; с открытия выставки она ехала на презентацию, оттуда — в ночную дискотеку и дальше, на сонные after party в марокканских кальянных. Люди шарахались от нее: что-то в ней, экстравагантно одетой, с лихорадочным блеском в глазах, пугало их. Ее нарочитое бесшабашное веселье, будто пояс шахида, кричало о ее намерениях. От нее ждали утраты самоконтроля, как минимум истерики, ждали, когда же наконец она, накачанная шампанским и кокаином, завертится, как шутиха, в огненном колесе безумия.

Но ничего подобного с нею не происходило. Те, кто поначалу жалел ее, думая, что увеселения — ее способ забыться на короткое время, вскоре переменили о ней свое мнение. В их глазах она стала веселой сиротой, празднующей высвобож-

дение из-под утомительной опеки отца. Это было неприлично — так обмануть всеобщие жалость и сочувствие. Никто больше не предлагал отвезти ее домой из клуба, не ссужал деньгами «без отдачи», не намекал на до сих пор не использованную ею возможность выплакаться на дружеском плече и успокоиться.

Довольствуясь парой часов беспокойного сна, к обеду Матильда выползала из дома на тусклый зимний свет, чувствуя нездоровую бодрость. Ее тело словно лишилось веса. Она хаотически перемещалась по городу, предпочитая людные улицы и шумные магазины. Ей вдруг полюбилось метро: там можно было близко, почти вплотную рассматривать сотни человеческих лиц, пытаясь определить, куда и откуда люди держат путь в это время, воображая в подробностях их повседневную жизнь. Забыть безумного Герострата, пресечь все мысли о Павлике, одним усилием воли испепелять их при малейшей угрозе приближения — вот в чем заключалась ее сверхзадача. Это не смерть была, не похороны — дурацкая репетиция, необходимые учения. Маги вспомнила, что не знала до девяносто пятого года о смерти Сальвадора Дали. Художник прожил лишних шесть лет для нее одной, в то время как

для всего остального мира он был мертв, так почему бы ей не попытаться повторить этот трюк с Павликом? Просто вычеркнуть, вытравить из себя все воспоминания последних двух недель; неужели ей не под силу освободить от них свой разум?.. Ей рисовалась некая взлетная полоса, по которой шагал живой, невредимый Павлик, и полоса эта была расчищена для него ее усилиями. Там, в пределах бесконечной асфальтовой ленты, замкнутой в кольцо Мёбиуса, отсутствовала сама возможность времени, останавливающего всех нас.

А может, наша любовь жива и длится ровно столько, сколько мы сами ей отмерим? Может, моя вина не в том, что я посредством некоего текста подвела черту под казавшейся вечной историей между мной и Йоши? Может, просто не надо было столько лет упрямо хоронить его, жить в постоянном ожидании несчастья, которое так и не произошло?..

Вектор силы, движущей Матильдой, был направлен в прямо противоположную сторону — в сторону отрицания смерти. У нее словно открылось второе дыхание, и теперь она измеряла опытным путем, насколько глубок колодец, откуда прибывала ее сила. Упорствуя в своем

нежелании смириться с отсутствием Павлика в мире живых, она бродила по рождественским базарам в поисках подарков для родителей. Тут у нее была своя тактика: не планировать покупки заранее. Нужно было бездумно рассматривать вещи в витринах, пока какая-нибудь из них сама не призовет тебя, не возопит о своем наличии, не взмолится о милости. Именно так, по наитию, делаются самые лучшие подарки от самого чистого сердца.

Во время одной из таких вылазок Мати и столкнулась с М. в «Охотном ряду».

Без преувеличений, все то время, что М. не видел Матильды, он думал о ней. Он испытывал какую-то неуместную подростковую неловкость, вызванную неудачным завершением их предыдущей встречи. Будь тогда на месте Матильды какая-нибудь — любая — другая женщина, наутро он уже выбросил бы ее из головы. По крайней мере, вплоть до того момента, пока она сама не сделала бы шаг ему навстречу. Что касалось женщин, судьба крайне редко отказывала ему во втором шансе, а уж они сами и подавно. Великолепное безразличие, с которым он уравнивал их всех, было его оружием, до сих пор не дававшим осечек. Но тут ему почудился какой-то сбой. М.

вдруг почувствовал жажду отыграть недавний проигрыш, как игрок за рулеткой. Его даже позабавил этот рецидив юношеского нетерпения, которое становилось тем острее, чем больше ежедневные заботы отвлекали его от мечтаний о Матильде.

Забот хватало, в том числе и о других женщинах — жене и паре недовольных любовниц, каждая из которых претендовала на него целиком. Это была еще одна черта, общая для женского племени: они не желали делиться друг с другом, даже понимая, что М. — слишком крупная добыча для каждой из них. М. нервничал, грубил, на полуслове обрывал телефонные разговоры. Ему хотелось остаться один на один со своими мыслями, примерить наконец личину романтика, грезящего в покое о синих глазах Матильды, найти в этом удовольствие, которое до сих пор он себе запрещал.

В «Охотный ряд» М. заехал, чтобы купить что-нибудь детям. Мальчиков, с рождения щедро осыпаемых подарками, новые игрушки занимали ровно на один вечер, и фантазия М. давно иссякла. Он лениво топтался у прилавков; его томило тоскливое беспокойство. М. зашел в ювелирный салон — просто потому, что дверь была гостеприимно распахнута, — и углубился в мрач-

ное созерцание. Побрякушек он не любил, но их любили женщины, и вот теперь он чувствовал крепнущую связь между собой и женщинами. М. разглядывал украшения, как вор — коллекцию отмычек. В этот момент он, пожалуй, не смог бы ответить на вопрос, которую из своих пассий он хотел бы нейтрализовать больше. Ему приглянулось кольцо с сапфиром, размера пятнадцать с половиной, и он купил его, понимая, что ни Оле, ни Насте, ни Ане оно не будет впору. Он не признался бы и самому себе в том, что имел в виду руку Матильды, которую однажды держал в своей, тонкую и сухую, как птичья лапка. Он хотел бы избавить эту руку от рабских серебряных цепей, приручить при помощи кольца, чтобы рука стала ласкова к нему, брала корм с его ладони.

У выхода М. увидел сквозь стекло глазеющую на витрины Матильду. В ее взгляде не было ни капли мечтательности или сосредоточенной жадности, как бывает у других женщин при виде камней и золота. Только кристальная отрешенность. М. воровато засунул в карман коробочку с кольцом. Кровь ударила ему в лицо. Он гадал, как давно стоит тут Матильда, видела ли она, что именно он покупал, и что она могла подумать. Его широкая улыбка полярного медведя, адресованная

ей, не меняла очевидного: мужчина, расхаживающий по ювелирным магазинам незадолго до Рождества, заклеймен. Это только в английских комедиях недоразумение счастливо разрешается в самом конце. С большим удовольствием он сбежал бы, как школьник, попыхивающий на ходу сигареткой и вдруг повстречавший завуча. Для светской беседы он был слишком смущен. Но Матильда тоже казалась смущенной; М. посчитал это добрым знаком. Он пригласил ее на открытие выставки в свою галерею, Матильда обещала прийти.

В цветном бумажном пакете, зажатом у нее под мышкой, лежал шарф для Павлика — в сине-голубую полоску, в тон глазам; той осенью в Париже носили такие, продев концы в наброшенную на шею петлю. И часы для матери — самый жестокий из известных ей подарков. Она стремилась прочь, на воздух, невмочь было дольше блуждать под землей, разыскивая, чем бы порадовать покойного, пытаясь объять необъятное свое горе, укротить его, утишить, принять в себя. Смятение еще не владело ею, лишь продром, красноглазый призрак, увлекал ее на поверхность. Матильда неслась по улице, крутясь вокруг своей оси, как кленовый «вертолетик»: то и дело останавлива-

лась с поднятой рукой, но дождаться такси было невмоготу, и она бежала дальше. Все внутри нее клокотало слезами, но и плакать она не могла. Ей некуда было бежать, разве только в пустую чужую квартиру, где находились ее вещи и которая была для Матильды скорее камерой хранения, чем домом. Сев наконец в машину, она назвала адрес матери.

Когда Нина открыла дверь, Матильда опрометью, едва скинув обувь, бросилась в комнату Павлика и упала на тахту лицом вниз. Его запах все еще был здесь.

Поразительно, на сколько запах человека может пережить его самого. Был такой особый сорт квартир, он вспомнился сейчас Матильде. Опрятные старушечьи двушки в хрущевках, со стенами, беленными «накатом», плюшевыми скатертями, кружевными салфетками и неизменным портретом Есенина с трубкой над кроватью. Старушки умирали, квартиры доставались внукам. Внуки приводили гостей, вначале робко, потом все смелее, устраивали пирушки для однокурсников, с танцами в затемненной спальне. Мальчики под музыку тискали девочек, кто-то непременно блевал с балкона, Есенин печально ухмылялся, а в воздухе витал неистребимый

бабушкин запах. Этот-то запах и был истинным хозяином квартиры; он пропитывал все вокруг. От него нельзя было избавиться, вымыв полы с хлоркой и выбросив старушечьи наряды, пересыпанные нафталином, избавившись от затхлых запасов в буфете и подшивок старых журналов. Наследники мертвых старух иногда приглашали Матильду выпить чаю тет-а-тет, но разве можно было заниматься любовью на покрытой гобеленом кровати с панцирной сеткой, когда тебя преследовал сладкий, едкий запах засохших конфет, выдохшихся духов и пыльных сухоцветов? Они терпели фиаско, незадачливые любовники. Не из-за запаха, конечно. Просто Матильда их не хотела.

Со смешком она перевернулась на спину и вытянулась, осматривая комнату. Чучела исчезли. Ну разумеется, Нина упаковала их раньше, чем тело Павлика отвезли на кладбище. Свалила в коробки все его инструменты и химикаты, и даже шкурки, борясь со скупостью, — потенциальные шапки и меховые воротники. Мати с грустью подумала, что все равно не взяла бы себе ни одного экспоната. В ее памяти еще был жив великолепный Serpapagosta, и этого было достаточно.

Ранние сумерки сгущались в котле зимы при

постоянном помешивании слабой вьюги. Не зажигая света, Матильда смотрела в окно. Там, за окном, чудилась ей смешная и странная кубинская елка восемьдесят шестого года. Елку соорудили на площади поселка, где жили советские специалисты, из привезенных откуда-то веток, а уже через три дня от жары она вся порыжела и осыпалась. А в тот день, когда проводили утренник для учеников ее класса, Мати решила нарядиться цыганкой. В ход пошли цветастые юбки Нины, которые пришлось подвязывать бечевкой, косынка с люрексом и красная помада. Нина покатывалась со смеху и предлагала проводить ее, но Матильда желала идти одна. Чем ближе она подходила к площади, тем большее смущение испытывала от косых взглядов прохожих; все ее гордость и смелость куда-то улетучились. Кончилось тем, что на праздник она так и не попала, просидела в кустах, полыхая со стыда, с поплывшей на жаре помадой и размазанной фривольной мушкой над губой.

Нина стояла в дверях, не смея войти. Мати едва узнавала ее, блеклую, бесцветную, оплывшую. Тряпичная, нестрашная злая колдунья, не решающаяся перешагнуть порог раскаяния. На похоронах и поминках они так и не обнялись в

знак примирения; общая утрата не объединила их, а развела еще больше. Павлик был их общим множителем, без которого им даже не о чем стало поговорить.

В последнее время Нину начали посещать новые мысли, от которых ей становилось неуютно. Любую рефлексию она старалась откладывать на потом, а вот теперь, похоже, это «потом» наступило. Оказавшись в полном одиночестве, она примерялась к неизбежной догадке: то, чего человек достоин, он получает не после смерти, а уже здесь, в этом мире. Раньше она любила представлять, какой скромной и благочестивой станет ее жизнь в старости. Как будет она, подвязав чистый платочек, отправляться в церковь — замаливать грехи, прощать обидчиков и забивать себе местечко в раю, раз уж пришло время подумать о душе. Как будет она доброй и смешливой, с пучком вербы в стакане, с Богоматерью Семистрельной на стене, как станут внуки любить ее пироги и рассказы о Кубе и Советском Союзе. Что-то не клеилось — может, она еще была недостаточно стара?..

Нина отчаянно нуждалась в союзнике. Ей надо было переманить на свою сторону дочь, привлечь ее, припахать к своим мечтам так, чтобы Ма-

тильда дополнила идеальную картину ее вдовой старости. Иначе откуда возьмутся шаловливые внуки и безобидные бабские сплетни за чаем с вареньем?

От чая Матильда отказалась. Отказалась помочь матери разобрать «семейные архивы» — пачки старых фотографий пополам с газетными вырезками и просроченными квитанциями, годами копившимися на антресолях. Она не могла не заметить появившуюся во взгляде Нины заискивающую беспомощность, но отчего-то ей было не жаль мать. Наоборот, неизвестно откуда поднявшаяся жестокость накатила на нее, как тошнота. Матильда почувствовала, что стоит ей задержаться еще на четверть часа, и тошнота эта хлынет из нее потоком жгучих, обидных, несправедливых слов. Несправедливых потому, что теперь уже не имели значения все эти ежедневные стычки между матерью и Павликом, все ее упреки, все военные действия. Просто Павлик прожил свою жизнь как сумел, прожил, и всё, и она кончилась, и никто не виноват. Превозмогая себя, она протянула руку и погладила мать по волосам.

— Я пойду.

— Зачем приходила-то?

— Соскучилась но папе.

— Так останься, помянем.

— Нет.

Нина встала между Матильдой и входной дверью. Она понимала, что лучше было бы сейчас — вот именно сейчас — отпустить дочь, не заводить разговоров о дороговизне съемного жилья, о болезнях и одиночестве. Это понимание боролось в ней с всегдашним желанием действовать кому-нибудь в ущерб, все равно кому, да хоть самой себе, лишь бы не пускать все на самотек.

— Матюша, останься! — Нина вцепилась в рукав ее пальто и поползла вниз, как оседающее тесто.

Матильду охватила досада. Она попробовала под мышки оттащить Нину от двери, как капризного ребенка, закатившего скандал в супермаркете, но перевес в буквальном смысле был на стороне Нины. Тихонько подвывая, Нина тянула сразу за оба конца шали, накрученной на шею дочери, словно собиралась задушить ее, повиснув всей тяжестью. Быстро ослабев от борьбы, Матильда опустилась на пол рядом с Ниной. Она прижала голову матери к своему плечу, так, словно укачивала младенца: мам, ну не надо, все будет хорошо, ну правда, мам, просто

не сегодня, я не могу сегодня, смотри, что у меня есть для тебя.

Шмыгая носом, Нина открыла коробочку с часами и на время притихла. Мати воспользовалась паузой, чтобы освободиться.

— Я хотела подарить на Новый год, но лучше сейчас. Я, возможно, уеду.

— Куда?

— Не знаю, в путешествие. В теплые страны. Даже, наверное, на Кубу.

Открытие выставки в галерее М. ничем не отличалось от сотен таких же ежесезонных премьер в других галереях. Немного выдохшегося шампанского, журналисты с бородатыми фотографами/операторами, экстравагантно причесанные молодые люди, провожающие друг друга завистливыми взглядами, и сердечно скалящиеся девушки из тусовки. В тот вечер, а пожалуй, признаться, и всегда, Мати была одной из них, приветливо махала ладошкой на камеру, расцеловывалась с людьми, чьих имен не помнила, заученными фразами хвалила работы. С самим М., впрочем, едва поздоровалась: он постоянно был занят беседой с кем-то другим или давал интервью, даже на скверном, но бойком английском. Внезапно увидев в толпе бывшую

однокурсницу, Матильда захотела спрятаться. Нет ничего скучнее, чем пытаться за две минуты пересказать все, что случилось за последние двадцать лет. Интересно, как это могло бы прозвучать в ее устах? По специальности не работала ни дня, замуж не вышла, детей не родила, зарабатываю на жизнь сомнительными поделками, смысл которых неочевиден даже для меня самой?.. Все, чему я выучилась, — это путешествовать и заниматься сексом с теми, кого никогда не полюблю?.. Или просто сказать: Таня, отстань, у меня умер отец, и я не расположена чесать языком?.. Мати шмыгнула за холщовый полог, отделявший от основной экспозиции комнатку-темнушку, где стоял один из объектов.

На высокой, крепко сваренной тележке покоилось что-то вроде большого прямоугольного аквариума, наполненного глицерином. На дне аквариума лежал затонувший город, самый обычный спальный район с однотипными многоэтажными домами. В окнах домов горел желтый электрический свет. Стоило покрутить ручку, напоминающую ручку шарманки, и над городом поднималась метель, как в сувенирном стеклянном шаре, только мрачнее, и гуще, и безысходней. Тихая музыка лилась непонятно откуда, слад-

кая и заунывная, хрипловатые повторяющиеся аккорды. Матильда почувствовала внезапную слабость и опустилась на единственный в комнатке стул.

Неизвестно, сколько она просидела там, не тревожимая ничем, кроме собственной памяти, то и дело подкручивая шарманку. М. нашел ее уже после закрытия, когда все гости разошлись, точнее, его позвала обнаружившая Матильду уборщица. Мати спала, упершись лбом в стекло аквариума, и ни в какую не желала просыпаться. М. поднял ее на руки, отнес в свой кабинет и уложил на угловой диван.

Было уже за полночь, а он все смотрел на нее, сказочную спящую красавицу, прикрывшую ладонью нижнюю часть лица. То ли как кошка в морозный день, то ли как школьница, сказавшая неправду. Ему жаль было будить ее и жаль оставлять одну в кабинете: наверняка она не сможет спать до утра, проснется посреди ночи, испугается, выйдет в зал, заставив сработать сигнализацию. М. занял свободную часть дивана, расположившись головой к голове Матильды, и укрылся пиджаком, как шинелью. В кармане пиджака все еще лежала коробочка с кольцом. Подумав, он вытащил ее, достал кольцо и надел

Матильде на безымянный палец. Кольцо было впору. Матильда завозилась и сжала руку в кулачок. М. подумал еще — и выключил мобильный.

М. представлял, что они лежат на плоту под звездным небом, раскачиваясь на волнах. Нетяжкая дремотная зыбь уже убаюкивала его, когда Матильда вдруг тихонько заскулила, а потом заплакала, все так же не просыпаясь. «Эй, Мод, — спрашивал он, — тебе что-то приснилось? Тебе холодно? Тебе страшно? У тебя что-нибудь болит?..» Она не отвечала, но в горькой высоте ее плача ему отчетливо слышался ответ: «Все сразу, милый, все сразу». Жалость прокусила его сердце крошечными клыками. «Что ж ты плачешь-то все время, маленькая, ты, наверное, не видела счастливой жизни, ну так это еще не повод. Если б ты знала, как все поправимо, вот прямо завтра, прямо сию секунду, если только ты согласна».

Он подполз к Матильде поближе и набросил пиджак на нее. Приобнял для верности за плечи. Поцеловал в обозначившуюся между бровей морщинку. По-прежнему хныча, Мати прижалась пересохшими губами к его лицу. Ему хотелось делать то, что он всегда запрещал себе делать: обещать. Создавать информацию, под которую материя имеет свойство подстраиваться.

Эй, Мод, знаешь, как все будет, первым делом я увезу тебя отсюда куда-нибудь, вот куда пожелаешь, развернем карту, ты ткнешь в нее пальцем… нет, лучше я сам, иначе ты непременно попадешь куда-нибудь в Красноярск или Антарктиду. Будем путешествовать, пока не надоест, будем бездельничать, я умею, я научу тебя наслаждаться праздностью. Будут люксы в отелях, ты любишь, я знаю, все девочки обожают роскошные отели, не могут устоять перед их порочной благопристойностью; там ты под защитой, под охраной, никто не нарушит твою privacy, делай что хочешь, только плати, плати. А мне ведь не трудно, я богат, к чему кокетство, мне ведомы все опасности сытой жизни, я буду твоим лоцманом, я готов испробовать все по новой, просто с тобой за компанию. Пресыщение — вот злейший враг всех земных наслаждений; коснулась ли тебя с возрастом чудовищная девальвация заварных пирожных с белым кремом, посыпанных пестрой размокшей крошкой? Сегодня я раб красоты твоей, а завтра я — ее хозяин, и велю пороть со скуки, но не бойся, этого с нами не произойдет. Для нас все будет как в первый раз — горячее вино, булочки, какао, устрицы во льду, езда на высокой скорости, прохладный джаз, шелка и кашемир,

поцелуи, тончайшие духи, свежие ягоды, поцелуи, а впрочем, устрицы уже были. И потом, потом, да что угодно, будем пускать мыльные пузыри с балкона, воздушных змеев, кораблики в луже, на все хватит времени, времени еще вагон, при теперешней средней продолжительности жизни, тридцать, сорок лет запросто можно не расставаться. Можно дом с кошками, собаками, камином, а приспичит — так и с детьми. А можно мастерскую с огромными окнами, я могу продать твои работы, могу сделать тебя знаменитой, нет, правда, выставки, пресса, только скажи, какое из смертных блаженств ты предпочитаешь остальным. Может, седьмое, так я всегда пожалуйста, кроме шуток, у нас будет секс века, я могу это делать где угодно, даже в самолете, я знаю секрет, там надо один датчик заткнуть авторучкой, и все шито-крыто, тебе смешно — так смейся надо мной, смейся, только не плачь.

Мало-помалу Матильда затихла. Они лежали, прижавшись, и в скрипе веток за окном им чудилась заунывная повторяющаяся мелодия, сопровождаемая метелью, снежными цунами внутри аквариума. Кто-то невидимый, неназываемый без устали крутил ручку шарманки, а

значит, все еще присматривал за ними.

После обхода Агния в задумчивости уединилась в кабинете. Все эти странные старухи, к которым она так привыкла за годы работы в больнице, — сколько им лет? По семьдесят?.. Нам — тридцать пять, еще столько же. Мы молоды, мы так отчаянно молоды, гораздо моложе теперь, чем были в двадцать два. Нам больше не надо никому доказывать свою взрослость, очертя голову бросаться строить карьеру и заключать браки. Что нажили — то нажили и можем быть свободны и беспечны. Мы хотим больше и сильнее, чем хотели когда-то, мы умеем ценить, умеем отпускать, но что-то пошло не так. Что-то пошло не так, и наша жизнь не трогается с места, молодость не ведет нас в сабельный поход, и на кронштадтском льду вершат бессмертные подвиги совсем другие люди. Нас замедляет едва ощутимая инерция, а мир вокруг вращается все быстрее. И вот еще один день, отведенный нами для великих свершений, закончился, а мы и не заметили. И даже зеркало морочит нас знакомыми чертами; мы все еще молоды, особенно вот в этом ракурсе, но что за странная сила моет контуры лица, гнездится в носогубьях и недовольно тянет вниз уголки рта?.. Мы страшно молоды, мы пойдем в клуб с

друзьями младшей сестры, станем веселиться и нить с ними наравне, за полночь, и пригласим на танец парня со смуглой грудью, а потом станем целоваться в туалете и даже поедем к нему домой. Чтобы на рассвете, в ледяном похмелье, какого ему еще долго не отведать, плакать от стыда и такого знакомого чувства подмены.

Зачем, Боже, зачем надо было вслух предаваться всем этим сладким воспоминаниям о Совке, которого он не знал?! Да, мы зверски молоды и с каждым годом любим все сильнее свое недавнее детство и в нем — автоматы с газированной водой, три копейки с сиропом и один стакан на весь квартал — пили, заразы не боялись; замороженные дольки ананасов — никогда не было сил дождаться, пока оттают, от них была страшная оскомина, но ели все равно; комсомольские собрания, брюки-бананы, переносные магнитофоны, талоны на масло, сахар и колбаску. Мы вспоминали бы еще и даже песни пели из кинофильмов, если бы он не напомнил, зачем пришли. И вот теперь уже кажется, была в его движениях, в каждом любовном толчке какая-то презрительная мстительность: получи, старая кляча, ты, поди, и забыла, как это бывает.

Мы же еще так молоды, нам самая пора пришла

освободиться от наших многолетних любовей, в которых мы закоснели и измучились, как в гипсовых корсетах. Разве не поняли мы, насколько мертвы наши возлюбленные, даже те, кто продолжает жить где-то в запредельном далеке от нас? Никто не помнит, никто никогда не узнает, какими мы были друг для друга пятнадцать лет назад, но, может, это и к лучшему. Зачем пытаться измерить кривизну временных искажений — ведь мы наконец-то умеем отпускать. Просто разжимать затекшие ладони и плыть наверх, к свету, не прощаясь и не оглядываясь на наши затонувшие сокровища.

Накопившаяся усталость лишала Агнию воли. Ей хотелось в отпуск, хотелось в Москву, хотя бы на несколько дней. Оказаться наконец-то за тысячи километров от осточертевших лиц, больничных ритуалов, материнских наставлений. Ей вдруг тесен и душен стал город, где ее жизнь не менялась годами. Она представляла себе зловещую тишину широких и пустынных послепраздничных улиц, торжественное и траурное белое московское небо. Настоящее, полновесное утро первого января, дающее испытать всегдашний укол разочарования: как, и это все? Она вдруг почувствовала, как не хватает ей будущего;

каждый новый год щелкал у виска пустым барабаном, а ей нужны были перемены. И пусть в этот раз сестры едят салатики на дежурстве без нее, а больные как хотят, так и водят вокруг елочки свои дурацкие хороводы. Агния потянулась к телефону и набрала десятизначный номер.

— Привет, зайка, я долго болтать не буду. Хочу взять билеты на поезд на двадцать восьмое, в Москве буду тридцатого, ладно?.. Дней на пять. Йоши не будет против, если я остановлюсь у вас?

Обладание невозможно никем и ничем. К чему бы ни стремился человек, что бы ни завоевывал, чего бы ни желал страстно, эта страсть всегда одна и та же. Владеть. Мы хотим обладать знанием, силой, властью, талантом, деньгами, друг другом, хотим иметь семью, любовь, дружескую поддержку. Все равно, получим ли мы желаемое от рождения, заработаем тяжким трудом, дождемся, выклянчим, дотянемся и схватим, догоним и отберем, — мы не сможем владеть этим долго. Жизнь будет вести нас от потери к потере, тыча в каждую носом: обладание невозможно. Здесь, в этом мире, ничто не может быть нашим, кроме нас самих. Наши дети вырастут и покинут нас, наши подвиги забудутся, наши любовные истории закончатся. Есть только один

способ мириться с таким положением вещей: раз и навсегда приучить себя к мысли, что все данное нам — в нашем вре́менном пользовании, и радоваться этому надо сегодня.

Но с тех пор как я была с Игорем, ревность ни на минуту меня не покидала. Даже несмотря на простые и мудрые вещи, открывавшиеся мне в каждом сахарном путешествии, она не ослабляла хватку. Я не упускала ни одной мелочи; ни одна деталь в поведении Игоря, могущая свидетельствовать о его пренебрежении мною, не могла остаться незамеченной. Я никогда не искала ему оправданий, напротив, старалась найти как можно более прямые и жестокие объяснения всему, что между нами происходило. Особенно бесилась я оттого, что он почти не врал мне. Он мог умолчать, не придать значения, обойти в разговоре опасный момент, но, будучи спрошен в лоб, отвечал честно. А за честность мне нечем было его наказать — я не знала таких наказаний.

Ревности было больше, чем любви, ее угли вечно тлели у меня под простынями. Ее избыток компенсировал мне нехватку всех остальных чувств. Ревность покрывала мою благодарность, как бык овцу. Я задавалась вопросом, кому же Игорь адресовал свое вечное утешительное «ну

что ты, киска, я же тебя люблю». И мне казалось, я подменяю собой в его жизни не какую-то конкретную женщину, а собирательный образ, невстреченную возлюбленную. Пытаясь быть счастливым с одной рукой, он без всякого смысла рисковал своим будущим, и это не могло длиться вечно.

— Скоро заканчивается договор аренды. Надо подыскать другую квартиру.

— Займись этим, киска.

— А вдруг тебе не понравится то, что я найду?

— Это уже не имеет значения. Ищи для себя одной.

Игорь выглядел совершенно беспечным. Перспектива утомительного выяснения отношений как будто не тяготила его. Я невольно залюбовалась роскошной, пленительной легкостью, с которой этот человек выбрасывал меня из своей жизни. Истинно королевская манера, которую практически невозможно перенять. Неизвестно, что было в нашем союзе пагубнее для моего самолюбия: недостаток внимания со стороны Игоря или осознание того, что я никогда не смогу себе позволить подобного шикарного жеста. Как бы то ни было, презрение, которое он обнаружил по отношению ко мне и моим чувствам, меня

очаровало.

Я потеряла Игоря, которым никогда не владела; по счастью, это не было долгим и печальным отчуждением, возникающим между людьми в конце их совместного пути. Перемена произошла в нем внезапно, явно и ярко. Он вдруг стал совершенно очевидно заполнен *кем-то другим:* его мысли, его время, его желание стремились мимо меня мощными теллурическими токами к неизвестному, не видимому мне ядру. По сравнению с этой магнетической силой, направившей его жизнь, моя ревность выглядела мелкой; она устыдилась, усохла и уползла. На смену ей явилась зависть, даже не зависть, так, счастливая эмпатия.

За все то время, что мы были вместе, Игорь неоднократно утверждал меня во мнении, что паши с ним представления о любви настолько далеки одно от другого, насколько это вообще возможно представить. Теперь полное приятие им моих больших и малых слабостей и причуд выглядело для меня милостивым царственным равнодушием. Но для появившегося в его жизни *кого-то другого* это приятие должно было стать выражением безусловного стремления к единению. Что ж, мне не трудно было уступить

кому-то другому то, что мне самой никогда не суждено было взять. Лисицы всегда легко прощались с виноградом.

Мы не стали делать вид, будто хотим провести каникулы вместе. Игорь собрался в путешествие — я не потрудилась уточнить, с кем. А мне нужно было встретить Агнию, с которой мне предстоял так долго откладываемый разговор. Эта перспектива уже не пугала меня. В конце концов, с чего я взяла, что какие-то обстоятельства моей личной жизни могут ее расстроить? Может быть, нам обеим удастся еще раз все начать заново — что-то подсказывало мне, что нас ждут большие перемены.

> Ну конечно же, жизнь ни в коем случае нельзя проедать бездумно, как червь проедает дорогу в яблоке, буравясь насквозь через свой маленький душистый земной шар, от полюса к полюсу. Жизнь надо экономить, или нет, экономить время, экономить саму себя для чего-то очень важного. И ни в коем случае не ездить на ночь глядя в опасное туманное Бутово к незнакомым людям и не есть у них лунного сахара, не запивать голубой водой.

Иначе валяться тебе в мягких стенах, текущих пурпуром и бирюзой, шепчущих, раскачивающихся, расслаивающихся на воздух и цвет. Потому что лунный сахар телепортирует тебя прямиком в Бангкок и Паттайю, где расставлены на шатких бамбуковых мостках низкие плошки с живыми огоньками, где женщины похожи на смазанные фотоизображения. Они танцуют, и за тонкими их руками тянутся огненные следы, и черные лепестки дождем слетают с их пальцев. Там вода нежна, там, закрывая глаза, видишь сквозь кожу, как мириады бабочек осыпают твое лицо светлой пыльцой.

Там ждет тебя совершенный триптаминовый собеседник, мастер незаданных вопросов, этакий анимешный Рауль Дьюк, и вот, он втянет тебя в разговор, и в четыре глаза вы будете наблюдать за полосатой синей водолазкой, пытающейся удрать с табуретки. Она то распадается на нити ультрамариновых спагетти, то превращается в томно дышащую морскую губку, шевелящую пористыми гребнями, то принимает вид космического клеща,

аккуратно прибирающего к бокам свои членистые ножки. «А вдруг она уже предала тебя и уходит к новому хозяину?» — «Ну что ты, посмотри на нее, как она может кого-то предать, такая полосатенькая?.. Она моя, я приручила ее». Забавно, и мило, и жутковато, и ни на что не похоже.

Ты будешь лежать в центре цветного ковра, в калейдоскопических узорах, слушать влажные хрипы и странные вздохи, надкусывать смешные груши, пульсирующие соком, купаться в божественной любви и ощущать оргастический трепет во всем теле. Вот в какую пучину погибели, в какой водоворот порока ввергнет тебя лунный сахар. Ты будешь счастлива в этом так непристойно, так на зависть всем копошащимся в тумане в шесть утра — тебя не простят.

Галлюцинации, фотопсия, добровольное безумие, токсический психоз, говорят нормальные люди, отказывающиеся от ночных путешествий на острова своей мечты. Такие путешествия не должны оставаться безнаказанными, пусть будет

распад личности, передозировка, пожар, ОБНОН, дубинки, аспирация рвотных и каловых масс, лагеря и смертная казнь. На путешествия надо зарабатывать в поте лица, долгими месяцами, лететь эконом-классом, фотаться цифровой мыльницей. А иначе рухнет вся мировая экономика, все вавилонское нагромождение пойдет прахом и начнется полный беспредел.

То же самое с другими опасными удовольствиями — неконтролируемый секс, эротические фантазии, бесцельные похмельные объятия с близкими по духу и разуму существами, календарно необоснованные посещения ресторанов небыстрого питания — на них же уходит масса драгоценного времени. У нас, выходящих на улицу к полудню, когда схлынет толпа чуждых, досужих, ящероподобных, с электричеством на языке. Мы умерщвляем дух и портим генофонд, а ведь могли бы, как Гуля Королёва, вставать до зари и точить, точить карандаши, но сначала нож, чтобы ровно, один к одному, а потом в бассейн, прыгать с вышки в холодную воду и совершать прочие подвиги, брать

барьеры и высоты. Но нам, любителям ночных путешествий и алкогольной анестезии, это несвойственно.

Говорят, некоторые, отправившись в путешествие на Луну, не возвращаются больше никогда. Не думаю, что не могут, наверное, просто не хотят. Слишком велик соблазн, заплыв в океан Истинного мира, остаться в нем, оставить его для себя, слиться с его вневременной мудростью. Пребыть в покое, в абсолютном нейтралитете, вне всех дихотомий. Уйти невредимым из кровососущих объятий времени одним невозвратным шагом, так, как принимают монашеский постриг, только обрекая себя не на труды и служение, а на блаженство, какого смертному дано вкусить лишь в утробе матери.

Я вижу время как силу трения, существующую между человеческим существом и окружающей действительностью. Там, где ее не будет, мы станем скользить легко и плавно, не имея границ, как летучий нашатырь. Здесь, где она есть, мы непрерывно боремся с одоле-

вающей нас инерцией, пока не останавливаемся, побежденные. И только тогда — не в награду, в утешение — получаем свою свободу. Между «здесь» и «там» — лишь призрачная ткань реальности, тонкая, в один слой. Если тебе однажды удалось ее повредить, ты не успокоишься, пока не выберешься наружу.

Тридцатого декабря я иду встречать Агнию на Ярославский вокзал. Обычно на следующий после путешествия день я чувствую себя как после бани — хрустальная, слезливая чистота морозного утра, умиротворенное молчание. Мои легкие воистину легки, мои глаза все еще прозревают порядок, мое сердце — огромный рубин, полный живого света. Вот только в последнее время со мною стали все чаще случаться внезапные приступы темноты. Как будто в пути меня нагоняет тень огромной совы. Как будто голова моя скрывается в черной полынье, и на несколько секунд? минут? течение уносит меня под зернистый, пузырчатый лед. Как будто незнакомая боль разрывается в мозгу с ослепительной силой, затмевая все остальные чувства, превосходя мою способность к ощущению боли и, таким

образом, отрицая саму себя. Я не стараюсь превозмочь темноту, я лишь прислушиваюсь к ней, прекрасной и неодолимой, как русалочье пение. Сатанавты ныряют в прибрежный ил, возвращаются с немыслимыми какими-то сокровищами, трепещущими лаковыми черными червями, мягкими иглами, ленивой одурью. Кто-то сильно толкает меня в плечо, и тридцатого декабря я иду встречать Агнию на Ярославский вокзал.

Мы обнимаемся на перроне; из вещей при ней лишь крошечный рюкзачок. Я зову ее обедать в кафе. Она засыпает меня вопросами, а я только улыбаюсь и отмахиваюсь: вот сейчас придем, сядем в тепле, выпьем глинтвейну, и я все тебе расскажу.

Мы не успеваем даже заказать: Агния вдруг делает круглые глаза и толкает меня в бок. В направлении нашего столика движется человек. Высокий, грузноватый блондин, похожий на полярного медведя, в шарфе в сине-голубую полоску — концы шарфа продеты в наброшенную на шею петлю, как нынче носят в Париже. Он подходит, и я встаю, чтобы пожать ему руку.

— Игорь Васильевич Макаров, — говорит Агния, — мы познакомились в Новосибирске.

Мне плохо видно, но за плечом Игоря стоит

женщина. Она делает шаг к свету. У нее узкое красивое лицо и тяжелые серебряные браслеты на обоих запястьях.

Помню ли я, как в одно прекрасное утро зажглась желанием выловить тебя из небытия, поймать буквенным неводом, облечь плотью и позволить тебе действовать по своему разумению? Ну конечно же помню, как я могу забыть, если все в тебе, до крохотной черточки, до последней родинки, до легчайшей диастемы и картавого мягкого «р» — дело рук моих, моего разума. Я узнала бы тебя даже на ощупь, даже просто по запаху. Значит, вот как все получилось, вот кто стал магнитным полюсом для его компаса, вот кто забрал у меня мой чемодан без ручки. Так бери, мне не жалко, здесь все придумано для тебя, дорогая, моя дорогая Мод.

— А это Матильда, моя любимая девушка. — Игорь, любуясь, поворачивается в профиль.

— Очень приятно, — улыбается Агния.

— Мы знакомы, — говорю я.

А Матильда просто кивает и смотрит своими синими — какими же еще — глазами. И я совершенно, абсолютно, ничуть никого ей не напоминаю.

Что ж, ради этого момента все и затевалось.

Уничтожить всех зайцев в округе одним ядерным взрывом. Материя пришла в движение, материя приходит в движение, материя обязательно придет в движение, была бы информация, и сила, и охота ее двигать. Я боялась начать за здравие, а кончить за упокой. Боялась сумбурного, нелогичного, неопределенного конца этой истории, но потом поняла: книги должны обрываться нелепо и неожиданно, как жизнь. Мой роман о Матильде остается недописанным, потому что отныне она будет писать его сама. До финала еще далеко; ее ждут тысячи путей для неостановимого бегства.

Я знаю, что в новогоднюю ночь Агния вскроет пакет, данный ей на прощание Надеждой Макаровой. Там будет стеклянная фигурка кошки и общая школьная фотография, на обороте которой дата: выпуск 1987 г. На фотографии — сама Макарова, окруженная учениками, гладкая башня светлых волос, тонкое усталое лицо. Справа от нее — Йоши, а третий слева в первом ряду — Женя Печерский, оставивший Агнии так мало своих снимков. Но этот снимок — больше не сувенир и не фетиш, а просто ключ сонета; нет смысла хранить его, лучше превратить в несколько секунд живого трепетного пламени, hommage И

nos amours[12].

Я готова: забери меня, Агнеся, светлый и грозный страж границы двух миров. Наверное, моя жизнь стала слишком лунной, слишком сладкой. Разве не этого я желала — взаимопроникновения, смешения вымысла и яви, — выпуская на свободу одного за другим демонов, роящихся внутри меня? Знакомых, родных, огородных, домашних, дымящихся серой, и розовой, и алой? Забавлялась, смешивала, подтирала, подрисовывала, подтасовывала. Вот они окружили, обступили сурово, спрашивают по всей строгости. Автор зарвался, автор заврался, автор закрался в жизнь персонажей с намерением и инструментом, а теперь не может выбраться, подвернул веко и плачет, подвывает, все клетчатое пальтишко в какой-то белой гадости, и ключ от дома упал в решетку водостока. Автор исчезает вместе с реальностью выдуманной истории, вместе с первым лицом, от которого она написана, исчезает, поставив последнюю точку. Вот эту самую.

Завершив труд последних дней своей жизни, Надежда Ивановна Макарова отложила тетрадь в картонном переплете, сцепила на груди паль-

---

[12] notes: 12
Дань уважения нашим любовям *(фр.)*.

цы в замок, прикрыла глаза и как будто уснула. Констатировавший смерть интерн Ганушкин мельком пролистал рукопись. Ничего. Пусто, только страницы пронумерованы карандашом.